

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Научный журнал

№ 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2015**

**Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 7 от 3 июня 2015 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н., д. и. н., проф. (выпускающий редактор)
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., д. и. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Таран Павел Евгеньевич, к. ю. н., к. ф. н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать 27.10.2015. Формат 70x100 1/16
30 усл. п. л. Заказ № НП/1
Отпечатано в издательском отделе КФУ
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
<http://sn-law.cfuv.ru>

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ
УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО**

УДК 341. 342.7

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ИНСТИТУТЕ БЕЖЕНЦЕВ:
СРАВНИТЕЛЬНО – ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИИ И УКРАИНЫ**

Адельсеитова А. Б.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье исследуется юридическая природа понятия «беженец», анализируются некоторые сравнительно - правовые аспекты правового института беженцев в международных актах, практика государств по вопросам беженцев, а также документы специальных международных органов, созданных для защиты прав беженцев: документы Лиги наций, Организации Объединенных Наций, региональные международные соглашения и современное законодательство Российской Федерации и Украины.

Анализируя определения по различным категориям мигрантов в законодательстве государства было выявлено отличие беженцев от других категорий мигрантов. Понятие «беженец» включает в себя как положительные особенности, при наличии которых лицо признается беженцем, так и отрицательные особенности, при которых лицо не может быть признано беженцем или утрачивает статус беженца.

Ключевые слова: беженец, миграция, международные акты, права человека, национальное законодательство.

Одной из актуальных проблем мирового сообщества на современном этапе является массовая миграция. Огромное количество беженцев мигрирующих по миру привлекают внимание всего общества, которое в XXI ст. столкнулось с миграционным кризисом, возникшим по политическим, экономическим, религиозным и другим причинам. Большинство переселенцев, пересекая государственные границы (легально или не легально) прибывают в государства, которые не всегда могут решить сложные вопросы правового статуса таких лиц, вопросы гражданства и обеспечения прав человека. Для разрешения подобного рода вопросов, которые являются проблемой государственного уровня, рассмотрим юридическую природу понятия «беженец». В этом контексте особый интерес представляют некоторые сравнительно-правовые аспекты правового института беженцев в законодательстве РФ и Украины.

В науке конституционного и международного права исследуемая тема неоднократно являлась предметом изучения. Весомый вклад в исследовании проблем правового статуса беженцев внесли такие ученые как Е. Гончаренко, А. Жеребцов, Д. Иванов, Н. Каткова, И. Киселёва, М. Лебедев, В. Радул, Т. Регент, Л. Васильева, В.

Андриенко, Ю. Билуха, М.Буроменский, В. Гринчак, А. Копыленко, О. Малиновская, В. Погорилко, Ю. Годика, О. Фрицкий, С. Чехович, Ю. Шемшученко и др.

Но, несмотря на значительное количество работ в данной области, проблема правового статуса беженца остается актуальной. Впервые мировое сообщество обратило внимание на проблему беженцев и попыталось посредством международных договоренностей создать им определенные гарантии после Первой мировой войны. Беженцы существуют так же давно, как и общество. Во все времена существовали люди, которые спасались от личной опасности бегством, ища себе защиты и убежища, где спокойнее. Первые сведения об убежище, дошедшие до наших дней, содержатся в исторических источниках Древней Греции, Рима, Индии, Вавилона, древнееврейских царств. В период феодальной раздробленности Руси получило распространение предоставление убежища соперникам враждующих государств. Так, на Волыни скрывался претендент на византийский престол, в Венгрии находили защиту волынские князья, а наиболее известным примером было бегство Андрея Курбского от Ивана IV из Москвы в Литву, где ему было предоставлено убежище [1, с. 14].

Определение понятия «беженец» в разные периоды исторического развития общества было различным и зависело от того, на каком уровне развития находился институт прав беженцев. Понятие беженца формировалось на основании международных соглашений и практики государств по вопросам беженцев, а также документов специальных международных органов, созданных для защиты прав беженцев: документов Лиги Наций, Организации Объединенных Наций, региональных международных соглашений. В своем развитии понятие «беженец» прошло путь от узкого, специального понятия к такому, которое имеет универсальный характер.

Еще в начале двадцатого века Первая мировая война и революция 1917 г. в России привели к появлению и перемещению беженцев по всему миру. Под влиянием этих событий в международном праве началось формирование понятия «беженец». Таким термином определялись лица, добровольно покинувшие места своего проживания, занятые врагом, или которые находились под угрозой быть занятыми врагом, или лица, которые были высланы из этих мест по распоряжению гражданских или военных властей [2, с.188].

Впервые в международно-правовых документах понятие «беженец» в отношении определенной группы лиц было сформулировано в мае 1926 году в Женеве на специальной конференции Лиги Наций по российским и армянским беженцам. В соответствии с пунктом 2 Соглашения о выдаче удостоверений личности российским и армянским беженцам, принятым на этой конференции, беженцем считалось любое лицо соответствующего национального и этнического происхождения, которое не пользуется защитой своего правительства и не получило другого гражданства. Принятые в 1928 году Лигой Наций соглашения относительно правового статуса российских и армянских беженцев и Соглашение о распространении на другие категории беженцев мер, используемых в пользу российских и армянских беженцев, содержали аналогичные критерии по определению беженцев [3, с.10,13]. Характерный признак вышеупомянутых определений заключается в том, что они не имели универсального характера, поскольку касались ограниченного круга лиц указанных национальностей и не определяли причин бегства беженцев из стран своего гражданства или постоянного проживания. Аналогичные критерии определения понятия

беженца позже были включены во Временное соглашение о статусе беженцев из Германии 1936 [3, с. 22]. В указанных соглашениях, заключенных под эгидой Лиги Наций, был использован групповой, коллективный подход. Обстоятельства, когда лицо или группа лиц находятся за пределами страны своего происхождения и не пользуются защитой правительства этого государства, а также и защитой других государств, составляли необходимое и достаточное условие для признания такого лица беженцем. Приобретение беженцем гражданства любого государства исключало возможность его международно-правовой защиты: такое лицо не признавалась беженцем. Дальнейшее расширение критериев международно-правового определения понятия беженца было определено в соответствии с политическими противоречиями, которые имели место в Европе в тридцатые годы двадцатого века. В резолюции "Правовой статус апатридов и беженцев", принятой еще в 1936 году на сессии Института международного права, беженец определялся «как индивид, у которого внезапно возникли политические события на территории государства его гражданской принадлежности и он оставил добровольно или принудительно эту территорию» и «который не приобрел новое гражданство и не пользуется дипломатической защитой другого государства» [4, с. 5]. Анализ приведенного определения свидетельствует, что среди причин появления беженцев выделяются политические события на территории государства гражданской принадлежности, которые привели к отсутствию защиты.

Вторая мировая война резко увеличила численность беженцев во всем мире, что повлекло обострение проблемы. После окончания войны стало налаживаться сотрудничество государств по созданию международно-правовой системы защиты беженцев, а также были пересмотрены критерии определения понятия "беженец". Все это нашло свое отражение в принятом в 1946 году Уставе Международной организации по делам беженцев (МОБ), который расширил понятие «беженец», включив в него жертв нацистских и фашистских преследований некоторых лиц еврейской национальности, а также иностранцев, апатридов, ставших жертвами нацистских режимов, так же, как и лиц, признанных беженцами до начала Второй мировой войны по признакам расы, религии, национальности или политических взглядов. Кроме того, беженцами по Уставу МОБ считались лица, которые не желали или не могли воспользоваться защитой своего государства и имели обоснованные опасения считать, что на родине их будут преследовать по вышеуказанным признакам [3, с. 46]. В Уставе МОБ впервые в международно-правовой практике сформулировано понятие беженец с использованием термина «преследования», хотя и без толкования последнего. Новым и важным положением Устава МОБ было также положение, согласно которому на признание лица беженцем не влияет хранение или утрата им своего гражданства в момент получения статуса беженца. В 1950 году был принят Устав Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) [5, с. 82]. В этом документе были обобщены и расширены критерии существующих определений понятия «беженец», содержащихся в ранее принятых документах. Устав УВКБ ООН относит к беженцам "лиц, в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года и в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства или политических взглядов находятся вне страны своей гражданской принадлежности и не могут пользоваться защитой правительства этой страны или не

желают пользоваться такой защитой, или вследствие таких опасений, или причинам, не связанным с соображениями личной выгоды, или, не имея соответствующего гражданства, находясь вне страны своего обычного проживания, не могут или не желают вернуться в нее вследствие таких опасений, или по причинам, не связанным с соображениями личной выгоды». Это определение значительно расширяло круг лиц, которые считались беженцами, так как не связывало их с конкретной национальной или этнической принадлежностью и охватывало как иностранных граждан, так и лиц без гражданства. Дальнейшее развитие понятия «беженец» получило в Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года (далее – Конвенция о статусе беженцев), которая разрабатывалась в 1947 – 1951 годах одновременно с Уставом УВКБ ООН [6, с. 283]. По смыслу Конвенции о статусе беженцев беженцем признается лицо, через обоснованные опасения «стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает воспользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений». Таким образом, Конвенция о статусе беженцев в определение понятия «беженец» включает и дополнительный признак, по которому может преследоваться лицо, – принадлежность к социальной группе. Конвенция о статусе беженцев разрабатывалась для урегулирования положения беженцев, которые стали жертвами Второй мировой войны, и распространялась только на тех лиц, которые стали беженцами в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года. Позже, в 1967 году, был принят Протокол к Конвенции о статусе беженцев, статьей 1 которого установлено, что Конвенция о статусе беженцев распространяется также и на тех лиц, которые стали беженцами в результате более поздних событий, и применяется без каких-либо географических ограничений [6, с. 300].

Конвенция о статусе беженцев от 28.07.1951 г. стала универсальным и основным международным документом, закрепляющим определение понятия "беженец" в международном праве, которое адаптировали в своем национальном законодательстве большинство государств, в том числе РФ (РФ присоединилась к Конвенции и Протоколу 1967 года Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 13 ноября 1992 года) и Украина (Украина ратифицировала конвенцию и Протокол 1967 г. 10.01.2002 г).

Была попытка урегулировать проблему беженцев в рамках СНГ и дать единое определение понятия беженца для всех стран СНГ. В сентябре 1993 года в Москве частью государств-участников СНГ было подписано Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам [7, с.40]. Особенностью определения понятия "беженец" в этом документе является тот факт, что в нем конкретизируется понятие "преследования" и указывается на насилие как одну из форм преследования лица. То есть: в самом определении указывается причина появления беженцев – насилие, как одна из форм преследования. Российская Федерация подписала вышеупомянутое Соглашение, которое было ратифицировано 22 ноября 1994 г., Украина по определенным причинам не являлась стороной указанного соглашения, хотя и до этого уже столкнулась с проблемой беженцев. Ю. Рымаренко в научной статье «Зако-

нодательство Украины о беженцах: проблемы, перспективы, пути оптимизации" отмечает, что после распада Советского Союза в Украину, по разным оценкам, прибыло 624 000 репатриантов, 250000 бывших депортированных и их потомков, 85000 беженцев из Чечни, Абхазии и Приднестровья, почти полтора миллиона иммигрантов, среди которых почти 65 000 незаконных. Около 140 000 человек обратились с просьбой предоставить им статус беженца [15, с. 17]. Прекращение существования Союза ССР привело к тому, что большое число русскоязычных граждан оказались жителями иностранных государств, являвшихся в прошлом союзными республиками. Когда началась массовая вынужденная миграция населения в Российскую Федерацию (всего за 1996 - 2004 гг. в России было официально зарегистрировано более 1,6 млн. вынужденных переселенцев и беженцев) [8]. На сегодняшний день вопрос о вынужденных переселенцах и беженцах в РФ не утрачивает своей актуальности, как и в начале 90-х г. XX века. Законом, регулирующим правовое положение беженцев в Российской Федерации, является Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (в редакции Федерального закона от 22 декабря 2014 г. N 446-ФЗ). Определение понятия "беженец", содержащееся в рассматриваемом Федеральном законе, практически в полном объеме воспроизводит определение Конвенции ООН 1951 года и Протокола 1967 года. Исключение составляет лишь один момент – указание на национальность в ст. 1 Закона в числе признаков, по которым лицо подвергается преследованию. Исходя из п. 1 ст. 1, беженцем признается лицо, подпадающее под следующие основные признаки [9]:

- это лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации, т. е. им может быть как зарубежный гражданин (иностранец), так и лицо, не имеющее определенного гражданства (апатрид);

- находящееся вне страны своей гражданской принадлежности либо вне страны своего прежнего обычного местожительства из-за вполне обоснованных опасений стать жертвой преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений;

- не имеющее возможности или не желающее пользоваться защитой страны своей гражданской принадлежности вследствие имеющихся у данного лица опасений (для иностранного гражданина);

- не имеющее возможности или не желающее вернуться в страну своего прежнего обычного местожительства в результате вышеназванных опасений (для лица, не имеющего определенного гражданства).

В п. 2 данной статьи дается определение субъекта, который может ходатайствовать о признании себя беженцем. Таковыми могут быть лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации, которые по перечисленным выше обстоятельствам (см. п. 1 ст. 1) подали соответствующее заявление. В их число входят иностранные граждане и лица без гражданства (апатриды), которые желают прибыть либо прибывшие на территорию России или уже находящиеся на территории Российской Федерации на законных основаниях.

Законом установлены лица, которые не могут признаваться беженцами:

лицо, в отношении которого имеются серьезные основания предполагать, что оно совершило преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества в определении, данном этим деянием в международных актах,

составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений; которое совершило тяжкое преступление не политического характера вне пределов территории Российской Федерации и до того, как оно было допущено на территорию Российской Федерации, в качестве лица, ходатайствующего о признании беженцем; лицо, которое виновно в совершении деяний, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций; за которым компетентные власти государства, в котором оно проживало, признают права и обязательства, связанные с гражданством этого государства; которое в настоящее время пользуется защитой и (или) помощью других органов или учреждений Организации Объединенных Наций, кроме Верховного Комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Также закон устанавливает основные понятия, порядок признания лица беженцем, их права и обязанности, гарантии и прочие существенные вопросы правового статуса. Российское законодательство определяет понятие «беженца» в соответствии с нормами принятыми в международных документах. Исходя из анализа статей Федерального закона Российской Федерации «О беженцах в Российской Федерации», статус беженца может получить как один человек, так и его родные, в случае, если все они были подвергнуты гонениям на родине по следующим признакам: расовая или национальная принадлежность; принадлежность к социальной группе; политические убеждения; вероисповедание; язык. Отдельные вопросы правового положения статуса беженца определяются в Указах Президента, постановлениях Правительства Российской Федерации. Например, Указ Президента № 978 от 12.07.2012 «О внесении изменений в положение о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища», утвержденный указом Президента Российской Федерации от 21 июля 1997 г. №746, Постановление Правительства РФ от 28 мая 1998 г. № 523 «О свидетельстве о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу [10]», Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 679 «Об утверждении Общего положения о месте временного содержания лиц, ходатайствующих о признании беженцами [11]», Постановление Правительства РФ от 7 октября 1998 г. №1162 «О проездном документе беженца [12]».

Достаточно сложный эволюционный процесс правового института беженцев проходил и в суверенной Украине. Первая попытка дать определение понятия "беженец" в Украине была сделана в Постановлении Кабинета Министров Украины от 8 июля 1992 года № 378 "Об утверждении Временного положения о порядке определения статуса беженцев из Республики Молдова и предоставления им помощи". Статья первая этого положения определяла, что беженцами признаются лица, вынужденно покинувшие место своего постоянного проживания в районе боевых действий в Республике Молдова вследствие угрозы для своей жизни и здоровья и прибывших на территорию Украины для временного пребывания. Это определение охватывало лишь узкую категорию лиц, прибывших из Молдовы, и не распространялось на категории мигрантов из других стран. Такая формулировка понятия "беженец" не учитывала уже существующие в международном праве критерии определения понятия "беженец" и по своей сути была переходной. Универсального понятия беженца этот подзаконный акт не закреплял. При этом положительным в нем было то, что указывалось на временный характер статуса беженцев. Впоследствии выше-

упомянутое Временное положение утратило силу. Закон Украины "О беженцах" в редакции от 24 декабря 1993 определял понятие «беженец» более конкретно: под понятием "беженец" понимается иностранец (иностраный гражданин или лицо без гражданства), который в результате обоснованных опасений стал жертвой преследований по признаку расы, национальности, отношения к религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений и вынужден покинуть территорию государства, гражданином которого он является (или территорию страны своего постоянного проживания), и не может или не желает пользоваться защитой этой страны вследствие указанных опасений и относительно которого в порядке и в условиях, определенных этим Законом, принято решение о предоставлении ему статуса беженца [13]. Законодатель отказался от политической интерпретации беженцев, рассматривая этот институт как правовой, как реализацию абсолютных прав человека. Принятие Закона Украины "О беженцах" вводило в правовое поле Украины законодательное определение понятия "беженец" и дало начало развитию общественных отношений по определению правового статуса беженцев в Украине. Но понятие беженца в первой редакции Закона не в полной мере соответствовало Конвенции о статусе беженцев, поскольку содержало формулировки "вынужден оставить", который не содержит вышеупомянутая Конвенция. Поэтому из-под действия этого определения исключались те лица, которые выехали из страны своего проживания добровольно, а не как беженцы, то есть без обоснованных опасений стать жертвой преследования, но стали такими из-за событий, произошедших в их отсутствие, или в результате собственных действий, совершенных за пределами собственной страны, в связи с чем они отказались вернуться. Такие беженцы получили в международном праве название беженцы "sur place" – беженцы на месте [12, с. 15]. Главное несоответствие первой редакции Закона Украины "О беженцах" Конвенции о статусе беженцев заключалась в том, что беженцами признавались лишь те, кому предоставлен статус беженца в Украине. Во второй редакции Закона Украины "О беженцах" от 21 июня 2001 понятие "беженец" употребляется в таком значении: беженец – лицо, не являющееся гражданином Украины и вследствие вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, национальности, гражданства (подданства), принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться этой защитой вследствие таких опасений, или, не имея гражданства (подданства) и находясь вне страны своего прежнего постоянного проживания, не может или не желает вернуться в нее вследствие указанных опасений [13]. Анализ показывает, что определение понятия беженца, которое содержит последующая редакция Закона Украины "О беженцах", сформулировано юридически конкретнее и в соответствии с определением Конвенции о статусе беженцев. Сравнивая определение понятия беженца в первой и второй редакции Закона Украины "О беженцах" отметим, что во второй редакции закона понятие беженца связывается только с предоставлением лицу такого статуса в Украине. Это принципиально важно, поскольку такое определение распространяет систему защиты и права беженцев, в том числе право не быть высланным в обстановку преследований, и на тех лиц, которые только должны получить статус беженца – соискателей статуса беженца в Украине. Другой особенностью определения является

ся то, что в нем прямо указывается статус беженцев – они не являются гражданами Украины. Из этого определения можно выделить те элементы понятия "беженец", которые, по нашему мнению, являются необходимыми и достаточными для признания лица беженцем в Украине: наличие преследования или опасения (страх) преследования; преследование должно происходить только по указанным в определении признакам: расе, вероисповеданию, национальности или социальной принадлежности, политическим убеждениям, гражданству (причем достаточно преследования только по одному из признаков) отсутствие защиты со стороны государства от таких преследований; проживание за пределами страны происхождения вследствие бегства или нежелания возвращаться на родину. Перечисленные элементы образуют положительные критерии, то есть такие, которым лицо должно удовлетворить, чтобы быть признанным беженцем. Определение понятия беженца содержит также негативные критерии, при которых лицо не может быть признано беженцем или перестает быть беженцем, и исключается из-под действия Конвенции о статусе беженцев и Закона Украины "О беженцах". Эти негативные критерии определены статьей 10 Закона Украины "О беженцах" в соответствии со статьей 1 (С) - (F) Конвенции о статусе беженцев: статус беженца не предоставляется лицу, совершившему преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества и человечности, как они определены в международном праве; совершившее тяжкое преступление не политического характера за пределами Украины до прибытия в Украину с целью получения статуса беженца, если такое деяние отнесено Уголовным кодексом Украины к тяжким преступлениям; виновного в совершении действий, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций, которое до прибытия в Украину было признано беженцем или получило убежище в другой стране; которое до прибытия в Украину с намерением получить статус беженца находилось в третьей безопасной стране (это условие не распространяется на детей, разлученных с семьями, а также на лиц, которые родились или постоянно проживали на территории Украины, а также их потомков (детей, внуков), если в отношении лица установлено, что условия, при которых предоставляется статус беженца, для них отсутствуют.

Закон определяет порядок регулирования общественных отношений в сфере признания лица беженцем, лицом, нуждающимся в дополнительной или временной защите, потери и лишения этого статуса, а также установление правового статуса беженцев и лиц, нуждающихся в дополнительной защите и которым предоставлена временная защита в Украине. В 2012 году в Украине было усовершенствовано законодательство регулирующее статус беженцев с принятием Закона Украины «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите»[14]. Указанный закон регулирует статус не только беженцев, но и лиц, нуждающихся в дополнительной или временной защите. Так, в частности, в соответствии со статьей 1 Закона беженец – это лицо, которое не является гражданином Украины и вследствие обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, национальности, гражданства (подданства), принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться этой защитой вследствие таких опасений, или, не имея гражданства (подданства) и находясь вне страны своего прежнего постоянного

проживания, не может или не желает вернуться в нее вследствие указанных опасений. При анализе этих положений мы не обнаруживаем существенных изменений в понятийном аппарате, лицо, определяемое беженцем, ранее определялось подобным образом и в Законе Украины в редакции от 24.12.1993 № 3818-XI, и в законе в редакции от 21.06.2001 № 2557-III. Законодатель ввел в правовое поле Украины новое понятие – лицо, требующее дополнительной защиты – это лицо, которое не является беженцем в соответствии с Конвенцией о статусе беженцев 1951 года и Протоколом о статусе беженцев 1967 и этого Закона, но нуждается в защите, поскольку такое лицо вынуждено было прибыть в Украину или остаться в Украине из-за угрозы его жизни, безопасности или свободе в стране происхождения, из-за опасений применения к нему смертной казни или исполнения приговора о смертной казни или пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, или общераспространенного насилия в ситуациях международного или внутреннего вооруженного конфликта или систематического нарушения прав человека, которое не может или не желает вернуться в такую страну вследствие указанных опасений.

Лица, нуждающиеся во временной защите, – это иностранцы и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории страны, имеющей общую границу с Украиной, которые массово вынуждены искать защиты в Украине в результате внешней агрессии, иностранной оккупации, гражданской войны, столкновений на этнической основе, природных или техногенных катастроф или других событий, нарушающих общественный порядок в определенной части или на всей территории страны происхождения. В указанном законе определяется, что беженец или лицо, нуждающееся в дополнительной защите или которому предоставлена временная защита, не может быть выслано или принудительно возвращено в страны, где оно может подвергнуться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания или из которых оно может быть выслано или принудительно возвращено в страны, где его жизни или свободе угрожает опасность по признакам вероисповедания, национальности, гражданства (подданства), принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, а также по другим причинам, которые признаются международными договорами или международными организациями, участниками которых является Украина, как и такие, которые не могут быть возвращены в страну происхождения.

Таким образом, следует отметить, приведенные определения по различным категориям мигрантов позволяют четче понять отличие беженцев от других категорий мигрантов: беженец является лицом, преследуемым со стороны государства в собственной стране происхождения, право на жизнь и физическую неприкосновенность которого не гарантируется со стороны государства и нарушается, или может быть возбуждено самим государством. Современное определение понятия беженца, которым пользуются в международном праве и которое адаптировано правовыми системами большинства государств, в том числе РФ и Украиной закреплено в Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года. Нормы стали частью национального законодательства государств. Установлено, что это понятие включает в себя как положительные особенности – те, которым лицо должно соответствовать, чтобы стать беженцем, так и отрицательные особенности, при которых лицо не может быть признано беженцем либо утрачивает статус беженца.

Список литературы

1. Чехович С.Б. Институт права притулку як конституційно-правова гарантія захисту прав людини // Право України. – 2000. - №4.- С.14-16.
2. Международное публичное право / Под ред. К.А.Бекяшева. – М.: Проспект, 1998. – 608 с.
3. Сборник международно-правовых документов и национальных законодательных актов по вопросам беженцев // Сост. Ю.Л.Сарашевский, А.В.Селиванов. - Минск: Тесей, 2000.- 464 с.
4. Кузьменко О.В. Адміністративно-правовий статус біженців в Україні. – Дніпропетровськ: На-ука і освіта, 2001. – 108с.
5. Сборник международных правовых документов, регулирующих вопросы миграции.- М.: Международная организация по миграции, 1994.- 367 с.
6. Конвенция ООН 1951 года о статусе беженцев и Протокол 1967 года о статусе беженцев // Действующее международное право. В 3-х томах / Сост.Ю.М.Колосов и Э.С.Кривчикова. Том 1.-М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1996.- С.283-302.
7. Фисенко И.В. Беженцы и вынужденные переселенцы в содружестве независимых государств: определение понятий // Московский журнал международного права.- 1997.- №4.- С.39-55.
8. Аналитический доклад «Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития» / Под ред. С.Н. Градиrossoго. М., 2005. С. 27.
9. Андриченко Л.В., Белоусова Е.В. Комментарий Федерального закона "О беженцах" - "Юридическая литература", 1998 г С.28
- 10.Собрание законодательства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. N 22 ст. 2475 <<http://www.szrf.ru/doctitle.phtml>>
- 11.Собрание законодательства Российской Федерации от 6 июля 1998 г., N 27, ст. 3196 <<http://www.szrf.ru/doctitle.phtml>>
12. Собрание законодательства Российской Федерации от 12 октября 1998 г., N 41, ст. 5030<<http://www.szrf.ru/doctitle.phtml>>
- 13.Закон України "Про біженців" від 24 грудня 1993 р. // Відомості Верховної Ради України.- 1994.- №16.- Ст.90. <<http://www://zakon.rada.gov.ua>>
14. Закон України «Про біженців та осіб, які потребують додаткового або тимчасового захисту» //(Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2012, № 16, ст.146) Із змінами, внесеними згідно із Законами [№ 1251-VII від 13.05.2014](#), ВВР, 2014, № 27, ст.911 <<http://www://zakon.rada.gov.ua>>
- 15.Ю. Рымаренко. "Законодательство Украины о беженцах: проблемы, перспективы, пути оптимизации"//Український часопис прав людини. Видання Української Правничої Фундації / За ред. В.Свінтова. -К.: Право, 1997. - №1.- 248 с.

Adelseitova A. On the question about legal institution of refugees: comparative-legal aspects of Russian Federation’s and Ukraine’s legislation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 3 – 12.

This article reveals a juridical interpretation of the concept “refugee”, analyzes various comparative-legal aspects of their legal institution in the international acts, practice of different states on refugee’s issues including considering the documents of special international organizations, which were created to protect the rights of refugees: documents of the League of Nations, The United Nations, regional international conventions and modern legislation of Russian Federation and Ukraine.

In the process of analysis the definitions of various categories of migrants it was revealed that refugees differ from other categories of migrants. The concept «refugee» includes as positive features when the person is granted refugee status as negative peculiarity – when the person can’t be a refugee or stops being a refugee.

Keywords: refugee, migration, international acts, human rights, national legislation.

УДК 340.15:347.79

РАЗВИТИЕ НОРМ СТАТУСА СЛУЖАЩИХ СОВЕТСКОГО ТОРГОВОГО ФЛОТА В 1921 – 1928 ГГ.

Гурина Л. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье рассмотрены вопросы касающиеся процесса становления правового статуса служащих советского торгового флота в 1921 – 1928 гг., затрагивая таким образом период между чрезвычайным законодательством гражданской войны и интервенции, с одной стороны, и изданием Кодекса Торгового Мореплавания в 1929 г., с другой. Анализируя нормативно-правовые акты указанного периода автор делает вывод об отсутствии четких путей определения и развития статуса служащих торгового флота у советского законодателя в этот период. В основном были лишь прописаны полномочия капитана и требования к занятию основных должностей на торговом флоте.

Ключевые слова: статус служащих торгового флота, нормы, правовое положение, декреты, положения.

Статус служащих торгового флота в современный период определяется международным, но и внутренним правом каждого государства. В России первым таким комплексным документом стал устав купеческого судоходства. Именно в этом документе были заложены комплексно основные нормы статуса судового экипажа, действовавшие в основном до 1917 г. К сожалению, подробному изучению эта проблема как в дореволюционный период, так и после него, не подвергалась. Среди немногочисленных работ в этом направлении можно упомянуть труды Скворцова А.Ю., Сидорченко В.Ф., Виноградова П.П., Кейлина А.Д., Змерзлого Б.В. [1-6]. Тем не менее, многие вопросы развития правового статуса судового экипажа остаются малоисследованными.

С окончанием основных событий гражданской войны и интервенции, оказавшись в экономической и политической блокаде советское государство остро нуждалось в скорейшем включении в международное экономическое сообщество. Несмотря на революционную романтику первых лет в области регулирования деятельности торгового судоходства приходилось учитывать не только отечественный, но и зарубежный опыт, принимать и подчиняться установленным правилам и требованиям. Потому неудивительно, что в этом вопросе было решено начать с определения главного – кто есть собственно служащие торгового флота, каков их статус и т.д.

11 июня 1921 г. № 126 Известий ВЦИК был опубликован декрет СНК «О морском транспорте». В целях урегулирования морского транспорта в нем устанавливались следующие основные положения. Перевозка морем пассажиров, багажа и грузов возлагалась на Народный Комиссариат Путей Сообщения (далее – НКПС) по

управлению морским транспортом, в ведении которого находился морской торговый флот РСФСР (ст. 1). Те же операции на не национализированных судах следовало производить по правилам, устанавливаемым НКПС (ст. 2).

Можно также указать, что в данном декрете излагались лишь общие постановления по деятельности морского торгового флота, а вот определению же статуса его служащих не было уделено должного внимания. Так, в ст. 17 лишь было указано, что за безбилетный проезд, а равно за неподчинение законным распоряжениям капитана, пассажир мог быть подвергнут властью капитана аресту и по прибытии в ближайший порт удалению с судна.

22 сентября 1921 г. было принято положение «О судовом экипаже морского торгового флота РСФСР». В нем указывалось, что судовой экипаж морского торгового флота составляют: капитан, старшие лица судового экипажа и судовая команда. К старшим лицам судового экипажа были причислены помощники капитана, механики с их помощниками, суперкарго, врачи и заведующий судовой радиотелеграфной станцией. Подчеркивалось, что судовая команда состоит из: а) палубной команды, б) машинной команды и в) всех остальных лиц, служащих на судне (ст. 1).

Статья 2 положения устанавливала, что личный состав судового экипажа комплектуется из членов профессионального объединенного союза транспортных рабочих лицами, отвечающими требованиям морской службы и соответствующими положениям и постановлениям (ст. 2). Таким образом отмечалась возможность частного судовладельца нанять на службу не члена профсоюза транспортных рабочих, а сам профсоюз становился монопольным представителем данной социальной группы.

Важно отметить, что личный состав морского торгового флота находился в ведении Управления Морским Транспортом (мортранов) (ст. 3).

Предполагалось, что служебные права и обязанности лиц судового экипажа и дисциплинарные правила, определяющие их взаимные отношения и порядок жизни на судне, будут определяться «Уставом внутренней службы на судах морского транспорта РСФСР», утверждаемым НКПС по соглашению с ЦК Всероссийского профессионального союза рабочих и служащих ж.д. и водного транспорта. Правила же об учете моряков и о комплектовании личного состава судового экипажа должны были издаваться НКПС по соглашению с ЦК Всероссийского профессионального союза рабочих и служащих железнодорожного и водного транспорта (ст. 4).

На капитана возлагалось управление судном, а также представительство интересов РСФСР, как судовладельца, и представительство интересов судовладельцев. Остальные лица судового экипажа, а также пассажиры и все другие могущие находиться на судне лица обязывались исполнять приказания капитана. Капитан же отвечал за последствия отданного им приказания и обязан был соблюдать международные обычаи (ст. 5).

Капитан получил дисциплинарную власть по отношению ко всем лицам судового экипажа в пределах, установленных «Уставом о внутренней службе на судах морского транспорта РСФСР». В частности, капитан обязан был принимать все необходимые меры к предупреждению дезертирства в заграничном плавании среди лиц судового экипажа согласно особой инструкции, издаваемой НКПС по соглашению с НК по иностранным делам (ст. 6).

В случае неисполнения законных распоряжений капитана со стороны пассажиров или других находящихся на судне лиц, капитан мог принять по отношению к ним все необходимые административные меры, вплоть до личного задержания в особом помещении. В дальнейшем должен был поступать согласно ст. 17 декрета о морском транспорте (ст. 7).

По приходе в иностранный порт, в котором был русский консул, морской агент или другой ответственный представитель НКПС и НК Внешней Торговли РСФСР, капитан обязан был извещать их о приходе и о времени ухода судна и при первой возможности являться к ним для получения инструкций или необходимого содействия, согласно постановлений консульского устава и других подлежащих положений и постановлений (ст. 8).

В случае совершения на судне уголовно-наказуемого деяния, капитан должен был составить в присутствии 2 лиц судового экипажа акт о случившемся. В акте следовало излагать показания свидетелей и все другие сведения, могущие служить к установлению обстоятельств совершенного деяния. Капитан должен был принимать также соответствующие обстоятельствам меры пресечения лицу, совершившему преступление, способов уклониться от ответственности. В русском порту захода это лицо следовало сдавать местным властям, а в случае невозможности задержать его на судне до захода в русский порт, или отправить его в русский порт, капитан должен был уведомлять о случившемся ближайшего русского консула и поступать согласно его указаниям (ст. 9).

В случае смерти какого-либо из находящихся на судне лиц во время плавания, капитан при участии 2 свидетелей и судовых врачей и фельдшера, если такие были, должен был составить акт, в котором означалось время и причина смерти, имя, подданство и последнее постоянное место жительства. К акту присоединялись опись имущества, оставшегося на судне после умершего. В первом порте захода судна, если это русский порт, капитан обязан был заявить о происшедшем случае смерти и передать копии акта и описи, а также и само имущество умершего портовому начальству. В заграничном плавании акт, опись и имущество передавались капитаном русскому консулу в ближайшем порте захода, в котором был русский консул. В случае рождения ребенка во время плавания судна, об этом следовало занести в судовой журнал с указанием имени матери ребенка (ст. 10).

В иностранных водах капитан, в силу своего служебного положения, признавался уполномоченным на заключение с третьими лицами всех сделок, вызываемых нуждами судна, груза и вообще плавания, а также на предъявление исков, относящихся к судну, грузу и провозной плате, и на ответ по таковым искам, поскольку на месте не было особого уполномоченного на эти действия представителя РСФСР. Ограничение полномочий капитана было действительно в отношении третьих лиц, вступивших с ним в сделки, если им при заключении сделки было известно об установлении ограничения (ст. 11).

За убытки, причиненные третьим лицам неправильными действиями и упущениями капитана и других лиц судового экипажа, а также неисполнением и ненадлежащим исполнением сделок, заключенных капитаном для нужд судна или плавания, без специального на то письменного полномочия РСФСР, могли отвечать только судном и грузом. Убытки лиц, имеющих постоянное жительство в пределах РСФСР, и в частности, убытки, понесенные этими лицами вследствие причинения

смерти или повреждения здоровья, возмещались в пределах и порядке, установленных действующими в РСФСР узаконениями (ст. 12).

По сделкам, заключенным капитаном в заграничных водах без специального на то письменного полномочия, с целью спасения груза от морской опасности, или его сбережения и приведения в исправность после морского несчастья, или вынужденной выгрузки в пути, или доставке в порт, собственники отвечали или самим грузом, помещенным на судне, или в пределах стоимости груза (ст. 14).

За ущерб, причиненный РСФСР неисправимыми действиями или упущениями капитана, а также за ущерб, причиненный лицами судового экипажа, если таковой мог быть предотвращен при достаточном надзоре за их действиями, капитан отвечал по правилам об ответственности должностных лиц (ст. 15).

Старшие лица судового экипажа и судовая команда обязаны были подчиняться распоряжениям капитана на судне, в лодках его, в лихтерах и на суше согласно правил «Устава внутренней службы на судах Морского транспорта». За неисполнение своих служебных обязанностей эти лица отвечали по правилам ответственности должностных лиц. (СУ, 67-514) (ст. 16) [7, с. 852-854]. Таким образом данный декрет положил начало определению правового статуса судового экипажа, что правда, в первую очередь сделал это по отношению лишь к капитану судна.

Тем не менее, в этот период ранее принятые узаконения уже выполнялись на местах. Так, к примеру, в Керчи в декабре 1923 г. были выданы мореходные книжки следующим лицам: Романов Я.И. (шkipер); Нагаев Г.И. (штурман дальнего плавания); Нотунов Я.С. (матрос); Минелли Н.М. (штурман дальнего плавания); Погодин П.Ф. (боцман); Петренко О.П. (матрос); Евтушенко Я.Н. (боцман); Чайна Г.С. (матрос); Ломана С.Т. (шkipер); Джанетти С.И. (матрос); Хрони-Яворский (матрос); Дефонс К.С. (машинист); Минучанис В. Н. (моторист); Петренко С.Ф. (машинист); Бурнус Д.Н. (шkipер); Еремин И.М. (машинист); Зиневич С.Н. (кочегар).

Большинство этих документов было выдано на основании документов, выданных в Нерчинске [8, л. 11] Или, скажем, в июле 1924 г. в этом же порту мореходные книжки были выданы 18 чел., в основном матросам и кочегарам. Сами документы выдавались в основном на основании удостоверений от Керченской милиции [8, л. 112] В сентябре 1924 г. – 9 человекам, в основном керчанам (кочегары, боцманы, матросы 1 механик) [8, л. 133]

Также важно отметить, что советское положение о судовом экипаже продолжило последние имперские традиции и также отказалось от вычленения такой должности как «шkipер». В этом случае следует указать, что Термин «шkipер» происходит от голландского «schipper» – корабельщик. В эпоху Петра I шkipером называли владельца или капитана торгового парусного судна (т.е. судна, имевшего не более 5 пушек). В военно-морском флоте России в XVIII в. словом «шkipер» обозначали младший офицерский чин на корабле. Лицо, имеющее это звание, отвечало за порядок и хозяйство на корабле. С 1768 г. в торговом флоте России появились судоводительские звания шkipер дальнего плавания и шkipер каботажного плавания, которые в 1902 г. были заменены на «капитан дальнего плавания» и «капитан каботажного плавания». В настоящее время шkipер – это капитан несамостоятельного судна, а в отдельных странах – капитан парусного или парусно-моторного судна.

Термин «шkipер» и далее используется для обозначения должности капитана и в действующих международных конвенциях, в частности в ст. 2, 3, 6 Конвенции

МОТ о минимальной квалификации капитана и других лиц командного состава торговых судов от 6 октября 1936 г. (вступила в силу 29 марта 1939 г.) [2, с. 8].

Кроме выше упомянутого положения, на местах также делались попытки локального регулирования требований к судоводителям. Так, к примеру, в обязательных постановлениях, действовавших в порту Евпатории (были утверждены Портовым Совещанием 24 апреля 1922 г. (прот. №5) и опубликованных в Бюллетене НКПС №118), раздел XVIII был посвящен судоводителям и механикам на судах, плавающих в пределах портовых вод Евпаторийского торгового порта. В нем, в частности, указывалось, что к управлению паровыми катерами, парусными судами в пределах портовых вод, допускались лица, бывшие прежде боцманами, матросами на военных паровых судах, после испытания их портовым управлением в знании морского дела (п. 122).

На паровых катерах, моторных лодках, в пределах порта, допускались в качестве механиков и машинистов, кроме лиц, имеющих право на управление машинами по общим законоположениям, машинисты и кочегары из военного и торгового флота, в случае признания их портовым управлением достаточно опытными в деле управления соответствующими машинами (п. 123).

К управлению шлюпками, совершающими плавание в пределах порта и предназначенными для перевозки пассажиров, допускались рулевые не моложе 21 года, знающие русский язык и признанные портовым управлением достаточно опытными в деле управления шлюпками при всяких случаях (п. 124).

Шлюпками, отдающимися для катания, могли управлять только лица, получившие письменное разрешение портового управления (п. 125). При этом, все лица, упомянутые в 122, 123, 124 и 125 пунктах, должны были ежегодно выбирать свидетельства в портовом управлении на право управления (п. 126) [9, с. 47].

В отдельных случаях союзные республики на своей территории вносили определенные уточнения в отношении прав лиц судовой команды вообще и капитана в частности. Так, к примеру, в 1928 г. было принято постановление Уполнаркомпути СССР при правительстве УССР и Наркомюста УССР «Правила о порядке принятия мер к временной изоляции хулиганствующих лиц из числа пассажиров или судовой команды».

В виду имевших место на речных товаро-пассажирских и буксирных паро-теплоходах случаев хулиганских поступков со стороны пассажиров и лиц судовой команды, «учиняемых в особенности под влиянием опьянения...», командирам товаро-пассажирских и буксирных паро-теплоходов, плавающих на внутренних водных путях на территории УССР, во время пути следования предоставлялось право подвергать временной изоляции «хулиганствующих лиц» [10, с. 467].

Лишь 2 августа 1924 г. было принято постановление СНК СССР от «О судоводителях морского торгового флота, плавающего под флагом Союза ССР». Им, к занятию судоводительских должностей на судах морского торгового флота, плавающего под флагом СССР, допускались граждане СССР, обладающие дипломами на судоводительские звания морского торгового флота и признанные по врачебному осмотру годными для занятия этих должностей (ст.1).

Судоводительские звания морского торгового флота разделялись на 6 степеней: 1) капитан дальнего плавания с высшим дипломом; 2) капитан дальнего плавания; 3) штурман дальнего плавания; 4) капитан малого плавания; 5) штурман малого

плавания и б) судоводитель маломерного судна (ст. 2). При этом, малым плаванием признавалось плавание:

а) в Белом море с прилегающими к нему водами Северного Ледовитого океана на восток – до меридиана мыса Тонкий (61° восточной долготы) и на запад – в Атлантическом океане – до меридиана Тронгейм;

б) в Балтийском море с его заливами, в Бельтах, в Зунде и Категате до линии Скаген-Линдеснес и через Кильский канал до устья реки Эмс;

в) в Азовском и Черном морях – до Константинополя;

г) в Каспийском море;

д) в морях Тихого океана: в Беринговом море – до Берингова пролива в Охотском море, Татарском проливе и Японском море – до линии Мозампо – Нагасаки (ст. 3).

Дальним же плаванием признавалось всякое плавание за пределы, указанные в предыдущей (3-й) статье (ст. 4).

Судоводителям предоставлялось право:

а) капитану дальнего плавания с высшим дипломом и капитану дальнего плавания – командовать всякими морскими судами;

б) штурману дальнего плавания – командовать морскими судами в малом плавлении, кроме пассажирских судов свыше 1300 рег. тонн полной вместимости и морских ледоколов и ледорезов свыше 1800 инд. сил; занимать должность помощника капитана на всяком судне, за исключением должности старшего помощника капитана в дальнем плавлении на пассажирских судах более 500 рег. тонн полной вместимости;

в) капитану малого плавления – командовать всякими судами в малом плавлении, кроме пассажирских судов свыше 1300 рег. тонн полной вместимости и морских ледоколов и ледорезов свыше 1800 инд. сил; кроме того, ему предоставляется право занимать должность младшего помощника капитана на всех судах как в малом, так и в дальнем плавлении;

г) штурману малого плавления – командовать в малом плавлении паровыми грузовыми судами до 100, парусными и парусно-моторными до 150 регистровых тонн полной вместимости и занимать должность младшего помощника капитана на всех судах как в малом, так и в дальнем плавлении;

д) судоводителю маломерного судна – командовать в малом плавлении паровыми грузовыми судами до 100, парусными и парусно-моторными судами до 150 рег. тонн полной вместимости, а также при недостатке штурманов малого плавления занимать должности третьего помощника капитана на грузовых судах в малом плавлении и младшего помощника капитана на портовых и рейдовых ледоколах и ледорезах, совершающих плавание в ограниченном районе, пределы которого устанавливаются НКПС.

При этом, под выражением «паровое судно» подразумевалось любое судно с механическим двигателем (ст. 5).

К командованию судами, совершающими рейсы местного сообщения, допускались штурманы малого плавления и судоводители маломерного судна. Районы этих местных сообщений и правила плавления в этих районах устанавливались НКПС по соглашению с Народным Комиссариатом по Военным и Морским Делах и публиковались НКПС во всеобщее сведение (ст. 6).

Граждане СССР, не имеющие дипломов на судоводительские звания морского торгового флота, но признанные по медицинскому осмотру годными для занятия соответствующих должностей, могут быть допускаемы начальниками торговых портов к командованию в малом плавании и в местном сообщении судами до 20 рег. тонн полной вместимости (ст. 7).

На каждом морском торговом судне, кроме капитана, должны быть помощники не менее чем в следующем числе:

А) На пассажирских и грузовых паровых судах – как в дальнем, так и в малом плавании – не менее трех помощников, за исключением судов, совершающих рейсы местного сообщения, и паровых судов от 20 до 100 рег. тонн полной вместимости в малом плавании, где должно было быть не менее одного помощника капитана, и судов до 20 рег. тонн включительно, где помощников капитана не требовалось.

Б) На ледоколах и ледорезах – не менее трех помощников, за исключением портовых и рейдовых ледоколов и ледорезов, где должно было быть не менее двух помощников.

В) На парусных и парусно-моторных судах:

в дальнем плавании на судах более 250 рег. тонн полной вместимости – не менее трех помощников, на судах до 250 рег. тонн включительно – не менее двух помощников;

в малом плавании на судах более 150 рег. тонн полной вместимости – не менее двух помощников, на судах от 20 до 150 рег. тонн полной вместимости, а также на всяком судне свыше 20 рег. тонн, совершающем рейсы местного сообщения, – не менее одного помощника. Для судов до 20 (включительно) регистровых тонн полной вместимости помощников капитана не требовалось.

В случаях, когда судно не работало круглые сутки, установленное число помощников капитана могло быть уменьшено на одного с разрешения начальника торгового порта, согласованного с местными органами профсоюза водников (ст. 8).

Для получения диплома на судоводительские звания морского торгового флота требовалось состояние в гражданстве СССР и кроме того:

а) на звание судоводителя маломерного судна и штурмана дальнего или малого плавания: 1) достижение 21 года; 2) сдача испытания в правительственной испытательной комиссии (ст. 12) и 3) выполнение соответствующего плавательного ценза на морских судах (ст. 10);

б) на звание капитана дальнего или малого плавания: 1) получение диплома на звание штурмана соответствующего плавания и 2) выполнение необходимого плавательного ценза на морских судах (ст. 10);

в) на звание капитана дальнего плавания с высшим дипломом: 1) получение диплома на звание капитана дальнего плавания и 2) защита самостоятельной научной работы в особой правительственной комиссии.

Исключения из этих правил для лиц, обладающих специальным военно-морским образованием, устанавливались НКПС по соглашению с Народным Комиссариатом по Военным и Морским Делах (ст. 9).

Для выполнения плавательного ценза требуется:

1) на звание судоводителя только парового или только парусного маломерного судна – 30 месяцев плавания в составе палубной команды на паровых или парусных судах по принадлежности в дальнем или малом плавании; на звание же судоводите-

ля всякого маломерного судна (как парового, так и парусного) – 24 месяца плавания на паровых и 24 месяца на парусных судах, причем как в первом, так и во втором случаях в счет ценза на парусных судах принимались 10 месяцев плавания на рыбачьих парусных лодках, занимающихся промыслом в море;

2) на звание штурмана малого плавания – 24 месяца плавания в составе палубной команды с тем, чтобы не менее 6 месяцев плавания были совершены на парусных судах;

3) на звание капитана малого плавания – 18 месяцев плавания с дипломом штурмана малого плавания в должности помощника капитана;

4) на звание штурмана дальнего плавания – плавание с дипломом штурмана малого плавания в должности помощника капитана в течение 24 месяцев, из которых не менее 6 месяцев в дальнем плавании;

5) на звание капитана дальнего плавания – 24 месяца плавания с дипломом штурмана дальнего плавания в должности помощника капитана, из которых не менее 12 месяцев в дальнем плавании (ст. 10).

Правила исчисления плавательного ценза устанавливались НКПС по соглашению с Народным Комиссариатом по Военным и Морским Делах и центральным комитетом профсоюзом водников и публиковались НКПС (по центральному управлению морского транспорта) во всеобщее сведение (ст. 11).

Состав правительственных испытательных комиссий, порядок производства испытаний на судоводительские звания морского торгового флота, предметы, программы и правила испытаний устанавливались НКПС (по центральному управлению морского транспорта) по соглашению с Наркомпросами союзных республик и с ЦК профсоюза водников (ст. 12).

При этом, лица, получившие судоводительские звания до издания данного положения, приравнивались к лицам, получившим звания судоводителей морского торгового флота в порядке настоящего положения, согласно особому расписанию, издаваемому НКПС (по центральному управлению морского транспорта) (ст. 13) [11].

В этот же день вышло постановление СНК СССР «О судовых механиках морского торгового флота, плавающего под флагом Союза ССР». Им, к занятию должностей судовых механиков на судах морского торгового флота, плавающего под флагом СССР, допускались граждане СССР, обладающие дипломами на звание судовых механиков морского торгового флота и признанные по врачебному осмотру годными для занятия этих должностей.

Звания судовых механиков морского торгового флота СССР разделялись на три разряда: механик 1, 2 и 3 разрядов (ст. 2). При этом, судовым механикам предоставлялось:

а) механикам 1 разряда – самостоятельное управление судовыми главными механизмами на всех судах;

б) механикам 2 разряда – самостоятельное управление судовыми главными механизмами до 1200 инд. сил включительно, кроме пассажирских судов свыше 300 инд. сил в дальнем плавании;

в) механикам 3 разряда – самостоятельное управление судовыми главными механизмами на грузовых судах до 300 инд. сил включительно и на всех судах местного сообщения. При этом, право управления судовыми главными двигателями внут-

ренного сгорания предоставляется судовым механикам 1 и 2 разрядов согласно примечанию к ст. 7, а деление судов, снабженных главными двигателями внутреннего сгорания или иными главными механическими двигателями по силам их двигателей, предоставлялось НКПС (по центральному управлению морского транспорта) (ст. 3).

Граждане СССР, не имеющие дипломов на звание судового механика морского торгового флота, но признанные по врачебному осмотру годными к занятию соответствующих должностей, могли быть допускаемы начальниками соответствующих торговых портов к управлению судовыми механизмами менее 50 инд. сил (ст. 4).

Положением также предусматривалось, что на каждом морском торговом судне СССР, кроме старшего механика, самостоятельно управляющего механизмом (ст. 3), должны были быть помощники в следующем числе:

а) на судах, в том числе ледоколах и ледорезах, свыше 1200 инд. сил – не менее 2 помощников, из которых второй механик (старший помощник) на пассажирских судах в дальнем плавании, а также на ледоколах и ледорезах – с дипломом механика 1 разряда, а на пассажирских судах в малом плавании и на всех грузовых судах – с дипломом не ниже судового механика 2 разряда;

б) на судах от 300 до 1200 инд. сил включительно как в дальнем, так и в малом плавании – не менее 2 помощников, из которых второй механик (старший помощник) на грузовых судах в дальнем плавании и пассажирских судах в дальнем и малом плавании, а также на всех ледоколах и ледорезах – с дипломом не ниже судового механика 2 разряда, а на грузовых судах в малом плавании – с дипломом не ниже судового механика 3 разряда;

в) на судах от 50 до 300 инд. сил включительно, а равно на судах местного сообщения не менее 1 помощника с дипломом не ниже судового механика 3 разряда. При этом, на пассажирских судах в 1200 и более инд. сил должно было быть не менее 3 помощников старшего механика; на судах, где полагалось 3 механика, третий механик (2 помощник) мог быть с дипломом судового механика 3 разряда, а на судах, где полагалось более 3 механиков, на занятие должности 4 механика и остальных допускались судовые машинисты (ст. 5).

Для получения диплома на звание судового механика морского торгового флота требовалось: 1) состояние в гражданстве СССР; 2) достижение 21 года; 3) сдача соответствующего испытания в правительственной испытательной комиссии (ст. 9) и 4) выполнение необходимого практического ценза (ст. 7). Исключения из этого правила для лиц, обладающих специальным военно-морским техническим образованием или высшим техническим образованием, устанавливались НКПС (по центральному управлению морского транспорта) по соглашению с Народным Комиссариатом по Военным и Морским Делах и Наркомпросами союзных республик по принадлежности (ст. 6).

Для выполнения практического ценза требовалось:

а) на звание судового механика 3 разряда – 24 месяца работы на машиностроительных заводах или механических мастерских, из которых не менее 6 месяцев по ремонту двигателей внутреннего сгорания. Сверх 24 месяцев работы на заводах или в мастерских требовалось 12 месяцев плавания на морских судах с механическими двигателями, с исполнением обязанностей по уходу за судовыми механизмами, или 6 месяцев работы на морских и, кроме того, 9 месяцев работы на речных и озерных

судах с механическими двигателями свыше 500 инд. сил. Из общего числа месяцев плавательного ценза необходимо было иметь не менее 3 месяцев плавания на морских или речных судах с главным двигателем внутреннего сгорания;

б) на звание судового механика 2 разряда – 24 месяца плавания с дипломом механика 3 разряда в должности механика на морских судах с механическими двигателями, причем не менее 12 месяцев на морских судах свыше 300 инд. сил;

в) на звание судового механика 1 разряда: 24 месяца плавания с дипломом механика 2 разряда в должности механика на морских судах с главными механическими двигателями, причем не менее 12 месяцев на судах свыше 1200 инд. сил.

Для получения при повышении в разряде права на управление как паровыми главными механизмами, так и главными двигателями внутреннего сгорания требовалось взамен указанных в п. п. «б» и «в» 24 месяца – 30 месяцев плавания, из которых не менее 6 месяцев при соответствующих механизмах (ст. 7).

Правила исчисления практического ценза устанавливались НКПС (по центральному управлению морского транспорта) по соглашению с Народным Комиссариатом по Военным и Морским Делах и ЦК профсоюза водников и публиковались НКПС во всеобщее сведение (ст. 8).

Порядок производства испытаний на звание судовых механиков морского торгового флота, состав правительственных испытательных комиссий, предметы, программы и правила испытаний устанавливались НКПС (по центральному управлению морского транспорта) по соглашению с наркомпросами союзных республик и с ЦК профсоюза водников (ст. 9).

Лица, получившие звание судовых механиков до издания настоящего положения, приравнивались к лицам, получившим звание судовых механиков морского торгового флота в порядке данного положения согласно особому расписанию, издаваемому НКПС (по центральному управлению морского транспорта) (ст. 10) [11].

Таким образом, двумя положениями были установлены основные правила для получения званий капитанов, штурманов и механиков торгового флота СССР. Что касается прочих должностей на судах торгового флота, то законодатель обращался к регулированию этого вопроса лишь по мере необходимости.

Важным шагом в деле становления статуса и правового положения служащих торгового флота, а также для обеспечения безопасности плавания для всех судов независимо от флага, отходящих из портов СССР, стало принятие СНК СССР постановления от 24 марта 1926 г. «О минимуме состава судового экипажа морских торговых судов».

Им, всякое паротеплоходное, парусно-моторное и парусно-морское торговое судно независимо от флага при отплытии из порта СССР обязано было иметь на своем борту судовой экипаж в составе, обеспечивающем благополучное плавание (ст. 1). 2. В случае отсутствия на судне по каким-либо причинам нормального состава экипажа начальник торгового порта мог разрешить отход судна из порта лишь при условии наличия минимума судового экипажа, который обеспечивал бы двухсменную вахту по обслуживанию главных судовых потребностей (ст. 2).

При этом, минимумом судового экипажа на паротеплоходе, обеспечивающем двухсменную вахту (ст. 2), признавался следующий состав экипажа: капитан, 2 помощника капитана, боцман, 2 матроса I класса (рулевых), 2 механика, 1 машинист и по 2 кочегара на каждый котел. На судне с жидким топливом кочегаров должно бы-

ло быть 2 независимо от числа котлов. В тех случаях, когда для перехода судна требовалось менее суток, установленный ст. 3 минимум командного состава мог быть уменьшен на одного помощника капитана и одного машиниста (ст. 3).

Минимумом судового экипажа на парусных и парусно-моторных судах признавался такой состав, который обеспечивал бы в открытом море двухсменную вахту командного состава и одну морскую вахту судовой команды, причем на парусно-моторных судах, кроме того, должен был быть один моторист.

Примечание. В тех случаях, когда для перехода судна потребуется менее суток, установленный ст. 4 минимум командного состава мог быть уменьшен на одного помощника капитана (ст. 4). Также указывалось, что весь означенный в ст. ст. 3 и 4 экипаж должен быть соответствующей квалификации (ст. 5) [12, л. 102].

В завершение рассмотрения данной проблематики, безусловно, следует упомянуть приказ народного комиссара путей сообщения от 26 февраля 1929 г. «О повышении в правах дипломированных судовых механиков и механиков практиков (со свидетельствами) морского торгового флота».

Учитывая долголетнюю службу по управлению и уходу за главными машинами судов морского торгового флота, плавающих под флагом СССР, за лицами, не имеющими соответствующей теоретической подготовки, предлагалось ЦУМОРТрану с 1 февраля 1929 г. повысить в правах указанных лиц при наличии нижеследующих условий:

Во-первых, лиц, получивших дипломы на звание судового механика 3 разряда в порядке закона 1903 и 1909 гг., уравнять в правах по управлению главными судовыми машинами к судовым механикам 11 разряда, если эти лица совершили по 2 августа 1924 г. плавание в количестве 24 месяцев в должности старшего механика на судах морского торгового флота с мощностью главной машины от 50 до 200 ИНР и 24 месяца в должности не ниже 3 механика на судах с мощностью главной машины от 200 ИНР и выше или же все 48 месяцев плавания на судах с мощностью главной машины от 200 ИНР и выше в должности не ниже 3-го механика.

Во-вторых, лиц, совершивших до 2 августа 1924 г. плавание: а) со свидетельством механика-практика 3 разряда в должности старшего механика на судах морского торгового флота с мощностью главной машины от 50 до 200 ИНР и в количестве 24 месяцев и 36 месяцев в должности 3-го механика на судах с мощностью главной машины от 200 ИНР и выше или же в общей сложности 60 месяцев в должностях 2-го и 3-го механика на судах с мощностью главной машины от 300 ИНР и выше, – приравнять в правах по управлению главными судовыми машинами к лицам, получившим свидетельства механиков-практиков 2-го разряда,

б) со свидетельством механика-практика 2-го разряда в должности старшего механика на судах морского торгового флота с мощностью главной машины от 200 до 1000 ИНР в количестве 24 месяцев и 36 месяцев в должности не ниже 3-го механика на судах с мощностью главной машины свыше 1000 ИНР и выше, – приравнять в правах по управлению главными судовыми машинами к лицам, получившим свидетельства механиков-практиков 1 разряда.

В-третьих, ценз плавания, предусмотренный пп. 1 и 2 настоящего приказа, обязательно должен был быть заверен Управлением морского торгового флота с приложением печати.

В-четвертых, лицам, удовлетворяющим требованиям пп. 1 и 2 (пп. «а» и «б») настоящего приказа, ЦУМОРу следовало: а) в первом случае ранее выданные дипломы заменить новыми на то же звание с припиской в тексте диплома о праве данного лица управлять главными судовыми машинами 2-го разряда; б) во втором случае ранее выданные свидетельства механиков-практиков соответственно заменить свидетельствами установленного образца на право управления главными судовыми машинами [13, л. 29].

При этом следует указать, что несколько ранее, 8 февраля 1929 г. был издан приказ Центрального Управления морского Транспорта НКПС «Об обмене дипломов на звание судоводителей и судовых механиков старого образца, выданных Отделом Торгового Мореплавания быв. Министерства Торговли и Промышленности на диплом установленной НКПС формы», через портовые управления [13, л. 33].

Во исполнение его, к примеру, ялтинским торговым портом было выдано удостоверение, за подписью замначпорта Соколова, гр. Лебедеву Михаилу Алексеевичу в том, что его диплом на звание штурмана дальнего плавания за №2631, выданный Отделом Торгового мореплавания М.Т. и Пром. от 4 февраля 1911 г., отправлен в Центральное управление Морского Траспорта для обмена на диплом, установленной формы НКПС [13, л. 5].

Кроме того, следует упомянуть и о том, что несмотря на постановление СНК СССР о судоводителях морского торгового флота от 22 августа 1924 г. и приказ НКПС о комплектовании судов морского торгового флота, плавающих под флагом СССР судоводительским составом от 25 сентября 1924 г. №1925, не все суда были укомплектованы как надо. Таковым, к примеру, был пароход «Роза Люксембург» Доно-Кубанского Госречпароходства. Выполнение приказа №1925 было возложено на начальников портов, т.е. на них возлагался строгий контроль за комплектом и при необходимости задержка судна до укомплектования [12, л. 85].

Таким образом, важнейшими нормативными актами, установившими основные нормы в отношении экипажей торговых судов, были декрет СНК «О морском транспорте» от 11 июня 1921 г.; положение «О судовом экипаже морского торгового флота РСФСР» от 22 сентября 1921 г.; постановление СНК СССР от «О судоводителях морского торгового флота, плавающего под флагом Союза ССР» от 2 августа 1924 г.; постановление СНК СССР от 24 марта 1926 г. «О минимуме состава судового экипажа морских торговых судов». Также в этот период начался процесс обмена дипломов судоводителей на дипломы советского образца и были приняты отдельные локальные акты регулирующие вопросы деятельности и статуса членов экипажей судов торгового флота.

Список литературы:

1. Скворцов А. Ю.. Правовой статус капитана в международном плавании: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
2. Сидорченко В.Ф. Капитан морского судна. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 307 с.
3. Виноградов П.П., Кейлин А.Д., Под ред.: Солодилов А.П.: Морское право. – М.: Издательство Водный транспорт, 1939. – 248 с.
4. Александр Кейлин. Советское морское право. –Из-во: Водтрансиздат. – 1954 г.
5. Внешнеторговый транспорт. Под общей ред. А. Д. Кейлина. – М.-Л., Международная книга, 1938. – 347 с.

6. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б.В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М., 1944. – с. 1198.
8. Государственный Архив Республики Крым (ГАРК). Ф. р-1584, оп. 2, д. 121. Списки командного состава Керч. Торгового порта. Переписка. Циркуляры. 5.01.1924-9.12.1924. 162 л.
9. Отчет о деятельности Евпаторийского Морского Порта за 1922 – 1923 бюджетный год. – Евпатория, Крымполиграфтрест, 1924. – 47 с.
10. Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду Країни за 1928 рік. – №14 – С. 67 – 468.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1924 г.
12. ГАРК, ф. р-1584, оп. 2, д. 190. Распоряжения и переписка, касающиеся отпуска судов в плавание, выдачи навигационных документов на суда. 2.01.1926-12.1926. 221 л.
13. ГАРК, Р-1599, оп. Л., д. 63. Заявления, удостоверения и переписка с ЦУМОРОм о замене дипломов на звание судостроителей и судовых механиков старого образца, выданных Отделом торгового мореплавания быв. Министерства торговли и промышленности на дипломы установленной формы НКПС. 23.01.1929-5.11.1929 г. 42 л.

Gurina L. Development of standards the status of employees of the Soviet merchant navy in 1921 - 1928 years // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 13 – 25.

In the article questions are considered touching a process becoming of legal status of office workers of soviet mercantile fleet in 1921 - 1928, affecting thus a period between the emergency legislation of civil war and интревенции, from one side, and by edition of Code of Trade Seagoing in 1929, with other. Analysing the normatively-legal acts of указанног period an author draws conclusion about absence of clear ways of determination and development of status of office workers of mercantile fleet for a soviet legislator in this period. Mainly plenary powers of captain and requirements were only prescribed to employment of basic positions on a mercantile fleet.

Keywords: status of office workers of mercantile fleet, norm, legal position, decrees, positions.

УДК 340.13

ДЕЛЕНИЕ НОРМ ПРАВА НА ПРАВИЛА И ПРИНЦИПЫ В УЧЕНИИ Р. АЛЕКСИ

Енилеева А.Э.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье рассматривается деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алекси о конституционных правах. Рассматриваются основные критерии деления норм права на правила и принципы, принятые в зарубежной юриспруденции. Выделяются преимущества и отличительные черты формально-юридического критерия, предлагаемого Р. Алекси. Анализируется определение понятий правило и принцип, определяется значение и роль такого разграничения в учении Р. Алекси о конституционных правах. Устанавливается, что в "Теории конституционных прав" Р. Алекси деление норм права на правила и принципы имеет значение методологического инструмента, позволяющего разграничить правовые нормы в зависимости от способа их реализации – юридической квалификации (subsumption) или балансирования (balancing). Опора на данную классификацию позволяет Р. Алекси последовательно обосновать способы применения конституционных норм о фундаментальных правах человека и решить вопрос о допустимости применения к ним теста на пропорциональность в зависимости от определения вида правовой нормы.

Ключевые слова: норма права, правило, принцип, юридическая квалификация, балансирование, тест на пропорциональность.

Обсуждение различия между правилами и принципами на протяжении ряда лет находится в центре теоретико-правовых дискуссий и, благодаря данным дискуссиям, все чаще воспринимается как универсальная классификация норм права. Дискуссионность данной классификации обусловлена различными подходами к выделению основания деления норм права на правила и принципы и различными, а иногда – противоположными, выводами относительно значения такого деления для юридической теории и практики. Именно простота и высокий уровень абстрактности этой классификации обуславливают ее привлекательность. В соответствии с ней, большинство норм права могут быть поделены на два вида: правила и принципы. *Правила* – это нормы права, которые содержат конкретные предписания, а *принципы* – устанавливают наиболее общие и фундаментальные основы, ценности и права, которые "сдерживают" или "направляют" публичную власть [1, р. 131].

Целью статьи является рассмотрение деления норм права на правила и принципы, а также основания этого деления, в учении Р. Алекси о конституционных правах.

Фундаментальная работа "Теория конституционных прав" была впервые опубликована в 1985 году в Германии, затем она была переведена на испанский язык в 1993, на английский язык в 2002, на португальский в 2008 и на польский в 2010 году [2, р. 7]. Также ряд работ, связанных с делением норм права на правила и принципы Р. Алекси были переведены на русский язык. Эти многочисленные переводы определили влияние работ Р. Алекси на юридическое сообщество. Во многом

благодаря ему деление норм права на правила и принципы стало обсуждаемым и приобрело ведущее значение.

Вопрос о классификации норм права является принципиальным поскольку он должен дать основание для формулирования общего понятия нормы права. Поэтому данному вопросу уделяется значительное внимание в юридической науке.

Существует множество вариантов деления правовых норм на виды, большинство из которых носит, главным образом, теоретический характер. Деление норм права на правила и принципы не традиционно, но является близким по смыслу некоторым наиболее обобщенным классификациям, принятым в постсоветской юриспруденции. Так, "по характеру влияния на общественные отношения" Петришин О.В., Погребняк С.П. делят нормы права на классические и специализированные, где первые – это типичные нормы-правила поведения, направленные на непосредственное регулирование общественных отношений, а вторые – нетипичные нормы, не направленные на непосредственное регулирование отношений [3, с. 170-171]. Предлагаемые авторами понятия классических и специализированных норм права по объему совпадает с понятиями правил и принципов в классификации Р. Алекси. Также можно усмотреть аналогию с классификацией Р. Алекси в предлагаемом Алексеевым С.С., Переваловым В.Д. подразделении норм права на регулятивные (нормы-правила поведения) и учредительные (нормы-принципы) [4, с. 163], на основании критерия социального значения и роли в правовой системе. В европейской и американской юридической науке деление норм права на правила и принципы является более традиционным, однако у разных авторов можно выделить различные подходы к определению критерия, по которому эти два вида норм отличаются друг от друга.

Так, распространенным является мнение, что критерием разграничения правил и принципов служит *степень абстрактности* правовой нормы (Дж. Раз, Дж. Кристи, А. Симониус, М. ван Хук). Известно, что фундаментальные нормы конституции часто выражены с большой степенью абстрактности с использованием неопределенных терминов, например, "добросовестность", "правовая безопасность", "честный суд", "свобода" [5, р. 216], что позволяет определить их как принципы согласно данному критерию. Однако практика рассмотрения дел в конституционных судах демонстрирует, что невозможно провести четкую линию разграничения между тем, что может считаться достаточно конкретным, чтобы считаться правилом, и быть достаточно общим, чтобы быть принципом. Таким образом, "степень абстрактности" вряд ли может служить надежным критерием разграничения правил и принципов.

На фоне общепринятых мнений своей простотой и критичностью, делающей его дискуссионным, в отношении данного деления отличается позиция Р. Дворкина. Он определяет основание различия принципов и правил в свойстве принципов быть *политическими ценностями*, или ориентирами, которые более или менее весомы и важны в сравнении с другими предписаниями. Р. Дворкин характеризует принцип как "общий политический ориентир, при формулировке которого не указывается, какой он должен иметь вес и в какой мере допустим компромисс в отношении его и других политических ориентиров" [6, с. 50]. Судья рассматривает вопрос о конкуренции противоречащих друг другу принципов путем их "взвешивания" и определении более весомого принципа в конкретном деле, в то время как в отношении

правил такое "взвешивание" недопустимо: правила применяются по формуле "все, или ничего".

Не удивительно, что в этом многочисленном спектре мнений позиция Р. Алекси стала играть определяющую роль, поскольку она, с одной стороны, уходит от чисто теоретического рассмотрения различия между правилами и принципами, с другой стороны, не ограничивает это различие неопределенностью в практике конституционных судов и стремится к формально-юридическому определению признаков этих двух групп правовых норм. По мнению Р. Алекси, разграничение правил и принципов это не вопрос абстрактности или способности правовой нормы служить в качестве политической ценности, поскольку решение вопроса об определении вида нормы права связан с нахождением формально-юридического свойства (ориг. – *quality*) правил и принципов.

Каждая правовая норма является или правилом, или принципом "в зависимости от того, содержит ли норма права *фиксированный объем* фактически и юридически возможного поведения, или лишь требует того, чтобы все субъекты права стремились к *максимально возможному объему* ее реализации" [7, р. 47 – 48]. С помощью данного критерия, по мнению Р. Алекси, правила и принципы можно строго и безошибочно разграничить.

Основываясь на данном критерии, **правила** – это такие нормы права, которые при наличии обстоятельств, установленных ее гипотезой, предусматривают наступление определенного (конкретного) правового последствия, "то есть при выполнении определенных предпосылок с достаточной степенью определенности что-то требуют, запрещают, разрешают или наделяют какими-либо полномочиями" [8, с. 88 – 89].

Существенным признаком правила является наличие *фиксированного* объема возможного поведения субъекта права в рамках конкретных правоотношений. Это означает, что следует выполнить не более, и не менее, чем данным правилом предписано. Благодаря своему свойству, применение правил обычно не представляет трудностей в юридической практике. Однако, исключением является ситуация, в которой два правила разного содержания регулируют одно и то же фактическое отношение, что признается фактом несогласованности в правовой системе, или юридической коллизией. Такую несогласованность Р. Алекси допускает и называет "конфликтом правил" (ориг. – *conflict of rules*). Конфликт правил может и должен быть устранен с помощью принятых в рамках конкретной правовой системы способов преодоления правовых коллизий. В результате преодоления коллизии, правило, не подлежащее применению, должно быть исключено из процесса принятия судебного решения: "в случае конфликта, одна из норм будет подлежать применению в полном объеме, а другая будет исключена" [7, р. 48]. Аналогичную позицию поддерживает и Р. Дворкин: "если две нормы вступают в конфликт, одна из них не может быть действительной нормой" [6, с. 51]. Способом применения правил является "юридическая квалификация" (ориг. – *subsumption*) [2, р. 169], т.е. определение нормы, подлежащей применению, и исключение нормы, не подлежащей применению.

Структура правила соответствует классической структуре нормы права: обычно в ее тексте не трудно выделить формально-определенное правовое предписание (диспозицию) и условия, при которых предписание должно быть выполнено (гипо-

тезу). Это является еще одним важным признаком правила, поскольку принципы “даже не предполагают указания тех условий, при которых его применение необходимо” [6, с. 51].

Таким образом, правила можно охарактеризовать как типичные (классические) нормы права, непосредственно направленные на регулирование общественных отношений, содержащие фиксированный объем действий, которые необходимо выполнить, и условия, при которых норма подлежит применению. Такие нормы составляют большую часть правового материала [5, с. 216].

Однако не все нормы права регулируют общественные отношения непосредственно. Некоторые из них, например, нормы-начала, нормы-цели, нормы-принципы, нормы-дефиниции, называемые также нетипичными правовыми предписаниями [9, с. 306], содержат положения, закрепляющие фундаментальные основы общественного и конституционного строя, и не регулируют общественные отношения непосредственно, но направляют развитие всей правовой системы в целом. Таким нормам свойственно отсутствие некоторых признаков, соответствующих классической модели нормы права. Именно такие нормы права Р. Алекси объединяет под понятием **принципов**, т.е. относит их к виду правовых норм, которые не содержат фиксированный объем субъективных прав и обязанностей субъекта. Тем не менее, эти важнейшие для правовой системы нормы требуют, чтобы их положения были превращены в жизнь наиболее полным образом – “в зависимости от фактических и правовых обстоятельств” [8, с. 89], т.е. такие нормы права всегда требуют динамического толкования. Применение принципа означает необходимость определять его объем, содержание и условия действия индивидуально каждый раз, когда норма применяется. В связи с этим, Р. Алекси рассматривает принципы как *предписания, нуждающиеся в оптимизации* (ориг. – optimization requirement [7, p. 47], в переводе А. Лаптева, Ф. Кальшойера – “предписания оптимизации” [8, с. 89]), что является существенным формально-юридическим свойством принципа.

Образцом принципов, в которых проявляются все признаки данного вида правовых норм, являются конституционно-правовые нормы, закрепляющие фундаментальные конституционные права и свободы человека и гражданина. Во-первых, эти нормы права являются безусловными и не обладают преимуществами одна перед другой, что говорит о том, что все конституционные права являются действительными и равноценными, следовательно, даже конкуренция между ними не является правовой коллизией. Во-вторых, эти нормы не предусматривают в своем содержании условий их реализации или условий предоставления приоритета для одного конституционного права над другим, что определяет их как предписания, нуждающиеся в оптимизации (optimization requirement). В-третьих, эти нормы характеризует то, что конкурируя друг с другом каждая из них, тем не менее, может быть удовлетворена в разной степени, в зависимости от фактических и юридических обстоятельств. Хотя формально-юридическая характеристика принципов такова, что она, с одной стороны, позиционирует их как требования к государству и обществу уважать права человека, признавать их неприкосновенность, реализовывать в полном объеме, с другой стороны, каждый принцип может быть реализован в разной степени, и часто это зависит от необходимости реализации других, конкурирующих принципов.

Таким образом, в случае конкуренции двух конституционных ценностей, закреплённых нормами-принципами, правоприменитель не может снять эту конкуренцию на уровне признания одной из норм недействительной, как в случае с правовой коллизией правил. Более того, конкурировать могут только действительные принципы [7, р. 50]. Это говорит о том, что такой способ применения норм права, как юридическая квалификация, не подходит для применения принципов.

Хотя текстуально принцип может также как и правило быть изложен в форме приказа, дозволения или запрета [7, р. 45], что может создать впечатление, что принцип содержит конкретное требование, в действительности принцип представляет собой довод, или аргумент, который может быть замещен другим доводом, и "и то, каким образом следует установить отношение между аргументом и контраргументом, принцип не определяет сам по себе" [7, р. 57]. Например, ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, послужившая образцом при формировании многих современных национальных конституций устанавливает, что "Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ". Одновременно, на основании ст. 8 Конвенции "Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и корреспонденции". Как определить конкретный объем права свободно выражать свое мнение? Какие правомочия дает право на уважение личной и семейной жизни? Как определить, в какой степени возможна одновременная реализация обоих прав, если реализация права на свободу выражать свое мнение одним лицом противоречит праву на уважение личной и семейной жизни другого лица? Невозможность ответить на эти вопросы на основании лишь толкования самих норм, их закрепляющих, говорит в пользу их принципиальной природы, т.е. характеризует их как требования, нуждающиеся в оптимизации. Этим нормам не хватает источников, позволяющих определить их собственное содержание "в свете конкурирующих принципов и фактических обстоятельств" [7, р. 45], что и позволяет охарактеризовать их как принципы. Поэтому нормы, нуждающиеся в оптимизации, могут и должны быть сбалансированы в процессе решения возникшего на их основании конституционного конфликта. Процедурой, позволяющей сбалансировать принципы в правоприменительном процессе является распространенный в ФРГ и континентальной Европе "тест на пропорциональность" или "балансирование" ("взвешивание") принципов в правоприменительной практике США.

"Тест на пропорциональность" (или *balancing*) – правоприменительная процедура, с помощью которой достигается справедливый баланс между конкурирующими конституционными правами в практике многих стран континентальной Европы, США, Канады, Аргентины, Израиля и многих других стран. Тест на пропорциональность является правоприменительным воплощением принципа пропорциональности, требующего принятия решения, наименее ограничительного для обеих сторон. Тест на пропорциональность подразумевает необходимость проверки каждого возможного решения по делу на *соответствие* (*suitability*), *необходимость* (*necessity*) и *пропорциональность stricto sensu* (в строгом смысле) [7, р. 66]. Проверка на *соответствие* подразумевает оценивание того, насколько принимаемое решение будет эффективно для преодоления рассматриваемого конфликта. Проверка

на *необходимость* означает подтверждение того, что принимаемое решение из всех альтернативных является наименее ограничивающим для прав человека, и потому вынужденным для данного дела. Наконец, проверка на *пропорциональность в строгом смысле* подразумевает конечную оценку пользы, ожидаемой от принятия соответствующего решения, с одной стороны, и наносимого фундаментальным права вреда, с другой стороны. Именно на данной стадии принимается окончательное решение о том, допустимо ли в конституционном либеральном государстве введение каких-либо, даже наименее строгих, ограничений одних фундаментальных прав с целью обеспечения других. Стоит отметить, что окончательное решение по делу может быть принято только после обязательного прохождения первых двух стадий теста на пропорциональность.

Р. Алекси отмечает, что ценность балансирования (теста на пропорциональность) заключается в том, что посредством его определяется какое из конституционных прав, обладающих равным статусом на абстрактном уровне, будет иметь больший вес и приоритет перед другим, конкурирующим правом, на уровне практической жизненной ситуации в свете фактических и юридических обстоятельств дела. По мнению автора, именно посредством балансирования устанавливается достаточный уровень удовлетворения требований одного принципа относительно требований другого [10, р. 22]. Какой из принципов получит превосходство зависит от конкретных обстоятельств дела: "при других обстоятельствах вопрос о приоритете должен и будет пересмотрен" [7, р. 50]. Достижение баланса между принципами с помощью теста на пропорциональность Р. Алекси называет типичной формой реализации принципов [8, с. 89].

Балансирование конкурирующих конституционных прав с помощью теста на пропорциональность демонстрирует решение Федерального конституционного суда Германии в деле "Титаника" (BVerfGE vol. 86, 1). Поскольку в Германии принцип пропорциональности признан в качестве важнейшего неписанного конституционного принципа, следующего из принципа верховенства права и формализующегося в практике конституционного суда, соответствие решений ФКС Германии принципу пропорциональности является важнейшим критерием их конституционности [11, р. 45]. В "деле "Титаника" Конституционный суд рассматривал жалобу сатирического журнала "Титаник" на решение федерального суда о наложении штрафа в размере 12,000 немецких марок за публикацию об офицере, страдающем параличом нижних конечностей, названном в публикациях журнала "прирожденным убийцей" и "калейкой". В данном деле суд произвел "специфическое балансирование" между правом на свободу слова и печати (ч. 1 ст. 5 Основного закона Германии [12]) и правом на неприкосновенность личности (ч.1 ст. 2 Основного закона Германии) в их связи с ч.1 ст. 1 Основного закона Германии, устанавливающей обязанность государства защищать неприкосновенность достоинства личности [1, р. 137].

Суд последовательно рассмотрел обстоятельства дела и дал оценку степени нарушения каждого из конкурирующих прав. В отношении конституционных прав истца, суд признал использование выражения "прирожденный убийца" нарушающим право истца на неприкосновенность личности в средней, или даже незначительной степени, поскольку оно было использовано исключительно в духе специфического жанра журнала и в сатирическом контексте [11, р. 31]. Использование в

публикации выражения “калека” суд признал нарушающим право истца на неприкосновенность личности в высокой степени, поскольку описание человека как калеки является демонстрацией неуважения и унижения [11, р. 32]. В отношении конституционных прав ответчика, суд признал штраф в 12 тыс. марок серьезным нарушением права ответчика на свободу слова и печати, однако только в части, касающейся использования выражения “прирожденный убийца”. В части, касающейся описания человека как “калеки”, суд признал штраф за нарушение права на неприкосновенность личности конституционным. В данном деле Конституционный суд применил тест на пропорциональность, с помощью которого оценил степень вреда, нанесенного каждому из конституционных прав истца и ответчика решением федерального суда, принятого по принципу “все или ничего” в пользу истца и признал серьезное нарушение права ответчика на свободу слова и печати в части использования одного из спорных выражений.

Несмотря на то, что конституционно-правовые нормы, закрепляющие фундаментальные права человека и сформулированы как принципы, автор делает важное уточнение, которое стало новым аргументом в теории балансирования: там, где конституционные права не нуждаются во внешней оптимизации, действует порядок применения *правил*, даже если сама норма сформулирована в конституции как принцип [7, р. 56]. Это означает, что в отношении прав, не нуждающихся в оптимизации, должен решаться вопрос о том, нарушены они или нет, как в случае с правилами, а не вопрос об определении приоритета [7, р. 64]. Например, объем права на жизнь не может быть никем пересмотрен, соответственно это право не нуждается и не может нуждаться в оптимизации, следовательно, право на жизнь является правилом, хотя конституционная норма и сформулирована как принцип. Это позволяет еще более строго отграничить сферу применимости балансирования или теста на пропорциональность в отношении конституционных прав человека: балансированию подлежат только те принципы, которые нуждаются в оптимизации.

В теории конституционных прав Р. Алекси опора на данную классификацию позволяет автору последовательно обосновать способы применения конституционных норм о фундаментальных правах человека и решить вопрос о допустимости применения к ним теста на пропорциональность в зависимости от определения вида правовой нормы. Несмотря на то, что до Р. Алекси данный вопрос поднимался другими авторами (в частности – Р. Дворкиным) и результаты их исследований очень близки, тем не менее, теория Р. Алекси не является повторением уже существующих идей. Автор предлагает, на наш взгляд, наиболее объективный критерий разграничения правил и принципов, обнаруживая его в формально-юридических свойствах правовой нормы, что позволяет обосновать применение теста на пропорциональность с помощью юридической аргументации и анализа правовой нормы, а не с помощью отсылок к неформализованным понятиям и категориям, таким как “ценность правовой нормы”, “степень абстрактности” и другие. Таким образом, деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алекси имеет значение методологического инструмента, позволяющего разграничить правовые нормы в зависимости от способа их реализации – юридической квалификации (*subsumption*) или балансирования (*balancing*). Как образно отмечает сам автор, “В конечном счете, разграничение правил и принципов является основным столпом в здании теории конституционных прав” [7, р. 44].

Список литературы

1. R. Alexy. Constitutional rights, Balancing and Rationality // Ratio Juris. Vol.16. No. 2. June 2003. P. 131-140.
2. Institutional Reason. The Jurisprudence of Robert Alexy / ed. by Matthias Klatt. New York.: Oxford University Press, 2012. 384 p.
3. Теорія держави і права : підруч. для студ. вищ. навч. закл. / за ред. О.В. Петришина. Х.: Право, 2014. 368 с.
4. Перевалов В.Д. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2006. 496 с.
5. Марк ван Хук. Право как коммуникация. Пер. с англ. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та. – ООО "Университетский издательский консорциум", 2012. 288 с.
6. Дворкин Р. О правах всерьез. Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 392 с.
7. Robert Alexy. Theory of Constitutional Rights. New York.: Oxford University Press, 2010. 462 p.
8. Роберт Алекси. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). Пер. с нем. Серия «Германская юридическая литература: современный подход». Книга 1. 2011. 192 с.
9. [Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник. — Харьков: Консум, Ун-т внутр. дел, 2000. — 704 с.](#)
10. Robert Alexy. The Construction of Constitutional Rights // Law & Ethics of Human Rights. Volume 4. Issue 1. 2010. P. 21-32.
11. Principle of Proportionality in Laws of Europe / ed. by Evelyn Ellis. Portland. Oregon: Hart Publishing. 2000. 224 p.
12. Основной закон Федеративной Республики Германии // Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. Пер. с нем. / Под ред. Ю.П. Уряса. — М.: Прогресс, 1991.

Yenileyeva A. Rules and Principles in R. Alexy's Theory of Constitutional Rights // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. –№ 1. – P. 26 – 33.

The article deals with the division of legal norms on rules and principles in R. Alexy's doctrine of constitutional rights. Essential criteria for dividing rules and principles common to the foreign legal thought are considered. The advantages and distinctive features of formal legal criteria proposed by R. Alexy are highlighted. The definition of rules and principles and the role of such a distinction in the R. Alexy's doctrine of constitutional rights is analyzed. It is established that division of rules and principles in R. Alexy's "Theory of constitutional rights" is an important methodological tool to distinguish between legal norms depending on the method of norm's implementation - subsumption or balancing. Reliance on this classification allows R. Alexy to consistently substantiate methods of the constitutional rights legal norms application and to resolve the issue of the admissibility of the proportionality test application depending to the kind of constitutional right legal norm.

Key words: legal norm, rule, principle, subsumption, balancing, test on proportionality.

УДК 377.999(09) (477.75)

**СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII –
НАЧАЛЕ XIX В.**

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В работе исследуются принципы и правовые основы устройства автономных обществ Крыма в конце XVIII – начале XIX в. В работе указывается, что деятельность таких обществ, созданных по национальным, религиозным, территориальным, экономическим и прочим признакам, далеко не всегда была предметом регулирования со стороны государства. В тоже время в статье даются нормативно-правовые акты, заложившие, закрепившие или уточнившие положения таких обществ, в первую очередь национальных и религиозных. Выявление существования иных типов автономных общин в Крыму, в том числе созданных и действовавших на экономических, производственных принципах, их правовой базы является перспективным направлением дальнейших исследований.

Ключевые слова: национально-религиозное самоуправление, автономия, община¹.

Обращаясь к исследованию особенностей и правовых составляющих автономного существования многих национальных, религиозных и территориальных общин в Крыму в конце XVIII – XIX вв., следует указать, что к этому периоду Российская империя накопила весьма богатый опыт включения в свой состав весьма неоднородных территорий зачастую сохраняя на них в большей или же меньшей степени ранее существовавшие формы организации и управления. Впрочем, такой же точки зрения придерживался и известный исследователь проблем автономизма О.Е. Кутафин. Так, он, в частности, указывал, что «По мере постепенного увеличения территории Российской империи она включала в себя множество ранее самостоятельных государств или владений других государств. Российская империя нередко сохраняла за вошедшими в ее состав территориями их местные законы и учреждения, предоставляя им более или менее широкую автономию». При этом ученый отмечал, что «какие бы формы ни принимала автономия в рамках Российской империи, их нельзя связывать только с конкретными регионами России, правовой статус которых постоянно изменялся. Необходимо также учитывать тот исторический этап, на котором в данный конкретный период находился соответствующий регион» [1, с. 41].

Данное утверждение, на наш взгляд, не совсем полно. В первую очередь оно не указывает на то, что основы такого подхода и его глобального использования выра-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112

ботались в России в период феодализма, а потому и носили яркие черты этого исторического периода вплоть до конца существования Российской империи.

Следует также помнить о том, что на пике своего развития данное государство представляло собой весьма пеструю этническую смесь, в которой собственно русские далеко не всегда представляли подавляющее большинство населения. Кроме того, внешние границы империи зачастую не совпадали с границами расселения многих этносов (как это было в отношении украинцев, татар, поляков и т.д.), что придавало очень часто определенную остроту в национальных вопросах. Безусловно, что играли свою роль и многие самые различные факторы (политические, экономические, географические и т.д.).

Завоеванию Крыма предшествовала экспансия и захват значительной части Юга Украины и Северного Кавказа. Большая часть этой территории была мало заселена, а местное население было весьма пестрым в своем этническом и религиозном составе. Учитывая сложности с быстрым заселением этих стратегических территорий славянским элементом, создание относительно комфортных условий для проживания всей этой пестрой массы народонаселения являлось одним из важнейших задач внутренней политики империи.

Уничтожая крымско-татарскую государственность была сделана попытка сохранения социального статуса основного мусульманского населения – от крестьян до дворянства, а также усилить или вообще придать новый статус различным национально-религиозным общинам христианского толка. Было это тем более проще, что у этих групп населения существовали собственные самоорганизующиеся структуры не требующие внешнего регулирования – сельские общины у крестьян, цехи у ремесленников и т.д.

По-другому обстояло дело с религиозной организацией. У магометан Крыма с уничтожением ранее действовавшей религиозной системы управления новую государственную власть не спешила устраивать основательно, вплоть до создания в 1832 г. Таврического Магометанского Духовного Правления.

Перекопское губернское духовное греческое правление Новороссийской духовной консистории, существовало с 1799 по 1832 г. и, как видно уже из названия, подчинялось Новороссийской духовной консистории и было скорее исполнительным органом, нежели распорядительным [2, с. 100].

Карасубазарское армяно-григорианское духовное правление просуществовало еще менее, всего 6 лет (с 1844 по 1849 г.) [2, с. 310]. Что же касается армяно-католиков, то они, сохранив подчиненность Католикосу всех армян, получили возможность решать некоторые вопросы своей национально-религиозной общины в Карасубазарском римо-католическом суде.

Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора в г. Евпатория действовало с 1837 по 1920 г. [2, с. 142].

Как известно, переселение армян и греков за пределы Крымского полуострова началось в августе и закончилось в сентябре 1778 г. Всего было переселено 31098 чел., из них 12598 армян, не считая армяно-католиков. Согласно дарованной армянам грамоте от 14 ноября 1779 г., они создали в гирле Дона город Нор-нахичеван и несколько сел [3, с. 167].

В результате присоединения Крыма к России Азовская и Новороссийская губернии перестали быть окраиной страны. Указом от 30 марта 1783 г. решено было

распространить на них указ «Учреждение губерний» 1775 г., и создать «из двух досель бывших губерний, Азовской и Новороссийской», Екатеринославское наместничество [4, с. 890].

В 1787 г. князь Г.О. Потемкин, учитывая необходимость заселения опустевшего полуострова, разрешил армянам вернуться в Крым (Карасубазар). За ними сохранили все привилегии дарованные грамотой от 14 ноября 1779 г., в том числе и Карасубазарский римо-католический суд [3, с. 26].

В ней, кроме прочего также указывалось, «5. По поселении вашем учредить Ратушу, которую назвать Католическим Судом, и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям, выбираемыми из вас же по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской Губернии и быть под апелляцией Наместнического Правления» и т.д. [5].

Что же касается крымских татар, то основополагающим документом, который должен был положить начало новому религиозному самоуправлению мусульман региона, стал именной указ Екатерины II за №17.174 от 23 января 1794 г. «О бытии в Таврической Области Магометанскому Духовному Правлению, под председательством муфтия», которому полагались еще и помощники. В указе повелевалось «избрать людей испытанных в верности, кротости и благомыслии, которые бы, под председательством Муфтия составляя Духовное Правление, имели надлежащее надзирание над всем Духовенством Магометанским Области Таврической» [6, с. 482]. В то же время указ не содержал точной регламентации работы правления, не очертил круг его прав и обязанностей. Важно также указать, что с созданием Таврической губернии по именному указу от 8 октября 1802 г. за № 20.449 «О разделении Новороссийской Губернии на три Губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и об устройстве там Судебных мест», говорилось о сохранении для мусульман «... учрежденный по особому штату в 1794 г. Духовный Магометанский Суд, коего пребывание ныне будет в Симферополе (Акмечеть), должны остаться на прежних своих положениях» [7, с. 290].

В ином положении оказались крымские греки. Еще указом № 14284 от 28 марта 1775 г. графу Орлову «О дозволении служившим во флоте, под предводительством его Грекам поселиться в городах Керчи и Ениколе, с предоставлением им особых выгод», предписывалось: «1. Если пожелают они основать селение свое в городах Керчи и Ениколе: то Мы... на то соизволя, учиним свободной и вольной в тех местах порт. 2. В таком случае повелеваем Вам не токмо тех, кои в войске Нашем служили со всем семейством их, но и всякого звания людей, которые объявят вам свое к тому желание, сколь велико число оных ни будет, на иждивении Нашем, и на Наших кораблях со всеми возможными для них в пути выгодами в отечество Наше отправить... 4. Что сходственно с прошением их не дозволено будет никому из иностранных покупать земли в отведенной для сего общества части, как при крепостях Керчи и Ениколе, так и в Азовской Губернии... 5. ... в отправлении правосудия повинаться им общим той губернии установлениям... 7. Прощение их о выборе той нации Генерала... и об учреждении из собственных их офицеров для разбирательства спор суда подчиненных онаго начальнику провинции их... апробуем. 9. избрание для них Греческого Архиепископа... апробуем. 10. Для наблюдения внутреннего благочиния и всякого звания торговых дел учредить Магистрат из Греческого их купечества... которому состоять под апелляциею Губернии... 16. ... отправлять ку-

печеству их при всех империи нашей портах и городах взаимную с прочим русским купечеством торговлю...» [5, с. 102-104].

Очевидно, что поселившиеся в Ениколе и Керчи греки чувствовали себя достаточно комфортно, так как, к примеру, в 1788 г. их насчитывалось 59 купцов и 199 мещан, а в 1794 г. – 88 купцов и 205 мещан. Напомним, что в этот период считалось лишь взрослое мужское население, платящее налоги. Указом от 8 октября 1802 г. Керчь и Еникале вошли в состав Таврической губернии [8, с. 288].

3 августа 1779 г. за №14901 был принят указ «О сформировании одного пехотного Греческого полка из Албанского войска» [5, с. 855]. В свою очередь, 30 марта 1783 г. за №15700 принят указ «Об учреждении Судов в заселенных местах Екатеринославской Губернии Греками, Армянами и Католиками, и о штатах чинов для отправления пограничных дел». Им, в частности, предписывалось, «В селениях тамошних Греческих, Армянских и Римского закона, Мы позволяем иметь Греческий и Римского закона Суды, також Армянский Магистрат, на содержание которых и отпускаемо будет ежегодно сверх полагаемой в штате суммы по 4674 руб.; состоять же им подведением и апелляцией тех мест, коих то свойственное по силе и разуму Учреждений наших» [4, с. 890].

В этом же ключе звучат слова из указа от 8 апреля 1783 г. №15708 «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу» – «...охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно; и дозволить напоследок каждому их них состоянию все те правосты и преимущества, каковыми таковое в России пользуется...» [4, с. 897 – 898].

22 января 1784 г. принят указ №15908 «О распоряжениях по устройству Екатеринославской Губернии». Им предписывалось: «... что касается до находящихся по данным от нас жалованных грамотам в селениях Греческих, Армянских и Римского исповедания Судов и Армянского Магистрата, оные сохранить на том основании, как теми грамотами и рескриптом нашим, от 20 марта 1783 года вам данным, велено [9, с. 10-11].

Подтвердил это и указ от 2 февраля 1784 г. №15920 «Об учреждении Таврической области» [9, с. 17 – 18]. В нем подчеркивалось: «...чтобы обитатели их, при свободном исповедании каждым природной его веры, и при спокойном владении законно принадлежащим ему имением, воспользовались всеми теми выгодами, каковыми прочие подданные наши под сению законов наших спокойно и безопасно наслаждаются».

30 июня 1795 г. был дан именной указ графу Зубову «Об утверждении его мнения, касательно прошения Греков, живущих в Керчи и Еникале» №17348 [6, с. 719 – 724], которым грекам, поселившимся в Керчи и Ениколе, были дарованы дополнительные права, в основном экономические.

30 января 1797 г. был принят указ «О принятии поселенного в Таврии Греческого полка в ведомства Военной Коллегии, и о именовании онаго Греческим батальоном» (№17774). Им, поселенный в Таврии Греческий полк следовало принять в ведомство Военной Коллегии, наименовав его Греческим батальоном и основав его на положении Донских казаков, в зависимости Гражданского суда [10, с. 312].

В развитие данного законоположения 4 апреля 1797 г. за №17905 принят указ «О сделании переправы через пролив, отделяющий Фанагорию от Таврии; о посе-

лении Греческого батальона по берегу Черного моря и Русских слобод по большим дорогам в Крыму». В нем, в частности, говорилось, что «Положение ваше о поселении Греческого батальона по берегу Черного моря, начиная от Егорьевского монастыря и Балаклавы до Феодосии, весьма апробую...» [10, с. 524]. А потому и было решено поселить Греческий батальон по берегу Черного моря, начиная от Егорьевского монастыря и Балаклавы до Феодосии. Подобные льготы и привилегии давались грекам и в других местах, таковым был и город Мариуполь. Или же, скажем, 20 мая 1797 г. вышел указ «Об учреждении в городе Одессе Магистрата и об уничтожении Греческого дивизиона» (№17967). В нем излагалось положение о греках, живущих в городе Одессе [10, с. 614].

В начале XIX в. эта политика в отношении греков была продолжена. Так, 5 января 1802 г. принят указ «О преимуществах водворяющихся в Новороссийской Губернии вышедших из Турции Греков и Болгар» №20103 [7, с. 5– 7]. Им были даны в основном экономические привилегии. 24 июля 1802 г. за №20343 принят указ «О принятии выходящих на поселение из Турции Болгар и Греков». В нем излагались правила водворения выходящих из Турции греков в Новороссийской губернии и преимущества их [7, с. 200 – 202]. В основном это касалось северной Таврии.

И, наконец, 25 августа 1818 г. за №27507 принят указ «Об улучшении содержания Балаклавского Греческого пехотного батальона» [11, с. 545 – 546]. В нем речь в основном шла о выгодах, дарованных Греческому пехотному батальону, поселенному в Балаклаве.

Таким образом, основа существования различных автономных обществ, построенных на территориальных, производственных, национальных, религиозных и других принципах, имела в Российской империи еще до присоединения Крыма. В самом Крыму на протяжении столетий сложились свои принципы автономизма, в общем отвечающие общеимперским традициям и, впоследствии, лишь несколько уточненные российскими законодательными актами. Некоторые из этих автономных образований, как, к примеру, Карасубазарский римо-католический суд, были расформированы властью, другие же исчезали сами под воздействием развития экономики и общества (например, цеховые организации), однако большинство из автономных образований Крыма просуществовали вплоть до установления советской власти.

Список литературы

1. Кутафин О.Е. Российская автономия: Монография. – М.: Проспект, 2006. – 768 с.
2. Сухарев М.В. Становище православного населения Криму в 70-і – на початку 80-х рр. XVIII ст. // Культура Народов Причорномор'я. – 2004. – №50, Т.2. – С. 184 – 186.
3. Ревін К.І. Формування та діяльність духовних судів у Таврійській губернії (кінець XVIII – початок XX ст.): історико-правове дослідження : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ревін Кирил Ігорвич Ревін. – К., 2012. – 225 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXI. С 1781 по 1783. – СПб., 1830. – 1083 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XX. 1775 – 1780. – СПб., 1830. – 1034 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796 г. – СПб., 1830. – 969 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXVII. 1802 – 1803. – СПб., 1830. – 1122 с.

8. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б.В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXII. С 1784 по 1788. – СПб., 1830. – 1168 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXIV с 6 ноября 1796 по 1798. – СПб, 1830. – 869 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. XXXV. 1818. – СПб, 1830. – 674 с.

Zmerzly B. Becoming of nationally-religious self-government in the Tavrida province in the end XVIII - beginning of XIX of century // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. –№ 1. – P. 34 – 39.

Principles and legal frameworks of device of autonomous societies of Crimea are in-process probed at the end of XVIII – beginning of XIX v. In-process specified that activity of such societies, created on national, religious, territorial, economic and other signs far not always was the article of adjusting from the side of the state. In also time in the article normative-legal acts are given pawning, fastenings or specifying positions of such societies, above all things national and religious. Exposure of existence of another types of the autonomous communities in Crimea, including created and operating on economic, productive principles, their legal base is perspective direction of further researches.

Keywords: nationally-religious self-government, autonomy, community.

УДК 340.12:349.4(477.75) «1918»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Карая А. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В работе исследуется развитие земельных отношений в период провозглашения Советской Социалистической Республики Тавриды начала 1918 года на полуострове Крым. В статье прослеживаются изменения в правовой системе земельных отношений. При анализе нормативно-правовых актов были выявлены пробелы в части регулирования отдельных категорий земель, а именно предназначенных для сельскохозяйственного производства. Определены правовые основы реорганизации системы земельных комитетов, процесс национализации земель и условия образования коллективных хозяйств.

Ключевые слова: Советская Социалистическая Республика Тавриды, земельные комитеты, национализация, коллективные хозяйства.

Создание советского государственного образования в Таврической губернии после того как большевикам удалось отстранить властные структуры Временного правительства от правления на данной территории, должно было предотвратить проникновение сюда немецких войск после заключения Брестского мира.

В связи с этим 10 марта 1918 года I Учредительный съезд Советов Таврической губернии проголосовал за создание на территории губернии Таврической республики. В её состав вошёл не только Крымский полуостров, но и три материковых уезда. В связи с тем, что в них превосходило украинское население, УНР считала это своей территорией, даже были отдельные лица в руководстве УНР, которые утверждали, что необходимо всю Таврическую губернию считать неотъемлемой частью Украины. Однако это не входило в планы В. И. Ленина, который категорически отрицал такого рода теорию. Результатом чего 28 марта 1918 года Таврический Центральный исполнительный комитет провозгласил, что Таврическая республика является автономной частью РСФСР, а для того, чтобы УНР не претендовала на данную землю, из состава были исключены материковые уезды [1, с. 38-39].

30 января 1918 состоялся чрезвычайный съезд советов Таврической губернии, который в части земельного вопроса утвердил декрет о земле и предложил всем советам при перестройке земельных отношений на местах «руководствоваться земельными законами и инструкциями». Также было распространено на территорию губернии действие «Положения о земельных комитетах» 1917 года. В связи с этим, съездом было принято решение об учреждении уездных, волостных и сельских земельных комитетов в тех областях губернии, где они отсутствовали. Также в соответствии с «Декретом о земле» все земли нетрудового пользования – помещичьи, кабинетские, церковные, монастырские и др. с их жилыми и хозяйственными постройками, сельскохозяйственным инвентарём и рабочим скотом – были оглашены

как такие, что находятся в ведении сельских депутатов и волосных земельных комитетов, с дальнейшей передачей крестьянству.

Исходя из положений декрета, крестьянам предоставлялось право свободного выбора указанных законом форм сравнительного трудового землепользования, а также они освобождались от задолженностей Таврическому губернскому отделению Крестьянского банка, от долгов помещикам и по арендным платежам за пользование не принадлежащей им землёй.

Однако коммунистами использовались и те нормы в земельной сфере, которые предусматривали сохранение в руках государства высококультурных помещичьих хозяйств и превращение их в «показательные» советские государственные сельскохозяйственные предприятия.

«Положение о земельных комитетах» РСФСР 1917 года послужило правовой основой реорганизации системы земельных комитетов. На основании указанного положения проводились выборы в земельные комитеты, а также перевыборы в уже существующих [2, с. 218].

В свете таких событий Таврический Центральный исполнительный комитет принял свой нормативно-правовой акт – специальный декрет о порядке выборов в волосные, уездные и губернские земельные комитеты [3, с. 259]. Этот документ детально регламентировал порядок формирования волосных земельных комитетов, который предусматривал использование при этом общего, прямого, равного и тайного избирательного права из расчета один представитель от каждых 500 сельских жителей. Декрет дал право быть избранным в состав земельных комитетов только тем крестьянам, которые не применяли в своих хозяйствах наёмный труд, что противоречило «Положению о земельных комитетах». В уездные земельные комитеты должны были входить не только представители волосных земельных комитетов (по одному от каждого), но и в обязательном порядке по 10 назначенных от уездного совета. В губернский земельный комитет должны были входить не только по одному представителю от каждого уездного комитета, но и 12 представителей от Таврического Центрального исполнительного комитета.

В конце февраля 1918 года было произведено реформирование системы земельных комитетов на предмет обеспечения в них господствующего состояния коммунистов и их приверженцев. Основным направлением в их деятельности стало исполнение постановлений по земельным делам центральной власти, что прямо было предусмотрено «Положением о земельных комитетах».

Им было предоставлено право взять в свое ведение все земли нетрудовых хозяйств, их живой и мертвый инвентарь и распределять его в сравнительное трудовое пользование крестьянских хозяйств, проводить необходимую для этого подготовительную работу, издавать обязательные постановления, которые согласовываются с общегосударственными интересами [4, с.13-15].

В тоже время крымским земельным комитетом было введено недопущение самовольного захвата и раздела земель крестьянами земель нетрудового пользования и расположенного на них имущества. Для обеспечения этой нормы в конфискованные угодья были назначены специальные комиссары и организована их охрана.

После принятия «Основного закона о социализации земли» начался процесс национализации. Так как данная норма распространялась и на советские органы в Крыму, то в результате перестала существовать земельная собственность всех ви-

дов, а осталась только государственная, что привело к появлению субъектов землепользования, но большая часть крымского населения, которая использовала в своём хозяйстве наёмный труд, вообще потеряла право на использование земельных участков.

В соответствии с данным законом ограничивалось использование земли в аренде. А в случае если лицо не желает вести сельскохозяйственное производство или использование участка приносит вред соседнему землепользователю, то утрачивается право на земельный участок.

Но при этом количество земли, которая предоставлялась отдельным хозяйствам с целью получения средств для существования, не должно было превышать потребительско-трудовую норму. Однако, исследуя данный нормативный акт, необходимо отметить отсутствие количественного показателя такой единой общегосударственной нормы. Данный пробел устранялся «Инструкцией для установления потребительско-трудовой нормы землепользования на землях сельскохозяйственного назначения». Исходя из этого первыми в очереди на право использовать землю получили крымчане, которые изъявили желание работать на социалистических началах. Вторыми были те, кто хотел заниматься земледелием в личных интересах, при этом в таком случае преимущество отдавали местным наёмщикам, безземельным и малоземельным, а уже потом очередь доходила к не жителям полуострова [5, с.187].

Для установления потребительско-трудовой нормы, в зависимости от климата и плодородности почв, Таврические республиканские советские органы должны были определить в каждой сельской местности число жителей с учетом их пола, возраста и семейного состояния, при этом предлагалось исключить из перечня лиц, которые по закону не имели права на такой вид пользования землей, а именно: женщин старше 50, мужчин – 60 и детей младше 12 лет. Запрещались рыночные отношения для крестьян, и тем самым исчезла материальная заинтересованность в увеличении сельскохозяйственного производства [6, с. 98].

Как следует из анализа норм «Основного закона о социализации земли», уровень продуктивности земледелия, при его исполнении, падал, наблюдалось уменьшение продуктивных сил в Крыму.

7 марта 1918 года на съезде советов, ревкомов и земельных комитетов Таврической губернии была утверждена «Инструкция по земельным вопросам», которая определяла порядок передачи земли и имущества конфискованных нетрудовых имений из ведения земельных комитетов в пользу земотделов местных советов с дальнейшим распределением их среди крестьян, но с условием, что не на постоянной основе, а на временной. Эти действия были предприняты в связи с тем, что необходимо было выполнить сезонные работы [7, с.31 – 36].

Но с учетом влияния различных субъективных и объективных факторов процесс передачи земель работающему населению затягивался, появилась угроза, что большая часть земель останется не обработана. Во избежание негативных последствий некоторые местные крымские советы шли на нарушение закона, устанавливая административные меры.

В это время можно наблюдать совершенно новое явление в сфере земельных отношений – возникновение социалистического сектора в земледелии. Крымские советские властные структуры стали активно применять норму, которая давала пра-

во им изымать из состава бывших нетрудовых земель определенные участки и обрабатывать их трудом, который оплачивало государство, с целью поднятия сельскохозяйственной культуры. Так, основная масса земель южного берега Крыма была провозглашена Таврическим Центральным исполнительным комитетом национальной собственностью Российской народной республики. Для управления ими был образован главный комиссариат по национальным именьям.

Иной формой социалистического земледелия было коллективное, которое в своем регулировании отдавало преимущество трудовому коммунистическому, кооперативным хозяйствам в отличие от единоличных. Но такое положение не получило полного одобрения и 7 марта 1918 года съезд советов, ревкомов и земельных комитетов Таврической губернии обязал местные советы и их земотделы активно заниматься организацией коллективных хозяйств и предоставлять им в пользование конфискованные нетрудовые угодья и их земли, с условием не предоставления с их стороны компенсаций.

Указанные условия способствовали активному развитию коллективных хозяйств. Но при этом, территориальное расположение и воздействия климатических условий способствовало тому, что преимущественная часть южного Крыма была занята лесами, право на распоряжение которыми предоставлялось местным советским органам. «Инструкцией для установления потребительско-трудовой нормы землепользования на землях сельскохозяйственного назначения» были установлены ограничения в части запрета местными советами использования земельных площадей, на которых располагались леса.

Что касается регулирования вопроса об использовании земельных площадей, занятых лесами, для сельскохозяйственного производства в Советской Социалистической Республике Тавриды, то отдельных нормативно-правовых актов принято не было, за исключением «Декрета комиссариата земледелия по охране животных в лесах Крыма» в 1918 г., который внес запрет на разного рода охоту на отдельных видов животных (олений, коз, муфлонов) [5, с.127].

Таким образом, после того, как в середине января 1918 года на полуострове было провозглашено создание Советской Социалистической Республике Тавриды, начался процесс изменений ранее существующей системы земельных отношений. Правовой основой изначально послужил Декрет о земле, но в связи с тем, что его положения применялись выборочно (не была произведена передача крестьянам земель нетрудового пользования), возникла необходимость принятия нового правового акта. Таким стал второй земельный закон, который послужил дальнейшим мотиватором для передачи во временное пользование таких земель и для продолжения политики поддержки коллективных хозяйств.

Список литературы

1. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. (Март 1917 г. — апрель 1918 г.) / Отв. ред. П. Н. Надинский. — Симферополь: Крымиздат, 1957. - Т. 1. - 320 с.
2. Декреты Советской власти. Т.1. – М.: Гос.изд-во полит.литературы, 1957. – 469 с.
3. Исаев И. А. История государства и права России : Полный курс лекций. – М. : Юрист, 1994. – 448 с.
4. Бененсон М. Е. Экономические очерки Крыма. – Симферополь: Издание народного комиссариата земледелия Крымской ССР, 1924. – 280 с.
5. Кассо Л. А. Русское поземельное право. - М.: Правоведение, 1906. - 280 с.

6. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. – Ч II. — Симферополь: Крымиздат, 1957.— 300 с.
7. Бородин С.В. Аграрные преобразования в Крыму в конце 1917- начале 1919 годов // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 1998. – № 4. – С. 31-36.

Karaya A. Legal regulation of the land relations at the period of Taurida republic's coming into being // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. –№ 1. – P. 40 – 44.

The article is devoted to the research of the development of land relations at the period of declaration about creation of the Soviet Socialist Taurida Republic in 1918 in Crimea. The article also deals with the study of changes in the legal system of land relations. While analyzing legislative acts, some gaps were found out as far as the aspect of the regulation of the individual categories of lands is concerned. To be more concrete, these lands are meant for farming. The legal fundamentals of reorganization of the system of land committees, the process of lands' nationalization and creation of collective farms are defined in this research.

Key words: Soviet Socialist Taurida Republic, land committees, nationalization, collective farms.

УДК 340.12 (560): 348.97

СУД И СУДОПРОИЗВОДСТВО В ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Кащенко С.Г., Таран П.Е.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье рассматриваются организация и деятельность судов у древних евреев. Показано, что судебная система у них была структурирована и что она формировалась и действовала на основе правовых норм, возникших еще до создания древнееврейской государственности и закрепленных затем в предписаниях Торы Ветхого Завета Библии. Охарактеризованы виды решений и приговоров, принимавшихся судами в зависимости от характера рассматривавшихся в них дел.

Ключевые слова: Библия, Ветхий Завет, Тора, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, сангедрин, заповеди, ветхозаветные нормы.

История евреев насчитывает более трех тысяч лет. На это есть письменное свидетельство – Библия. В ней отражена ранняя история евреев и их права. Она представляет собой объемное собрание разнообразных по форме и содержанию древних произведений с XIII в. до н. э. до II в. н.э. [1].

Библия донесла до наших дней культурные традиции, обычаи и способы правового воздействия на общественные отношения, сложившиеся среди евреев в глубокой древности. Она состоит из двух частей – Ветхого Завета, сложившегося в дохристианскую эпоху, и Нового Завета, написанного идеологами раннего христианства.

Важнейшей частью Ветхого Завета является Тора (Закон) или Пятикнижие Моисея, которое разделяется на 5 книг – Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. В них можно обнаружить многочисленные правовые, религиозно-правовые и морально-этические предписания, регулировавшие различные виды общественных отношений среди древних евреев и их взаимоотношения с богом. Имеются среди них и такие, которые регламентировали организацию суда и судопроизводство.

Их изучению посвящены публикации авторов из разных стран, особенно из Израиля и США. Это труды Швут Ами, Хаима Донина, Зеева Дашевского, Шломо Ганцифрида, Менахема Элона, Исраэль-Меир Лац, Ицхака Тверского и других авторов, ознакомиться с которыми можно с помощью интернета [2].

Имеется немало и публикаций отечественных авторов, в том числе Н.В. Гуткиной, М.С. Беленького, Д. Фрезера, Л. Гардинера, Ю.К. Мизуна, С. Г. Кащенко, П.Е. Тарана [3].

Ветхозаветные нормы предусматривали отделение судебной власти от административной и определяли ее статус как автономной. Ее учреждение у древних евреев было обязательным. Тора предписывала им назначать судей и судебных исполнителей, которые должны были осуществлять правосудие: «Поставь себе судей

и надзирателей по коленам твоим, чтобы они судили народ праведно (по законам Торы)» [8, 16:18].

В соответствии с этим заветом у древних евреев существовала иерархическая судебная система, состоявшая из судов трех уровней. Возглавлял их Великий сангедрин, включавший в свой состав 71 члена. А в каждом поселении, насчитывавшем не менее 120 человек населения, функционировал Малый сангедрин, состоявший из 23 судей.

В населенных пунктах, в которых проживало менее 120 человек, назначались 3 судьи, которые расследовали и выносили приговоры и принимали решения по малозначительным судебным делам, а сложные передавались ими на рассмотрение судов более высокого уровня [9].

Нечетное число членов в судах не было случайностью. Считалось, что оно будет способствовать праведному правосудию, поскольку равного разделения среди их членов при осуществлении ими правосудия не будет.

Великий Сангедрин являлся для древних евреев высшим не только юридическим, но и религиозным авторитетом. Кроме судебных функций его обязанностью было толкование предписаний Ветхого Завета. Он был вправе вводить и новые законы, если в этом была необходимость. [9].

Тора предписывала евреям подчиняться Великому Сангедрину и выполнять все его решения запретительного, разрешительного и судебного характера. Независимо от того приняты они были на основе предписаний Торы или ее толкования, или обычного права, или его стремления защитить закон или были вызваны сложившейся конкретной ситуацией.

Установление Торы насчет этого было весьма категоричным: «И поступи по слову, какое они (судьи Великого Сангедрина) скажут тебе..., и постарайся исполнить все, чему они научат тебя, и по определению, какое они скажут тебе, поступи, и не уклоняйся ни вправо, ни влево от того, что они скажут тебе» [8, 10 – 11].

К судьям предъявлялись высокие требования, установленные Торой. Они должны были быть самыми мудрыми, хорошо знать установления и рекомендации Ветхого Завета, иметь познания в сфере медицины, математики и колдовства (чтобы быть в состоянии судить колдунов). А чтобы они не полагались на переводчиков от них требовались и определенные познания в области языков соседних народов.

Лица преклонного возраста и скопцы не могли быть судьями – считалось, что для вынесения ими справедливого приговора им будет не хватать мягкости. Не могли быть судьями и бездетные: полагали, что опыт отцовства делает судью более терпимым, чувствительным и справедливым [10, с.98].

Другими требованиями, которые предъявлялись к судьям, были их мудрость, богобоязненность, любовь к правде и стремление к ее достижению, смирение, человеколюбие, безупречная репутация и неприятие несправедливо полученной прибыли [11, с. 57].

Судьи Великого Сангедрина заседали ежедневно с утра до полудня в Иерусалимском храме. Его решения принимались большинством голосов. Для поддержания обвинения необходимо было не менее 37 голосов. При голосовании молодые и недавно включенные в состав Великого Сангедрина судьи должны были высказываться первыми, чтобы не попасть под влияние более опытных.

В дни, когда рассматривались дела, караемые смертью, судьям запрещалось употреблять спиртные напитки. Если судьи единогласно признавали обвиняемого виновным в преступлении, наказываемом смертью, его не казнили. Считалось, что единогласие судей в этом случае означает, что никто из них не стремился обнаружить опровергающие обвинение обстоятельства.

Перед принятием Великим Сангедрином решения по конкретному делу его глава поручал одним его членам расследовать свидетельства против обвиняемого, а другим – собрать свидетельства, подтверждающие его невиновность.

Судье Тора предписывала судить и бедного, и богатого одинаково справедливо, не проявлять снисхождение к бедному: «И бедному не потворствуй в тяжбе его» [5, 23:3].

Судье не следовало проявлять снисхождения и к тому, кто нечаянно убил человека или нанес ему увечье, облегчать ему наказание: «Да не пощадит его глаз твой, смой с Израиля кровь невинного» [8, 19:13].

Когда между судьями возникали разногласия по вопросу о том, следует ли выносить смертный приговор, запрещалось его принимать, пока настаивающих на нем не будет больше как минимум на 2 человека [5, 23:2].

Судье запрещалось принимать решение, ориентируясь на мнение или авторитет других судей, лишь бы не оказаться при голосовании в меньшинстве. Каждый судья должен был самостоятельно разобраться в деле, исходя из законодательных основ Торы: «И не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» [5, 23:2].

В судах не дозволялось начинать рассмотрение дела, по которому мог быть вынесен смертный приговор, с выступления самого авторитетного судьи, поскольку его мнение могло оказать влияние на остальных судей. Воспрещалось в этом случае и начинать рассмотрения дела с выступления судей, требующих казни [12].

Кроме того, для вынесения судом смертного приговора обвиняемому было недостаточно показаний одного свидетеля, на что неоднократно обращалось внимание в Торе [7, 35:30; 8,7:6].

Суды не могли приговорить обвиняемых к наказаниям, руководствуясь показаниями только одного свидетеля и по другим делам. Это делать запрещала им Тора: «Недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине и в каком-нибудь (другом) преступлении... При словах двух свидетелей им при словах трех свидетелей состоится (всякое дело)» [8, 19:15].

Во время разбирательства судья должен был и тщательно расследовать дело, проверить показания свидетелей и добросовестно их допросить, не принимать решение по первому наговору: «Разыщи, исследуй и хорошо расспроси свидетелей» [8, 13:14].

Суровому наказанию подлежал свидетель, давший ложные показания. За это Тора обязывала судей применять к ним то же наказание, которое согласно их свидетельству должно было быть применено к невинному: «И если свидетель тот ложный..., то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему» [8, 18:19].

Судьям предписывалось не выносить оправдательный приговор из страха перед обвиняемым или если он мог принести им материальный или иной ущерб: «Не бойтесь лица человеческого, ибо суд – дело божье» [8,1:17].

Суды не имели права оказывать особые знаки внимания одной из сторон, в том числе, когда ее представлял всеми почитаемый и общепризнанный человек. Это

предписывалось им Торой: «Не будь лицеприятен к нищему и не угождай лицу великому: по правде суди ближнего твоего» [6, 19:16].

Судье запрещалось выслушивать претензии одной из сторон в отсутствие другой: «Не внимай пустому слуху». Считалось, что они могут быть неправдивыми и привести к несправедливому судебному решению.

В Торе имелось не одно предписание, запрещавшее судьям брать подарки от участвующих в рассмотрении сторон, даже если они судили по справедливости, праведно принимали решение – оправдать невиновного и наказать виновного.

В Исходе по этому поводу говорилось так: «И даров не принимай, ибо дары делают слепыми зрячих» [5, 23:8], а во Второзаконии: «И не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых (в несправедливое)» [8, 16:19].

За взятку наказывался не только взявший ее судья, но и взяткодатель. Однако сторонам не запрещалось вознаграждать судей за тот ущерб, который они понесли от того, что были оторваны во время судебного разбирательства от своих обычных занятий, но с обязательным условием, что обе тяжущиеся стороны дали судьям вознаграждение поровну [11, с. 60].

Немало заповедей Торы было посвящено участвовавшим в судебном процессе свидетелям. Им предписывалось давать только известные им обстоятельства и факты по рассматриваемому делу, независимо от того, какое влияние они окажут на решение суда.

«Если кто, - говорилось в одной из заповедей, — согрешит тем, что слышал голос проклятия и был свидетелем или видел, или знал, но не объявил (в суде), он понесет на себе грех» [6, 5:1]. Если утаенное свидетелем показание касалось имущественного спора, то он, когда это вскрывалось, был обязан принести жертву (богу), которая назначалась судом в зависимости от уровня его благосостояния [6, 5:5-10].

В судах не дозволялось давать свидетельские показания людям, известным своими «нечестивыми делами». Нельзя было принимать судебные решения на основе их показаний [5, 23:1].

Родственники обвиняемых и тяжущихся не могли выступать в качестве свидетелей [8, 24:16], потому что родственные отношения могли возобладавать над правдивостью их показаний.

Свидетелям запрещалось высказывать свое мнение по рассматриваемому в суде делу, по которому мог быть вынесен смертный приговор, даже если они являлись общепризнанными знатоками Ветхого Завета. Они могли сообщить только то, что или сами видели, или достоверно знали.

Тора воспрещала внесудебное наказание преступника, совершившего убийство: «Чтобы не был умерщвлен убивший, прежде чем он предстанет пред обществом на суд» [7, 35:12].

Не дозволялось убивать преступника до судебного разбирательства, даже если он совершил убийство, которое по закону Торы наказывалось смертной казнью. Убийца и в этом случае должен был предстать перед судом, а те, кто видел это преступление, могли во время судебного разбирательства выступать только в роли свидетелей.

Заповеди Торы предоставляли всем евреям, независимо от их имущественного и иного положения, равные права перед судом и в процессе судопроизводства.

Во время его обычным было равноправие сторон, в одинаковой степени выслушивались все их речи, независимо от их продолжительности и прочих обстоятельств.

Первоначально в древнееврейском обществе регулирование отношений уголовного характера между его членами осуществлялось без судов – на основе принципа кровной мести («око за око»). Право на нее имели сам потерпевший, а в случае его смерти его родственники.

Затем появились ветхозаветные нормы, которые ограничили применение потерпевшим или его родственниками обычая кровной мести. Они лишили их права на ее самостоятельное осуществление и установили, что в каждом конкретном случае оно должно устанавливаться решением судов. В нем должно было определяться не только, кто из родственников имеет право на кровную месть, но и время ее осуществления и территория, на которой это должно было происходить.

При вынесении такого решения суды руководствовались имевшейся в Торе нормой о том, что устанавливаемое ими преступнику возмездие должно соответствовать совершенному им преступлению, а не превышать его. Определяя конкретную меру наказания, суды не имели права отбирать у преступника «жизнь за око» или даже «два глаза за око».

В положении о налагаемых судами наказаниях суть ветхозаветной концепции справедливости. «Если человека убьет вол, - говорилось в Исходе, - принадлежащий другому, то вола побить камнями и мяса его не есть, а хозяин вола не виноват, но если вол бодлив был и вчера, и третьего дня, и хозяин его, быв извещен об этом не стерег его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, а хозяина его предать смерти» [5, 28:29].

Согласно предписаниям Торы неосторожное убийство тоже должно было по судебному решению караться лишением жизни убийцы. Однако не всякое такое убийство рассматривалось судом и сопровождалось решением жизни его субъекта.

При неосторожном убийстве Тора давала ему возможность его избежать. В ней предписывалось выделить города-убежища, готовые предоставить укрытие совершившим непредумышленное убийство. «Отдели 3 города среди земли своей, - устанавливалось во Второзаконии, - они будут служить убежищем всякому убийце..., кто убьет ближнего своего без намерения» [7, 19:2].

Такой убийца должен был жить в одном из этих городов, не покидая его, иначе «убьет убийцу его мститель за кровь» (без судебного решения) и «не будет на нем вины кровопролития, ибо тот должен был жить в городе-убежище» [7, 35:26, 27].

Наказание смертью предусматривалось и за ряд других преступлений, в том числе «если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею или женою ближнего» [6, 19:20]. Предусматривалось оно и за изнасилование: «Если же кто в поле встретится с отроковицей, и, схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежащего с нею, а отроковице нет преступления смертного» [8, 22:25-26].

Однако не всякая отроковица могла при этом избежать наказания: «Если будет молодая девица обручена мужу, - предписывалось во Второзаконии, - и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею, то побейте их камнями до смерти за то, что девица не кричала, а мужчину за то, что опозорил жену ближнего» [8, 23:24].

Смертное наказание должно было следовать и за совершение евреями противоземных сексуальных связей. Суды при его определении руководствовались суровыми правилами, установленными Левитом: «Если кто ляжет с женщиною как с женщиною, обоих предать смерти. Кто смесится со скотиною, того предать смерти и скотину убить. Если женщина подойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убейте и женщину, и скотину» [6, 20:13, 15, 16].

Во Второзаконии были предписания, которые устанавливали единственную меру ответственности в виде смертной кары и за ряд других преступлений. При этом нередко определялся и ее вид. Распространенными видами лишения преступников жизни были забивание их камнями и с помощью меча. Суды могли приговорить их к казни сожжением. Это позволяла им одна из статей Левита: «Если кто возьмет себе жену и мать ее – это беззаконие, то должно сжечь его и их, чтобы не было беззакония между ними» [7, 20:14]. Предусматривалось это и в другом случае: «Если дочь священнослужителя осквернит себя блудодеянием, огнем должно сжечь ее» [6, 21:9].

Допускалась и такая форма казни, как повешение преступника: «Если в ком найдется преступление, достойное смерти... и ты повесишь его на дереве, то погребешь его в тот же день» [8, 21:22, 23]. Это должно было делаться для того, чтобы висевшее на дереве тело не пробуждало в людях воспоминаний о совершенном преступлении.

Казнь удушением должна была применяться в тех случаях, когда Тора не указывала ее вид. Например: «Если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею или женой ближнего, да будут преданы смерти оба» [6, 20:10].

Во времена Талмуда право на мщение преступнику по принципу «око за око» претерпело дальнейшее изменение. Оно стало рассматриваться как установленное судами денежное возмещение им стоимости «глаза», которая определялась судами. Такая компенсация не должна была следовать только за умышленное убийство.

«И не берите выкуп за душу убийце, - предписывалось в Числах, - который повинен в смерти, но его должно предать смерти... и не берите выкуп за убежавшего в город - убежище, чтобы позволить ему жить в земле своей» [7, 35:32].

Тора предусматривала применение в виде наказания за совершенные преступления по отношению к преступникам и такую меру наказания, как удаление из них того или иного органа. В частности, это должно было применяться в таком случае: «Когда дерутся между собой мужчины, и жена одного из них подойдет, чтобы освободить мужа своего из рук бьющего, и протянувши руку, схватит его за срамной уд, то отсеки руку ее» [8, 25:11].

Одним из видов санкций, налагаемых судами за совершенные преступления, было наказание их субъектов бичом. При этом Тора запрещала судьям назначать наносить такое количество ударов, которое могло привести к их смерти.

В каждом конкретном случае количество ударов должно было назначаться и исполняться в соответствии с тем, какое их число преступник мог выдержать с учетом его возраста, пола и здоровья. «И если виновный, - предписывалось в одной из заповедей Торы, - достоин будет побоев, - то пусть судья прикажет положить его и бить при себе, смотря по вине его, по счету; сорок ударов можно дать ему, а не более» [8, 25:2, 3].

«Когда ссорятся (двое), – говорилось в Исходе, – и один человек ударит другого камнем или кулаком и тот не умрет, но сляжет в постели.., то ударивший только пусть заплатит за остановку в его работе и даст на лечение его» [5, 21:18, 19]. За нанесение побоев чужой беременной жене, если это повлекло выкидыш, виновный должен был уплатить ее мужу денежную компенсацию [5, 21:22].

Допускалось Второзаконием применение судами и такого своеобразного комбинированного наказания: «Если кто-нибудь встретится с девицею необрученною и схватит ее и ляжет с нею, и застанут их, то лежащий с ней должен дать отцу отроковицы 50 сиклей серебра, а она пусть будет его женою, потому что он опорочил ее. Во всю свою жизнь он не может с ней развестись» [8, 22:28, 29].

Особый вид санкций судьи назначали, когда рассматривали дела о нанесении хозяевами телесных повреждений своим рабам. За это Исходом предусматривалось следующее: «Если кто раба своего ударит в глаз... и повредит его, пусть отпустит его на волю за глаз. И если выбьет зуб рабу своему, пусть отпустит на волю за зуб» [5, 21:26-17]. Иное наказание было установлено за убийство чужого раба волком другого еврея: «Господину его (раба) заплатит 30 сиклей серебра, а вола побить камнями» [5, 21:32].

Тора запрещала евреям воровать. В соответствии с нормой, имевшейся в Исходе, преступивший запрет «Не укради» был обязан: 1) Возвратить двойную стоимость украденного, если его нашли у него; 2) Заплатить четырехкратную стоимость украденного, если у него его уже не было [5, 22:4].

Имелась в Исходе и такая норма: «Если кто украдет вола или овцу и заколет (их) или продаст, то 5 волов заплатить за вола и 4 овцы за овцу» [5, 22:1].

Различия в размере денежной компенсации за украденных вола и овцу объяснялись так: вор, который тащит овцу на себе, тем самым унижает свое человеческое достоинство, а вола он, не унижаясь, гонит рядом с собой. Поэтому в последнем случае он должен платить больше.

В одном из предписаний Торы говорилось: «Не грабительствуй». Воровство считалось более тяжким преступлением, чем грабеж. Причина этого: вор, присваивая чужое, считает, что если этого никто не видел, то особой вины за ним нет, т.е. он думает, что бог не всеведущ, и тем самым нарушает одно из основных положений иудаизма. Поэтому предусматривалось для вора более строгое, чем для грабителя, судебное наказание: грабитель должен был уплачивать потерпевшему только стоимость награбленного.

Иудаизм исходил из того, что каждый еврей наделен свободной волей. Поэтому, если власти приказывают ему совершить преступное деяние, он не может следовать таким приказам. Ему предписывалось следовать предписаниям бога, а не преступным приказам людей. А если еврей им следовал, то брал на себя вину не меньшую, чем те, кто отдал такой приказ, и за это тоже подвергался судебному преследованию.

Суды не использовали в своей практике при определении меры наказания за преступления принцип объективного вменения. Применять его им запрещало Второзаконие: «Отцы не должны быть наказываемы... за детей, и дети не должны быть наказываемы за преступления отцов. Каждый должен быть наказан... за свое преступление» [8, 24:16].

Суды карали не только за преступления уголовного характера, но и за нарушения некоторых морально-этических запретов. Часть из них Тора квалифицировала как тяжкие преступления и предусматривала за них суровые наказания, вплоть до смертной кары.

Так что, «кто злословил отца своего или мать, того должно предать смерти». Делать это предписывала судам норма, имевшаяся в Исходе [5, 21:17]. Подобная норма имела и в Числах: «Если у кого сын будет буйный и непокорный и после родительского наказания не исправится, то пусть отец и мать приведут его... у ворот города и скажут: он нас не слушает, мот и пьяница. Тогда все жители его пусть побьют камнями до смерти» [7, 22:18-21].

В организации и деятельности судов, функционировавших у древних евреев на основе заповедей Торы, нашли свое осуществление и некоторые принципы современного судопроизводства. Это принцип равенства всех перед судом, принцип неотвратимости наказания за преступление, принцип личной за него ответственности, принцип виновной ответственности за совершенное преступление и принцип соответствия наказания преступлению.

Список литературы

1. Библия, или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в русском переводе. С параллельными местами. Издание одиннадцатое. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1913. – 1548 с.
2. Швут Ами. Сефер а-мицвот. Пер. А. Каца www.chassidus.ru/librsrv/rsmbat/seferhamitzvos/index.htm;
Донин Х. Быть евреем www.iatok.ru/jewsn-world/Donin7.shtml; Дашевский З. Курс «Законы семьи» www.machanaim.org/yearroun/inabr.htm;
Дашевский З. Избранные темы из раздела Незикин www.machanaim.org/yearroun/indnez.htm;
Рав Шломо Ганцфид. КицурШульхан Арух: Пер. А. Кутукова www.istok.ru/jews-n-world/kitsur/;
Эйлон М. Маймонид. Кодификатор еврейского права: Пер. М. Бартова www.judaicaru.org/library/rambar5.thml;
Равин Исраэль-Мегер Лау. Практика иудаизма в свете устной Торы. – Б.м.: Мосада, 1991. – 321 с.;
Тверской И. Книга Рамбима «Мишнэ Тора»: Пер. М. Бартова www.judaicaru.org/library/rambam5.html
3. Гуткина Н. Литература таннаев. Мидраш. Мишна. Тосефта www.ort.apl.ru/nest/gutkina4.html
Беленький М.С. Иудаизм. – М.: Политиздат, 1974. – 241 с.
Беленький М.С. О мифологии и философии Библии. М.С. Беленький. – М.: Наука, 1997. – 311 с.;
Фрезер Д. Фольклор в Ветхом завете. – М.: Политиздат, 1989. – 216 с.
Гарднер Л. Цари Грааля и потомки Адама и Евы. – М.: Вече, 2001. – 402 с.
Мизун Ю.Г. Тайны богов и религий. – М.: Вече, 1999. – 346 с.
Кашенко С.Г. Ветхий завет как источник уголовного права // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2006.-Т.19(58), №3. - Юридические науки. – С. 20-24.
Кашенко С.Г., Таран П.Е.. Право в Древнееврейском государстве // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2014. – Т.27(66), №4. – Юридические науки. – С. 9-14;
4. Библия. Ветхий завет. Бытие
5. Библия. Ветхий завет. Исход
6. Библия. Ветхий завет. Левит
7. Библия. Ветхий завет. Числа
8. Библия. Ветхий завет. Второзаконие

9. Рамбам. Законы Сангедрина. Глава 1. Галаха 4
www.chassidus.ru/library/rambam/hilcheussangedrin.html
10. Телушкин Й. Еврейский мир. Важнейшие сведения о еврейском народе, его истории и религии. – М.: Лехаим, 1998. – 574 с.
11. Мировоззрение талмудистов. Свод религиозно-нравственных поучений в выдержках из главнейших книг раввинской письменности. – М.: Ладомир, 1994. – 672 с.
12. Швут Ами. Сефер а-мицвот. Пер. А. Каца
www.chassidus.ru/librsry/rsmbat/seferhamitzvos/index.html

Kashchenko S.G., Taran P.Y. The Court and Trial in the ancient Hebrew State // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 45 – 53.

The article deals with the organization and operation of the courts of the ancient Jews. It shows that the judicial system was structured and that it was formed and acted on the basis of legal rules that have arisen before the creation of the Hebrew state, and then were included in the Torah precepts of the Old Testament of the Bible. The authors characterize the types of decisions and sentences which were taken by court on the different cases.

Key words: Bible, Old Testament, Torah, Exodus, Leviticus, Numbers, Deuteronomy, sanhedrin, the commandments, the Old Testament rules.

УДК 340.15:347.79

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПОРТАМИ В 1917 – 1923 ГГ. В ЧЕРНОМОРСКО-АЗОВСКОМ РЕГИОНЕ

Коваль А. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Статья посвящена изучению эволюции управления портами в Черноморско-Азовском регионе в 1917 – 1923 гг. На основе изученных нормативно правовых актов делается вывод, что первоначально большевиками была взята за основу имперская система управления портами с инкорпорацией в нее новых управленческих структур как в высшем звене, так и в низшем. Первоначально значительная роль отводилась различным съездам и профсоюзным организациям, однако в начале 1920-х гг. все более стала применяться система коллегиального принятия важнейших решений с установлением исполнительной власти на портовой территории начальника порта.

Ключевые слова: порты, организация управления, Черноморско-Азовский регион, декреты, нормативные акты, национализация, экономические совещания.

Правовое регулирование деятельности торговых портов является одной из важнейших задач любого государства, обладающего выходом к морю. Обуславливается это огромной ролью морского транспорта в современной системе экономического развития и взаимодействия стран. Именно морской транспорт по-прежнему является наиболее массовым в международных коммуникациях и, к тому же, самым дешевым. Изучением проблем правового регулирования деятельности торговых портов в России занимались такие исследователи как Сидорченко В.Ф., Виноградов П.П., Кейлин А.Д., Егоров А.Ю., Смоленцев В.Д., Змерзлый Б.В., Горюнов Б.Ф., Шихнев Ф.М., Никеров П.С. и многие другие [1-11]. Тем не менее, проблема эволюции правового регулирования деятельности торговых портов в советский период еще только требует своего изучения.

В последние годы существования Российской империи управлением внешней торговли вообще и деятельностью портов в частности ведало созданное в 1905 г. Министерство торговли и промышленности. Сами же порты управлялись на основании тщательно продуманного и подробного Положения о местном управлении приморскими торговыми портами от 12 июня 1901 г. В годы 1-й Мировой войны основные рычаги власти были переданы особому управлению грузовыми перевозками, которое контролировалось военными. Для решения насущных проблем перехода от состояния войны к мирной жизни в 1917 г. был создан Центральный комитет по портовым делам, а Министерство торговли и промышленности было преобразовано в соответствующий комиссариат.

Следует также указать, что начав демонтаж имперской государственной системы, отбросить все ее механизмы и нормативно-правовые акты оказалось невозможно, во-первых, по причине отсутствия своих каких либо наработок; во-вторых, из-за возможности полного разлада всей государственной и правовой системы. А

потому на начальном периоде событий 1917 г. прежнюю конструкцию лишь подвергли определенной модернизации под новые условия.

Первым шагом в этом направлении стал декрет 24 ноября 1917 г. по комиссариату торговли и промышленности «О переходе Торгового Мореплавания и Торговых Портов в заведывание Центрального Комитета Всероссийского Союза моряков и речников». Им, в частности, предусматривалось, что отделы торгового мореплавания и торговых портов с 24 ноября переданы в заведывание Центрального Комитета Всероссийского Союза моряков и речников Торгового Флота [12, с. 63].

Исходя из этого, 25 ноября 1917 г. нарком по торговле и промышленности П.А.Шляпиков издал приказ №5 «О порядке увольнения и назначения на должности по Отделу Торгового Мореплавания и Торговых Портов». Им увольнение и назначение на должности по отделу торгового мореплавания, отделу торговых портов, местным портовым управлениям и управления работ в торговых портах предоставлялось коллегии, состоящей из: заведующего отделом торговых портов, заведующего отделом торгового мореплавания, заведующего административной частью отдела торговых портов, заведующего строительной частью отдела торговых портов [7, с. 63]. Следует указать и на то, что высшим органом, управляющим экономической деятельностью государства и подчиненным непосредственно СНК, стал созданный тогда же Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ).

И все же в отношении деятельности портов основополагающим было распоряжение по комиссариату торговли и промышленности «Об изменении и дополнении действующего положения о местном управлении торговыми портами и о комитете по портовым делам», принятое 20 декабря 1917 г. Данное решение было продиктовано Всероссийским съездом моряков и речников торгового флота, а потому во многом и было направлено на улучшение уже существующего действовавшего законодательства, а именно положения о местном управлении приморскими торговыми портами (ст.ст. 607 – 653 Уст. Торг. изд. 1903 г. и продолж.) и о комитете по портовым делам (ст. 162 – 176 прилож. к ст. 618, т. 1 ч. 2 Св. Зак. по прод. 1912 г.). Таким образом комиссар торговли и промышленности признал необходимым внести следующие изменения в Устав Торг. т. 11, ч. 2 о морской торговле.

Ст. 609 изложили в том смысле, что местное заведывание приморскими торговыми портами в отношении как нужд и пользы торговли, промышленности и торгового мореплавания, в техническом и хозяйственном, возлагалось на местные комитеты по портовым делам, в ведении которых состояли капитаны торговых портов, заведующие работами в портах, с состоящими при них служащими по штатам. Административно-хозяйственная и техническо-строительные части в торговых портах объединяли с подчинением местным комитетам по портовым делам, и стали исполнительными органами местного комитета.

В то же время, согласно ст. 610, местные комитеты по портовым делам состояли в ведении отдела торговых портов и торгового мореплавания и в порядке надзора и руководства подчинялись центральному комитету по портовым делам.

По постановлениям, распоряжениям и указаниям местного комитета по портовым делам: а) капитану торгового порта вверялось заведывание и управление портом и б) заведующему работами в порту – заведывание и производство работ. Для руководства должностными лицами местный комитет по портовым делам получил право издавать соответствующие инструкции (ст. 611).

Должности капитана торгового порта посвящена ст. 612. В ней определялось, что на них назначаются коллегией, заведующей отделом торговых портов и торгового мореплавания, преимущественно капитаны дальнего плавания, проплававшие в должностях судоводителей на судах торгового флота не менее 5 лет. Кроме моряков торгового флота, позволялось назначать офицеров военного флота, проплававших в должностях судоводителей на судах торгового флота не менее 5 лет.

В менее значительных портах эти должности могли замещаться штурманами дальнего плавания и капитанами малого плавания, проплававшие в должностях судоводителей на судах торгового флота не менее 5 лет.

Что же касается должности заведующих работами в портах, то на них коллегией могли назначаются лица, получившие специальное техническое образование или подготовку и прослужившие на работах по сооружению портов не менее 5 лет. Данное положение весьма консервативно и почти полностью повторяет основные требования дореволюционного законодательства.

Порядок назначения вышеозначенных лиц установили такой. Местные комитеты по портовым делам представляли на утверждение коллегии, заведующей отделами торговых портов и торгового мореплавания: а) кандидатов, выдвинутых местным отделом Всероссийского союза моряков и речников торгового флота на должности капитанов торговых портов и их помощников и б) кандидатов, выдвинутых на выборных началах портовыми служащими и рабочими по строительству и сооружению в портах на должности заведующих в портах и их помощников. В случае не утверждения коллегией предоставленного кандидата, местные комитеты в месячный срок должны были представить их в двойном количестве, из которых коллегия выбирала и утверждала как капитана порта или заведующего работами в порту, так и их помощников (ст. 613).

Статьей 614 подчеркивалось, что капитану порта подчинены непосредственно все служащие по административной части порта, а заведующему работами в порту – все служащие по техническо-строительной части порта, а вот ст. 621, которой начальнику порта разрешалось собственной властью разрешать некоторые дела по обвинению судовладельцами или корабельщиками или шкиперами лиц судовой команды в проступках, исключили.

Вопросы, указанные в ст. 622 (гражданские споры между судовладельцами или корабельщиками или шкиперами и лицами судовой команды, касающиеся договора найма, содержания и продовольствия команды на судах, а также некоторые другие вопросы), впредь следовало решать в примирительных камерах, где представителем правительства выступал капитан порта или его помощник в местном отделе Всероссийского союза моряков и речников торгового флота или в комитетах портовых рабочих.

Статью 624 изложили так «В случае нарушения обязательных постановлений и неисполнения законных требований капитана порта, ему принадлежит право, в установленном для сего порядке, налагать взыскание, в размере не свыше 100 руб., доводя о сем до сведения местного отдела Всероссийского союза моряков и речников торгового флота». Этим капитан порта был лишен права передавать дело в суд, если штраф был неуплачен, и задерживать судно и должника в порту до его оплаты.

Статья 629, которой капитану порта позволялось в случаях, не терпящих отлагательств, допускать собственной властью отступление от изданных обязательных

постановлений, получила дополнение, согласно которому «До сведения местного комитета по торговым делам в ближайшее его заседание, за которым признается право признать действие капитана порта правильным или неправильным или отметить».

Статья 630 также получила новое оформление, согласно действовавшим реалиям. Ею предписывалось помощников капитана порта и заведующих работами в порту назначать коллегией, заведующей отделами торговых портов и торгового мореплавания, из лиц, упомянутых в ст. 613, с соблюдением правил, изложенных в этих статьях. На должности портовых техников, производителей работ и другие технические должности назначались коллегией, по представлению местного комитета по торговым делам, кандидаты из числа судовых механиков торгового флота с дипломом 1 разряда, из лиц, получивших специальное техническое образование или соответствующую техническую подготовку.

Инженеры-механики и корабельные инженеры военного флота и др. лица с техническим образованием также могли быть назначаемы на должность портового техника при проплавании не менее 1 года на судах торгового флота в должности судового механика. При этом, кандидаты из числа судовых механиков выдвигались местным отделом Всероссийского союза моряков и речников торгового флота.

На должности портовых надзирателей назначались заведующим отделом торговых портов, по представлению капитана порта, преимущественно моряки флота, имеющие хотя бы диплом штурмана малого плавания или вполне грамотные лица, прослужившие в должности боцмана не менее 5 лет на судах торгового флота.

Статья 633 сохранила порядок, по которому береговые матросы определяются на службу капитаном порта из зарегистрированных моряков торгового флота, отставных и запасных моряков военного флота. А вот на все прочие должности по административно-хозяйственной и технической частям должны были определяться капитаном порта или заведующим работами в порту лица, рекомендуемые профессиональными союзами.

Статьей 637 надзор за деятельностью портового управления передавался от губернатора или градоначальника комиссару правительства, которому предоставлялось право давать указания по делам, касающимся мероприятий по губернии или области.

Статья 638 о полномочиях местного комитета по торговым делам получила новую редакцию, согласно которой комитету предоставлялось (п. 1-3 сохранены); 4) продажа ненужного или негодного народного имущества, находящегося в ведении портового управления, на сумму до 10000 руб., а также избрание способов этой продажи; 5) отдача в аренду находящейся в ведении портового управления участков народной портовой территории, а также избрание способов такой отдачи на срок свыше года, но не свыше 12 лет, если плата за весь арендный срок составляет более 1000 руб., но не превышает 25000 руб., распоряжение о прекращении аренды в случае нарушения арендных условий, а также составление заключений об отдаче в аренду находящихся в ведении портового управления участков народной портовой территории на срок не свыше 12 лет или сумму не свыше 25000 руб.

Также появились дополнительные постановления: ст. 638-1, по которой местному комитету по торговым делам предоставлялось разрешать производство необходимых для надобности портового благоустройства работ на сумму не свыше

25000 руб. в год.; ст. 638-2, которой на местный комитет по портовым делам возложили: 1) избрание председателя комитета и заместителя председателя, 2) предварительное рассмотрение уставов обществ, деятельность которых касалась порта, как-то: лоцманских обществ, рабочих артелей, 3) рассмотрение и утверждение такс и сборов за всякого рода услуги, оказываемые народными, состоящими в ведении портового управления, предприятиями, устройствами, плавучими средствами и приспособлениями, а также предельных ставок сборов за всякого рода услуги, оказываемые в порту предприятиями, 4) разрешение в подлежащих случаях вопросов об устройстве на входящих в пределы порта речных пространствах, на бечевниках и на воде, вододействующих и других заведений о пользовании бечевниками, а равно составление заключений по означенным вопросам, 5) рассмотрение иных, сверх перечисленных вопросов, которые комиссар торговли и промышленности признавал необходимым передать на обсуждение местного комитета по портовым делам.

б) Местному комитету по портовым делам предоставлялось обсуждать в отношении местных нужд вопросы: 1) о размерах развития и усовершенствования морской торговли, торгового мореплавания и судостроения; 2) об установлении и изменении всякого рода сборов и уменьшении накладных расходов, падающих на морскую торговлю и судоходство; 3) об изменении железнодорожных тарифов; 4) об открытии мореходных учебных заведений; 5) о мерах попечения о моряках торгового флота и портовых рабочих, об открытии морских домов, морских приютов и больниц, чайных и столовых для рабочих и других подобного рода учреждений; 6) о всякого рода делах, касающихся порядка пользования, со стороны городских учреждений, а равно общественных учреждений и частных лиц, принадлежащими им в границах порта земельными участками, пристанями, причальными и перегрузочными приспособлениями, складочными помещениями и прочими устройствами, служащими целям морской торговли и мореходного промысла.

Ст. 638-3 каждому из членов местного комитета предоставлялось вносить на рассмотрение комитета свои предложения по предметам, указанным в ст. 638, 638-1, 638-2. Предложения эти следовало подавать председателю комитета в письменной форме. Рассмотрение такого предположения комитетом было обязательно, если предложение это исходило от комитета порта, заведующего работами в порту или не менее как от 3 членов комитета.

Ст. 638-4 устанавливала, что местный комитет по портовым делам образуется из председателя, членов и секретаря. В дополнение этого положения ст. 641-1 констатировала, что председатель местного комитета по портовым делам и его заместитель избирались сроком на 1 год членами присутствия из своей среды, из числа тех членов, которые постоянно проживали в данном портовом городе. По истечении срока избрания, председатель и его заместитель могли переизбираться вновь. Выборы следовало производить шарами, причем избрание председателя и его заместителя должно было происходить при наличии не менее 2/3 общего числа членов комитета, участвующих в заседании при выборах. До выборов председательствовал, если не было выборного председателя и его заместителя, капитан порта.

Новое звучание, благодаря дополнению, получила ст. 640. Согласно ее подпункту 2, членами присутствия по портовым делам являлись: 1) 2 представителя от комиссариата торговли и промышленности (капитан порта и заведующий работами или их заместители) и по 1 представителю от комиссариатов: финансов, юстиции,

путей сообщения, внутренних дел, труда и народного контроля по назначению подлежащих комиссаров, а в портах, где это признавалось необходимым, комиссаров подлежащих ведомств, представители комиссариатов: морского, военного и земледелия, по 1 от каждого ведомства, 2) по 2 представителя от местного городского управления. 3) 1 представитель биржевого комитета, 4) 1 представитель от каждой железной дороги, имеющей в порту свои пути для устройства, 5) представители от крестьянских комитетов, заинтересованных в деятельности порта, по 1 от каждого, 6) 2 представителя от русских мореходных предприятий, 1 от парового флота и 1 от парусного флота, 7) представители от торгово-промышленных, сельскохозяйственных и других общественных организаций, заинтересованных в деятельности порта, по 1 от каждого, 8) 1 представитель от занятых работами в порту рабочих, 9) 1 представитель от Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 10) 2 представителя от комитета портовых служащих и рабочих, 11) 4 представителя от местного отдела всероссийского союза моряков. Столь значительное расширение членов присутствия по портовым делам вряд ли делало данный орган жизнеспособным.

Статья о присутствии по портовым делам было дополнены и другими определяющими порядок его работы положениями. Так, ст. 640-4 устанавливала, что секретарем местного комитета по портовым делам был портовый делопроизводитель, а при его отсутствии – помощник делопроизводителя или другое лицо, служащее в портовом управлении, по выбору от председателя. Ст. 640-5 предписывалось все бумаги, исходящие от местного комитета по портовым делам, подписывать председателю комитета или его заместителю и скреплять секретарю комитета. При этом ст. 640-6 устанавливалось, что председателю комитета, заместителю председателя и секретарю, за исполнение ими своих обязанностей, комиссаром следовало испрашивать особое вознаграждение в сметном порядке. Размер вознаграждения этим лицам и порядок выдачи определялись коллегией, заведующей отделами портов и мореплавания, по соглашению с народным контролем.

Местным комитетам по портовым делам следовало собираться не менее 1 раза в месяц (ст. 641). Членов комитета от правительственных учреждений и железных дорог, в случае невозможности для них прибыть на заседание, заменяли лица, заступающие их место, в порядке службы. Членами комитета от правительственных учреждений могли назначаться подлежащими комиссарами постоянные заместители (ст. 643). Заседание местного комитета признавалось состоявшимся, когда в нем присутствовали, кроме председателя, представители от комиссариатов: торговли и промышленности, финансов и путей сообщения и не менее 3 выборных членов. При рассмотрении дел, означенных в п. 1 ст. 638, обязательно было участие члена от комиссариата юстиции (ст. 646) [12, с. 167 – 170].

Другая часть распоряжения по комиссариату торговли и промышленности касалась приложения к ст. 618.1. Т. 1, ч. 2, Св. Зак. по прод. 1912 г., о составе и предметах ведомства Министерства Торговли и Промышленности, а если быть более точным, то корректировке положения о центральном комитете по портовым делам. Так, в частности, кроме прочего, согласно ст. 165, на него возложили составление списков торгово-промышленных, сельскохозяйственных и других общественных организаций, имеющих своих представителей в местном комитете по портовым делам, от каждого комитета особо (п. 9). Рассмотрение подлежащих внесению на рассмотрение СНК ходатайств об отдаче в аренду находящихся в ведении комиссариата

та торговли и промышленности участков портовой территории на срок свыше 12 лет до 99 лет, а также во всех тех случаях, если плата за весь арендный срок – свыше 25000 руб., а также рассмотрение иных вопросов, которые комиссар торговли и промышленности признавал необходимым передать на заключение центрального комитета по портовым делам (п. 10).

Ст. 166 устанавливался состав комитета: заведующий отделом торгового мореплавания, заведующий отделом торговых портов, заведующий административной частью отдела портов и заведующий строительной частью отдела портов и члены комиссариатов: финансов, внутренних дел, путей сообщения, военного, труда и народного контроля, по 1 от каждого из этих ведомств, 2 представителя от русских мореходных предприятий, 1 от парового и парусного флота, по избранию съездов судовладельцев, по 1 представителю от съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, совета съездов представителей промышленности и торговли, по 1 представителю от Викжеля и Виквода, 1 представитель исполнительного комитета по снабжению армии, 1 – от Всероссийского союза городов, 2 от ЦИК Всероссийского съезда советов, 4 от ЦК Всероссийского Союза моряков и речников торгового флота и 2 от всероссийского совета профсоюзов.

Заседание центрального комитета признавалось состоявшимся, когда в нем присутствовали, кроме председателя, представители комиссариатов: торговли и промышленности, финансов, путей сообщения и народного контроля и не менее 1/3 выборных членов от общественных организаций (ст. 171.1).

Сохранилось и право на особое мнение, заложенное еще при создании комитета по портовым делам в 1901 г. Так, согласно ст. 173, если член комитета от постороннего ведомства или от общественной организации оставался в меньшинстве и подавал в течение 3 дней со дня предъявления ему к подписи журнала комитета особое мнение, то состоявшееся в комитете постановление, до приведения его в исполнение, препровождалось в списке подлежащему комиссару, или народному контролеру, или подлежащему общественному учреждению, от которого он состоял представителем. Если в течение 3-х недель со дня препровождения списка со стороны комиссара ведомства или общественного учреждения, по принадлежности, не последовало возражения, то постановление считалось принятым и обращалось к исполнению.

При этом устанавливалось, что в случае несогласия комиссара или подлежащих общественных организаций с постановлением центрального комитета возбуждавший разногласие вопрос комиссар торговли и промышленности выносил на решение СНК (ст. 174) [12, с. 167-171].

В конце декабря ЦК профсоюза моряков и речников представил доклад о национализации торгового флота, члены союза водников Нижнего Днепра приняли постановление о национализации флота. Они устранили судовладельцев и для управления флотом избрали коллегию из 12 человек.

В это же время и черноморцы также решили национализировать флот и для управления флотом Черного и Азовского морей избрали «Совет девяти». Во всех крупных портах Черного и Азовского морей были созданы «Советы пяти», а по конторам пароходства были назначены комиссары.

17 января 1918 г. на заседании СНК в присутствии представителей Цекморека и Центроволги был рассмотрен вопрос о национализации флота. На этом заседании

Совнарком постановил в срочном порядке произвести национализацию флота, составить комиссию для определения суммы финансирования водного транспорта и для разработки проектов декретов о национализации флота. В результате этого решения 24 января 1918 г. Лениным был подписан декрет о национализации торгового флота [13, с. 56].

На основании этого декрета по списочному составу на 1 января 1917 г. подлежало национализации 974 морских паротеплохода, вместимостью 495 тысяч регистровых тонн, грузоподъемностью 1,3 млн. тонн, с общей стоимостью 154 млн. руб.

Однако по результатам гражданской войны, по неполным данным, белые увеличили 203 крупных судна. Вместимость уведенных судов равнялась 207 тысячам регистровых тонн, а общая мощность их машин – 207 тыс. индикаторных сил. По данным 1920 г. на Черном море из всего количества судов осталось годных к плаванию всего лишь 6 парусно-моторных судов, 3 парусных судна и 1 моторный катер. Остальные уцелевшие суда были совершенно непригодны к эксплуатации [13, с. 57 – 59]. Можно также указать, что по состоянию на 1 января 1922 г. на Азовском, Черном, Балтийском и Белом морях национализированный паротепловой флот по отношению к 1913 г. составлял всего лишь 20% и непаровой – 12% [13, с. 74]. Обслуживать полуразрушенным портам в начале 1920-х гг., как видим, было почти нечего.

Следует также упомянуть, что декретом СНК «О национализации торгового флота» были национализированы не только собственно суда, но и недвижимая собственность, принадлежащая частным лицам и различным компаниям. Не подлежали национализации суда лоцманских обществ и товариществ, городских и сельских самоуправлений, а также все суда, непригодные для перевозки грузов и пассажиров, за исключением судов, принадлежащих акционерным предприятиям.

Советской власти на местах совместно с профессиональными рабочими и судоводческими организациями, отделами Всероссийского совета моряков и речного торгового флота и в согласии с экономическими советскими организациями (районными СНХ, экономическими комитетами и т.п.), следовало немедленно принять меры к охране судов и всего имущества, переходящих в собственность советской республики. При этом в приморских портах принятие этих мер было возложено на советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и отделы всероссийского союза моряков и речников торгового флота, а где таких не было – на портовые комитеты [12, с. 302].

Таким образом, вся собственность различных компаний в порту, от складов до средств погрузки, перешла в ведение различных советов и союзов, местами – в управление портовых комитетов. Учитывая, что декрет не указал конкретного распорядителя этого имущества и начало гражданской войны, можно смело утверждать, что такой шаг лишь обострил ситуацию в торговом флоте, которая на начало года и так была мало управляемой.

Очевидно, пытаясь исправить ситуацию, 5 марта (20 февраля) 1918 г., декретом СНК, управление внутренних водных путей сообщения НКПС, отдел торгового мореплавания и отдел торговых портов комиссариата торговли и промышленности и все учреждения по заведыванию водными сообщениями и торговым флотом были переданы в ведение ВСНХ. Для управления торговым морским и речным флотом и водными сообщениями создавался при ВСНХ отдел водных сообщений [12, с. 396].

Следует также упомянуть, что первоначально НКПС был образован декретом 2-го Всероссийского съезда Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. как Народный комиссариат по железнодорожным делам и лишь в связи с передачей в его ведение Управления внутренним водным транспортом переименован в НКПС.

Следующим нормативно-правовым актом, определившим структуру управления флотом вообще и торговыми портами в частности, стал декрет СНК от 18/5 мая 1918 г. «О преобразовании органов управления водного транспорта». Им, в частности, предусматривалась ликвидация коллегии Отдела водных сообщений ВСНХ в прежнем составе, а учрежденный при ВСНХ отдел водных сообщений переименовывается в ГУ Водного Транспорта (Главвод). Распорядительным органом, руководящим всей текущей работой «Главвода», стала верховная коллегия «Главвода» в составе 5 членов, из которых 2 делегировались ЦК союза работников водного транспорта (Цекводом), 3 – ВСНХ. Из числа этой коллегии ВСНХ назначала ее председателя. Верховная коллегия «Главвода», ответственная перед президиумом ВСНХ, утверждалась им и представляя ему периодические доклады о деятельности «Главвода» не реже 1 раза в 2 недели. Общая по водному транспорту ежегодная смета, план работ и массовых перевозок и другие вопросы общегосударственного характера вносились, одновременно с сообщением их комиссариатам путей сообщения, по финансовым делам и госконтроля, на утверждение президиума ВСНХ. Все вопросы текущего управления в пределах общих норм и положений о национализации водного транспорта, а также в пределах постановлений президиума ВСНХ решались верховной коллегией «Главвода» самостоятельно.

В области местного управления предусматривалось разделение областей на районы и районов на участки, а установление районных, участковых, пристанских и портовых управлений производилось областным управлением и утверждалось «Главводом».

Распорядительным органом областного управления была коллегия в составе 5 членов, из которых 2 – от союза работников водного транспорта и 3 – от ВСНХ, или по его передоверию, от местных советов рабочих и крестьянских депутатов. Избираемый коллегией председатель представлялся на утверждение «Главводу». Распорядительным органом районных управлений устанавливалась коллегия из 3 членов, 2 от союза работников водного транспорта и 1 – от ВСНХ, или по его передоверию от местных советов или других экономических организаций.

Управление участками, пристанями и портовыми конторами поручалось заведующим, утверждаемым областными управлениями по представлению районных. Главводу предоставлялось право по планам, утвержденным президиумом ВСНХ, производить слияния отдельных предприятий или ликвидацию их и передачу функций по эксплуатации областным и районным управлениям. При этом все учреждения бывших частных судоходных предприятий подчинялись Главводу [12, с. 542-543].

Создав новую структуру управления водным транспортом, 12 октября 1918 г. ВСНХ приняло постановление «Об упразднении Центрального и Местных Комитетов по портовым делам», функции их, а равно распоряжение отпущенными в их ведение суммами были переданы Главводу и его местным органам – морским областным и районным управлениям [12, с. 1017].

30 мая 1921 г. был принят декрет СНК «О морском транспорте». Им перевозка морем пассажиров, багажа и грузов возлагалась на НКПС по управлению морским транспортом, в ведении которого и находился морской торговый флот РСФСР (п. 1).

Те же операции на не национализированных судах следовало производить по правилам, устанавливаемым НКПС (п. 1). Указанные выше операции морским транспортом РСФСР и денационализированными судами российских граждан следовало производить на основании настоящего декрета и инструкций и постановлений, издаваемых НКПС (п. 3).

Движение иностранных торговых судов в пределах морских территориальных вод РСФСР и союзных советских республик, заход их в русские порты, перевозка на них пассажиров и грузов, должны были регулироваться особыми правилами, разрабатываемыми НКПС по соглашению с Народным Комиссариатом Внешней Торговли, Внутренних Дел и Морским и утверждаемыми Высшим Советом по Перевозкам (п. 4).

Вопросы, касающиеся прямого сообщения между морским и железнодорожным или речным транспортом по заграничным путям сообщения, а также объем операций морского транспорта и список срочных заграничных рейсов российских судов разрешались НКПС по соглашению с Народным Комиссариатом Внешней Торговли, утверждаемому Высшим Советом по Перевозкам (п. 5).

Высшему Совету по Перевозкам в отношении морского транспорта присваивались все права по разрешению вопросов о планах и условиях перевозок и руководство ими, предоставленные ему в отношении железных дорог (п. 6).

В свою очередь, НКПС предоставили право передавать суда морского транспорта в исключительное пользование советским учреждениям и предприятиям, а также российским кооперативным учреждениям на определенные сроки для их транспортных нужд. Передача в тех же целях судов российским гражданам и иностранным подданным совершалась НКПС с особого каждый раз разрешения СНК по специальным договорам (Цертопартиям) (п. 7).

Перевозку пассажиров, багажа и всякого рода грузов на судах (п. 1 данного декрета) следовало совершать по соответствующим для каждого рода перевозки документам (билетам, коносаментам, багажным квитанциям), «коими определяются на основании сего декрета и изданных дополнительно инструкций и постановлений взаимные права и обязанности сторон, участвующих в перевозке». Формы документов устанавливались НКПС по соглашению с НКВД и с заинтересованными ведомствами (п. 8).

Перевозка же на судах морского транспорта РСФСР государственных грузов из российских портов в российские же или заграничные и сдача судов в срочное исключительное пользование советским учреждениям и предприятиям производилась бесплатно (п. 9).

При этом грузы, принадлежащие российским гражданам, а также грузы иностранных государств и их подданных, следующие в пределы или за пределы РСФСР или транзитом через нее, подлежали оплате по правилам и ставкам, устанавливаемым НКПС по соглашению с Народным Комиссариатом Внешней Торговли и Наркомфином и утверждаемым Высшим Советом по Перевозкам.

Кроме того, устанавливалось, что все пассажиры русского подданства имели право на бесплатный провоз багажа и клади в пределах норм, устанавливаемых НКПС. Правило это не распространялось на российских граждан, возвращающихся из-за границы, в тех случаях, когда они не были освобождены от проездной платы. Размер платы за багаж устанавливался НКПС.

Правом бесплатного проезда на судах морского торгового флота РСФСР пользовались: а) лица, следующие по государственным надобностям (перевозка рабочей силы, командировки, служебные перевозки, перевозки войск и т. п.); б) рабочие и служащие, едущие в отпуск и обратно; в) советские служащие и рабочие, едущие на работу или службу, на съезды или обратно; г) участники экскурсий, организуемых государственными учреждениями и профессиональными союзами; д) дети в возрасте до 16 лет; е) лица, состоящие на иждивении Народного Комиссариата Социального Обеспечения или на попечении Наркомздрава; ж) учащиеся, едущие в учебные заведения и обратно (п. 10).

В то же время эти правила не распространялись на пассажиров, принимаемых судами морского транспорта в иностранных портах. Порядок приема в этих портах пассажиров вообще и, в частности, условия освобождения от платы за перевозку подлежащих категорий русских граждан определялись НКПС по соглашению с НКВД и Наркоминдел и утверждались Высшим Советом по Перевозкам (ст. 11).

Плата во всяком случае взималась: а) за перевозку лиц, не предусмотренных в п.п. «е»-«ж» ст. 10 декрета; б) за провоз багажа сверх нормы и хранение его сверх сроков, определяемых НКПС, в размере, устанавливаемом им же (п. 12).

За утрату и повреждение грузов, принадлежащих кооперативам, частным российским гражданам, а также иностранным государствам и их поданным, морской транспорт отвечал в размере, определяемом судом, если не было доказано, что утрата или повреждение груза произошли от действия непреодолимой силы, от свойства самого груза или по вине самого отправителя.

При этом указывалось, что в условия перевозки указанных в настоящей статье грузов могут быть включены по постановлению НКПС и другие основания к сложению указанной ответственности. Эти основания следовало отмечать на обороте коносамента (п. 13).

Морской транспорт отвечал за гибель или порчу багажа в тех же случаях, как за гибель и порчу грузов (п. 14).

Устанавливалось и то, что за гибель и порчу багажа, а также в случае утраты багажа, сданного к перевозке от и до русских портов, владелец мог требовать от государства в лице НКПС и местных органов транспорта возмещение в размере 1000 рублей за каждый фунт. Размер и порядок выдачи вознаграждения за утраченный, погибший или поврежденный багаж, сданный к перевозке от и до иностранных портов, определялись правилами, издаваемыми НКПС по соглашению с Наркомфин. Правила эти помещались на обороте выдаваемых в подлежащем случае багажных квитанций (п. 15).

При порче и утрате всяких грузов и багажа виновные в этом сотрудники морского транспорта подлежали законной ответственности (п. 16). В свою очередь, за безбилетный проезд, а равно за неподчинение законным распоряжениям капитана, пассажир мог быть подвергнут властью капитана аресту и по прибытии в ближайший порт – удалению с судна (п. 17) [14].

Урегулировав вопросы перевозки, законодатель обратился и, собственно, к деятельности портов. Так, 21 июня 1921 г. было принято положение «Об организации работ по производству ремонта портов и по приведению их в годное для эксплуатации состояние». Им, во избежание параллелизма в работе в портах, СНК установило следующий порядок по производству ремонта и по приведению портов в годное для эксплуатации состояние:

1) заведывание работами в торговых портах сосредоточили в Управлении работ портов НКПС за исключением Петроградского порта;

2) имеющиеся в портах технические организации главного комитета государственных сооружений (Главкомгосоор), ВСНХ сливались с органами НКПС, причем этому управлению Главкомгосоор обязывался передать наличный состав сотрудников, со всем инвентарем, оборудованием и материалами;

3) в случае возникновения надобности в производстве новых работ, они должны были выполняться этими управлениями работ по заданиям Главкомгосоора, согласованным с НКПС на кредиты и под наблюдением Главкомгосоора, причем во всех случаях возлагалось на ВСНХ и его органы обеспечение работы соответствующим снабжением. Служащие управления работ НКПС, в случае производства работ по заданиям Главкомгосоора, выполняли их на правах совместительства;

4) для производства особо крупных работ в существующих портах, связанных с коренным их расширением, требующих сосредоточения большого количества технических сил и средств и сравнительно короткого срока производства, Главкомгосоор должен был организовывать по соглашению с НКПС отдельные управления работ, подчиненные Главкомгосоору; сооружение новых портов, как и связанные с этими работами изыскания, возлагались на Главкомгосоор; всякие разногласия между НКПС и ВСНХ по поводу применения декрета СНК о плановых комиссиях разрешались на основе настоящего постановления [15, с. 541].

Следующим шагом было урегулирование собственности системы управления портами, что было сделано постановлениями 10 марта 1922 г. В этот день на основании постановления СТО от 27 апреля 1921 г. вышли два постановления Украинского Экономического Совета, первое из них называлось «Об управлении морскими торговыми портами Республики». В нем для урегулирования взаимоотношений между ведомствами, заинтересованными в деятельности торговых морских портов, в отмену изданных ранее распоряжений устанавливалось, что, во-первых, портовая территория со всеми находящимися на ней сооружениями и портовые воды находятся в хозяйственном и административном ведении УНКПС в лице начальника торгового порта.

Во-вторых, запрещалось какое бы то ни было вмешательство со стороны каких бы то ни было ведомств в административную и техническо-хозяйственную деятельность начальника торгового порта.

В-третьих, предоставление складов, помещений, право пользования причалами и прочим имуществом производилось распоряжениями начальника порта по заявкам ведомств, согласованным в Комитете по портовым делам. Передача имущества во временное пользование производилась по особым инструкциям, преподанным начальникам портов центром.

В-четвертых, при начальниках торговых портов под его председательством создавались комитеты по портовым делам из представителей УНКПС, УНКВТ,

представителя местного Исполкома, УСНХ, РКИ и УНК по военным делам. Их права и компетенции определялись особым положением [16, с. 195].

Второе постановление называлось «О совещаниях по портовых делам» и базировалось на основании постановления Совета Труда и Оборона от 24 июня 1921 г. и постановления об управлении морскими торговыми портами, утвержденного 27 апреля 1921 г. В нем предписывалось образовать при начальниках торговых портов и под их председательством в каждом порту совещание по портовым делам из представителей УНКПС, УНКВТ и по одному представителю от местного исполкома, УСНХ, РКИ и УНК по военным делам, Моркома и Нарокмпрода.

На совещания по портовым делам возложили:

а) предварительное установление границ порта, их окончательное утверждение производилось УНКПС по согласованию с заинтересованными ведомствами;

б) рассмотрение проектов обязательных постановлений, касающихся благоустройства и внутреннего порядка порта. При этом обязательные постановления, утвержденные начальником порта, следовало сообщать в копии Мортрану и публиковать в местной газете и в бюллетене ЮОПС (южный округ путей сообщения). Если Мортран усматривал в них нарушение декретов или постановлений центральной власти, то сообщал об этом УНКПС на предмет отмены или изменения изданных постановлений;

в) рассмотрение предложений и проектов, касающихся мероприятий, по улучшению, переустройству и оборудованию порта;

г) рассмотрение проектов и смет капитального ремонта порта и портовых сооружений;

д) установление порядка отвода участков и помещений на территории порта и условий пользования ими;

е) предварительное рассмотрение вопроса об установлении размера сборов за пользование портовыми сооружениями и приспособлениями;

ж) рассмотрение других вопросов, касающихся данного порта, которые будут внесены на обсуждение комитета начальников Торгопорта центральными органами УНКПС или местными учреждениями, находящимися на территории порта.

Председателю Совещания по портовым делам, а также участвовавшим в заседании представителям ведомств, оставшимся в меньшинстве, предоставлялось в трехдневный срок подать в письменной форме мотивированное возражение против состоявшегося постановления. Это возражение, вместе с относящимися к данному вопросу материалами, немедленно препровождалось в УНКПС, которое сносило с ведомствами, представителями которых было заявлено возражение. Если этим путем не достигалось соглашения, вопрос вносился на разрешение УЭС. При этом, подача возражений не приостанавливала приведения в действие постановлений Совещания по портовым делам, если Совещание не признавало нужным приостановить его [16, с. 195-196].

Следующим шагом стало принятие 1 ноября 1922 г. постановления «Об установлении связи экономических совещаний с управлениями морских торговых портов». Им, в отмену ранее изданных постановлений СТО о порядке управления морскими портами, постановлялось: во-первых, в целях установления тесной связи приморских портов с экономическими совещаниями, сближения с местными государственными и промышленными организациями и вовлечения их в развитие хозяйственно-коммерческой деятельности портов учреждался в последних институт уполномоченных комиссара путей сообщения, подчиненных уполномоченному НКПС округа или области; в обязанности уполномоченных НКПС при морских портах вменялось проведение в жизнь указаний экономических совещаний и осуще-

ствления контроля экономических совещаний над деятельностью морских портов в пределах, установленных ВЦИК положением об экономических совещаниях, сделав их в то же время подотчетными и подконтрольными экономическим совещаниям.

При этом уполномоченные НКПС портов входили равноправными членами в состав соответствующих экономических совещаний. Установление же перечня портов, в которых вводился институт уполномоченных НКПС, представлялось на усмотрение самого НКПС. Права и обязанности уполномоченных НКПС при морских портах и их взаимоотношения с начальниками портов определялись положением об уполномоченных НКПС на железных дорогах и изданным НКПС дополнениями.

Во-вторых, запрещалось какое бы то ни было вмешательство со стороны каких бы то ни было ведомств в административную и технико-хозяйственную деятельность портоуправления. НКПС и морскому ведомству было предложено разработать правила о взаимоотношениях начальников торговых портов с командирами военных портов в том случае, если территории этих портов соприкасались.

В-третьих, все морские торговые порты подчинили уполномоченному НКПС области или округа, согласно положению об уполномоченных народного комиссариата при областных (краевых) экономических совещаниях.

В-четвертых, утверждался представленный НКПС проект положения о ЦК, областных комитетах и совещаниях по портовым делам с предоставлением НКПС права организации областных комитетов по мере надобности и по согласованию с областным экономическим совещанием и НКВТ [17, с. 1488].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. За период 1917 – 1922 г. система управления портами прошла сложный этап эволюции от первоначально совершенствования применявшихся еще в Российской империи соответствующих схем и законодательной базы до создания советской системы управления торговыми портами на основе вышерассмотренных декретов. Данная система, впрочем, оказалась не достаточно совершенной и потому в ближайшие годы многократно совершенствовалась.

Список литературы:

1. Под флагом Родины. Очерки Черноморского морского пароходства. – Издательство "Маяк", Одесса, 1967. — 456 с.
2. Сидорченко В.Ф. Капитан морского судна. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 307 с.
3. Виноградов П.П., Кейлин А.Д., Под ред.: Солодилов А.П.– М.: Морское право. Издательство Водный транспорт. 1939. – 248 с.
4. Александр Кейлин. Советское морское право. – Из-во: Водтрансиздат. – 1954 г.
5. Егоров А.Ю., Смоленцев В.Д. Херсон – первый порт на Черном море: Исторические хроники 1778-2008 годов. – Херсон: Надднiproяночка, 2008. – 230 с.
6. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б.В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
7. Горюнов Б. Ф., Шихнев Ф. М., Никеров П. С. Морские порты. — М.: Транспорт, 1970. – 448 с.
8. Горюнов Б. Ф. Специализированные пирсы: Учебное пособие. — М.: МИСИ, 1983. – 92 с.
9. Горюнов Б.Ф. Специализированные причалы морских портов.– 1968, 312 с.
10. Специализированные причалы морских портов. Горюнов Б. Ф. – М., Изд-во Транспорт, 1968. – 312 с.
11. Шихиев Ф. М., Горюнов Б. Ф. Устройство морских портов. - М., Транспорт, 1976. 272 с.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. – М., 1942. – 1483 с.
13. Кузнецов В.Ф. От петровых кораблей до советских теплоходов. Из истории Азовского флота. – Изд. 2-е, дополненное и переработанное. – Ростов н-Д., 1946. – 116 с.
14. Декрет СНК «О морском транспорте» / Известия ВЦИК. – № 126 от 11 июня 1921 г.

15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М., 1944. – с. 1198.
16. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украины. – №11. 8-10 марта 1922 г.
17. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. – М., 1950. – 1932 с.

Koval A. Organization of management by ports In 1917 - 1923. In a region Black and Azov seas // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 54 – 68.

The article is sanctified to the study of management evolution by ports in the Черноморско-азовском region in 1917 - 1923 On the basis of studied normatively legal acts drawn conclusion, that originally by bolshevists was taken for basis imperial control system by ports with an incorporation in her new administrative structures as in a higher link so in more subzero. Originally a considerable role was taken to different conventions and trade-union organizations, however at the beginning of 1920th the system of collective acceptance of major decisions More began to be used with establishment of executive power on port territory of port admiral.

Keywords: ports, organization of management, region Black and Azov seas, decrees, normative acts, nationalization, economic conferences.

УДК 344.3/462 (470-571)

ПОЛОЖЕНИЕ О САНИТАРНОЙ ОХРАНЕ МОРСКИХ ГРАНИЦ СССР ОТ 10 МАРТА 1925 Г. И ЕГО РАЗВИТИЕ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Лесь Г. Г.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Работа посвящена изучению основных норм, заложенных в положение о санитарной охране морских границ СССР от 10 марта 1925 г., а также принятые в его развитие и дополнение региональных документах, устанавливающих штаты медико-санитарного отдела на Черноморском водном транспорте, штаты Врачебно-Наблюдательной станции в г. Одессе медико-санитарного отдела на Черноморском водном транспорте, штаты водно-санитарных участков медико-санитарного отдела на Черноморском водном транспорте и, наконец, штаты санитарных районов и специального санитарного надзора медико-санитарных отделов НК здравоохранения на путях сообщения УССР. Именно этими решениями было начато построение специальной медико-санитарной службы на водном транспорте Черного моря.

Ключевые слова: санитарная охрана, границы СССР, Черноморский регион, правовые нормы.

Правовое регулирование вопросов санитарно-эпидемиологической охраны границ является весьма актуальным и в современный период глобальной экономики и массовой миграции населения. Многочисленные вспышки различных инфекционных заболеваний, случаи недобросовестного исполнения различными коммерческими организациями норм санитарии, к сожалению приводят к заболеваниям людей, иногда заканчивающихся трагически. При этом, историография проблемы весьма немногочисленна. В основном в выявленных нами работах рассматриваются или затрагиваются отдельные аспекты создания и деятельности карантинных служб и соответствующего отраслевого законодательства. При этом необходимо указать, что историография проблемы представлена работами ученых с имперского и до современного периодов. Среди них, очевидно, следует отметить труды таких исследователей как Змерзлый Б. В., Эрисман, Галанин М. И., Черкасский Б. Л., Сергиев В. П., Ладный И. Д., Щепин О. П., Ермаков В. В., Пристанскова Н. И. [1-8].

Как известно, комплексные попытки урегулирования различных санитарных вопросов между государствами стали предприниматься еще с середины XX в. Однако последствия 1-й Мировой войны, разрушивший ранее существовавший порядок, привнесли в этот вопрос новые реалии.

Появившееся на обломках Российской империи советское государство во многом вынуждено было, в меру своих возможностей, придерживаться установленных международных санитарных норм и правил. Так, еще в ходе подготовки парижской санитарной конференции 1926 г., 10 марта 1925 г. СНК СССР принял Положение «О санитарной охране морских границ СССР». В нем, в частности, отмечалось, что санитарная охрана морских границ имеет целью предупреждение заноса морскими судами заразных болезней в пределы СССР, а также из одних портов СССР в другие порты. Под заразными болезнями в данном случае подразумевались, главным обра-

зом, чума, холера, желтая лихорадка, сыпной и возвратный тифы и оспа. В случае необходимости этот перечень заразных болезней мог быть расширен особыми постановлениями СТО (ст. 1).

Санитарная охрана морских границ и существующие для этой цели учреждения провозглашались в ведении Наркомздрава той союзной республики, на территории которой находился соответствующий порт. Наркомздравам союзных республик в своей деятельности по санитарной охране морских границ следовало руководствоваться настоящим Положением и изданными в его развитие правилами (ст. 31), а также международными санитарными соглашениями (конвенциями), вошедшими в силу в СССР (ст. 2).

Ч. II Положения называлась «Об организации санитарной охраны морских границ СССР». В ней предусматривалось, что для осуществления мер санитарной охраны морских границ СССР учреждаются союзными республиками в соответствии со ст. ст. 4, 5, 6 и 7 настоящего Положения морские врачебно-наблюдательные станции и пункты (п. 3).

Морские врачебно-наблюдательные станции создавались в количестве не менее одной на побережье каждого из морей, по которым проходила тогда государственная граница СССР. При этом, при применении настоящей статьи Азовское и Черное моря следовало рассматривать как одно море; то же соблюдалось в отношении Белого моря и Северного Ледовитого океана (ст. 4).

Морские врачебно-наблюдательные пункты учреждались во всех наиболее посещаемых портах СССР. В портах же отдаленных и мало посещаемых обязанности морского врачебно-наблюдательного пункта могли быть возложены Наркомздравом соответствующей союзной республики на местные органы медико-санитарного надзора порта в пределах, предусматриваемых соответственными распоряжениями народного комиссариата (ст. 5).

Морские врачебно-наблюдательные станции и пункты при осуществлении возложенных на них задач получили право применять к судам санитарные меры по опросу, осмотру, изоляции больных, дезинфекции и т.д. (ст. 19), при чем пункты не производили обсервации (карантина), а изоляцию больных могли производить лишь в пределах, указанных в п. «б» 2-ой части статьи 7 (ст. 6).

Морские врачебно-наблюдательные станции принимали и, в случае надобности, подвергали соответствующей санитарной обработке всякого рода суда, прибывающие к станции.

Морские врачебно-наблюдательные пункты принимали и, в случае надобности, подвергали соответствующей санитарной обработке прибывающие к пункту суда за исключением:

- а) судов, на которых есть или во время перехода были больные чумой или холерой;
- б) судов, имеющих на борту более 10 человек больных иными заразными болезнями.

Суда последних двух категорий следовало направлять пункту на морскую врачебно-наблюдательную станцию (ст. 7).

Морские врачебно-наблюдательные станции и пункты должны были функционировать ежедневно в продолжение всего периода навигации (ст. 8).

О всех случаях обнаруженных на прибывшем или стоящем в порту судне заболеваний, указанных в ст. 1, а также о примененных к судну мерах, органам санитарной охраны морских границ СССР (ст. 2 и ст. 5) немедленно следовало извещать соответствующий Наркомздрав и его местный руководящий орган. Кроме того, обо всех случаях задержки иностранных судов для санитарной обработки их органами санитарной охраны морских границ немедленно извещались начальник порта и ближайший представитель (уполномоченного или портового агента) Народного Комиссариата по Иностранным Делах СССР.

НКЗ союзных республик в порядке взаимного осведомления должны были сноситься по телеграфу о случаях обнаружения на судах или в портах заболеваний, предусмотренных примечанием к ст. 1 настоящего Положения (ст. 9).

Раздел III Положения был посвящен вопросам санитарного контроля судов, прибывающих в порты СССР. В нем предусматривалось, что каждое судно, прибывшее из-за границы к порту СССР, останавливается в указанном ему органами местного портового управления месте и поднимает на фок-мачте желтый флаг, а если на нем имелся больной одной из указанных в примечании к ст. 1 болезней – черный флаг.

Прибывшее из-за границы судно оставалось под желтым или черным флагом до того момента, когда ему предоставлялось органами санитарной охраны морских границ СССР право свободной практики с санитарной точки зрения.

До производства санитарного осмотра судна никто, кроме лоцмана, не мог входить на судно или сходить с него; до разрешения врача, производившего осмотр, на судно не могли входить никакие местные органы власти; доступ частных лиц воспрещался впредь до спуска судном желтого или черного флага (ст. 10).

До признания за прибывшим из-за границы судном права свободной практики с санитарной точки зрения никакие органы власти (портовые, таможенные, ОГПУ и др.) не имели права делать судну никаких распоряжений о высадке пассажиров, выгрузке товаров, скота и т.п. (ст. 11).

За всяким судном, прибывшим из-за границы и, в силу повреждений или иных морских причин, остановившимся в таком месте побережья СССР, где не было морских врачебно-наблюдательных станций или пунктов или заменяющих последние органов медико-санитарного надзора порта (ст. 5, примечание), учреждался местными органами власти, в первую очередь агентами таможенного и политического управления, строгий надзор в целях недопущения сношений экипажа и пассажиров с берегом. О приходе судна немедленно следовало извещать ближайший орган санитарной охраны морских границ СССР для принятия соответствующих мер (ст. 12).

До прибытия представителя санитарной охраны морских границ (ст. 2 и ст. 5) и производства санитарного осмотра не допускалась высадка на берег с указанных в ст. 12 судов их экипажа и пассажиров, а равно снятие с них умерших, кроме случаев, когда судно находилось в опасности; в этих случаях о высадке или снятии немедленно уведомлялся ближайший местный орган здравоохранения для принятия необходимых санитарных мер (ст. 13).

Суда малого каботажа, а равно суда, пришедшие из-за границы и получившие право свободной практики с санитарной точки зрения в одном из портов СССР и в неэпидемическое время, допускались в другой порт СССР на том же побережье по-

сле опроса капитана и врача судна представителем санитарной охраны морских границ (ст. 2 и ст. 5, примечание). Если же один или несколько портов побережья были объявлены Наркомздравом союзной республики, на территории которой находятся эти порты, неблагополучными по одной из заразных болезней (ст. 1), то все суда, следующие из неблагополучного порта или заходившие в него, подвергались мерам, установленным для судов, прибывших из-за границы (ст. 14).

Все суда, прибывающие из-за границы, разделялись по их санитарному состоянию на: незараженные, подозрительные и зараженные, а незараженные, кроме того, по их маршруту, на суда, прибывающие из благополучных и неблагополучных мест. При этом судно считалось прибывающим из неблагополучных мест, если пункты его отправления или хотя бы одной из остановок в пути были во время нахождения или к моменту прибытия в них судна официально признаны неблагополучными по одной из указанных в примечании к ст. 1 болезней (ст. 15).

Незараженным считалось судно, на котором не было случаев чумы, холеры, желтой лихорадки, сыпного и возвратного тифов и оспы, ни при выходе из порта отправления, ни во время перехода, ни в момент прибытия судна к порту СССР (ст. 16).

Подозрительным считалось судно, на котором были случаи холеры, чумы, желтой лихорадки, сыпного и возвратного тифов или оспы, но не было ни одного нового случая заболевания названными болезнями – по чуме, холере и желтой лихорадке – в течение последних 7 дней, по возвратному тифу – 8 дней, по сыпному тифу и оспе – 14 дней перед прибытием к порту СССР (ст. 17).

Зараженным считалось судно, на котором среди судового экипажа или пассажиров были больные чумой, холерой, желтой лихорадкой, сыпным и возвратным тифом или оспой, или были случаи этих болезней в течение сроков, указанных в ст. 17 перед прибытием к порту СССР (ст. 18).

При осуществлении органами санитарной охраны морских границ СССР возложенных на них задач применялись в соответствии со ст. ст. 20 – 24 настоящего Положения следующие меры:

- а) опрос капитана и врача судна;
- б) санитарный осмотр судна и всех его помещений;
- в) медицинский осмотр экипажа и пассажиров;
- г) выделение и изоляция больных и подозрительных по болезни лиц;
- д) обсервация лиц, приходивших в соприкосновение с больными;
- е) установление санитарного надзора за прибывшими на судне лицами;
- ж) принятие в отношении судовых помещений, груза, багажа, экипажа и пассажиров мер дезинфекции и дезинсекции;
- з) принятие мер против перехода крыс с судна на берег и обратно, а также дератизация судна, а при подозрении по чуме – и груза;
- и) воспрещение въезда лицам, не подвергнутым противо-холерной прививке, при опасности заноса холеры, если они отказываются подвергнуться прививке (ст. 19).

Незараженные, прибывшие из благополучных мест, суда (ст. ст. 15 и 16) немедленно, по опросе и санитарном осмотре, допускались производившими опрос и осмотр органами санитарной охраны морских границ к свободной практике с санитарной точки зрения (ст. 20).

Незараженные, прибывшие из неблагополучных мест, суда в случае признания их санитарного состояния удовлетворительным по опросе и осмотре (п. п. «а» и «б» ст. 19) допускались соответствующими органами санитарной охраны морских границ к свободной практике с санитарной точки зрения после медицинского осмотра экипажа и пассажиров. При неудовлетворительности санитарного состояния таких судов органы санитарной охраны должны были применять в необходимом по их усмотрению объеме меры, указанные в пунктах «е», «ж» и «з» ст. 19 (ст. 21).

К подозрительным судам (ст. 17) применялись нужные по роду подозреваемого заражения санитарные меры, указанные в пунктах «а», «б», «в», «г», «е», «ж», «з», «и» ст. 19 настоящего Постановления (ст. 22).

К зараженным судам (ст. 18) применялись все нужные по роду установленного заражения санитарные меры, указанные в ст. 19 настоящего Положения (ст. 23).

При применении к судам санитарных мер следовало принимать во внимание заявление судового врача о принятых уже предупредительных мерах, официальные удостоверения о произведенных санитарных операциях, выданные властями иностранных государств, с которыми правительством СССР были заключены санитарные соглашения, а равно наличие или отсутствие у судна санитарного патента (ст. 24).

Официальное письменное заявление командира иностранного военного или приравненного к нему судна о санитарном состоянии вверенного ему судна и состоянии общественного здоровья в местности, откуда это судно вышло, могло освободить данное судно от принятия санитарных мер (ст. 25).

Всякое судно, не желающее подвергнуться санитарным мерам, предписанным органами санитарной охраны морских границ СССР, обязано было уйти обратно в море.

Ему могло быть разрешено выгрузить свои товары при условии соблюдения мер, предусмотренных соответствующими санитарными конвенциями, а при отсутствии таковых – при условии соблюдения таких мер, которые признавались органами санитарной охраны морских границ необходимыми, чтобы гарантировать от заноса эпидемий.

Пассажирам также могло быть разрешено высадиться на берег при условии, что они подчинятся всем санитарным мерам, предписанным органами санитарной охраны морских границ, на основании настоящего Положения и правил по его применению (ст. 31) (ст. 26).

Раздел IV Положения был посвящен санитарным патентам морских судов и правилам санитарной охраны. В нем указывалось, что для официального удостоверения о благополучном или неблагополучном состоянии здоровья людей как на судне, отправляющемся из какого-либо порта СССР в заграничное плавание, так в порту и окрестностях порта, из которого отправляется судно, последнему по принятии мер опроса и, в случае надобности, медицинского осмотра, предусмотренных пп. «а» и «в» ст. 19 настоящего Положения, выдавался морской врачебно-наблюдательной станцией, или пунктом, или в соответствующих случаях (ст. 5, примечание) органами медико-санитарного надзора порта отправления соответствующее удостоверение (санитарный патент) по установленной форме (ст. 27).

Если судно, получившее санитарный патент, не отошло из порта в течение 48 часов с момента выдачи патента, то патент следовало пометить выдавшим патент

органом с объяснением перемен, какие могли произойти за истекшее время. Без такой пометки патент считался недействительным (ст. 28).

При этом ст. 27 и 28 настоящего Положения применялись к судам, отходящим из какого-либо порта СССР в другой порт Союза, только при объявлении порта отправления неблагополучным (ст. 15 примечание). К военным судам при отбытии по любому назначению означенные меры по заявлению командира судна о спешности отплытия не применялись (ст. 29).

Иностранные суда, направляющиеся в порты СССР, обязаны были запасаться санитарным патентом. Если иностранное судно отошло из порта, где имелся консул (представитель) СССР, или заходило во время своего рейса в такой порт для совершения торговых операций, то, при отсутствии у судна иностранного санитарного патента, судну мог быть выдан консулом (представителем) СССР консульский патент, а при наличии иностранного санитарного патента – последний представляется консулу (представителю) СССР на визу (ст. 30).

На основе настоящего Положения СТО поручалось издать правила по применению мер санитарной охраны морских границ СССР. Проект этих правил следовало разработать при участии НКЗ союзных республик (ст. 31).

В развитие данного постановления уже 31 марта 1925 г. было принято постановление СНК Украины «О штатах медико-санитарного отдела на Черноморском водном транспорте» [9, с. 366]. Как видно из названия, речь шла о штатах врачебно-наблюдательных пунктов, лаборатории санитарного надзора, крысоловных отрядов и малярийной станции медико-санитарного отдела на Черноморском водном транспорте. Врачебно-наблюдательные пункты были открыты в Херсоне, Николаеве, Скадовске, Мариуполе, Бердянске [9, с. 367], лаборатория санитарного надзора – в Одессе. Крысоловные отряды – в Одессе и Николаеве, Малярийная же станция была подвижной [9, с. 368].

В этот же период принимается решение о штатах Врачебно-Наблюдательной станции в г. Одессе медико-санитарного отдела на Черноморском водном транспорте (3.03.1925 г. 20-140). Так, в частности, устанавливался штат врачебно-наблюдательной станции в 21 чел., катер при станции с двумя членами экипажа, дезинфекционная баржа и баня при станции 3 чел., изолятор-обсерватор при станции с шестью человеками обслуживающего персонала [9, с. 371-372].

7 апреля 1925 г. принято уже Постановление СНК о штатах водно-санитарных участков медико-санитарного отдела на Черноморском водном транспорте. (21-148). Всего устанавливалось 8 участков: Одеса 1, Одеса 2, Николаев, Мариуполь, Бердянск, Хорлы, Скадовск, Очаков [9, с. 388-389].

31 марта 1926 г. принято постановление «О штатах санитарных районов и специального санитарного надзора медико-санитарных отделов НК здравоохранения на путях сообщения УССР». В отмену постановления от 6 апреля 1925 г. «О штатах санитарных районов и специального санитарного надзора медико-санитарных отделов на железно-дорожных и водных путях сообщения УССР» утверждались новые штаты, по которым специальный санитарный надзор на Черноморском транспорте предусматривал лишь 3 школьно-санитарных врача [10, с. 307-308].

Таким образом, Положение о санитарной охране морских границ СССР от 10 марта 1925 г., отрегулировав вопросы обеспечения санитарных правил для судов,

заложило основу для развития и становления новой системы санитарной безопасности Черноморско-Азовского региона, на основе которого были созданы водно-санитарные участки, санитарные районы и другие государственные подразделения, на обязанности которых было обеспечение безопасности от внесения инфекционных заболеваний из-за границы, а также предотвращение их распространения по водным путям сообщения.

Список литературы

1. Эрисман Ф.Ф. Холера. Эпидемиология и профилактика. – М., 1893. – 150 с.
2. Галанин М.И. Мероприятия против холеры русского и иностранных правительств / М.И. Галанин. – СПб., 1892. – 178 с.
3. Черкасский Б.Л. Эпидемиологические аспекты международной миграции населения / Б.Л. Черкасский, В.П. Сергиев, И.Д. Ладный. – М.: Медицина, 1984. – 285 с.
4. Щепин О.П. Международный карантин / О.П. Щепин, В.В. Ермаков. – М.: Медицина, 1982. – 320 с.
5. Пристанкова Н.И. Систематизация врачебно-санитарного законодательства в первой половине XIX в. / Пристанкова Наталия Ивановна // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2007. – №9 (20). – С. 95-99.
6. Пристанкова Н.И. Систематизация врачебно-санитарного законодательства в первой половине XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2006. – № 9 (27). – С. 123-139.
7. Змерзлий Б.В. Створення карантинних установ в Криму в кінці XVIII – початку XIX ст.) / Б.В. Змерзлий // Часопис Київського університету права. – 2012. – №1. – С. 18-23.
8. Змерзлий Б.В. Частные карантинные в институте карантинной службы Российской империи в XIX в. / Б.В. Змерзлий // Часопис Київського університету права. – 2012. – №2. – С. 10-14.
9. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. – 1925. – 1785 с.
10. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. – 1926. – 430 с.

Les Georgi. Position About sanitary guard of marine borders of the USSR from march, 10 1925 and his development In Black Sea // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 69 – 75.

Work is sanctified to the study of the basic norms, stopped up in position about the sanitary guard of marine borders of the USSR from March, 10 1925, and also accepted in his development and addition regional documents, setting the states of medical sanitary department on black Sea water transport, states of the Medical observant station in Odesa of medical sanitary department on black Sea water transport, states of water sanitary areas medical sanitary department on the black Sea water-carriage and, finally, the states of sanitary districts and special sanitary supervision medical sanitary departments of commissariat of health protection on the ways of report of Ukrainian Soviet Republic. Exactly by these decisions the construction of the special medical sanitary service was begun on the water-carriage of the Black sea.

Keywords: sanitary guard, borders of the USSR, black Sea region, legal norms.

УДК 94 (Р 477.75)“17-18”[512.143:316.344.5]

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ КАРАИМОВ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВВ.**

Прохоров Д. А.

*НИЦ истории и археологии Крыма Крымского Федерального Университета
им. В.И. Вернадского*

В статье рассмотрены основные этапы изменения правового статуса караимов после присоединения Крыма к России в конце XVIII – первой половине XIX вв. На основании анализа различных законов и постановлений, принятых российским правительством, а также архивных документов, в которых отражена история создания органов конфессионального самоуправления караимов, выяснено, что в правовом поле Российской империи караимы получили новый юридический статус, по которому им предоставлялись все права и свободы. С другой стороны, усиливались социальные противоречия между еврейской и караимской общинами, отдельные проявления и последствия которых имели место во второй половине XIX в.

Ключевые слова: Крым, караимы, российское законодательство, конфессиональное самоуправление¹.

Создание и деятельность органов конфессионального самоуправления караимов в России – одна из малоизученных страниц отечественной истории. Документы, в которых отражен статус караимской общины в период существования Крымского ханства, а также их правовое положение в России, одним из первых опубликовал в «Сборнике старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов» в 1890 г. З.А. Фиркович; предисловие к данному изданию подготовил известный российский ориенталист В.Д. Смирнов [1]. Необходимо также упомянуть о правительственных указах и постановлениях, касающихся правового статуса караимов, которые в разное время были включены в несколько редакций «Свода Законов Российской империи»; кроме того, отдельными выпусками издавались «Сборники узаконений, касающиеся евреев» – в них нашла отражение законодательная деятельность правительства в отношении караимов [2–4]. Вышеупомянутые материалы позволяют реконструировать сложную систему взаимоотношений между ветвями государственной власти и представителями караимских общин России. Указанную проблему рассматривали в своих публикациях такие авторы, как О.М. Лернер, А.Я. Гаркави, М. Балабан, Ю.И. Гессен, В.В. Григорьев [5–9]. В трудах М.М. Мыша – специалиста по правовому положению евреев в России – были проанализированы основные этапы создания и векторы деятельности Таврического

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112.

и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП) – центрального органа конфессионального самоуправления караимов, а также процесс формирования гражданских прав караимов в российском правовом поле [10; 11]. Из современных исследователей, обращавшихся к данной проблеме, следует указать на М.И. Гаммала [12–14], М.Б. Кизилова [15], О.Б. Белого [16–18; 22], Ф. Миллера [19; 20]. Отдельные аспекты, связанные с созданием правовой базы в отношении караимов Российской империи, были рассмотрены автором настоящей статьи [21–25].

После присоединения Крыма к России в 1783 г. юридический статус караимов – одного из старожильческих народов, населявших полуостров, – претерпел существенные изменения. В 1787 г. в официальных документах российской колониальной администрации впервые упоминается их участие в торжествах, связанных с визитом императрицы Екатерины II и ее свиты на Крымский полуостров. Для осуществления масштабных мероприятий по встрече императорского кортежа в Бахчисарае правителем Таврической области, действительным статским советником В.В. Коховским (Каховским) специально были собраны не только местные горожане, но и жители других населенных пунктов, например, из Евпатории прибыло 60 крымских татар и 15 караимов (вероятно, в их число входили представители зажиточных слоев вышеуказанных общин и духовенство). Очевидно, делалось это для того, чтобы, по замыслу областной администрации, туземное население «в чистых и опрятных национальных одеждах» могло приветствовать владелицу вновь присоединенных территорий, тем самым демонстрируя, что «жители тамошние весьма обрадованы утверждением мира» [26, с. 125; 27, с. 75]. Среди караимов даже существовало предание о том, что посетившей Бахчисарай императрице лично был представлен бывший управляющим финансами и заведующий монетным двором последнего крымского хана Шагин-Герая караим Биньямин бен Шмуэль Ага [28, с. 113].

Привлеченные возможностью получения налоговых и социальных льгот (предоставленных ранее крымским татарам согласно рескрипту Екатерины II от 9 ноября 1794 г.), а также пытаясь дистанцироваться от евреев-раввинистов, представители верхушки крымской караимской общины направляют в адрес российских властей многочисленные прошения. Например, они выступили перед правителем Новороссии и Бессарабии графом П.А. Зубовым с ходатайством об освобождении их от уплаты двойного промыслового налога (который, в соответствии с указом от 23 июля 1794 г., должны были платить еврей-раввинисты), т.к. для них это было «сколько отяготительно, столько и постыдно» [29, с. 705, 706].

С целью лично передать свое прошение в 1795 г. в Санкт-Петербург отправилась делегация, уполномоченная представлять интересы караимов (в ее состав вошли такие влиятельные члены караимского общества, как Шломо «Чабак» Бабович, Биньямин бен Шмуэль Ага, а также караимский гахам Чуфут-Кале Исаак бен Шеломо) [30, стб. 382, 383]. Данное ходатайство было удовлетворено 8 июня 1795 г.: в соответствии с рескриптом императрицы, крымские караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты т.н. «рекрутских» денег и солдатского постоя. «Всемиловнейше повелеваем не брать с них [караимов] двойных податей, каковыя положены на всех вообще евреев, а взыскивать оные по-прежнему наравне с прочими купцами и мещанами, в области Таврической живущими, предоставляя вашему распоряжению об оказании им по возможности и других выгод и облегчений с предостережением только, чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Раббинов, и о

которых изданные от Нас высочайшие узаконения должны исполняемы быть во всей точности», – говорилось в указе, данном императрицей на имя П.А. Зубова [29, с. 705, 706]. Таким образом, караимы были освобождены от уплаты дискриминационного налога, установленного для российских евреев; представителям караимской общины также было разрешено приобретение земельной собственности.

Конец XVIII – первая половина XIX вв. ознаменовались для караимов, евреев-раввинистов и крымских татар существенными изменениями также в их социально-экономическом статусе; в правовой сфере главенствующими стали вопросы земле-владения и землепользования. Фактически бесконтрольная и бессистемная раздача земель полуострова российским вельможам и помещикам вскоре привела к тому, что даже созданная в 1798 г. «Комиссия для разбора поземельных споров» в Крыму ничего существенного в деле урегулирования этого вопроса не сделала [31, с. 627–635; 32, с. 161–163]. Ключевым фактором, вызвавшим последующие волны эмиграции крымских татар, стало возрастающее малоземелье и прямое обезземеливание крымских татар в результате недальновидной политики русских властей. Напротив, караимы, приобретая ранее брошенные и пустующие земельные участки, а также скупая их у крымских татар, смогли значительно укрепить свое материальное положение. Путем приобретения части ранее брошенных эмигрировавшими хозяевами земельных участков, а также посредством их покупки у самих крымских татар караимы смогли значительно улучшить свое материальное положение. Многие жилищные крымские караимы не только становились представителями привилегированного сословия, но и, тем самым, способствовали дальнейшему развитию на территории полуострова таких отраслей хозяйства, как садоводство, виноградарство, табаководство и др.

В 1804 г. в Таврической губернии была проведена перепись еврейского населения, которая караимов не затронула, хотя в официальных документах они продолжали именоваться как «еврей-караимы». Главным доводом в борьбе караимов за свои гражданские права, на фоне проводившегося антиеврейского внутривластного курса, был тезис о непризнании ими Талмудического учения. Представители караимских общин постепенно втягивались в развивающиеся торгово-экономические связи Крымского полуострова с городами юго-западных и центральных губерний России. В результате торговой деятельности уже в начале XIX в. среди них появляется определенное число состоятельных землевладельцев, в распоряжении которых имелись обширные земельные участки и сады, приносявшие немалый доход.

Тем не менее, несмотря на ряд принятых российским правительством законов и разъяснительных документов, в которых указывалось на различия между караимами и евреями-раввинистами, на местах администрация по-прежнему относилась к первым к категории еврейского населения [33, с. 352–356]. Например, в 1825 г. бахчисарайскими и евпаторийскими караимами было направлено прошение на имя императора Александра I, в котором, в частности, говорилось о том, что, несмотря на установленные Екатериной II для караимского населения налоговые и другие льготы, их «торговые дела совершенно подорваны». «Ибо мы не можем никакими торговыми промыслами заниматься, – сообщалось далее в прошении, – не уплатив в казну особенных значительных пошлин, от которых татары вовсе изъяты, заплатив оные (не вовсе) средства, сбывать свои товары и произведения с какою либо вы-

годою, потому что в одном и том же месте татары, не платя ничего за право торговли, имеют возможность продавать свои товары и изделия гораздо нижею против нас ценою, но с достаточною для себя и покупателей выгодой. Одним словом, нам остается или прекратить сами торговые дела, единственное, впрочем, наше занятие или (продолжить) оные очевидно для нашего в конец разорения» [16, с. 33]. Далее ходатаи просили императора «облегчить столь неровное наше с татарами в отношении производства торговли и промыслов положение». Указанные документы были переданы на рассмотрение Новороссийского генерала-губернатора М.С. Воронцова и таврического гражданского губернатора Д.В. Нарышкина, а затем – члену Государственного совета графу Ф.П. Палену. Последний распорядился доставить сведения «об образе жизни Таврических караимов, о степени [их] промышленности, о превосходстве их торговли пред промыслами татар [о числе] их духовенства, о пользе или вреде, какие для тамошнего края от распространения промышленности и уравнивания оной с торговлею татар возникнуть могут; о пропорции мелочных торговцев из караимов к караимам, занимающихся пространною торговлею, наконец, о торговых сношениях их за пределами Тавриды». Этот документ можно считать одним из первых официальных распоряжений властей относительно сбора сведений о караимском населении, хотя законодательного решения по поводу данного прошения караимов так и не последовало [16, с. 34].

Проявляя различные инициативы в рамках российского правового поля и постоянно контактируя с представителями различных ветвей власти, лидеры караимских общин смогли добиться от правительства и еще одной важной уступки. В середине 20-х годов XIX в. в правящих кругах России было принято решение: «путем привлечения евреев к личному отбыванию воинской повинности достичь их исправления» (до этого момента рекрутская повинность могла заменяться денежным налогом). Военная служба особого рода должна была, по замыслу правительства, сыграть воспитательную и дисциплинарную роль, создавая новое поколение евреев, освобожденных от своих национальных черт, обрусевших и, по возможности, даже перешедших в православное вероисповедание. Указ императора Николая I о рекрутской повинности, в котором устанавливались нормы военного призыва для евреев, был подписан 26 августа 1827 г. Согласно распоряжению верховной власти, с евреев должны были брать по 10 рекрутов с 1 тыс. чел. ежегодно при каждом наборе (для сравнения – у христиан брали по 7 рекрутов с 1 тыс. чел., раз в два года, в один из двух объявленных наборов). Если православных рекрутировали в армию в возрасте с 18 до 25 лет, то еврейским общинам позволялось заменять взрослых мужчин мальчиками с 12 лет. Многие причины, по которым на призывном пункте отбраковывались рекруты-христиане, оставались для евреев «без рассмотрения». Совершеннолетних определяли сразу на действительную службу, а юношей в возрасте от 12 до 18 лет направляли в батальоны и в школы кантонистов «для приготовления к военной службе» (годы пребывания в кантонистах не засчитывали в военный срок) [34, с. 727; 35, с. 728, 734].

От рекрутской повинности освобождались гильдейские купцы, цеховые мастера, механики на фабриках, земледельцы-колонисты, семьи раввинов и учащиеся казенных училищ на время их учебы (притом, число последних в начале XIX в. было довольно невелико). Освобожденные от личной повинности уплачивали «рекрутские деньги» – 1 тыс. руб. с чел. [35, с. 729].

Действие данного указа первоначально распространялось и на караимов. В связи с этим неофициальный глава караимской общины Крыма, евпаторийский купец 1-й гильдии Симха бен Шломо Бабович, вместе с главным религиозным авторитетом караимов Крыма Йосефом Шеломо Луцким сначала отправились в Одессу, после чего, заручившись поддержкой и рекомендательными письмами новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова, продолжили свой путь в Санкт-Петербург. В итоге по заключению Еврейского комитета «о Евреях Караимах в Таврической Губернии находящихся», император повелел «набор рекрут из Евреев Караимов в Таврической губернии приостановить». Объяснялось это постановление тем, что «правительство всегда оказывало Караимам преимущество перед Евреями Раббинами, что Караимы, совершенно прекратив всякое сношение с Евреями Раббинистами, до сих пор различаются от них не только в правилах веры <...> но еще и более гражданским поведением, как народ трудолюбивый, занимающийся хлебопашеством, садоводством и скотоводством, честный, незамеченный ни в каких важных преступлениях, и всегда исправный в платеже податей» [36, с. 88]. 27 ноября 1827 г. в предписании управляющего МВД В.С. Ланского на имя исправляющего должность Таврического гражданского губернатора, д.с.с. Д.В. Нарышкина, «с изъяснением Высочайшей Воли ныне благополучно царствующего Государя Императора», было дано распоряжение об освобождении караимов от рекрутского набора [36, с. 88; 37, с. 157].

Вскоре российское правительство ввело ряд ограничений относительно мест проживания российских евреев. В 1829 г. Николай I объявил, что евреи, не служащие в армии, должны были покинуть Севастополь и Николаев, поскольку их пребывание там власти сочли «неудобным и вредным», и «велено им было оттуда переселиться в другие города, где им пребывание дозволено» (находившимся на военной службе солдатам и матросам из числа евреев оставаться в городе разрешалось) [38, с. 790]. 20 ноября 1829 г. правительством был подготовлен указ «О воспрещении неслужащим евреям иметь постоянное пребывания в Севастополе и Николаеве». «Евреи не должны иметь в Севастополе и Николаеве постоянного пребывания, – подчеркивалось в документе, – ни заведений для отправления обрядов их, равным образом не могут они приписываться к тамошним городским обществам. 2) Евреи, имеющие ныне в Севастополе и Николаеве оседлость, или только приписанные к этим городам, должны в течение одного года переписаться в другие города, открытые для постоянного их пребывания» [38, с. 790]. Тем же указом оговаривались и права караимского населения: «Все сии меры не должны относиться до Евреев Караимов, коим отнюдь не запрещается жить и владеть собственностью в Севастополе и Николаеве на прежнем основании» [38, с. 791]. 10 июня 1830 г. правительство указом «О мерах к переселению евреев из Севастополе и Николаева» подтвердило разрешение, данное караимам проживать в этих городах «на всех правах» [39, с. 362]. К 1832 г. все евреи, кроме семей служивших солдат и матросов, были выселены из Севастополя. Лишь в 1859 г. евреям вновь было разрешено постоянное жительство: в Николаеве – всем (закон от 24 марта 1866 г.), а в Севастополе – лишь почетным гражданам, производящим торговлю «с запиской в гильдии», а также купцам обеих гильдий [40, с. 316–318].

А 13 апреля 1835 г. вступило в силу новое «Положение о евреях». Согласно этому документу, в Белоруссии евреям разрешалось проживать только в городах, в

Малороссии – везде, кроме Киева и сел, принадлежащих государственной казне, в Новороссии – во всех населенных пунктах, за исключением Николаева и Севастополя; в прибалтийских губерниях могли жить только их уроженцы (т.н. «старопоселенцы»). Евреям было запрещено селиться вновь в 50-верстной пограничной полосе. Во внутренние губернии евреям разрешалось приезжать не более чем на срок в шесть недель по паспортам, выдаваемым губернаторами, и при обязательном условии ношения русской одежды. Был подтвержден запрет христианам работать в еврейских домах. В статье 77 «Положения» речь шла о расширении прав евреев: они получили право занимать посты в магистратах, думах и ратушах «на том же основании, как избираются на сии должности лица других исповеданий». Однако, после протестов некоторых представителей высшей администрации (в большинстве случаев, их инициаторами являлись христиане, жившие в губерниях черты оседлости), 77-я статья уже в 1836 г. была отменена: евреи теперь могли избирать не более одной трети депутатов. Что касается караимов, то их гражданские права специально оговаривались в § 21 1-ой главы «Положения»: «Караимы, где таковые находятся, сверх прав, сим положением Евреям предоставляемых, пользуются еще и теми, кои предоставлены им особенными грамотами и постановлениями» [41, с. 311]. Караимы также добились изменения официального названия своей общины. Теперь их стали именовать «русские караимы ветхозаветного вероисповедания», а позднее это название сократилось до «караимы».

Наконец, в марте 1837 г. правительством было принято «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин. «Живущие в пределах Таврической губернии караимы ходатайствуют об устройении состояния их духовенства и о даровании им некоторых из тех прав, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство» [42, с. 132]. Очевидно, что проект, составленный Симхой Бабовичем, фактически повторял основные положения об организации Таврического Магометанского Духовного Правления (ТМДП); различия состояли только в конфессиональной составляющей и в некоторых деталях. Симха Бабович также выступил с ходатайством о принятии «нового брачного устава» для караимов, отправленного на рассмотрение государю-императору [43, л. 54–57, 77–149]. Помимо этого, С. Бабович стал автором записок, в которых он выступил с ходатайством об уравнивании караимов в правах с «коренными жителями Российской империи». Российское правительство признало подобную просьбу «уважительной», вскоре утвердив проект устройства духовного правления в Государственном Совете. Правление было названо «Крымским и Одесским караимским обществом Таврического губернатора».

В соответствии с разработанным «Положением» о караимском духовном правлении, выборы и назначение караимского гахама (духовного главы караимов) должны были происходить на съезде представителей всех караимских общин в Евпатории путем прямого голосования. Собрание по выборам гахама считалось правомочным, если в нем участвовало не менее половины уполномоченных представителей общин: от каждой общины по одному человеку (впоследствии об изменении этого пункта «Положения» ходатайствовали представители многих караимских общин, и, в частности, многочисленной евпаторийской караимской общины: они полагали, что при делегировании представителей для избрания гахама необходимо руководствоваться принципом про-

порциональности, т.к., по их мнению, небольшие по численности караимские общины могли при объединении оказать существенное влияние на исход выборов) [42, с. 133, 134; 44, с. 115, 116]. После того, как сама баллотировка считалась состоявшейся, губернатор должен был представить министру внутренних дел сведения о двух кандидатах, набравших наибольшее число голосов выборщиков. В свою очередь, министр утверждал в должности караимского гахама одного из кандидатов, представляя свое мнение в Правительствующий Сенат. В случае болезни, отсутствия, увольнения или смерти гахама выполнение его обязанностей возлагалось на одного из старших газзанов [42, с. 133, 134].

Весной 1839 г. в Евпатории были проведены выборы на должность караимского гахама: среди кандидатов на этот пост были купцы Симха Бабович, Авраам Бейм, Моше Панпулов и Моше Ефет. В результате голосования, проведенного среди представителей караимских общин, большинство голосов было отдано за Симху Бабовича, а 4 апреля 1839 г. Правительствующим Сенатом был утвержден указ за № 19266 об утверждении его в должности Таврического и Одесского караимского гахама: «Согласно представлению бывшего министра внутренних дел и на основании Высочайше утвержденного 3 марта 1837 года положения о Таврическом Караимском духовенстве § 9, избранного кандидатом евпаторийского 1 гильдии купца Симу Бабовича утвердить гахамом караимского духовенства в Таврической губернии и в городе Одессе» [45, с. 348, 349]. Далее в документе шла речь о том, чтобы в будущем «избираемы были в сию должность по два кандидата». По мнению властей, на тот момент проведение новых выборов для караимов, «рассеянных в разных городах Крыма» и проживавших в Одессе, было сопряжено с некоторыми трудностями и дефицитом времени. Поэтому правительство приняло постановление о том, что вторым кандидатом следует назначить получившего наибольшее, после Симхи Бабовича, количество «белых шаров» – одесского 3-й гильдии купца Авраама Бейма [60, л. 2]. Позднее, в марте 1843 г., общество было переименовано в «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора».

В соответствии с российским законодательством и положением «О духовных делах караимов» во главе караимского духовного правления, как органа коллегиального, был определен сам гахам, а членами правления являлись газзаны (должность, аналогичная должности раввина). Последние имели право совещательного голоса, а гахам – решающего. При каждой караимской кенасе должно было состоять по два газзана (старший и младший) и шамаш (надзиратель, староста кенасы у караимов, «служитель синагоги»), избиравшиеся караимскими обществами. По согласованию с гахамом и по его представлению кандидаты на духовные должности утверждались губернатором, после чего они приносили присягу на верность российскому престолу. В разные годы пост Таврического и Одесского караимского гахама занимали: Симха Бабович (с 1839 по 1855 гг.), Шеломо бен Авраам Бейм – и.о. гахама в 1855–1857 гг.; брат Симхи Бабовича Нагаму (Бабакай) бен Шеломо Бабович (в 1857–1879 гг.); Самуил Моисеевич Панпулов (с 1879 по 1911 гг.), старший газзан Самуил Моисеевич Нейман (и.о. гахама с 1912 по 1915 гг.), Серая Маркович Шапшал (в 1915–1920 гг.) и старший газзан Борис Саадьевич Ельяшевич (и.о. гахама с 1920 по 1925 гг.); что касается газзанов, то их число обычно соответствовало количеству караимских кенас или молитвенных домов.

Одновременно с организацией духовного правления караимы продолжали укреплять свои позиции в сфере гражданского права, что в результате привело и к некоторым изменениям как в географии их расселения, так и к трансформациям традиционного уклада жизни караимских общин. Инициатором подобной деятельности являлось, прежде всего, ТОКДП во главе с гахамом Бабовичем, стремившееся на законодательном уровне утвердить некоторые привилегии для единоверцев. 10 декабря 1839 г. был опубликован правительственный указ «О дозволении караимам принимать в услужение христиан, а приезжающим из-за границы вступать в Российское подданство» [46, с. 919]; 7 января 1842 г. – постановление «О форме присяги для караимов с сохранением их достоинства» (форма присяги, принимавшейся караимами, отличалась от формы, разработанной в Государственном Совете для евреев) [47, с. 6–8]. 15 ноября 1843 г. последовал указ «О возведении караимов в почетное гражданство на основе общих по сему предмету правил, без ограничения для евреев установленных» [48, с. 758–759]; 19 декабря 1844 г. в принятом правительством «Положении о подчинении Евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением Еврейских кагалов» было специально оговорено, что эти правила не распространяются на караимов [49, с. 887]. 11 декабря 1850 г. было опубликовано постановление «О нераспространении на караимов запрета жить в деревнях и селениях и продажи горячих напитков» [50, с. 282, 283], а 11 января того же года караимское духовенство с семьями было освобождено от внесения в IX общегосударственную ревизию (то же касалось и представителей караимского духовенства, занимавших должности гахама, газзанов и шамашей на момент проведения X переписи населения) [51, с. 17, 18; 52, с. 441]. 15 мая 1851 г. власти приняли решение «О даровании местечку Чуфут-Кале льготы от городских и земских повинностей» [53, с. 352, 353]; 10 октября 1852 г. – «О дозволении Евреям Караимам свободно приезжать в столицы и другие внутренние города империи» [54, с. 564]; 26 июля 1853 г. – «О дозволении Евреям Караимам причисляться к портовым городам северо-восточного берега Черного моря, жить и владеть в оных собственностью» [1, с. 147, 157–159, 161, 163–165, 167; 55, с. 379].

3 мая 1855 г. «Комитетом по устройству евреев» было принято еще одно важное постановление, имевшее отношение к караимским общинам, существовавшим на территории Российской империи. Оно касалось «нераспространения на караимов, получающих ученые и медицинские степени, ограничений, постановленных вообще для евреев относительно поступления на службу» на общих с представителями остальных сословий и конфессий основаниях [56, с. 316; 57, с. 24]. «Комитет рассуждал, что все предпринятые доселе меры ограничений касались только евреев-раввинистов, но отнюдь не караимов, которые не принадлежали к еврейскому населению и, не разделяя с ними талмудических заблуждений, следуют учению Ветхого Завета, и которых Правительство всегда отличало от евреев по известным их правилам и трудолюбию» [1, с. 164]. Тем самым правительство существенно облегчало положение учащейся караимской молодежи, продолжая активно вовлекать крымских «инородцев» в российское языковое и культурное пространство. Этот шаг правительства не только подготавливал почву для общегосударственной образовательной реформы, осуществленной в России в 1870-х гг., но и способствовал тому, что караимы с целью получения светского образования покидали привычные места жительства, уезжая в другие города юго-западных губерний России.

Указ «О запрещении караимам заставлять прислугу [из числа] христиан работать в праздничные дни» был опубликован в 1860 г. [58, л. 1–3]. И, наконец, закон, принятый 8 апреля 1863 г., стал логичным итогом деятельности властей по инкорпорации караимского населения в российское правовое поле: «Караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию к которому кто из них принадлежит» [59, с. 303]. Этот документ закреплял за караимами все права и свободы, предоставленные им ранее. С этого момента караимы официально получали право служить в армии, учиться в университетах, занимать государственные посты и т.п.

Таким образом, можно констатировать, что после присоединения Крыма к России караимы получают новый юридический статус. В отличие от российских евреев-раввинистов, испытывавших на себе все тяготы принятого в начале XIX в. царским правительством антиеврейского внутривосточного курса (ведение двойного налогообложения, т.н. «черты оседлости» и т.п.), действовавшего вплоть до конца XIX в., караимы пользовались различными льготами в сфере гражданского законодательства. Предпринятые в начале XIX в. караимскими общественными лидерами и духовенством шаги, направленные на официальное признание за караимами прав и привилегий и уравнивание их с правами титульной нацией империи, имели как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, караимы получали равные с русскими многочисленные свободы и права, при этом интегрируясь в российское языковое и культурное пространство, а, с другой стороны, усиливались социальные противоречия между еврейской и караимской общинами, отдельные проявления и последствия которых имели место во второй половине XIX в. Тем не менее, несмотря на ограничительную политику правительства в отношении еврейского населения, с одной стороны, и, с другой – на режим наибольшего благоприятствования в области законодательства для караимов, взаимоотношения между евреями и караимами все же не носили отпечатка резкого антагонизма. Об этом могут свидетельствовать многочисленные факты плодотворного сотрудничества между караимскими и еврейскими учеными и общественными деятелями в различных областях науки, культуры, а также в социальной и экономической сферах.

Развитие промышленности и торговли в итоге привело к тому, что вскоре после присоединения Крыма к России караимы избирают новые территории для своей экономической деятельности, переселяясь из традиционных мест проживания в крупные города юго-западных губерний Российской империи. Проникновение в караимскую среду просветительских идей, активная интеграция, начиная со второй половины XIX в., караимской молодежи в русское культурное и образовательное пространство, появление среди караимов крупных землевладельцев, фабрикантов, промышленников стало причиной возникновения караимских общин практически во всех губерниях России.

Список литературы

1. [Фиркович З.А.] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов / Изд-ие З.А. Фирковича. – СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. – XXXVI, 223 с.

2. Сборник узаконений, касающихся евреев: составлен по распоряжению министра внутренних дел, в Департамент полиции исполнительной. – СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1872. – XX, 264 с.
3. Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г.: Извлечение из полных собраний законов Российской империи / Сост., изд.: В.О. Леванда. – СПб.: Тип. К.В. Трубникова, Литейная, 42, 1874. – IV, 1158, XVIII с.
4. Узаконения, относящиеся к жительству и торговле евреев в Киеве. Извлечены из Свода законов с позднейшими их изменениями и дополнениями. – К.: тип. Сементовского, 1875. – 16 с.
5. Гаркави А.Я. Караимы // Энциклопедический словарь (Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А.). – СПб., 1895. – Т. XIV. кн. 27. – С. 238–239.
6. [Гаркави А.Я., Балабан М., Гессен Ю.] Караимы // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем; Под ред. Каценельсона. – СПб., б.г. – Т. IX. – стб. 256–298.
7. Гессен, Ю.И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. – СПб.: типо-литогр. А.Г. Розена, 1906. – V, 471 с.
8. Лернер О.М. Евреи в Новороссийском крае. Исторические очерки. По данным из архива бывшего Новороссийского генерал-губернатора. – Одесса: тип. Г.М. Левинсона, 1901. – IV, 239 с.
9. Григорьев В.В. Еврейские религиозные секты в России. // Журнал Министерства внутренних дел. – СПб., 1846. – Ч. XV. – С. 11–49.
10. М. М. [Мыш М.М.] Караимы и евреи. // Восход. – 1887. – № 1–2 (январь-февраль). – С. 89–103, 87–99.
11. Мыш М.И. Руководство к русским законам о евреях. – СПб.: Тип. В.Г. Авсеенко, 1892. – гл. II. А (Разделение евреев на категории. Евреи-караимы). – С. 13–18; гл. III. А (Возникновение еврейского состояния. Жидовствующая ересь или субботники). – С. 7, 21–24.
12. Гаммал М.И. Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 265–286.
13. Гаммал М.И. Реформы традиционной обрядности караимов Российской империи в XIX – начале XX в. // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. – М., 2012. – С. 85–102.
14. Гаммал М.И. Календарные споры в караимских общинах Крыма в конце XVIII – начале XIX вв. // Материалы XVII ежегодной международной конференции по иудаике. – М.: Сэфер, 2010. – С. 352–365.
15. Кизилов М.Б. Становление этнического самосознания и исторических взглядов восточноевропейских караимов в контексте общеевропейской истории конца XVII–XX вв. // Между мифом и реальностью: Проблемы еврейской идентичности и цивилизации в истории и современности. – М.: Наталис, 2005. – С. 152–174.
16. Белый О.Б. Из истории караимской общины Крыма в конце XVIII – нач. XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ЦГАК) // Крымский музей. – Симферополь: Таврия, 1994. – № 1. – С. 30–35.
17. Белый О.Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского правления в ГААРК) // Крымский музей. – Симферополь: Таврия, 1995–1996. – С. 105–117.
18. Белый О.Б. Новые материалы к биографии Соломона Бейма // Материалы по Археологии, истории и этнографии Таврии / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. – Вып. X. – Симферополь, 2003. – С. 639–666.
19. Miller P. Karaite separatism in nineteenth-century Russia. – Cincinnati: Hebrew Union College Press. – 252 p.
20. Miller P. The Karaites of Czarist Russia, 1780–1918 // Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources; Edited by M. Pollack. – Leiden, 2003. – P. 819–826.
21. Прохоров Д. А. Деятельность Таврического и Одесского караимского духовного правления в контексте межэтнических и межконфессиональных отношений в Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология. – Симферополь, 2007. – Т. 20 (59), № 5. – С. 255–264.
22. Прохоров Д.А., Белый О.Б. Обзор документов фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления из государственного архива в АР Крым // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. – Симферополь, 2008. – Вып. XIV. – С. 513–573.
23. Прохоров Д.А. Органы конфессионального самоуправления караимов Российской империи и организация религиозной жизни караимских общин Таврической губернии в середине XIX – начале XX вв. // Sacrum et Profanum IV. Религия в жизни человека и общества. Сб. научн. тр. / Ред.-сост. Алексеев Н.А., Хоффманн Х. – Севастополь: СПД Арефьев, 2009. – С. 143–164.

24. Прохоров Д.А. Законодательные акты как источник по истории караимских общин Северо-Западного края Российской империи (конец XVIII – начало XIX вв.) // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты, Минск – Витебск, 9–11 октября 2013 г. / Вит. Гос. Ун-т; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – С. 158–161.
25. Прохоров Д.А. Законодательные аспекты восприятия инородцев после присоединения Крыма к России (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Проблемы толерантности: история и современность: Материалы Международной научной конференции (г. Череповец, 16–18 апреля 2015 г.): Сборник научных работ / Отв. ред. А.Н. Егоров, А.Е. Новиков, О.Ю. Солодянкина. – Череповец: ЧГУ, 2015. – С. 32–34.
26. Маркевич А.И. Материалы архива канцелярии таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым в 1787 году // ИТУАК. – Симферополь: тип. Газеты «Крым», 1891. – № 11. – С. 76–143.
27. Иванов П. Из дел Московского отделения Архива Главного штаба. II. Извлечения из «Журнала реплициям кн.[язя] [Г.А.] Потемкина, Ея Императорскому Величеству подаваемым» 1784 года // ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1893. – № 19. – С. 71–78.
28. Прик С.А. Беседы о караимстве. – Одесса: цент. тип. Х. Нихамкина, 1902. – 125 с.
29. № 17340. Июня 8 [1795 г.]. Именной, данный Екатеринославскому, Вознесенскому и Таврическому Генерал-губернатору Платону Зубову. Об увольнении Таврических Евреев, именуемых Караимы, от положенных на всех вообще Евреев податей // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, с 1789 по 6 ноября 1796. – Т. XXIII, Отд. I. 1830. – С. 705–706.
30. С.П. [Познанский С.] Ага, Вениамин бен-Самуил // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем; Под ред. Каценельсона. – СПб.: изд-ие Общ-ва для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз и Ефрон. – Т. I: «А–Аллемар». – кол. 382–383.
31. Конкин Д.В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) // Материалы по Археологии, истории и этнографии Таврии / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. – Симферополь, 2003. – Вып. XII, Т. 2. – С. 627–640.
32. Дерий С.П. К вопросу о деятельности Комиссии по разрешению земельных споров: 1802–1810 гг. // Материалы по Археологии, истории и этнографии Таврии / Ред.-сост. А.И. Айбабин. – Симферополь: Таврия, 1993. – Вып. 3. – С. 161–196.
33. Прохоров Д.А. Документы по истории взаимоотношений между представителями караимских и еврейских общин Таврической губернии в XIX – начале XX веков Государственном архиве при СМ в АР Крым (гражданско-правовой аспект) // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике. Памяти профессора Рашида Мурадовича Капланова. – Москва: «Книжники», 2009. – Ч. II. – С. 345–364.
34. № 1329. Августа 26 1827 г. Именной указ, данный Сенату о обращении Евреев к отправлению воинской повинности в натуре, с отменой с них денежного сбора, вместо отправления оной положенного // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. II. 1827. – СПб.: Тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. II: 1827. – С. 727.
35. № 1330. Августа 26 1827 г. Устав рекрутской повинности и военной службы Евреев // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. II. 1827. – СПб.: Тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. II: 1827. – С. 727–741.
36. Ачкинази И.В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь, 2000. – 192 с.
37. Гаммал М.И. Караимы и империя: освобождение караимов от рекрутской повинности 1827 года // Израиль древний и новый. Изд-ие Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. Труды Кафедры иудаики; Под ред. А.Б. Ковельмана. – М.: Индрик, 2015. – Вып. 1. – С. 144–165.
38. № 3286. Ноября 20. Именной, данный Николаевскому и Севастопольскому Военному губернатору. О воспрещении неслужащим евреям иметь постоянное пребывание в городах Севастополь и Николаев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. IV: 1829. – С. 790–791.
39. № 3703. Июня 10. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров, прописанное в указе сената 31 июля: О мерах к переселению евреев из Севастополе и Николаева // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1831. – Т. V. Отделение 1: 1830. – С. 360–363.
40. № 43139. Марта 24. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 25 апреля. О дозволении евреям-мещанам иметь жительство и постоянную оседлость в городе Николаеве // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. – Т. V. Отделение 1: 1866. – С. 316–318.

41. № 8054. Апреля 13. Высочайше утвержденное Положение о Евреях, опубликованное 13 мая. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том X. Отделение первое. 1835. СПб.: тип. Отд-ия Собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – С. 308–323.
42. № 9991. Марта 3. Высочайше утвержденное Положение о Таврическом Караимском Духовенстве // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XII. Отделение первое. 1837. – СПб.: тип. Отд-ия Собственной Е.И.В. канцелярии, 1838. – С. 132–135.
43. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (ГКУ РК ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. 180 л.
44. Хроника текущей жизни. Евпатория. Устарелость закона о выборах // Караимская жизнь. – М., 1911. – Кн. 7, декабрь. – С. 115–116.
45. № 12206. Апреля 4. Сенатский. О кандидатах на должность Гахама Караимского духовенства в Таврической губернии и городе Одессе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XIV. Отделение первое. 1839. – СПб.: тип. Отд-ия Собственной Е.И.В. канцелярии, 1840. – С. 348–349.
46. № 2963. Декабря 10. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, опубликованное 26 января 1840 [года]. – О дозволении караимам, в Таврической и других губерниях жительствовавшим, принимать в услужение христиан, и приезжающим из-за границы вступать в Российское подданство // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XIV. Отделение первое. 1839. – СПб.: тип. Отд-ия Собственной Е.И.В. канцелярии, 1840. – С. 919.
47. № 15199. Января 7. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, опубликованное 1 апреля. – О новой форме присяги для караимов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XVII. Отделение первое. 1842. – СПб.: тип. Отд-ия Собственной Е.И.В. канцелярии, 1843. – С. 6–8.
48. № 17328. Ноября 15. Высочайше утвержденное мнение государственного совета, опубликованное 31 декабря. – О распространении на караимов правил о почетном гражданстве // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XVIII. Отделение первое. 1843. – СПб.: тип. Отд-ия Собственной Е.И.В. канцелярии, 1844. – С. 758–759.
49. № 18546. Декабря 19. Высочайше утвержденное Положение о подчинении Евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением Еврейских кагалов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XIX, Отд. I. 1844. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1845. – Т. XIX. – С. 887–890.
50. № 24715. Декабря 11. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 5 января 1851 [года]. – О невоспрещении Евреям Караимам продажи горячих напитков и жительства по деревням // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. – Т. XXV, Отд. 2. 1850. – С. 282–283.
51. № 23817. Января 11. Высочайше утвержденный устав о производстве девятой народной переписи // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. – Т. XXV, Отд. I. 1850. – С. 13–44.
52. № 31918. Июня 3. Высочайше утвержденный Устав о десятой народной переписи // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1858. – Т. XXXII, Отд. I. 1857. – С. 435–470.
53. № 25211. Мая 15. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Управляющим Министерством Внутренних дел. – О даровании местечку Чуфут-Кале льготы от городских и земских повинностей и об отнесении на Татарский сбор исправление дороги и о содержании в оном местечке караимского училища // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1852. – Т. XXVI, Отд. I. 1851. – С. 352–353.
54. № 26604. Октября 10. Сенатский, по Высочайшему повелению. – О дозволении Евреям Караимам свободно приезжать в столицы и другие внутренние города Империи // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1853. – Т. XXVII, Отд. I. 1852. – С. 564.
55. № 27464. Июля 26. Именной, объявленный Сенату Управляющим Министерством Юстиции. – О дозволении Евреям Караимам причисляться к портовым городам северо-восточного берега Черного моря, жить и владеть в оных собственностью // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1854. – Т. XIX, Отд. I. 1853. – С. 379.
56. № 29276. Мая 3. Высочайше утвержденное положение Комитета об устройстве Евреев, опубликованное 7 июня. – Об ограничении определения в Раввины и Учителя еврейских предметов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1856. – Т. XXX, Отд. I. 1855. – С. 316.

57. № 29277-а. О нераспространении на Караимов, получающих ученые и медицинские степени, ограничений, постановленных вообще для Евреев относительно поступления на службу // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. П Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1856. – Т. XXX. Отд. II. Дополнения к Т. XXX. 1855. – С. 24.
58. ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1477. 3 л.
59. № 39460. Апреля 8. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 2 мая. О постановлениях касательно прав Караимов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб.: тип. П Отд-ия Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1866. – Т. XXXVIII, Отд. I. 1863. – С. 302–306.
60. ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 3. 87 л.

Prokhorov D. The legal basis for denominational self-governance of Karaites in the late 18th – first half of the 19th centuries // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 76-88.

The article focuses on major steps in the evolution of Karaites legal status in the late 18th – first half of the 19th centuries after Russia expanded into Crimea. Based on the analysis of the laws and regulations implemented by the government, as well as of archival records reflecting historical development of their denominational self-government bodies, Karaites has been determined to gain new legal status granting them all rights and freedoms under Russian Empire jurisdiction. On the other hand, social contradictions grew between Jewish and Karaite communities revealing themselves through some isolated incidents and consequences in the second half of the 19th century.

Keywords: Crimea, Karaites, Russian legislation, confessional self-government.

УДК 340

**ПРАВОВЕДЕНИЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАНИЯ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НЕЮРИДИЧЕСКОГО
ПРОФИЛЯ**

Поддубняк А. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Одной из обязательных дисциплин для большинства специальностей неюридического профиля в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами является учебная дисциплина «Правоведение». Включение данной дисциплины в образовательные стандарты подтверждает актуальность ее преподавания, не вызывает сомнения в необходимости ее преподавания, что, в свою очередь, обусловлено стремлением к формированию правовой реальности и повышению правовой культуры у студента, к уважению к законам и другим нормативным актам Российской Федерации. От образовательных учреждений требуется уточнение подходов к содержанию правовых дисциплин и процесс правового воспитания студентов. Основная задача курса «Правоведение» — выработка у студентов законопослушания, дать знания норм права, регулирующих правоотношения, в которые будут вступать выпускники вузов в процессе трудовой деятельности, участия в политической жизни страны, реализации личных прав и свобод. Становление гражданского общества, государственной правовой системы, демократизация общественных отношений способствует активности личности как субъекта этих отношений. Это предопределяет необходимость получения учащимися знаний о государственно-правовых явлениях, которые являются одним из ведущих средств упорядочения общественных отношений, без которых сегодня не может обойтись ни один человек.

Ключевые слова. Правоведение, закон, правовая культура, студент неюридического вуза, нигилизм, правовое государство.

Государственная политика Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, курс на которую был провозглашен в 2011 году, определяет, что развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов [2].

Построение правового государства, кризис в политической, социальной сферах, обновление законодательства обуславливают необходимость особого внимания к проблемам правового образования. Для России проблема наличия правового нигилизма, как у взрослых, так и у подростков, является довольно-таки актуальной, так как одной из целей нашей государственной политики является построение правового государства и развитие гражданского общества. Российское государство определяется Конституцией РФ как правовое. Правовым государством называется такое государство, которое во всей своей деятельности подчиняется праву, функционирует в определенных законом границах. Главное в идее правового государства –

связанность государства правом, гарантирующая предсказуемость и надежность действий государства, подчинение государства праву, защиту граждан от возможного произвола государства и его органов. Смысл правового государства раскрывается в статьях 1 и 2 Конституции РФ, согласно которым Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления; человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина представляет собой обязанность государства [1].

Реализация конституционного положения об обеспечении и защите прав и свобод человека является важнейшим направлением государственной политики и надежной базой формирования гражданского общества. Применительно к подготовке специалиста это означает формирование поколения, уважительно относящегося к законам, умеющего использовать правовые знания в профессиональной деятельности и защищать свои права, формирование у граждан убеждения в абсолютной ценности права, в его универсальном характере. Воспитывать правовое сознание людей государство должно не только при помощи всей системы эффективного механизма правового регулирования и применения правовых норм, но и через правовое образование.

Современные концепции правового государства основаны на идеях Канта (1724-1804 гг.), Монтескье (1689-1755 гг.) и других европейских просветителей XVIII и XIX вв., таких, как Гуго Гроций, Спиноза, Дж. Локк, Дени Дидро, Ж.-Ж. Руссо. Еще в Древней Греции античные мыслители – Сократ, Платон, Аристотель – сделали первые шаги по созданию учения о правовом государстве. Они высказали идею о верховенстве закона. Аристотель, например, утверждал, что «там, где отсутствует власть закона, нет места и какой либо форме государственного строя», что закон должен властвовать над всем.

Жить в правовом государстве – значит подчиняться нормам и принципам права, господству закона. Построение правового государства невозможно без уважения к его законам. Поэтому каждый человек должен быть юридически грамотным, образованным, знать, понимать свои права и обязанности, уметь ими пользоваться. Существование правовой культуры предполагает не только существование у человека информации о законодательстве, принципах и нормах права, но и наличие внутренней потребности неукоснительного соблюдения требований закона. Воспитание уважительного отношения к праву реализуется только при наличии благоприятных условий для человека: уровня общей культуры, традиций, воспитания, направленного на недопущение агрессивного отношения к праву, к проявлениям правового нигилизма. Недостатки в правовом воспитании в учебных заведениях, малорезультативная деятельность по профилактике правового нигилизма приводят к неуважительному отношению студентов к праву, к несостоятельности образовательных учреждений в формировании у молодого поколения высокой правовой культуры. Вместе с тем отсутствие у молодых людей полноценного жизненного и социального опыта, неумение в полной мере реализовывать свои возможности и способности, отстаивать свои права и интересы законным способом, рационально использовать свои силы и свободное время диктуют необходимость вмешательства взрослых в процесс личностного и профессионального роста молодых людей, создания нравственной и культурной среды, информационных, кадровых и материальных условий

образовательного и воспитательного процесса и досуга [5, с. 296-297]. Именно для этих целей существует дисциплина «Правоведение». Цель правоведения – дать первичное представление о государственно-правовых явлениях; сформулировать базовые юридические определения и понятия, с которыми можно столкнуться в повседневной жизни и профессиональной деятельности.

Сегодня во многих российских вузах студенты должны изучать дисциплину «Правоведение» независимо от того, какую специальность они выбрали: гуманитарно-социальную, здравоохранение, экономику и управление или иную. Начиная со школы все россияне овладевают основами знаний о российской правовой системе, о важнейших законах, регулирующих права и свободы граждан, о содержании российской Конституции. В непростых условиях современного развития российского общества высшая школа должна готовить специалистов не только как профессионалов своего дела, но и как высоконравственных людей со сформированным правосознанием. Основная цель дисциплины - введение студента в контекст российской и мировой правовой культуры, передача комплекса знаний и навыков, позволяющих ориентироваться в современной государственной и правовой действительности, самостоятельно оценивать явления общественной и политической жизни, формировать в отношении них личную нравственно-правовую позицию, успешно продвигаться в профессиональной деятельности.

Учебная дисциплина «Правоведение» является одной из обязательной для многих неюридических специальностей в соответствии с ФГОС – 3. Включение данной дисциплины в общие образовательные стандарты подтверждает актуальность ее преподавания, что, в свою очередь, обусловлено стремлением к формированию правовой культуры у студента и уважения к законам и другим нормативным актам Российской Федерации.

Термин «Правоведение» имеет немало терминологических характеристик. В общем смысле данным термином обозначают деятельность по изучению, исследованию и освоению права, «систему специальных общественных знаний, в пределах и посредством которой осуществляется теоретико-прикладное освоение правовой действительности» [4, с. 114]. Как учебная дисциплина правоведение имеет более узкий смысл. Он сводится к тому, что студентам неюридических направлений подготовки даются знания о праве и государстве, их основах, а также освещается современное состояние российской правовой системы.

У большинства студентов неюридических вузов зачастую отсутствует четкое понимание того, зачем им нужно изучать дисциплину «Правоведение». На первых занятиях со студентами их мнение обычно сводится к тому, что данную дисциплину должны изучать юристы, а они – студенты неюридических вузов – в случае необходимости всегда смогут обратиться за помощью в юридическую консультацию. Наша задача как преподавателей состоит в том, чтобы донести студентам, насколько необходимо, важно, интересно изучать действующее законодательство, как личности, как гражданину, чтобы знать свои права и обязанности, уметь ими пользоваться, быть способными защитить себя от нарушений как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности. Ведь каждый из студентов — это будущий экономист, врач, руководитель производства, в подчинении у которого будут находиться люди, который должен знать, что можно требовать от своих подчиненных, иметь четкое представление о своих обязанностях, воздерживаться от нарушения прав других граждан и организаций и т. д. Известные фразы гласят: «Незнание за-

кона не является оправданием, незнание факта является оправданием», или «Незнание законов не освобождает от ответственности». Необходимо каждому студенту быть вооруженным в правовом поле, ибо четкое знание закона — один из методов предупреждения правонарушений.

В качестве педагогических рекомендаций по совершенствованию процесса преподавания дисциплины «Правоведение» в неюридических вузах можно выделить следующие:

- в процессе преподавания основной упор делать на правовоспитательную работу со студентами: на формирование уважительного отношения к праву в целом, к системе действующих в обществе законодательных норм, законопослушание, ориентацию в повседневной жизни и профессиональной деятельности на осознанное соблюдение требований законов, стремление к их реализации;

- стимулировать приобретение студентами социально-профессионального опыта в период их обучения, для чего увеличить долю активных форм обучения, традиционные лекции и практические занятия должны сочетаться с проведением тематических дискуссий, деловых игр, учебно-практических конференций, решением практических задач в соответствии со специализацией студентов;

- следует более тесно увязывать преподавание данной дисциплины со специализацией студентов, правовыми вопросами, решаемыми в ходе их будущей профессиональной деятельности.

Система высшего образования с помощью курса правовых дисциплин, в том числе и «Правоведения», должна удовлетворить потребность студентов в квалификации высокого уровня и обеспечить его конкурентоспособность в сфере приложения труда, необходимо информировать студентов о положении на рынке труда и их правах в этой сфере, готовить специалистов, умеющих самостоятельно правовыми средствами разрешать конфликтные ситуации.

Разработка научно-методических основ преподавания правовых дисциплин в неюридических вузах требует учета возрастных особенностей студентов, которые рассмотрены в работах Б.Г. Ананьева, И.С. Кона, А.В. Мудрика и др. В контексте изучения научно-методических основ преподавания правовых дисциплин в вузах культуры и искусств большой интерес представляют исследования А.А. Аронова, Т.И. Баклановой, М. Г. Данильченко, А.Д.Жаркова, Л.С.Жарковой, Е.И.Ждановой, В.И.Закутского, Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильникова, Н.В.Кротовой, В.С. Садовской, Ю.А. Стрельцова, В.М. Чижикова и др.

Государство должно учитывать все социально-экономические факторы, влияющие на правосознание молодежи, решать все ее проблемы, ставя в ряду важнейших задач совершенствование процесса гражданского, патриотического, нравственного и правового воспитания молодого поколения. Формирование правосознания студентов является настоятельной потребностью развития общества, фактором стабилизации и выживания России и целью преподавания правовых дисциплин.

Имеющиеся «пробелы», недостатки тех или иных правовых норм в российском законодательстве не должны перерасти в нигилистическое отношение к праву. На конкретных примерах надо убедить студентов в том, что право справедливо, что оно выражает общественные потребности, интересы подавляющего большинства людей. Основная задача курса «Правоведение» — выработка у студентов законопослушания, передача знания норм права, регулирующих правоотношения, в которые будут вступать выпускники вузов в процессе трудовой деятельности, участия в политической жизни страны, реализации личных прав и свобод.

Согласимся с положениями, характеризующие систему взглядов на научно-методические основы преподавания правовых дисциплин в неюридическом вузе, обозначенными в своем исследовании Болониной С.В.:

1. Целью преподавания в неюридических вузах должно быть формирование положительно ориентированного правового сознания будущих специалистов (системы юридических знаний, умений, навыков и ценностных ориентаций, правовых установок, регулирующих поведение личности в юридически значимых ситуациях).

2. Содержание курса правовых дисциплин базируется на концепции естественных неотчуждаемых прав человека и включает знания правового положения личности в обществе, знания отдельных отраслей права и законодательства, которые непосредственно связаны с будущей профессиональной деятельностью студентов.

3. Оптимизация преподавания правовых дисциплин в неюридическом вузе может быть достигнута в процессе использования информационных компьютерных технологий и оригинальных учебно-профессиональных заданий [3, с. 24].

Право — это важное достижение человеческой цивилизации, которое возникло еще в древности и в течение длительного времени влияет и будет влиять на жизнь общества в целом и каждого человека в частности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан//Российская газета. № 151. 14.07.2011.
3. Болонина С.В. Научно-методические основы преподавания правовых дисциплин в неюридических вузах: Автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.08. – М., 2000. – 45 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права. 3 изд. перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009.
5. Кабакович Г.А., Хамитова Г.Ш. Модель правового образования и воспитания российской молодежи как способ решения социальной проблемы правового нигилизма// Вестн. Башкирского ун-та. – 2012. – Т.17. - №1.

Poddubniak A. Jurisprudence: relevance of teaching in educational institutions of higher education of the nonlegal profile // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1.– P. 89 – 93.

One of the compulsory discipline for the majority of non-legal professions profile in accordance with the federal state educational standards is an academic discipline "Law". The inclusion of this discipline in the educational standards confirms the relevance of its teaching, there is no doubt of the necessity of teaching, which, in turn, motivated by the desire to create a legal reality and improving the legal culture of the student, to respect the laws and other normative acts of the Russian Federation. The main objective of the course "Law" - to develop the students' law-abiding, to give knowledge of the law regulating the legal relationship in which graduates will be joining in the course of employment, participation in the political life of the country, the implementation of individual rights and freedoms. The formation of civil society, the state legal system, democratization of public relations contributes to activity of the individual as the subject of the relationship. This predetermines the need for students knowledge of state-legal phenomena, which are one of the leading means of ordering social relations, any one person can not do without it.

Keyword: Jurisprudence, law, legal culture, student of Extralegal education, nihilism, legal state.

УДК 351.713(47+57) «19/20»

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АРЕСТАНТСКИХ РОТ ГРАЖДАНСКОГО ВЕДОМСТВА В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

Островский А. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В работе раскрываются и изучаются основные нормативно-правовые акты, заложившие основы создания и деятельности арестантских рот гражданского ведомства в Российской империи. Указывается, что в этом процессе был использован опыт создания и деятельности арестантских рот военного ведомства, а потому во многом правовая база этих пенитенциарных учреждений, как задачи и методы деятельности, были весьма сходны. Подчеркивается, что арестантские роты были одним самых суровых наказаний, не связанных с лишением жизни, после каторги. Кроме того, обычно после отбытия срока наказания в них осужденные принудительно отправлялись на поселение в Сибирь.

Ключевые слова: арестантские роты, гражданское ведомство, правовые основы, указ, Российская империя.

Современные пенитенциарные системы во многих странах озабочены проблемами самоокупаемости, а также занятости заключенных производительным трудом. В большинстве случаев этот процесс вызывает сложности организационного, правового и экономического характера. Разрешение этих проблем, как показывает богатая историческая практика, возможно лишь с концентрацией усилий не только соответствующих органов исполнения наказаний, но и при содействии всех необходимых государственных, а в некоторых случаях даже общественных организаций. Использование этого опыта, накопленного в том числе в пенитенциарной системе Российской империи, является необходимым шагом к разработке комплексных, системных подходов для решения подобных задач.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучение различных аспектов проблемы привлечения заключенных к производительному труду в Российской империи в большинстве своем комплексно еще не происходило. При этом большинство ученых, затрагивавших в той или иной степени вопросы деятельности пенитенциарных систем, так или иначе затрагивали отдельные аспекты данной проблемы. Исходя из этого укажем, что историография проблемы составляют труды таких исследователей, как Бочаров А.А., Соболевский В.А., Шилов А.И., Курочкин Е.П., Гернет М. Н., Сибилева А.Ю. и многие другие [1-7].

Положительный опыт использования и деятельности военных арестантских рот, общая тенденция к военизации при Николае I, а также необходимость решения различных хозяйственных вопросов для развития страны при острой нехватке свободных рабочих рук подтолкнули руководство государства к необходимости создания арестантских рот гражданского подчинения с использованием уже имеющегося опыта в данной сфере. Еще одной причиной такого шага, очевидно, было то, что на

южно-украинские земли хлынул поток ищущих новой и свободной жизни бежавших крепостных крестьян, разорившихся ремесленников, купцов и т.д. Многие из них за определенную мзду были записаны жителями городов, т.е. попали в категорию свободных людей. Но такое положение дел не устраивало хозяев бежавших и создавало сложную криминогенную обстановку в регионе.

Еще 11 октября 1827 г. был принят указ «Об издержках и суммах на содержание арестантских рот, формируемых из содержимых в городских тюрьмах арестантов» (1455). Такие подразделения предполагалось сформировать в каждом губернском городе, обычно из так называемых «бродяг». Средняя стоимость на содержание 1 роты была рассчитана в сумме 20000 руб. (жалование офицерам и нижним чинам, обмундирование, продовольствие). Эти издержки указом предлагалось отнести поровну: на счет городских и земских повинностей каждой губернии. Основными целями создания арестантских рот гражданского ведомства объявлялись их будущая помощь в работах по городу, уменьшение количества пересылочных лиц в Сибирь и расходов на их конвоирование. Первые такие роты было решено создать в Новгороде и Пскове [8, с. 884-885]. Однако, по некоторым данным, еще до 1830 г. в Киеве было сформировано 6 арестантских рот специально для производства строительных работ [9, с. 12]. Как видим, изначально предполагалось, что командование этими подразделениями будут осуществлять воинские офицеры. Этим шагом достигалась максимальная унификация таких подразделений с соответствующими военными и использование накопленного опыта.

10 июля 1830 г. царем был утвержден проект положения для арестантских рот «Гражданского ведомства, предполагаемых к сформированию в Одессе и других местах Новороссийского края» (3786). Изначально было решено создать 4 роты: одну в Одессе, 1 для Измаила и Кишинева, 1 для Херсона и 1 для Симферополя. В состав рот предписывалось направлять беглых и бродяг старше 25 лет, не отсылая их на Кавказскую линию в работники казакам. Контингент этих подразделений составили осужденные к ссылке в Сибирь, осужденные за маловажные преступления, и осужденные в крепостную за неважные преступления, или к заключению в рабочие дома [10, с. 704]. Содержание рот, по предложению генерал-губернатора Воронцова, возлагалось на гражданские власти.

Исходя из вышеизложенного различия преступлений, назначаемых в состав данных рот арестантов предписывалось разделять на 2 разряда: бродяг и преступников, «стараясь прибирать по степени вины и льготам». Количество арестантов в каждой роте первого разряда, т.е. бродяг, полагалось от 150 до 180 человек, а в роте второго разряда, т.е. преступников, от 120 до 150 человек. Роты, как и полагалось, разделялись на отделения в количестве не более 10 чел. в каждом. Их следовало комплектовать, по возможности, из арестантов мастеров одной специальности. Как например, отделение каменщиков, плотников, каменотесцев и проч. При этом состав отделения должен был учитывать возраст арестантов, так, чтобы в одном отделении не было арестантов слишком разнящихся по возрасту. Командиром каждого отделения назначался унтер-офицер (п. 1-5). Штатный состав роты предписывался к строгому соблюдению.

Арестантские роты должны были находиться в непосредственном ведомстве местного гражданского руководства, точно так же как крепостные арестанты находились в ведомстве комендантов. Тот же уровень взаимоотношений устанавливался

между этим гражданским начальством, относительно арестантов, и генерал-губернатором [10, с. 706]. Кроме того, положение определяло основные формы обеспечения арестантов одеждой и питанием, порядок их конвоирования на работы.

Только почти через год, 15 мая 1831 г. царем был утвержден «...штат одной арестантской роты Гражданского ведомства» (4573) [11, с. 382]. В ее состав входили командир роты – капитан, поручик, подпоручик, прапорщик, фельдфебель, 18 унтер-офицеров, писарь и цирюльник. Всем им в год, на жалование, стол и квартиру, включая расходы на канцелярские припасы, полагалось 3252 руб. Арестантов предусматривалось в роте от 130 до 180 человек. На них полагалось провианта и на пищу 88 руб. 40,5 копеек [11, с. 824].

В этот же день, кроме штата, также были изданы «Правила о управлении Военно-рабочей и арестантскими ротами, относительно производства работ» (4574). Они, базировались на примере Москвы и Московской губернии, а потому применение их в других регионах было практически невозможно [11, с. 382-383].

С началом практического формирования арестантских рот были приняты и другие нормативно-правовые акты, затрагивавшие вопросы их комплектации, обеспечения, сроков заключения арестантов и т.д.

К ним можно отнести указы от 25 августа этого же 1831 г. «О наполнении арестантских рот, в Новороссийском крае учрежденных одними только арестантами трех Новороссийских Губерний и Бессарабской Области» (4772) [11, с. 783-784]; 8 ноября 1832 г. «О приостановлении Высочайшего повеления об отдаче арестантов в солдаты по тем Губерниям, из коих назначены высылка впредь до укомплектования тамошних арестантских рот» (5735) [11, с. 827]; 24 октября 1833 г. «О содержании Арестантских рот Гражданского ведомства в Новороссийском крае» (6513) [33, с. 600]; 1834 г. «Об определении срока бытности в гражданских Арестантских ротах Новороссийского края бродяг» (6904) [12, с. 216]; 3 апреля 1836 г. «О предоставлении на Высочайшее благоуважение об арестантах арестантских рот, оказавшихся хорошего поведения» (9052) [13, с. 383]; 22 октября 1836 г. «О летах преступников, присуждаемых, вместо ссылки на поселение, к отдаче в военную службу» (9632) [13, с. 126]; 25 марта 1838 г. «Об усилении мер против контрабанды» на западной границе (11088), п. 3-5 которого предписывал всех поголовно виновных в контрабанде и потворстве ей отправлять в арестантские роты. В случае побега арестованных контрабандистов, тех кто их упустил и тех кто помогал им бежать тоже следовало отправлять в арестантские роты [15, с. 199-200]; 4 июня 1838 г. «О порядке определения офицеров в арестантские роты гражданского ведомства» (11277) [15, с. 741-742]; 29 ноября 1839 г. «О планах для постройки зданий для арестантских рот» (12935) [16, с. 903]; 3 февраля 1841 г. «О суждении военным судом нижних чинов арестантских рот гражданского ведомства» (14243) [17, с. 95]; 26 апреля 1841 г. «О предоставлении Военным и Гражданским Губернаторам утверждать ротных командиров арестантских рот гражданского ведомства» (14492) [17, с. 342] и многие другие.

Следует также указать, что уже в переизданном в 1842 г. тюремном Уставе они превратились в разновидность общих мест лишения свободы – «арестантские роты гражданского ведомства» – и предназначались для гражданских лиц, крепостных крестьян, осужденных за побег, бродяг, уголовных преступников и др. Арестантские роты характеризовались достаточно суровыми условиями режима содер-

жания, где четко выражено стремление государства использовать труд арестантов для решения конкретных местных проблем, о чем свидетельствует и подчиненность их губернским строительным комитетам и комиссиям [18, с. 12].

Юридическое оформление нового подхода было заложено в принятом 15 августа 1845 г. «Положение о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства» (19285). Оно состояло из 10 глав: «Положения общие», «О вступлении арестантов в роты», «О хозяйственном содержании роты», «О содержании арестантов в роте и употребление их в работы», «О надзоре за исправлением арестантов», «О выборе в отряд исправляющихся», «О сохранении благочиния в роте», «О призрении больных в роте», «О выбытии арестантов из рот», «Об отчетности по ротному управлению».

В первой главе указывалось, что арестантские роты гражданского ведомства назначаются для содержания и исправления в поведении людей низших сословий, подведомственных суду гражданскому. Эти подразделения создавались по усмотрению правительства в губернских, областных, портовых и других городах, в которых было достаточно способов к занятию арестантов работами и назывались по названию этих городов.

Арестантские роты гражданского ведомства состояли в ведомстве Главного Управления Путей Сообщения и Публичных зданий, которое заведовало ими через начальников губерний и строительных комиссий или комитетов. Военное управление каждой роты сосредотачивалось в лице ротного ее командира; ближайший же надзор за ходом и успехами нравственного исправления арестантов возлагался на тюремные комитеты (п. 1-4).

По положению, в арестантские роты поступали: 1) по приговорам суда преступники, подлежащие наказанию работами в этих ротах; 2) по распоряжению правительства, бродяги и беглые, показывающие себя из податного состояния или из разночинцев, до собрания о них справок; 3) по приговорам городских и сельских обществ, «люди от развратной жизни впавшие в податные недоимки, для отработки этой недоимки, и для нравственного их исправления»; 4) по приговорам обществ и распоряжению помещиков, люди порочные для исправления в поведении. Последних могли принимать в роты не более как на 6 месяцев.

Поступающие в роты должны были быть не моложе 17 и не старше 60 лет, притом без телесных недостатков, свидетельствоваться врачом, о каждом отдаваемом в роту составлялся статейный список в двух экземплярах [19, с. 1017]. Поступивших в роты арестантов из преступников, бродяг и беглых, отданных в наказание за бродяжничество или показавших себя непомятыми родства за негодностью непоступивших в рекруты, следовало зачислять в арестанты 1 разряда; люди, поступившие в роту за неплатеж податных недоимок, или назначенные в роту по приговорам обществ или по распоряжению помещика для исправления, а также беглые, поступающие, поступающие до собрания справок, зачислялись в арестанты второго разряда [19, с. 1018]. Арестанты второго разряда от первого различались по форме. В ротах служили военные чины.

Согласно главе 7 «О сохранении благочиния в роте», попечение о сохранении благоустройства и благочиния в роте возлагалось на ротного командира, который в этом вопросе обязан был руководствоваться общими, постановленными для

тюремных заведений, правилами и особыми указаниями данного положения. За маловажные проступки арестантов ротное начальство могло подвергать легким исправительным наказаниям, среди которых были выговоры в присутствии других, арест в тюремной камере на 2 суток, лишение горячей пищи на время от 2 до 4 дней, а за более важные – до 30 ударов розгами. За преступления как против воинской дисциплины, так и по другим нарушениям закона, следовало подвергать виновных арестантов 1 разряда суду военно-уголовному. Из этого исключалось слушание не более 1 раза, хотя явное, но несопровожаемое ни буйством, ни грубостью, ни вовлечением в то других.

Во всех этих случаях меры усмирения и наказания могли усиливаться по общему положению попечителей, командира и офицеров роты, с утверждения начальника губернии: 1) увеличением телесного наказания до 100 ударов розгами; 2) бритьем половины головы; 3) закованием на время в кандалы. За преступления уголовные, содеянные первого и второго разряда арестантами до поступления их в роты, но обнаруженные после их помещения в них и непокрываемые давностью, они подлежат суду гражданскому, оставаясь до приговора под надзором начальства роты, только отдельно от прочих арестантов. Арестанты второго разряда в случае преступлений уголовных, содеянных ими в роте, подлежали вообще суду гражданскому, но если эти уголовные преступления были совершены ими вместе с арестантами 1 разряда, то, наравне с этими последними, подвергались военному суду. Они подлежат суду военному также в случае изблечения в явном слушании начальству, с вовлечением в него других, или в слушании, хотя без вовлечения в него других, но с насилием и грубостью, или же более 2 раз, или в умышленном членовредительстве для отбытия от работ [19, с. 1024].

Арестанты могли выбывать из рот: 1) по истечении срока, назначенного для их содержания; 2) по совершенной к работе неспособности; 3) по требованию обществ и помещиков; 4) по суду [19, с. 1024]. Что касается отчетности арестантских рот то по положению, по окончании года отчет о состоянии роты, как в хозяйственном отношении, так и в отношении к нравственности арестантов, следовало предоставлять ротным командиром и попечителями рот в строительную комиссию, или же, где ротами заведовали строительными комитетами, то в них. Инспекторские смотры ротам производились через инженерное начальство, по назначению главного управления путей сообщения и публичных зданий (п. 94-95) [19, с. 1026]. Кроме того, положение определяло порядок содержания, лечения и наказания заключенных в данных подразделениях. Положение был достаточно полным, а потому и не подвергалось значительным изменениям в последующем, вплоть до реформирования данного института.

Следует также упомянуть, что одновременно с принятием положения о арестантских ротах гражданского ведомства был расширен круг исправительных мест заключения. Так, в этот же день (15 августа 1845 г.) были приняты «Дополнительные правила к Уставу о Содержащихся под Стражею» (19286). Правила заключали в себе положения «О осужденных к заключению в рабочем доме» [19, с. 1027] и «О осужденных к заключению в смирительном доме» [19, с. 1031]. И те и другие должны были создаваться в ведении приказов общественного призрения с утверждения МВД. Данные положения базировались на опыте деятельности подобных подразделений в С.-Петербурге и должны были использовать изданные ранее для них нормы.

В тоже время, рабочие и смирительные дома были более легкой формой наказания, в которых заключенные получали более комфортные условия содержания и работы, по сравнению с арестантскими исправительными ротами.

С началом Крымской (Восточной) войны у государства катастрофически не хватало средств, в том числе и на нормальное содержание различных составляющих пенитенциарной системы. Одним из средств разрешения данной проблемы стало резкое сокращение тюремного населения. С этой целью, кроме прочего, 23 ноября 1853 г. был принят указ «О мерах к устранению накопления арестантов в местах заключения, и о распределении по местам ссылки преступников из жителей Сибири» [20, с. 569]. «Д. В дополнение статей 35, 81, 83, 5560, 1177, 1338 (п. 8 и 9), 2071 и 2931 Уложения о Наказаниях. 1. При постановлении приговоров, коими подсудимые присуждаются к лишению всех особенных прав и преимуществ, как лично, так и по состоянию им присвоенных, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, или же, на основании ст. 83 Уложения, в рабочие дома на продолжительнейшие сроки с определением вместе с этим и телесного наказания, суды полагают: а) тех, кои подлежат первой из означенных в ст. 35 Уложения степени наказаний сего рода, по лишении всех особенных прав и преимуществ, подвергать наказанию розгами от 90 до 100 ударов и потом назначать на время от 1, 5 года до 2 лет в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, или же когда нет достаточного в сих ротах помещения, или осуждаемые будут признанные неспособными к работам в них, а также и женщин, - в рабочие дома или тюрьмы, также на время от 1,5 года до 2 лет, с последующей ссылкой в Сибирь... б) тех, кои подлежат второй из означенных в ст. 35 Уложения степени наказаний сего рода, также, по лишении всех особенных прав и преимуществ, подвергать наказанию розгами от 80 до 90 ударов и потом назначать, на время до 1,5 года в исправительные арестантские роты гражданского ведомства, или же, когда нет в то время достаточного в сих ротах помещения, или осуждаемые будут признанные неспособными к работам в оных, а равно и женщин – в рабочие дома и тюрьмы...; в) тех, кои подлежат 3-й из означенных в ст. 3 Уложения степени наказаний сего рода, равномерно, по лишении всех особенных прав и преимуществ, подвергать наказанию розгами от 70 до 80 ударов и потом назначать, на время от 6 месяцев до 1 года, в исправительные арестантские роты гражданского ведомства... ; г) тех, кои подлежат четвертой из означенных в ст. 35 Уложения степени наказаний сего рода, по лишении всех особенных прав и преимуществ, подвергать наказанию розгами от 60 до 70 ударов, и потом назначать на 6 месяцев в исправительные арестантские роты гражданского ведомства...

2. О бродягах, кои оказываются совершенно негодными к военной службе и потому, на основании ст. 1177 Уложения, подлежали бы отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от 10 до 12 лет, Суды постановляют: подвергнуть их наказанию розгами в мере, ст. 1178 Уложения определенной, сперва назначать в арестантские роты [20, с. 572] на 1 год.

3. Равным образом и всех тех, кои на основании 3 части ст. 560 Уложения о Наказаниях, за негодностью в рекруты, подлежали бы отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от 10 до 12 лет и наказанию розгами в мере, определенной ст. 35 Уложения для первой степени наказаний сего ро-

да, судебные места приговаривают к тому же и в той же мере телесному наказанию и сперва отдаче в арестантские роты гражданского ведомства на 2 года.

4. Наконец и тех, кто на основании п. 8 и 9 ст. 1338 и второй части ст. 2071 Уложения, а также за совершенной негодностью к военной службе подлежали бы обращению в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от 10 до 12 лет, судебные места должны назначать сперва в арестантские роты на 2 года... или осуждаемые будут признаны неспособными к работам в них – в рабочие дома или тюрьмы на 2 года, и потом ссылка в Восточную Сибирь.

В примечании указывалось, что правилами, постановленными в п. 1, 2, 3 и 4, не отменяется порядок, по которому предоставляется (ст. 82 Уложения о Наказ.) инженерному начальству право требовать осужденных в исправительные роты гражданского ведомства для употребления их по своему ведомству в работы на основании той же 82 ст. Уложения.

Лица, которым был вверен попечительный надзор за исправительными арестантскими ротами, рабочими домами и тюрьмами, должны были наблюдать, чтобы те из содержащихся в этих местах заключения, которые должны в последствии быть отправлены для водворения в Сибирь, были во время пребывания в арестантских ротах обучены к какому-либо ремеслу или мастерству [20, с. 573].

Таким образом, арестантские роты гражданского ведомства были созданы на основе опыта построения и использования арестантских рот военного ведомства, а правовой основой их деятельности стали указы от 11 октября 1827 г. «Об издержках и суммах на содержание арестантских рот, формируемых из содержащихся в городских тюрьмах арестантов» (1455); утвержденный 10 июля 1830 г. проект положения для арестантских рот «Гражданского ведомства, предполагаемых к сформированию в Одессе и других местах Новороссийского края»; штата одной арестантской роты Гражданского ведомства от 15 мая 1831 г. (4573) и правил о управлении Военно-рабочей и арестантскими ротами, относительно производства работ (4574), а также изданных в их развитие и дополнение нормативно-правовых актов.

Список литературы:

1. Бочаров А.А. Из истории дисциплинарных воинских частей Военно-морского флота Российской империи. 1906-1916 гг. [Текст] / А. А. Бочаров // Военно-исторический журнал. - 2009. - 0321-0626, N2. - 011. С. 42-45.
2. Соболевский В.А. Правосудие и правопорядок в войсках. – СПб., 1882.
3. Шилов А.И. Уголовное наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части (Правовые и криминологические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998.
4. Курочкин Е.П. О преобразованиях в военно-арестантских учреждениях // Военный сборник. 1867. № 8.
5. Гернет М. Н. История царской тюрьмы / Гернет М. Н. Т. 2. М., 1825 – 1870. – М.: Госюриздат. 1951 г. – 548 с.
6. Гернет М. Н. История царской тюрьмы / Гернет М. Н. Т. 3. 1870 – 1900. – М.: Госюриздат. 1952 г. – 521 с.
7. Сибилева А.Ю. Правовые основы создания и деятельности губернского попечительного о тюрьмах комитета в Таврической губернии // V Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы правовой системы Украины», г. Киев, 28 ноября 2013. – С. 104-107.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II. 1827. – СПб., 1830. – 1138 с.

9. Григор'єв О.М. Пенітенціарна теорія та практика в Російській імперії в кінці XVIII – сер. XX ст. (на прикладі українських губерній): історико-правове дослідження: дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.10 / Григор'єв О.М. – Київ, 2007. – 208 с.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. Отделение первое. 1830. – СПб., 1831. – 594 с.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. Отделение первое. 1831. – СПб., 1832. – 834 с.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VIII. Отделение первое. 1833. – СПб., 1834. – 832 с.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. Отделение 1. 1834 г. – СПб., 1835. – 891.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XI. Отделение первое. 1836. – СПб., 1837. – 893 с.

15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIII. Отделение первое. 1838. – СПб., 1839. – 1067 с.

16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение первое. 1839. – СПб., 1840. – 1185 с.

17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI. 1841 г. Отделение первое. – СПб., 1842. – 942 с.

18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVII. 1842 г. Отделение первое. – СПб., 1843. – 915 с.

19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845 г. Отделение первое. – СПб., 1846. – 1045 с.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVIII. Отделение первое. 1853. – СПб., 1854. – 704 с.

Ostrovskiy A.A. Legal frameworks of creation and activity of prisoner companies of civil department are in the Russian empire // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 94 – 101.

In-process basic normatively-legal acts open up and studied pawning bases creations and to activity of prisoner companies of civil department in the Russian empire. Specified, that experience of creation and activity of prisoner companies of military department was used in this process, and that is why the legal base of these prison establishments, as tasks and methods of activity, were very similar in a great deal. It is underlined that prisoner companies were one the severest punishments unconnected with privation of life, after hard labour. In addition, usually after departure of term of punishment in them the convict force left on a settlement to Siberia.

Keywords: prisoner companies, civil department, legal frameworks, decree, Russian empire.

УДК 342.4

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В
СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ
АНАЛИЗ**

Смирнова Е. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье проводится анализ конституционно-правового статуса Республики Крым 1992 года и конституционно-правового статуса Республики Крым 2014 года после вхождения в состав Российской Федерации как субъекта федерации. Сделан акцент на преемственности государственного строительства в Крыму, реализации накопленного положительного опыта. Особенности правового статуса Республики Крым в составе РФ не дают оснований утверждать, что она имеет специальный статус в федеративном устройстве России. Автор считает, что Республику Крым в составе РФ следует рассматривать как политическую автономию с высоким уровнем компетенций.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, федерализм, автономия, государственные органы, нормативно-правовые акты.

Проблема правового статуса административно-территориальных единиц в федеративном или унитарном государстве имеет свою историю, но и сегодня продолжает оставаться актуальной относительно Российской Федерации (далее – РФ), учитывая в ее составе наличие различных субъектов федерации, в том числе и Республики Крым.

Реальная мировая практика свидетельствует о многообразии тенденций развития федерализма. Современный федерализм – явление сложное и неоднозначное. Одной из ключевых характеристик федеративного государства является баланс отношений между двумя уровнями государственного управления.

Для организационного оформления правового статуса Республики Крым в составе РФ необходимо установить исходный элемент исследований. Такой базовой единицей является институт автономной республики, который представляет автономное государство в составе другого большего государства.

С. А. Авакьян рассматривает Автономное государство – автономную республику как автономную единицу, имеющую статус государства со следующими характеристиками: наличие собственной конституции, законодательства, территории, гражданства, высших государственных органов, определенную бюджетно-налоговую самостоятельность и др. Эта республика функционирует в рамках большего государства, а поэтому не имеет своей денежной системы, армии, полной самостоятельности во внешнеполитических и внешнеэкономических отношениях [1, с. 45-47].

В РФ автономные государства имеют свою долю публичной власти, которая определена Конституцией РФ [2, с. 5-8].

В соответствии со ст. 5, 66 Конституции РФ каждая из республик РФ принимает свою конституцию, а края, области, автономная область, автономные округа принимают уставы.

Ст. 5 ч. 2 Конституции РФ определяет республику как государство, однако не все правоведы считают, что республики в составе РФ являются государствами, а термины «государство» по отношению к республикам и «государственная власть» по отношению к другим субъектам РФ, присутствующие в Конституции РФ (ст. 5, 73, 77 и др.) неверны [2, с. 2].

По их мнению, государственная власть суверенна, она может быть только одна на территории государства. У субъектов федерации, территориальных автономий, муниципальных образований ее представляют находящиеся на территориях территориальные органы исполнительной ветви государственной власти, суды государства, другие государственные органы. Она представлена также действием на всех территории государства, в том числе и на территории республик, законов государства, правовых актов других высших и центральных органов государственной власти. А собственная власть населения той или иной республики осуществляется только в рамках Конституции и законов РФ их органами и институтами непосредственной демократии в форме публичной власти народа [2, с. 5-6].

Автор не полностью разделяет эту точку зрения, нам ближе позиция С. А. Авакьяна, изложенная выше. Мы считаем, что современная российская модель федеративного устройства государства базируется на соединении двух принципов – этнонационального и территориального, что свидетельствует о ее уникальности, отражении полиэтнического характера общества.

Россия состоит из различных по своему правовому статусу субъектов федерации. По состоянию на июль 2014 года субъекты Российской Федерации разделены на следующие шесть групп: 22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа – всего 84 субъекта федерации (ст. 65 Конституции РФ).

Все субъекты РФ равноправны между собой во взаимоотношениях с федеральными органами власти, а также относительно других атрибутов конституционно-правового статуса: в правах иметь свою конституцию или устав, собственные органы власти, территорию, законодательство, представительство в Совете Федерации и Федеральном собрании и др. Однако равноправие их не исключает отличий между ними, поэтому актуальной задачей является уточнить конституционно-правовой статус Республики Крым в федеративном устройстве РФ. Для этого важно использовать опыт, накопленный в Крыму в 1992 году, когда были приняты «Акт о государственной самостоятельности Республики Крым» и «Конституция Республики Крым» [3].

История конституционного статуса Республики Крым позволит уточнить нынешний конституционно-правовой статус республики и использовать положительный опыт для сохранения и дальнейшего развития национальной государственности.

Историю формирования и становления конституционно-правового статуса Республики Крым в составе РФ мы проведем по следующим элементам государственности: анализу конституций, законодательства, территории, структуры высших государственных органов, судебной системы, органов прокуратуры, государственных

языков, гражданства и государственной символики. Это позволит выявить общие черты государственного строительства в Крыму в различные периоды его истории и те отличия, которые существуют как в содержании нормативно-правовых актах, так и в их реализации.

Весной текущего года сложились благоприятные условия для вхождения полуострова в состав РФ.

В связи с обострившейся политической ситуацией в Украине 11 марта 2014 года Верховный Совет Автономной Республики Крым (далее АРК) принял Декларацию о независимости АРК и г. Севастополя и принятия Республики Крым на основе соответствующего межгосударственного договора в состав РФ в качестве нового субъекта. Вопрос о независимости Крыма был вынесен на Всекрымский референдум, на котором большинство граждан полуострова поддержало данную Декларацию и проголосовало за вхождение Республики Крым в состав РФ [4].

18 марта 2014 года РФ и Республика Крым заключили «Договор между РФ и Республикой Крым о принятии в РФ Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов» [5].

Ст. 1 Договора определила, что «Республика Крым считается принятой в РФ с даты подписания настоящего Договора», то есть с 18 марта 2014 года.

Рамки данной статьи не позволяют рассмотреть все этапы становления и развития крымского автономизма. Поэтому сосредоточим внимание на двух моделях крымской автономии – 1992 года в составе Украины и современной модели Республики Крым в составе РФ.

Впервые правовой статус Крыма как автономной республики в составе Украины был определен Законом Украины «О восстановлении Крымской АССР», в соответствии с которым Крымской области был предоставлен статус автономной республики как административно-территориальной автономии [6].

В связи с этим Конституцию Украинской ССР от 20 апреля 1978 года дополнили гл. 7-1 «Крымская АССР» и ст. 75-1, в соответствии с которой Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика являлась составной частью Украины и самостоятельно могла решать вопросы, отнесенные к ее ведению [7].

После распада Союза ССР 29 апреля 1992 года Верховный Совет Украины принял Закон Украины «О статусе Автономной Республики Крым», в соответствии с которым законодательно был определен новый конституционно-правовой статус Крым как автономной республики в составе Украины [8].

Однако крымское руководство, в условиях отсутствия Конституции Украины как независимого государства (действовала Конституция УССР до июня 1996 года), становления центральных органов государственной власти и др., формировало свою правовую модель государственного устройства. Основными нормативно-правовыми актами в этом процессе были Декларация «О государственном суверенитете Крыма» от 4 сентября 1991 года, «Акт о государственной самостоятельности Республики Крым» и Конституция Республики Крым от 6 мая 1992 года. Данные нормативно-правовые акты определили правовой статус Республики Крым в составе Украины. Осуществляя сравнительный анализ Республики Крым в составе Украины и в составе РФ, мы ограничимся анализом двух конституций Республики Крым – 1992 года и 2014 года и отдельных нормативно-правовых актов [9], [10].

Обе конституции провозгласили Республику Крым правовым демократическим государством. Однако Конституция Республики Крым 2014 года более четко определила основы конституционного строя. В ст. 1 Конституции Республики Крым подчеркивается, что «вне пределов ведения РФ, полномочий РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ, Республика Крым обладает всей полнотой государственной власти». В свою очередь, в ст. 2 Конституции Республики Крым 1992 года компетенция Республики Крым определялась не только Конституцией Республики Крым, но и специальным Законом Украины «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым», в дальнейшем при отсутствии Украинской Конституции, это привело к острому противостоянию центра и автономии.

В ст. 2 Конституции Республики Крым 2014 года отмечается, что источником власти является народ, являющийся частью многонационального народа РФ. В ст. 2 Конституции Республики Крым 1992 года «носителем суверенитета и единственным источником государственной власти выступает народ, который составляют граждане Республики Крым всех национальностей».

По нашему мнению, более юридически обоснованным является положение ст. 2 Конституции Республики Крым 2014 года, так как Республика Крым является субъектом РФ, а народ Республики Крым не может быть отдельным народом, а является частью многонационального народа РФ.

Аналогично решены и вопросы гражданства. В Конституции Республики Крым 2014 года отсутствует отдельная глава «Гражданство Республики Крым», которая есть в Конституции Республики Крым 1992 года, и включает три специальных статьи. Вопросы гражданства в Республике Крым закреплены в Конституции Республики Крым 2014 года в ст. 24, 25, 26. Гражданами Республики Крым являются граждане РФ, проживающие на территории Республики Крым.

Значительные отличия существуют и структуре органов государственной власти Республики Крым.

Конституция Республики Крым 1992 года в ст. 107 определила следующие высшие органы государственной власти в Республике Крым: Верховный Совет Крыма (Парламент), Президент Республики Крым; Правительство; Конституционный Суд Крыма, Верховный Суд Крыма. Такая система органов государственной власти Республики Крым была сформирована самостоятельно и вступала в противоречие с основами конституционного строя Украины и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти. По нашему мнению, нарушались следующие принципы образования, формирования и деятельности этих органов, их полномочий, порядок их взаимодействия между собой и центральными органами государственной власти:

- 1) государственная и территориальная целостность Украины;
- 2) распространение суверенитета Украины на всю ее территорию;
- 3) верховенство Конституции Украины и законов на всей территории Украины;
- 4) размежевание предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Республики Крым.

Значительный конфликтный потенциал был заложен в главе 25 Конституции Республики Крым 1992 года, в соответствии с которой создавалась собственная судебная система, состоящая из Конституционного Суда, Верховного Суда, районных

(городских) судов, Арбитражного суда. Однако согласно действующему законодательству Украины судоустройство (а таким образом и судебная система) отнесены к исключительному ведению центральной власти.

Так же как и в 1992 года, система органов государственной власти Республики Крым в 2014 году сформирована самостоятельно, однако в строгом соответствии с основами конституционного строя и общими принципами организации законодательных и исполнительных органов государственной власти РФ.

Правовой статус законодательного органа государственной власти Республики Крым определен Федеральным законом.

Наименование, его структура и полномочия определены в гл. 5 Конституции Республики Крым. В ст. 1 гл. 5 Конституции Республики Крым определяется, что Государственный Совет Республики Крым – Парламент Республики Крым – является постоянно действующим высшим и единственным законодательным (представительным) органом государственной власти Республики Крым.

К основным полномочиям Государственного Совета Республики Крым отнесены:

- 1) принятие Конституции Республики Крым;
- 2) осуществление законодательного регулирования относительно предметов ведения Республики Крым и предметов общего ведения РФ и Республики Крым в пределах полномочий Республики Крым;
- 3) осуществление других полномочий, предусмотренных Конституцией РФ, федеральными законами, Конституцией и законами Республики Крым.

К органам исполнительной власти Республики Крым относятся правительство, министерства, государственные комитеты и другие ведомства.

Исполнительную власть возглавляет Глава Республики Крым, который в соответствии со ст. 61 Конституции Республики Крым является высшим должностным лицом и главой исполнительной власти. В отличие от должности Президента Республики Крым 1992 года, который избирался прямым голосованием избирателями Крыма, Глава Республики Крым избирается Государственным Советом Республики Крым (ст. 62, 72 Конституции Республики Крым) сроком на пять лет. Он наделен достаточно широкими полномочиями. В соответствии с Конституцией РФ (ст. 118) и федеральным конституционным законом, судебная система отнесена к исключительному ведению федеральной власти. Это означает, что возможность создания судебных органов Республикой Крым распространяется только в отношении мировых судов (ст. 86 Конституции Республики Крым), а их деятельность регулируется отдельным законом Республики Крым.

Таким образом, проведенный анализ правовых моделей Республики Крым 1992 и 2014 годов свидетельствует о том, что в Крыму создана модель автономного государства – автономная республика, имеющая статус государства с характерными для него чертами. Существенным различием между Республикой Крым 1992 года и Республикой Крым 2014 года, является то, что в первом случае автономное государство было лишь задекларировано. Его реализация на практике не состоялась, да и в принципе была невозможна в составе унитарной Украины. Принятые нормативно-правовые акты о государственной самостоятельности Республики Крым, в том числе и Конституция Республики Крым 1992 года выходили за пределы действующего законодательства Украины и не решали основных вопросов взаимодействия госу-

дарственного центра и автономной Республики, имеющей статус государства. Отсутствовал также механизм действия законов и других нормативно-правовых актов Украины на территории Крыма. В определенной степени эти нормы должен был регулировать Закон Украины «О разграничении полномочий между государственными органами Украины и Крыма», однако он не был реализован. Все это создало правовую ситуацию, когда закон не действует, а является временным юридическим документом, который при смене политической ситуации был отменен [11].

Во втором случае – Республика Крым 2014 года имеет статус государства в составе РФ. Она считается принятой в РФ на основании «Договора между РФ и Республикой Крым о принятии в составе РФ новых субъектов» и федерального конституционного закона о принятии в РФ Республики Крым. Как отмечалось выше, 21 июля 2014 года в Конституцию РФ были внесены поправки в ст. 65 об образовании новых субъектов РФ – Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Таким образом, завершилось полное конституционное оформление Республики Крым в федеральном устройстве России.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы: проведенный анализ нормативно-правовых актов, определяющих правовой статус Республики Крым 1992 года и Республики Крым в составе РФ 2014 года, свидетельствует о преемственности государственного строительства в Крыму; важно реализовать положительный опыт государственного строительства в Крыму накопленный в 1990-е годы и, что, еще более важно, извлечь уроки из тех негативных явлений, которые возникли при реализации этих актов и привели к радикальным изменениям конституционно-правового статуса Крыма в 1993 – 1995 годах отмене Конституции Республики Крым 1992 года и фактической ликвидации автономного государства.

Современный правовой статус Республики Крым характеризуется прежде всего тем, что она определяется как государственное формирование: имеет свою Конституцию, органы государственной власти, определенную налоговую и бюджетную самостоятельность, законодательство, государственные языки, государственные символы (герб, флаг, гимн), которые отражают национально-историческую символику Крыма, а также имеет право учреждать свои почетные звания и государственные награды. Однако власть в Республике Крым 2014 года не полностью суверенная: она самостоятельна только в пределах, установленных Конституцией РФ, которая на всей территории федерации имеет верховенство.

Все перечисленные особенности правового статуса Республики Крым в составе РФ не дают оснований утверждать, что она имеет специальный статус в федеративном устройстве России. Автор считает, что Республику Крым в составе РФ следует рассматривать как политическую автономию с высоким уровнем компетенций.

Список литературы:

1. Авакьян С. А. Конституционное право. Энциклопедический словарь. М.: Издательство НОРМА – ИНФРА. М., 2001. – С. 688.
2. Чиркин В. Е. Современная концепция государствоведения / В. Е. Чиркин. – М.: ИД «Юриспруденция», 2010. С 18.
3. Ведомости Верховного Совета Крым. – 1992. – № 7. – ст. 259.
4. Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя 11.03.2014. <http://www.rada.crimea.ua/news/11_03_2014_1> (последнее посещение – 22 октября 2015).

5. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Москва, 18 марта 2014 г.) <<http://www.garant.ru/hotlaw/federal/531718/>> (последнее посещение – 22 октября 2015 г.)
6. Закон України «Про відновлення Кримської АРСР //Відомості Верховної Ради України. – 1991. – № 9. – ст. 125
7. Конституція незалежної України: У 3 кн. / Під заг. Ред. С. Головатого; Упоряд С. Головатий, Л. Юзьков. – К.: Право. Укр. Правн. Фундація, 1995. Кн.1 Документи, коментарії, статті – С. 94-95.
8. Закон України «Про статус Автономної Республіки Крим» //Відомості Верховної Ради України. – 1992. - № 30. – ст. 419
9. Декларация «О государственном суверенитете Крыма от 4 сентября 1991 г.// Ведомости Верховного Совета Крыма. – 1991-1992. – № 2. ст. 11.
10. Акт о государственной самостоятельности Республики Крым // Ведомости Верховного Совета Крыма. – 1991-1992. № 6. – ст. 24.
11. Закон Украины «О разграничении полномочий между государственными органами Украины и Крыма»//Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 30. – Ст. 41.

Smirnova E. Constitutional and legal status of the Republic of Crimea within the Russian Federation: History - Legal analysis // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 102 – 108.

Abstract: the article gives a comparative analysis of the constitutional-legal status of the Republic of Crimea in 1992, after the formation of the independent unitary Ukraine, and the Crimea as the Autonomous Republic of faces, and the constitutional-legal status of the Republic of Crimea in 2014, after joining the Russian Federation, a subject of the Federation. Features of the legal status of the Republic of Crimea within the Russian Federation did not provide evidence to suggest that it has a special status in the federal system in Russia. The author believes that the Republic of Crimea within the Russian Federation should be viewed as political autonomy with a high level of competence.

Keywords: constitutional and legal status, federalism, autonomia, government agencies, regulatory-legal acts.

УДК 340.12

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КРЫМСКОГО КРАЕВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ СОЛОМОНА КРЫМА

Сорокин Р. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Статья содержит исследование и анализ финансово-экономической деятельности Крымского Краевого правительства Соломона Крыма. В статье указано, что одним из правительств, чья деятельность к настоящему времени исследована не полностью, является Крымское Краевое правительство Соломона Крыма, действовавшее на территории современной Республики Крым в ноябре 1918 – апреле 1919 гг. Согласно Декларации Крымского Краевого правительства Соломона Крыма, укрепление финансовой системы, развитие торговли, формирование продовольственной безопасности и подъем экономики края выступали одними из приоритетных задач его деятельности. Финансово-экономическую деятельность Крымского Краевого правительства Соломона Крыма можно разделить на два этапа. Первый из них, с ноября 1918 по январь 1919 гг., характеризуется использованием «мягких» методов правительственного регулирования финансово-экономической сферы: формирование банковской системы, выпуск собственной денежной единицы и регламентация торговли. Второй этап, в феврале – марте 1919 г., характеризуется применением «жестких» методов такого регулирования, основным из которых стало введение новых налогов и мер ответственности за уклонение от их уплаты. Деятельность Крымского Краевого правительства Соломона Крыма прекратилась вследствие занятия большей части полуострова большевиками в апреле 1919 г.

Ключевые слова: Государство, право, политика, Крымское Краевое правительство Соломона Крыма.

Правовое регулирование общественных отношений, складывающихся в финансово-экономической сфере, всегда было одним из важнейших направлений деятельности государства. Стабильность и развитие указанных отношений выступают одной из гарантий стабильного функционирования самого государства, общества и их институтов.

Государственное регулирование финансово-экономических отношений и их правовое обеспечение приобретают особое значение в периоды возникающих по различным причинам кризисов в соответствующей сфере. От того, насколько эффективными окажутся направления и методы указанного регулирования, а также нормы соответствующего законодательства, будет зависеть продолжительность неблагоприятной или кризисной ситуации в финансовой и экономической сфере, а также время и последствия ее преодоления.

В Российской Федерации действует широкая система законодательства, позволяющая государству объективно и в необходимой мере воздействовать на финансово-экономические отношения с помощью соответствующих правовых инструментов.

При этом для совершенствования правовых механизмов регулирования отношений в финансово-экономической сфере и устанавливающего их законодательства необходимо учитывать опыт предшествующих поколений, перед которыми стояли аналогичные задачи как на государственном, так и на региональном уровнях.

Особый научный интерес вызывает деятельность государственных и региональных правительств, действовавших на территории России в соответствующие периоды нашей истории, которая к настоящему времени мало исследована.

Одним из таких правительств является крымское Краевое правительство под председательством Соломона Крыма, действовавшее на территории современной Республики Крым в ноябре 1918 – апреле 1919 гг., т.е. в период Гражданской войны в России. В научной литературе это правительство иногда называют вторым крымским Краевым правительством (первое, сформированное при непосредственном участии немецких оккупационных войск в Крыму, возглавлял С. Сулькевич).

Указанное правительство было сформировано местным населением через земские институты самоуправления накануне эвакуации немецких оккупационных войск из Крыма.

Второе Крымское Краевое правительство (Совет Министров), приступившее к работе 15 ноября 1918 г., возглавил С.С. Крым – старый земский деятель, гласный Таврического губернского Земского собрания с 1898 г., член российской Конституционно-демократической партии («Партии народной свободы»), депутат Государственной Думы Российской империи I и IV созывов, член Государственного Совета Российской империи [1, 2]. Кроме того, во многом благодаря усилиям Соломона Крыма, в Крыму в октябре 1918 г. был открыт Таврический университет [3, с. 5 – 15].

Большая часть членов Крымского Краевого правительства под председательством Соломона Крыма, как и сам председатель, представляли российскую Конституционно-демократическую партию («Партию народной свободы»). Этот факт и предопределил политическую деятельность правительства, ориентированного на реализацию ключевых положений политической программы Конституционно-демократической партии [4] в существующих условиях.

Первым нормативно-правовым актом крымского Совета Министров под председательством С.С. Крыма была Декларация, провозглашающая цели и устанавливающая основы деятельности нового правительства [5]. Указанный документ содержал положения, определяющие общие направления деятельности Крымского Краевого правительства в финансово-экономической сфере: «Руководствуясь в своей законодательной и административной деятельности резолюцией земских и городских гласных от 18 октября, дополненной 10 ноября, правительство поставит себе задачей обеспечить население продовольствием и содействовать экономическому подъему страны».

Как следует из журналов заседаний Таврического губернского земского собрания [1, 6, 7, 8], Соломон Крым, являясь его гласным еще в начале своей общественно-политической деятельности, большое значение придавал правовому урегулированию вопросов в сфере торговли, финансов и экономики. Возглавив Крымское Краевое правительство, он также большое внимание уделял регулированию указанных вопросов.

Одной из своих задач в финансово-экономической сфере Краевое правительство ставило укрепление банковской системы в Крыму. С этой целью Совет Министров утвердил уставы трех банков: Черноморского земельного, Крымского учетно-ссудного коммерческого и Крымскотатарского. Кроме того, с целью выхода из финансового кризиса Соломон Крым принял решение о выпуске в Крыму собственной денежной единицы. Соответствующее постановление крымское правительство приняло на заседании 7 декабря 1918. Планировалось выпустить денежные купюры номиналом 25, 10, 5 и 3 рубля, а также в соответствии с правительственным распоряжением от 7 февраля 1919 - марки стоимостью 50 копеек [9, л.14]. Совет Министров готовил меры по борьбе с фальшивомонетчиками, в частности, ввел ответственность за изготовление фальшивых денег [9, л. 15].

В то же время Соломон Крым по согласованию с Донским Кругом приобрел 53 млн. Рублей в Донском банка и лично в сопровождении охраны доставил эти деньги в Крым. Указанные меры позволили на время уменьшить негативные последствия финансового кризиса, но полностью устранить их не удалось.

К весне 1919 г. в Крыму усилился политический, а следом за ним и хозяйственный, и продовольственный кризис. Учитывая новую фазу хозяйственного кризиса, в марте 1919 г. Совет Министров ввел несколько новых видов налогов. Так, постановлением от 30 марта 1919 введен единовременный налог на все земли, независимо от форм собственности [9, л. 72].

Городская управа Симферополя получила право устанавливать новые налоги для жителей города. В Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Балаклаве, Алуште, Ялте, Алушке, Евпатории, Феодосии, Судаке, Старом Крыму, Керчи, Джанкое и Севастополе введен единовременный налог на недвижимое имущество [9, л. 72]. Дачные владения за пределами городов облагались налогом в размере 100 рублей. В то же время краевое правительство установило единовременный налог для крымских предпринимателей.

Для всех граждан Крыма, которые достигли 20 лет, вводился налог в размере 20 рублей. На его уплату не влияли количество и размеры других налогов, освобождались от налогообложения только военнослужащие и лица, имевшие свидетельства о бедности, выданные соответствующими органами.

Советом Министров устанавливались конечные сроки для выплаты всех налогов. Для жителей Симферополя это время ограничивался 15 апреля, для жителей других населенных пунктов - 30 апреля 1919. Для лиц, которые платили налоги после указанных сроков, но до 15 или 30 мая 1919 соответственно, устанавливалась пеня в размере суммы невыплаченного налога. Те граждане Крыма, которые платили налоги, после того, как истекали установленные сроки, подлежали аресту на срок от трех до пяти месяцев с удержанием суммы долга за счет имущества должника [9, л. 73]. Такая налоговая политика правительства в условиях войны и общего экономического кризиса вызвала возмущение значительной части крымского населения.

Второй краевой правительство Крыма активно занимался правовым регулированием сферы торговли, целью которого было установление хозяйственного баланса в Крыму, стабилизация рынка и тому подобное. Нередко эти интересы пересекались с внешнеполитическими и стратегическими целями.

Так, правительство своим постановлением от 29 ноября 1918 запретило частным лицам и предприятиям самостоятельно покупать в немецких воинских частях

на территории Крыма оружие, боеприпасы, технические устройства, продукты питания и т.д. [10, л. 6].

Постановлением Совета Министров от 4 марта 1919 был определен перечень предметов, запрещенных к вывозу за границу (запчасти для автомобилей и мотоциклов, масло, бензин и т.д.). За нарушение постановления предусматривалось заключение под стражу на срок от 4 месяцев до одного года с конфискацией имущества [9, л. 42].

Во второй половине марта 1919 г. при Министерстве финансов был создан Краевой комитет по товарообмену со специальными отделами. В его компетенцию входило правовое регулирование торговли, а также контроль за проведением валютных операций. Граждане и предприятия, имевшие целью использовать валюту для осуществления торговых операций, в частности, для ввоза на территорию Крыма импортных товаров, должны были получить соответствующее разрешение комитета [11, л. 4].

В конце марта 1919 года политический и хозяйственный кризис достиг своего пика. Крупные забастовки прокатились по крымским городам. В это же время с севера на Крым наступали большевики. 4 апреля 1919 года частям Первой Заднепровской советской стрелковой дивизии удалось войти на территорию Крыма.

10 апреля Соломон Крым вместе с другими министрами, членами Крымского Краевого правительства, прибыл в Севастополь под защиту вооруженных сил Антанты с дальнейшей целью покинуть полуостров. Командование интервентов поставило перед членами крымского правительства условие отдать все подготовленные к вывозу ценности, а также около семи миллионов рублей, пригрозив в противном случае не выпустить их из Крыма. После выполнения этого условия, 15 апреля 1919 г. Соломон Крым с членами возглавляемого им правительства на греческом судне «Надежда» навсегда покинул полуостров.

На основании вышеизложенного историко-правового материала можно сделать следующие выводы и обобщения.

Второе Крымское Краевое правительство было сформировано при поддержке значительной части населения Крымского полуострова.

Согласно Декларации Крымского Краевого правительства под председательством Соломона Крыма, укрепление финансовой системы, развитие торговли, формирование продовольственной безопасности и подъем экономики края выступали одними из приоритетных задач его деятельности.

Финансово-экономическую деятельность Крымского Краевого правительства под председательством Соломона Крыма можно разделить на два этапа.

Первый из них, охватывающий ноябрь 1918 – январь 1919 гг., характеризуется использованием «мягких» методов правительственного регулирования финансово-экономической сферы: формирование банковской системы, выпуск собственной денежной единицы, привлечение средств извне, регламентация торговли и т.д. Применение таких методов позволило на короткое время отложить обострение хозяйственно-экономического кризиса.

Второй этап, в феврале – марте 1919 г. характеризуется применением крымским Советом Министров «жестких» методов такого регулирования, основным из которых стало введение новых налогов и мер ответственности за уклонение от их уплаты. Такие меры в условиях Гражданской войны и усиливающегося финансово-экономического кризиса только привели к его новому обострению и возмущению крымского населения.

Дальнейшая деятельность Крымского Краевого правительства под председательством Соломона Крыма стала невозможной вследствие занятия большей части Крымского полуострова большевиками в апреле 1919 г. и эвакуации Совета Министров с его территории.

Список литературы

1. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания XXXII сессии, Симферополь. – 1898. – С. 3 – 81.
2. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. Том II., СПб. – 1906. – С. 1754 – 1944.
3. Маркевич А.И. Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета / А.И. Маркевич // Крымский архив. – 2000. – № 6. – С. 4 – 16.
4. Программа партии Народной свободы (Конституционно-демократической) // Кувшинов В.А. Программа политической партии кадетов // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 8. – С. 89 – 95.
5. Декларация Крымского правительства Соломона Крыма / Копиленко О.Л. Конституція Автономної Республіки Крим: проблеми прийняття, затвердження, реалізації. – Київ, 2001. – С. 171 – 173.
6. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания XXXIV сессии, Симферополь. – 1900. – С. 32 – 67.
7. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания XXXV сессии, Симферополь. – 1901. – С. 17 – 52.
8. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания XXXVI сессии, Симферополь. – 1902. – С. 6 – 101.
9. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. Р. – 1000. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 14 – 75.
10. ГАРК. – Ф. Р. – 999. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 5 – 7.
11. ГАРК. – Ф. Р. – 1000. – Оп. 4. – Д. 14. – Л. 3 – 5.

Sorokin R. Financial and economic policy Crimean Regional Government under the presidency of Solomon Crimea // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 109 – 113.

The article contains research and analysis of financial and economic activities of Crimean Regional Government of Solomon Krym. The article stated that one of the governments, whose work to date has not fully investigated, a Crimean Regional Government of Solomon Krym in force in the territory of the modern Republic of Crimea in November 1918 - April 1919. According to the Declaration of the Crimean Regional government of Solomon Krym, strengthening the financial system, the development of trade, food security and the formation of the rise of the region's economy were among the priorities for its activities. Financial and economic activities of Crimean Regional Government of Solomon Krym can be divided into two stages. The first, from November 1918 to January 1919's., Characterized by the use of "soft" methods of government regulation of the financial and economic sphere: the formation of the banking system, issue their own currency and the regulation of trade. The second stage, in February - March 1919 is characterized by the use of "hard" methods such regulation, the main of which was the introduction of new taxes and measures of liability for evasion of their payment. Activities Crimean Regional Government of Solomon Krym stopped as a result of doing a great part of the peninsula by the bolsheviks in April 1919.

Key words: State, law, policy, Crimean Regional Government of Solomon Krym.

УДК 342.41(470)

**СТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
КАК СУБЪЕКТА НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Шармоянц А.Н.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В работе исследуется опыт становления и функционирования Республики Крым как субъекта нормотворческой деятельности в Советский период. Анализируются полномочия нормотворческих органов Республики Крым по Конституциям РСФСР, СССР, Крымской АССР и другим нормативно-равовым актам того периода. Становление Республики Крым как субъекта нормотворческой деятельности разделено в работе на три этапа, исходя из происходивших изменений правового статуса республики через перераспределение полномочий между республикой и центральными органами власти. Анализируются изменения в полномочиях нормотворческих органов в каждый из рассматриваемых этапов.

Ключевые слова: субъект нормотворческой деятельности, нормотворческие органы, автономия, разделение полномочий, конституция, нормотворчество, правовой статус, нормотворческие полномочия, нормативно-равовые акты.

На наш взгляд, целесообразность изучения данного периода заключается в том, что нормотворческие органы Республики Крым после вхождения в состав Российской Федерации вышли на качественно новый уровень, получили новые возможности, но наряду с этим – и большую ответственность перед населением республики при осуществлении нормотворческой деятельности. Пред органами власти Республики встали новые несвойственные им ранее задачи по интеграции правовой базы Республики в правовое поле РФ, выстраивания оптимальной модели управления регионом и взаимодействие с федеральными органами власти РФ.

Исходя из вышесказанного, полагаем, что опыт становления и функционирования Республики Крым как субъекта нормотворческой деятельности в Советский период вполне актуален и по сей день и нуждается в детальном анализе и переосмыслении.

Становление Крымской автономии в советский период можно разделить на несколько этапов. Осуществляя подобное разделение, мы исходим из происходивших в рассматриваемом периоде значительных изменений правового статуса республики через перераспределение полномочий между республикой и центральными органами власти.

К первому этапу можно отнести период образования Советского Союза, который был ознаменован принятием Конституции РСФСР 1918 г.

Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика была образована декретом ВЦИК и СНК от 18 октября 1921 г. Статус автономии в нем четко определен не был. Весь декрет состоял всего лишь из 10 статей, в которых устанавливалось, что структура государственного аппарата автономии формируется на ос-

новании Конституции РСФСР и состоит из местных Советов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Крымской Социалистической Советской Республики. Для управления делами Крымской АССР учреждались 12 крымских Народных Комиссариатов.

В ведении центра всецело оставались иностранные дела и внешняя торговля, военные дела, управление путями сообщения и даже Центральное Управление Курортами Крыма. Мало того, в 5 статье декрета уточнялось, что все учреждения и отдельные представители объединенных Народных Комиссариатов РСФСР, находящиеся на территории Крыма, не предусмотренные настоящим декретом о Крымской АССР, также находятся в ведении центра.

Независимы в своих действиях и ответственны непосредственно перед государственным аппаратом автономии были лишь Комиссариаты: Внутренних Дел, Юстиции, Просвещения, Здравоохранения, Социального Обеспечения, Земледелия и Управления Коммунальным Хозяйством. Однако и этот небольшой уровень автономности вызывает большие сомнения, так как в 9 статье декрета предусматривалось выделение всех финансовых и технических средств на нужды автономии непосредственно из центра. В примечании лишь оговаривалось, что при распределении продуктов местного производства запросы и нужды Крымской Социалистической Советской Республики удовлетворяются в первую очередь [1].

В декрете ничего не говорилось о гражданских правах и свободах. Таким образом, основное его предназначение состояло в разграничении сферы ведения между центром и Крымом и, как видно из содержания декрета, разграничение было совсем не в пользу Крыма, что полностью отражало специфику того времени.

Через месяц после принятия декрета, на первом Всекрымском Учредительном съезде Советов, работавшем с 7 по 11 ноября 1921 г. была принята конституция Крымской ССР, в основу которой была положена Конституция РСФСР 1918 г.

Принятая Крымская конституция по содержанию мало чем отличалась от другой советской конституции того времени. Она демонстрировала облагороженный фасад социалистической власти, содержала в избытке программные элементы, закрепляла завоевания революции, фиксировала то, что уже достигнуто, намечала задачи, которые еще нужно решить в ходе коммунистического строительства. Наиболее важные вопросы разграничения полномочий и распределения финансовых потоков уже были решены октябрьским декретом и в этой сфере Конституция никаких изменений не внесла. И все же нельзя не признать, что определенные жизненно-важные вопросы для автономии в ней все же нашли свое отражение. Прежде всего, закреплялась структура органов власти, которую возглавлял Всекрымский съезд Советов РК и К. Деп. (рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), Крымский Центральный Исполнительный комитет и Совет Народных Комиссаров. На местах власть представляли соответствующие Советы рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов (городские, сельские) и Съезды Советов, окружные и районные, а также исполнительные комитеты, избираемые ими. Устанавливались основы избирательного права.

Конституция впервые разграничивала нормотворческие полномочия между органами власти автономии. За Крымским ЦИК – как высшим нормотворческим органом автономии, в период между съездами Советов закреплялось право принятия законов, а за Советом Народных Комиссаров – право издавать декреты, распоряже-

ния и инструкции, по вопросам внутриреспубликанской жизни, не входящим в компетенцию РСФСР.

Устанавливалось, что на всей территории Крымской АССР функционируют все действующие законодательные акты РСФСР, как опубликованные доньше, так и издаваемые впоследствии, однако автономная республика обладала правом участвовать в законодательной деятельности союзной республики. Участие проявлялось в том, что Съезды Советов, ЦИК и Совнаркомы АССР пользовались правом внесения запросов в Совнарком РСФСР, осуществляемым автономной республикой через председателей ЦИК и Совнаркомов АССР, которые участвовали в заседаниях Совнаркома РСФСР с правом совещательного голоса. Одной из форм участия автономной республики в законодательстве РСФСР являлось также ее право вносить после утверждения Президиума ВЦИК в кодексы РСФСР дополнения и изменения, необходимые для отражения национально-бытовых особенностей АССР. Такие изменения были внесены рядом автономных республик, например, в Лесной кодекс РСФСР, изданный в 1923 г.

Таким образом, можно отметить, что на первом этапе становления Крымской автономии, как субъекта нормотворческой деятельности, она была существенно ограничена в своих правах, однако вместе с тем был сделан большой шаг вперед к большей определенности ее правового статуса, впервые фиксировалась структура органов власти и закреплялись основы разграничения нормотворческих полномочий между ними. Определялось место нормативно-правовых актов автономии в системе нормативно-правовых актов государства.

Второй этап в становлении Крымской автономии, как субъекта нормотворческой деятельности связан с образованием 30 декабря 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Принятая 31 января 1924 г. на II Всероссийском съезде Советов первая Конституция СССР закрепляла объединение РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР в одно союзное государство (СССР). Конституция определяла систему высших органов власти и управления СССР, основные черты взаимоотношения высших органов власти и управления СССР, основные черты взаимоотношений органов Союза с органами республик и многие другие не менее важные для функционирования государства вопросы [8].

В тексте Конституции СССР присутствовало и упоминание об автономных образованиях, но только в связи с образованием Совета Национальностей из представителей союзных и автономных советских социалистических республик.

Основное внимание Конституция СССР 1924 г. уделяла факту окончательного юридического оформления образования СССР, прав Союза ССР и союзных республик, системе высших государственных органов Союза ССР и союзных республик. Вместе с тем основные законы, уже имевшиеся в объединившихся республиках, теперь должны были быть изменены исходя из факта образования СССР, приведены в соответствие с Конституцией Союза. Эта работа и была проведена в ближайшие после образования СССР годы, и уже 11 мая 1925 г. была принята Конституция РСФСР, закреплявшая разделение функций и полномочий между СССР и РСФСР в соответствии с требованиями Конституции СССР. Если в Конституции 1918 г. отсутствовало всякое упоминание об автономных образованиях входящих в состав РСФСР, то в новой Конституции автономным образованиям посвящена целая глава,

которая так и называлась – «Об автономных советских социалистических республиках и областях». Кроме того, вопросы автономии поднимались и в других статьях.

В Конституции ратзакреплялось право за отдельными национальностями на выделение, по решению их съездов советов, с утверждения верховных органов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в автономные советские социалистические республики и области (ст. 13). Таким образом, в Конституции впервые закреплялись формы автономий – автономная республика и автономная область. В ней в общих чертах определялись конструкция их государственного механизма, границы компетенции. Предполагалось, что более детально и обстоятельно все эти вопросы должны были решаться в конституциях (положениях) соответствующих автономных образований.

Таким образом, необходимость принятия новой редакции Конституции Крымской АССР, соответствующей требованиям новых Конституций СССР и РСФСР, была очевидна.

В новой редакции Конституции Крымской АССР принятой в 1929 г. во многом сохранилась преемственность положений, закрепленных в Конституции 1921 г. и декрете ВЦИК и СНК от 18 октября 1921 г. об образовании Крымской АССР. Однако в ней содержались и существенные нововведения, связанные не только с образованием СССР. Новая Конституция, так же как и Конституция РСФСР, стала юридически более строгой и грамотной, исчезли резкие формулировки, носящие декларативный характер и излишне обобщенные юридические положения. В новой редакции существенно детализировались положения, закрепленные в предыдущей Конституции. Весьма подробно раскрывались нормотворческие полномочия и предмет ведения органов центральной власти Крымской АССР. Уточнялось, что за Всекрымским съездом Советов, как за высшим органом власти в Крыму, устанавливалось исключительное право внесения изменений и дополнений в основные положения Конституции Крымской АССР и утверждение частичных изменений конституции Крымской АССР, принятых сессиями Центрального Исполнительного Комитета в период между съездами Советов Крымской АССР. В исключительные полномочия Всекрымского съезда Советов также входило утверждение положений о высших органах власти Крымской АССР, выборы Центрального Исполнительного Комитета Крымской АССР, выборы делегатов на Всероссийский и Всесоюзный съезды Советов. Кроме того, ведению съезда Советов и Центрального Исполнительного Комитета Крымской АССР подлежали также все вопросы общегосударственного значения в рамках Крымской АССР (подробный перечень вопросов прилагался). За Крымским ЦИК, как за высшим правотворческим органом автономии, в период между съездами Советов, аналогично предыдущей Конституции, но на более детализированном уровне, осталось право принятия законов, распорядительные и контрольные функции. Несущественные косметические преобразования претерпел и Совет Народных Комиссаров Крымской АССР. В новой редакции Крымской Конституции Комиссариаты разделили на те, что подчинялись непосредственно органам власти Крымской АССР и исполняли соответственно их постановления, директивы и задания (необъединенные) и на непосредственно подчиняющиеся ЦИКу, его Президиуму и СНК Крымской АССР, но осуществлявшие в своей деятельности директивы соответствующих Наркоматов и Управлений СССР и РСФСР, проводя

все мероприятия последних через ЦИК и СНК Крымской АССР (объединенные). Подобные положения закреплялись также в декрете и Конституции 1918 г.

Также в новой редакции Конституции Крымской АССР Совет Народных Комиссаров Крымской АССР кроме издания декретов и постановлений получил право вносить законопроекты на рассмотрение ЦИК Крымской АССР. Распоряжения объединенных Народных Комиссариатов РСФСР не должны были противоречить законодательству Крымской АССР или РСФСР. К новшеству можно отнести и появившееся детальное закрепление процедуры утверждения и отзыва комиссаров объединенных и необъединенных наркоматов. Народные комиссары необъединенных Наркоматов и Управлений утверждались и отзывались Крымским ЦИКом самостоятельно, а Народные комиссары объединенных Наркоматов и Управлений назначались и отзывались также Крымским ЦИКом, но с последующим утверждением одноименным Народным комиссариатом РСФСР.

Наиболее значимым нововведением в Конституции 1929 г. являлось закрепление разграничения полномочий между автономией и центром, образовавшим в комплексе своеобразную систему «сдержек и противовесов».

Исходя из этой системы Всероссийский Съезд Советов, ЦИК РСФСР и его Президиум получали право приостанавливать и отменять постановления и распоряжения Всекрымского съезда Советов, Центрального Исполнительного Комитета, его Президиума и Совета Народных Комиссаров Крымской АССР, но при приостановлении или отмене постановления и распоряжения Всекрымского съезда Советов Президиумом ЦИК РСФСР необходимо было в последующем вносить их на рассмотрение Всероссийского ЦИКа. В свою очередь Центральному Исполнительному Комитету Крымской АССР и его Президиуму принадлежало право вхождения во Всероссийский ЦИК и через Совет Национальностей СССР в Центральный Исполнительный Комитет СССР с представлением об отмене или изменении декретов и постановлений всех центральных органов, которые признавались ими нецелесообразными по местным условиям.

Центральный Исполнительный Комитет Крымской АССР и его Президиум были вправе приостанавливать распоряжения объединенных Народных комиссариатов РСФСР при несоответствии данного распоряжения Конституции или законодательству РСФСР или Конституции или законодательству Крымской АССР, а равно когда немедленное проведение этих распоряжений в жизнь явно противоречит хозяйственным интересам Крымской АССР. Относительно директив и постановлений Советов Народных Комиссаров РСФСР по линии объединенных Народных комиссариатов, ЦИК Крымской АССР и его Президиум могли только опротестовывать их в Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, не приостанавливая их исполнения (а по линии необъединенных Наркоматов – и приостанавливая таковые). В свою очередь Народные комиссариаты СССР и РСФСР получали право приостановить, изменить и отменить распоряжения соответствующих объединенных Народных комиссариатов Крымской АССР в тех случаях, когда эти распоряжения противоречили заданиям соответствующих объединенных комиссариатов СССР или общесоюзному или федеральному законодательству, с одновременным доведением об этом до сведения Совета Народных Комиссаров Крымской АССР. Однако следует отметить, что Объединенный Народный комиссариат РСФСР был не вправе отменить постановления одноименного Народного комисса-

риата Крымской АССР в том случае, если эти постановления хоть и противоречат директивам объединенного Народного комиссариата РСФСР и общесоюзному законодательству, но основываются на точном предписании Совета Народных Комиссаров или Центрального Исполнительного Комитета Крымской АССР. Объединенные Народные комиссариаты РСФСР в этих случаях были вправе опротестовать эти распоряжения во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете.

Также, в целях обеспечения интересов автономии, Крымская АССР получала право участвовать в органах центральной власти РСФСР, в Союзном Совете и в Совете Национальностей СССР, а Всекрымский Съезд Советов, Центральный Исполнительный Комитет Крымской АССР и его Президиум получили право законодательной инициативы по всем вопросам законодательства СССР и РСФСР. Совет Союза избирался по норме – 1 депутат на 300 тыс. населения. В Совет Национальностей избиралось от каждой союзной республики и автономной республики по 5 представителей от каждой, от каждой автономной области РСФСР по 1 представителю. Представительство от национальных округов в Совете Национальностей по Конституции СССР 1924 г. не предусматривалось.

Для осуществления постоянной связи между правительством Крымской АССР и правительством РСФСР и обеспечения интересов Крымской АССР при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета состоял представитель Крымской АССР, пользующийся правом совещательного голоса во всех правительственных органах РСФСР.

Таким образом, второй этап становления Крымской автономии как субъекта нормотворческой деятельности, ознаменованный принятием Конституции Крымской АССР 1929 г. представлял по своему содержанию, настоящий прорыв на качественно новый уровень, как в объеме нормотворческих полномочий автономии, так и в вопросах взаимоотношений автономии с центром. Вся совокупность внесенных в Конституцию 1929 г. детализирующих нововведений, особенно в сфере разграничения полномочий и появившаяся система «сдержек и противовесов», хотя и принципиально не изменяли ситуацию, так как фактически все наиболее важные вопросы распределения финансовых потоков и наиболее значимые наркоматы все равно оставались в ведении центра, но позволяют утверждать, что статус республики был существенно повышен.

Конституция Крымской АССР 1929 г. просуществовала недолго. Окончательную «победу социализма в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата» в СССР было необходимо закрепить на конституционном уровне. В течение 1937 г. на основе Конституции СССР 1936 г. и утвержденной на XVII Всероссийском съезде Советов 21 января 1937 г. Конституции РСФСР, были приняты конституции союзных республик, в том числе и Крымской АССР.

В текстах Конституций СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. впервые был закреплен перечень входящих в них субъектов. В соответствии с Конституцией, в РСФСР входило 76 субъектов, состав и правовое положение которых были различны. РСФСР состояло из 6 краев, 49 областей, 16 автономных советских социалистических республик и 5 автономных областей.

Следует отметить, что именно в 30-е годы в основном сложилась та структура государственного устройства и система государственных органов, которая просу-

ществовала вплоть до конца 80-х – изменения конечно были, но они не носили системный характер и представляли единичные случаи, в их основе лежали скорее политические факторы, чем тенденции, призванные изменить государственное устройство.

Внесение существенных изменений, как в структуру органов власти автономии, так и в объем их полномочий позволяет нам отнести период действия Конституции 1937 г. к третьему этапу становления Крымской автономии.

Таким образом, в отличие от Крымской Конституции 1929 г. в Конституции 1937 г. изменилась структура органов центральной власти Крымской АССР. Высшие органы государственной власти – Съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов Крымской АССР и Центральный Исполнительный Комитет были преобразованы в Верховный Совет депутатов трудящихся Крымской АССР и избираемый им Президиум Верховного Совета Крымской АССР. Это изменение должно было означать превращение Советов из органов классового представительства в органы, объединяющие представителей всех трудящихся. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Крымской АССР по-прежнему оставался Совет Народных Комиссаров. Ликвидировалось положение, при котором законодательской деятельностью занимались несколько органов – съезды Советов, ЦИК, Президиум ЦИК и Совнарком (право законодательной инициативы), и в целях обеспечения стабильности и эффективности законов право законодательства закрепились только за Верховным Советом Крымской АССР. Конституция 1937 г. более последовательно утверждала принцип верховенства закона над другими нормативными актами, установив в статье 21, что Верховный Совет Крымской АССР «является единственным законодательным органом Крымской АССР». Все другие государственные органы отныне могли издавать лишь подзаконные акты. За Президиумом Верховного Совета Крымской АССР, как бывшим ЦИК, несмотря на изъятие права принимать законы, закреплялся по-прежнему достаточно широкий круг нормотворческих полномочий:

- обладал правом издавать указы и осуществлять толкование законов Крымской АССР;
- производить всенародный опрос (референдум);
- отменять постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров Крымской АССР, а также решения и распоряжения районных и городских Советов депутатов трудящихся Крымской АССР, в случае их несоответствия закону.

Увеличивались нормы представительства от субъектов СССР и РСФСР в Совет Национальностей. Теперь в него избиралось от каждой союзной республики по 25 депутатов, от автономной республики по 11, от автономной области по 5, а также появилось право и у национальных округов избирать в Совет Национальностей по 1 депутату.

Конституция Крымской АССР наряду с Конституцией СССР 1936 г. и Конституцией РСФСР 1937 г. устранила ранее имевшее место всякие ограничения и изъятия в правах и свободах, расширила круг конституционных прав граждан. Конституция гарантировала гражданам такие политические права и свободы, как свободу слова, свободу печати, свободу собраний и митингов, право на объединение, в общественные организации.

Как утверждают многие ученые правоведы, занимавшиеся данной тематикой, по своему содержанию Конституции СССР 1936 г., РСФСР 1937 г. и Конституция Крымской АССР 1937 г., а равно и Конституции других союзных республик для своего времени были одними из самых демократичных в мире. Однако практически все едины во мнении, что в советском государстве все права и свободы граждан оставались только на бумаге. О каких правах и свободах граждан могла идти речь, когда в тридцатые годы в СССР начались массовые репрессии, жертвами которых стали сотни тысяч советских граждан?

По сравнению с предыдущими Конституциями Крымской АССР в новой Конституции Центр всячески пытался придать автономии черты государственности, о чем свидетельствует повсеместное употребление термина «государственный». Статус «государственных» получили также высшие центральные и местные органы власти автономии [2].

Однако желание центра поднять статус автономии на новый уровень было всего лишь видимостью, свидетельством чего являлось устранение появившейся в Конституции 1929 г. весьма перспективной системы «сдержек и противовесов». Проблема несоответствия нормативно-правовых актов Крымской Автономии, так же, как и других автономных республик, с законодательством РСФСР исчерпывающе решалась ст. 21 Конституции РСФСР 1937 г. в которой говорилось, что «в случае расхождения закона Автономной республики с законом РСФСР действует закон РСФСР» [3].

Подобное ограничение правового статуса автономии было результатом не только общего процесса усиления централизации государственного управления в период Великой Отечественной войны, но и ряда субъективных моментов.

Третий этап становления Крымской автономии как субъекта нормотворческой деятельности продлился недолго и закончился в 1945г., когда Крымская АССР была ликвидирована и её территория в соответствие с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 года получила статус области в составе РСФСР [4. с. 54].

Причины такого преобразования носили преимущественно политический характер, но с правовой точки зрения, законность механизма лишения Крымской АССР её конституционного статуса была сомнительна. В рамках нашей работы мы не будем останавливаться на этом вопросе, так как он уже не один раз был рассмотрен другими авторами [5].

Впоследствии в Конституцию РСФСР вносились изменения, но они носили незначительный характер, в результате чего правовое положение автономных образований и объем нормотворческих полномочий их органов существенно не менялись вплоть до распада СССР.

Становление и функционирование Республики Крым, как субъекта нормотворческой деятельности, в Советском Союзе, как впрочем и других автономных образований в рассматриваемый период прошло длительный и сложный процесс, сопровождавшийся множеством изменений. Однако все эти изменения были строго связаны и являлись следствием преобразований в конституционном поле СССР и РСФСР, что позволяет утверждать о том, что расширение полномочий происходило сверху и в большинстве случаев носило догоняющий характер, а следовательно, не могло в полной мере учитывать специфику и интересы автономных образований.

Изучение опыта становления и функционирования Республики Крым как субъекта нормотворческой деятельности в Советский период может сыграть положительную роль при совершенствовании ее правового статуса, учете специфики и обеспечения интересов республики на федеральном уровне.

Список литературы

1. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, 1921. №234 (19 октября) // СПС Консультант Плюс
2. Конституция Союза СССР и Конституции Советских Социалистических Республик. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937 – 283 с.
3. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937). Издательство «Ведомостей Верховного Совета РСФСР». М., 1940. – 299 с.
4. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938 – 1956 гг. М., 1956. – 531 с.
5. Федоров А. В. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя / А. В. Федоров. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 56 с.

Sharmoyants A. Becoming Republic of Crimea as the lawmaking subject in the Soviet period // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 114 – 122.

This article analyzes the experience of formation and functioning of the Republic of Crimea, as a subject of law-making activity in the Soviet period. Analyzed the powers of lawmaking organs of the Republic of Crimea on the Constitution of the RSFSR, the USSR, the Crimean Autonomous Republic and other normative legal acts of the period. The formation of the Republic of Crimea, as a subject of lawmaking, figure, divided in three stages, we assume there is a change of the legal status of the Republic, through the faces of the redistribution of powers between the republic and the central authorities. Analyzed changes in the lawmaking powers of the authorities in each of the steps discussed.

Keywords: lawmaking subject, lawmaking organs, autonomy, division of powers, constitution, lawmaking, legal status, lawmaking powers, normative legal acts.

**ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО;
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО**

УДК 349.41

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЕЛЬ В ДОКТРИНЕ
ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ И СТРАН ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Алимов З. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Данная работа посвящена исследованию сущности и значения правового режима земель. В работе приводится понимание правового режима земель, которые были сформулированы как советскими учеными того периода, так и современными учеными. Вместе с тем, на сегодняшний день в действующем Земельном Кодексе Российской Федерации предусмотрено семь разных по своему, как содержанию, так и значению категорий земель, в свою очередь, каждая из которых имеет свою специфику и сущность. Также следует отметить, что такая категория, как «правовой режим земель» широко применяется в доктрине земельного права и играет чрезвычайно важную роль, поскольку тесно связана с вопросом об объектах земельных отношений, системе земельного права, его принципов и задах. Огромное значение имеет применение этого понятия в науке и учебной дисциплине земельного права. Использование понятия «правовой режим земель» в научно-исследовательских работах способствует удобству систематизации и изложение правового материала, позволяет исследователю сформулировать проблему, определить ее границы и логично раскрыть свои идеи.

Ключевые слова: Правовой режим земель, общий правовой режим, специальный правовой режим, режим, земли, земля, категория земель, земельный участок.

В соответствии со ст. 7 Земельного Кодекса Российской Федерации, все земли в Российской Федерации по целевому назначению подразделяются на следующие категории: 1) земли сельскохозяйственного назначения; 2) земли населенных пунктов; 3) земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения; 4) земли особо охраняемых территорий и объектов; 5) земли лесного фонда; 6) земли водного фонда; 7) земли запаса. Вместе с тем, каждая из указанных категорий имеет свою специфику, тем самым устанавливая свой правовой режим который характерен для конкретной категории земель.

Такая категория, как «правовой режим земель» широко применяется в доктрине земельного права и играет чрезвычайно важную роль, поскольку тесно связана с вопросом об объектах земельных отношений, системой земельного права, его принципами и задачами. Огромное значение имеет применение этого понятия в науке и учебной дисциплине земельного права. Использование понятия «правовой режим земель» в научно-исследовательских работах способствует удобству систематиза-

ции и изложению правового материала, позволяет исследователю сформулировать проблему, определить ее границы и логично раскрыть свои идеи и т.д. [18].

Понятие «правовой режим» в земельном праве применяется для характеристики: 1) всех земель (общий правовой режим); 2) отдельных категорий земель (особый правовой режим); 3) видов земель в пределах той или иной категории (специальный правовой режим); 4) земельного участка или части земельного участка (конкретный правовой режим) [13, с. 49].

Поэтому, с целью доктринального и, в свою очередь, более глубокого исследования правового режима земель рекреационного назначения заострим внимание на определении особенностей правового режима земель рекреационного назначения сквозь призму советской и современной правовой доктрины.

В науке земельного права термин «правовой режим» имеет универсальное значение, и применяется для оказания правовой характеристики всех категорий земель, устанавливая при этом специфику правового регулирования, присущую той или иной категории земель.

Поэтому, понятие «правовой режим земель» существует с советских времен, но в тот период в законодательстве оно не было раскрыто достаточно четко, как и в современном российском. Однако, в научной и учебной литературе по земельному праву это понятие применяется довольно часто.

В советский период исследованием понятия и содержания правового режима земель занимались такие ученые, как: Г.А. Аксененко, А.В. Венедиктов, М.А. Гурвич, М.И. Дембо, И.И. Евтихеев, М.Д. Казанцев, Н. И. Краснов, В.С. Шелестов и др.

Впервые понятие «правовой режим» в земельном праве использовал И.И. Евтихеев, который еще в 1929 подчеркивал, что для отдельных разрядов земель существуют различные земельные режимы, которые не совпадают по объему [8, с.1]. Постепенно категория правового режима получила в земельном праве универсальное значение и стала применяться для характеристики земель всех категорий. Как видим, исторически появление термина правового режима земель связано с характеристикой категорий земель.

И.И. Евтихеев отмечал, что «для земельного права характерен не способ правового регулирования (договорной или односторонний), не субъект правоотношений, а тот вещевой объект – земля, назначением которой является максимальное производство продуктов ...» [9, с. 102].

Такого же мнения придерживался А.В. Венедиктов. Рассматривая вопрос о различиях в правовом режиме отдельных видов государственного имущества (земель, основных и оборотных фондов), он считал, что все разногласия в характере и назначении этих объектов отражаются в полном объеме прав и обязанностей отдельных государственных органов, которыми ведают, то есть на правовом режиме соответствующих видов государственного имущества [7, с. 352].

В советский период под правовым режимом понимали влияние государства на земельные правоотношения, направленные на рациональное использование и охрану земель в соответствии с их назначением. При этом в условиях государственной монополии на землю не было необходимости вводить дифференциацию правового режима земель по формам собственности. Правовая связь, которая существует между землей как объектом правоотношений и ее правовым режимом, раскрыл Г. А. Аксененко, который, анализируя землю как объект земельных правоотношений,

имел в виду землю в ее естественном состоянии, как дар природы. А землю, в отношении, которой установлен определенный правовой режим, благодаря чему она и становится объектом права в целом и земельных правоотношений в частности [1, с. 137].

Похоже определяет данное понятие М. И. Краснов: «режим - это порядок необходимого поведения относительно земли как объекта права ...». В другой работе ученый определяет правовой режим земель как «определенное теоретическое понятие, обобщающее, правовую характеристику земли как объекта права и содержащее указание на круг важнейших общественных отношений, возникающих по поводу земли» [12].

М. И. Краснов указывает, что «элементами содержания правового режима является право собственности, государственное управление, регулирование использования земель, правовая охрана земель», хотя «... сегодня содержание термина «правовой режим земель» меняется, он насыщается новыми элементами» [16].

Понимание понятия правового режима земель тесно связано с определением его содержания, то есть с составом элементов, входящих в него. Подытоживая советский период в развитии и изучении понятия «правовой режим земель», не трудно заметить, что главным элементом правового режима земель является право исключительной государственной собственности. И это понятно, ведь основу земельных отношений в СССР составляла государственная собственность на землю. Исключительный характер государственной собственности на землю означал, что владельцем земли может быть только государство, но земля могла предоставляться только в пользование. В связи с этим любое хозяйствование на земле осуществлялось только на основе юридического титула права землепользования [3].

Осмысливая изложенное можно определить, что исследованию правового режима земель в советские времена, по сравнению с современными исследованиями было посвящено не так то и много внимания. Но нельзя не отметить и то, что учеными того времени при определении понятия «правового режима земель», в большинстве случаев за основу брались свойства, которые служат в качестве наполнителей содержания правового режима земель, а именно:

1. Влияние государства на земельные правоотношения (государственное управление землями)
2. Рациональное использование земель в соответствии с их основным назначением;
3. Охрана земель.

Опираясь на вышесказанное, можно увидеть, что исследование правового режима земель осуществляется еще в советское время. Поэтому становится необходимым и своевременным обратить внимание на определение правового режима земель, которым оперируют ученые при осуществлении своих исследований на современном этапе развития земельно-правовых отношений.

К сожалению, на сегодняшний день законодательного определения правового режима земель не содержится ни в одном нормативно-правовом акте. Поэтому, проанализировав содержание действующего законодательства, И. А. Иконицкая, определяет «правовой режим земель» как «установленные нормами права возможные и надлежащее поведение по отношению к земле как объекту права собственности и иных прав на земельные участки, объекта государственного управления земельны-

ми ресурсами и объекта правовой охраны земли как природного ресурса, выполняет определенные Конституцией РФ важнейшие социально-экономические функции - основы жизни и жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории»[15].

По определению С.А. Боголюбова, правовой режим земель определяется совокупностью правил их использования и включения в гражданский оборот, охраны, контроля и мониторинга, установленных земельным, градостроительным, лесным, природоохранным и другим законодательством, законодательством о недрах, и распространяется на земле соответствующей категории [4, с. 34-35].

А.Г. Василенко считает, что правовой режим земель в современных условиях можно понимать как определенный законом порядок установления права собственности, управления, использования и охраны для различных категорий земли [6, с. 26].

Так, Е.Ф. Шамсумова в своей кандидатской диссертации "Правовые режимы: Теоретический аспект" дает определение понятия "правовой режим", под которым определяет как особый порядок законодательного урегулирования деятельности, действий или поведения физических и юридических лиц в различных сферах общественных отношений или на определенных объектах, который охватывает установление механизма обеспечения фактической реализации системы стимулов, нормативов, гарантий, запретов, обязательств, ограничений, а также их компетентное выполнение, применение мер принуждения и привлечения виновных к ответственности [19, с. 15].

По мнению Б.Я. Бляхмана, правовому режиму присущи следующие основные признаки:

- 1) он устанавливается законодательством и обеспечивается государством;
- 2) имеет цель специфическим способом регламентировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных пределах те или другие субъекты и объекты права;
- 3) является особым порядком правового регулирования, состоящий из совокупности юридических средств и характеризуется соответствующим их сочетанием;
- 4) создает определенную степень благоприятных или неблагоприятных условий для удовлетворения интересов субъектов права [5, с. 8-9].

Целесообразно также обратить внимание на определение правового режима земель, которые предоставляются зарубежными учеными. Так по определению В. К. Гуревской, «под правовым режимом земель принято считать установленные правовыми нормами порядок и условия использования по целевому назначению земель всех категорий, обеспечение и охрану прав владельцев земли и землепользователей, осуществления государственного управления земельными ресурсами, контроля за рациональным использованием земли и соблюдением земельного законодательства, ведения государственного земельного кадастра, проведения землеустройства, мониторинга земли, взимание платы за землю и применения юридической ответственности за нарушение земельного законодательства»[15].

В свою очередь, В. И. Андрейцев предлагает рассматривать его как установленный нормативно-правовой порядок, который определяет поведение субъектов земельных правоотношений относительно земель, земельных участков как по объектам права собственности, управления, пользования, воспроизводства, сохранения и охраны с целью их рационального (экономного и эффективного) использования и

удовлетворения потребностей заинтересованных лиц, защиты их земельных прав [2, 158].

По мнению А.М. Мирошниченко, «правовой режим земель – это установленный правовыми нормами порядок поведения по отношению к каждой категории земель» [14, с. 433].

Нельзя оставить без внимания и другие мнения представителей правовой доктрины, по определению правового режима земель, в частности: по мнению Н. И. Титовой, правовой режим - это «совокупность правовых норм, устанавливающих определенный порядок землепользования определенных видов» [10].

Н.И. Титова отмечает, что для понятия содержания правового режима важен не только особый порядок правового регулирования, но и его последствия. Поэтому, если речь идет о земельном правовом режиме, то это – следствие правового регулирования общественных земельных отношений на основе учета природных и социальных особенностей земель (как их объекта), обеспечивает интересы субъектов этих отношений и специальный порядок использования таких земель [11, с. 65].

В. И. Семчик считает, что «под правовым режимом понимаются как установленные правовыми нормами право собственности и пользования земельными участками, так и порядок и условия их приобретения в собственность или пользование, изменение и прекращение права собственности, порядок и условия использования в соответствии с целевым назначением, правовой охраны земель и ответственности за нарушение земельных прав и земельного законодательства» [15].

Вместе с тем Палий Н.И. в своем диссертационном исследовании относительно правового регулирования использования и охраны земель рекреационного назначения подчеркивает, что в содержание понятия «правовой режим земель» включаются права и обязанности ее владельца, пользователя или арендатора. Кроме этого, важную роль играют целевое назначение земель, соблюдение различных требований и нормативов, охрана и защита земель, а также юридическая ответственность за нарушение режима использования и охраны земель. Определить правовой режим земель рекреационного назначения в такой ситуации можно только на основе учета комплекса различных факторов. Важное значение имеет то, каким образом определяются права и обязанности лиц, использующих земли рекреационного назначения, под влиянием каких правовых условий они формируются и с помощью каких правовых способов [17].

Рассмотрев понятие правового режима земель которое было предоставлено как отечественными так и зарубежными учеными, нельзя не отметить и то, что указанные определения, исходя из их содержания не имеют существенных различий, то есть и отечественные и зарубежные ученые оперируют одинаковыми свойствами которые наполняют содержание правового режима земель и имеют одинаковые подходы к их определению.

Анализируя приведенные научные определения по поводу понимания понятия и содержания правового режима земель, следует отметить, что основными элементами правового режима земель (те, которые отмечает подавляющее большинство ученых), есть вопросы относительно приобретения и реализации права собственности на землю по праву землепользования, вопросы по управлению землями, вопросы относительно правовой охраны и вопросы к ответственности лиц за нарушение норм земельного законодательства.

Исследовав определение «правового режима земель», которое было предоставлено представителями правовой доктрины, было бы рациональным отметить характерные признаки, которые присущи правовому режиму земель. К таким признакам относятся:

- Совокупность правовых норм которые устанавливают правовые предписания;

- наличие оснований и условий что к возникновению права собственности на земли;
- четкий порядок их использования;
- Особенности налогообложения;
- основания прекращения права собственности на земли;
- права и обязанности владельцев, пользователей или арендаторов;
- обеспечение и защиты прав собственников и землепользователей;
- система охраны земель;
- Ответственность за нарушение норм земельного законодательства.

Вместе с тем следует отметить и то, что кроме В.К. Гуревской и Палий Н.И. при определении правового режима земель ни один ученый не отмечает таких ключевых аспектов, как:

1. Особенности налогообложения земель;
2. права и обязанности владельцев, пользователей или арендаторов;
3. обеспечение и защита прав собственников и землепользователей.

По нашему мнению употребление таких свойств земель, особенности налогообложения земель, права и обязанности владельцев, пользователей или арендаторов, обеспечение и защита прав собственников и землепользователей, при предоставлении определения правового режима земель, оправдано, так как: во-первых, в Конституции Российской Федерации указано, что государство гарантирует защиту права частной собственности, каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами; во-вторых, действующее налоговое законодательство устанавливает специальный порядок налогообложения конкретного состава земель, при этом учитывая и определенный вид использования земель; в-третьих, действующий Земельный кодекс Российской Федерации четко устанавливает права и обязанности владельцев, пользователей или арендаторов и тому подобное. Следовательно, указанные аспекты являются неотложными составляющими правового режима земель.

В свою очередь, следует также отметить, что в современной литературе по земельному праву нет четкого ответа на вопрос относительно понятия и содержания правового режима земель, поэтому, с целью формулирования однообразного подхода к пониманию правового режима земель необходимо закрепить в Земельном кодексе Российской Федерации норму-дефиницию, которая раскрывала бы понятие и сущность этой категории, как установленный правовыми нормами земельного законодательства, дифференциальный порядок, определяющий поведение субъектов земельных правоотношений в отношении земель как к объектам права собственности, пользования, управления и правовой охраны.

На основании вышеизложенного проанализировав содержание «правового режима земель», с целью более удачного и благоприятного понимания данного понятия, попробуем дать свое определение «правового режима земель». Итак, под «правовым режимом земель» следует понимать, установленные конкретными правовыми предписаниями, основания и условия возникновения, приобретения и реализации права собственности на земли относящие к той или иной категории, порядок и условия использования владельцами и пользователями таких земель по их основному целевому назначению, права и обязанности владельцев, пользователей или арендаторов, особенности их налогообложения, а также основания и условия прекращения права собственности, система охраны указанных земель, ответственность лиц за нарушение прав владельцев, пользователей, и установленных правовых норм которые направлены на охрану правовых отношений указанной категории земель.

Список литературы

1. Аксененок Г. А. Земельные правоотношения в СССР / Г. А. Аксененок. – М., 1958. – 234 с.
2. Андрейцев В. І. Земельне право і законодавство суверенної України: Актуальні проблеми практичної теорії / В. І. Андрейцев. – К.: Знання, 2005. – 445 с.
3. Барабаш Н. П. Поняття «правовий режим земель»: підходи до тлумачення / Н. П. Барабаш // Вісник Львівського університету. Серія юридична. – 2009. – Вип. 49. – С. 179-189.
4. Боголюбов С.А. Основные начала земельного законодательства // Земля и право. Пособие для российских землевладельцев / под ред. С. А. Боголюбова. – М.: Норма, 1997. – 320 с.
5. Бляхман Б.Я. Правовой режим в системе регулирования социальных отношений / Бляхман Б. Я. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – 172 с.
6. Василенко А.Г. Правовой режим государственных земель в дореволюционной России – инструмент политики государства: дис. ... кандидата юрид. наук: 12.00.01, 12.00.06 / Василенко Анна Геннадьевна. – Ставрополь, 2004. – 189 с.
7. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность / А.А. Венедиктов. – М.: Юрид. лит., 1948. – 512 с.
8. Евтихий И. И. Регулирование земельных отношений в городах / И. И. Евтихий. – Горки, 1929. – 136 с.
9. Евтихеев И.И. Земельное право / Евтихеев И. И. – М.: Госиздат, 1923. – 193 с.
10. Земельне право України: [підручник] / М. В. Шульга (кер. авт. кол.), Г. В. Анісімова, П. О. Багай, А. П. Гетьман та ін. : [за ред. М. В. Шульги]. – К. : Юрінком Інтер, 2004. – 380 с.
11. Землі сільськогосподарського призначення: права громадян України: Науково-навчальний посібник / [Багай Н. О., Ващишин М. Я., Гаєцька-Колотило Я. З. та ін.]; за ред. докт. юрид. наук, проф. Н. І. Титова. – Львів: ПАІС, 2005. – 368 с.
12. Краснов Н.И. Теоретические основы правового режима земель специального назначения // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук. М., 1966. - С. 8;
13. Лисина Н.Л. Правовой режим земель поселений: учебно-практическое пособие / Наталья Леонидовна Лисина; [отв. ред. О. И. Краснов]. – М.: Дело, 2004. – 296 с.
14. Мірошніченко А.М. Земельне право України: [Підручник]. – 2-ге видання, допов. і перероб. - К.: Алерта; ЦУЛ, 2011. - 678 с.
15. Науково-практичний коментар Земельного кодексу України / Л. О. Бондар, А. П. Гетьман, В. Г. Гончаренко та ін.; за заг. ред. В. В. Медведчука. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – 656 с.
16. Общая теория советского земельного права / [под ред. Г.А. Аксененка, Н.И. Краснова, И.А. Иконицкой и др.] – М.: Наука, 1983. – 357 с.
17. Палій Н.І. Правове регулювання використання та охорони земель рекреаційного призначення. Дис. кандидата. юрид. Наук: спец.12.00.06. / Н.І Палій. – Одеса. – 2011. – 224 с.
18. Сидор В.Д. - Правовой режим земель в земельному законодавстві України: [Електронний ресурс]. — Режим доступа <http://masters.donntu.edu.ua/2013/igg/tymchuk/library/article1.htm>
19. Шамсумова Э.Ф. Правовые режимы: Теоретический аспект: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 “Теория и история права и государства; История правовых учений”. / Э. Ф. Шамсумова. – Екатеринбург, 2001. – 24 с.

Alimov Z. Study of legal regime land in the doctrine land rights Russia and the post social space // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 123 – 130.

This paper investigates the nature and value of the legal regime of the land. The robot driven by an understanding of the legal regime of the land which had been formulated as a Soviet scientist of the period, and contemporary scholars of our time. However, to date, the Land Code of the Russian Federation, there are seven different in its own way, as the content and the value of land categories, in turn, each of which has its own specificity and identity. It should also be noted that such a category as "the legal regime of the land" is widely used in the doctrine of the land law and plays an extremely important role, as closely linked with the question of objects of land relations, the system of land law, its principles and objectives. Of great importance is the use of this concept in science and academic discipline of land law. Using the concept of "legal regime of the land" in scientific research contributes to ease of ordering and presentation of legal material, allows the researcher to formulate the problem, determine its boundaries and it is logical to disclose their ideas.

Keywords: legal regime of the land, the general legal regime, a special legal regime, the regime, land, land, land category, land.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 343.351

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО**

Бугаев В. А., Аблязова Ф. М.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье исследуются социальные предпосылки возникновения уголовной ответственности за незаконное предпринимательство в России. Проанализированы уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за незаконное предпринимательство в их генезисе, начиная с Соборного Уложения Московского царя Алексея Михайловича 1649 г., уголовного законодательства советского периода и в действующем УК РФ 1996 г. Раскрыта общественная опасность этого деяния, иные причины его криминализации. Определены понятие предпринимательской деятельности, осуществляемой законным путем, момент, с которого такая деятельность приобретает криминальный характер, а также формы незаконного предпринимательства. Обосновывается необходимость именно такой законодательной регламентации исследуемого деяния, которая предусмотрена ст. 171 УК РФ.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, экономика, экономическая деятельность, регистрация, лицензия, бизнес, безопасность, незаконное предпринимательство, преступность, уголовная ответственность.

В период глобализации, мирового прогресса и развития инновационных технологий неизменными остаются проблемы связанные с угрозой экономической безопасности страны. Незаконное предпринимательство является одним из серьезных факторов такой угрозы. Активизация преступности в период рыночных отношений в сфере предпринимательства является существенным ударом для престижа страны. Детерминантами в провоцирующем поведении лиц, совершающих незаконное предпринимательство, являются как процессы социально-экономического, так и идеологического и культурно-воспитательного характера.

В настоящее время Российская Федерация формирует благоприятную среду для занятия предпринимательской деятельностью. Согласно ст. 34 Конституции РФ «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Однако у предусмотренных прав есть и своя грань при переходе через которую предполагается ответственность.

С уголовно-правовой точки зрения, уголовной ответственностью за незаконное предпринимательство обеспечивается охрана экономической сферы. Бесконтрольность экономической (в том числе предпринимательской) деятельности угро-

жает законным интересам носителей экономических благ, всем, участвующим в производстве, распределении и потреблении общественного продукта.

Экономика представляет собой сферу, где зародились, развивались и сохраняются по сей день, возможности для увеличения своего капитала, что является причиной повышенного интереса со стороны криминальных элементов. Используя нестабильность законодательной базы и другие негативные проявления в экономике, преступники стремятся обогатиться с помощью любых средств. Отсутствие желания предпринимателей и граждан выполнять установленные законом обязанности перед государством по регистрации предпринимательской деятельности и осуществлению ее в соответствии с предъявленными требованиями предполагает в конечном итоге незаконное предпринимательство.

Ответственность за незаконное предпринимательство имеет достаточно глубокие исторические корни. В развитии отечественного уголовно-правового регулирования предпринимательской деятельности важным и одним из первых этапов является принятие в 1649 г. Соборного Уложения. В этом законе имелась самостоятельная глава предусматривающая ответственность за экономические преступления. В частности там предусматривалась наказуемость, за нарушение кредиторских обязательств, нарушение правил торговли (в особенности спиртными напитками, табаком) и т.д. Вместе с тем, подлинное становление предпринимательства и целостное оформление его правовой базы происходило в годы правления Петра Великого в период, когда Россия развивала свое промышленное производство. Реформы, проведенные в это время, способствовали развитию и расширению предпринимательской деятельности в Российской Империи на протяжении всего XIX в. [1, с. 77].

Серьезным началом в развитии отечественного уголовного законодательства явилось Уголовное Уложение 1903 г. Самостоятельным разделом Особенной части этого Уложения регулировалась ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без необходимого разрешения либо с нарушением установленных законами или уставом условий и порядка занятия отдельными видами деятельности. Особое внимание придавалось торговле спиртными напитками (ст. 314-317), сделкам с драгоценными металлами и камнями (ст. 348-355) [6].

С изменением общественно-экономического и государственно-политического устройства, изменилось отношение законодателя к оценке преступного поведения в экономической сфере. В УК РСФСР 1922 года появилась глава «Преступления хозяйственные», где впервые закреплено понятие спекуляции: скупка и сбыт в виде промыслов продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение. Согласно доминирующей идеологической и экономической коммунистической доктрине государства, предпринимательство, как вид деятельности исключалось и соответственно занятие им являлось преступлением. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года расширил круг деяний, признаваемых хозяйственными преступлениями. В частности к предпринимательским преступлениям была отнесена деятельность частного лица, направленная на извлечение прибыли, которая квалифицировалась как частнопредпринимательская деятельность, коммерческое посредничество, занятие запрещенными видами промыслов (ст. 162-165 УК РСФСР 1960 г.) [2, с. 139]. Введя запреты на индивидуальное предпринимательство, при том, что список товаров и продуктов повышенного спроса постоянно увеличивался, появлялись так же и изменения и дополнения в Уголовный кодекс

ст.ст.162.1, 162.2, 162.3, 162.4, 162.5, 162.6, 162.7, 162.8, 162.10 об ответственности за нарушение в сфере торговли, усиление ответственности за спекуляцию [4].

В связи с экономическими реформами 90-х годов, необходимостью осуществления более эффективной защиты прав и законных интересов потребителей, а также интересов государства в условиях перехода к рыночным отношениям, возникли требования лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности (Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» 1990 года) и последующее введение уголовной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) (Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты РФ в связи с упорядочением ответственности за незаконную торговлю» 1993 года).

В связи с этим УК РСФСР в 1993 году был дополнен статьей 162-4 «Незаконное предпринимательство», которая предусматривала три различных вида незаконного предпринимательства, а также уголовную ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии). Уголовная ответственность за данные деяния предполагала административную преюдицию. Часть 2 ст.162-4 предусматривала квалифицированный вид незаконного предпринимательства - самовольное осуществление предпринимательской деятельности, разрешенной исключительно государственным предприятиям, но для привлечения к ответственности по ч.2 ст.162-4 соблюдения административной преюдиции не было предусмотрено [5].

Таким образом, к концу 90-х годов прошлого века в результате экономических реформ и совершенствования правовой базы рыночной экономики в государстве сформировались условия для введения более эффективной уголовно-правовой охраны этой сферы деятельности. Соответственно в УК РФ 1996 года была предусмотрена ст. 171, ответственная за «незаконное предпринимательство». Эта статья представляла собой новацию в уголовном законодательстве. Поэтому возникла проблема теоретических и практических вопросов квалификации незаконного предпринимательства, предусмотренного в более широком аспекте, не ограничиваясь пределами УК РФ и некоторыми статьями ГК РФ. И в первую очередь – это исторический опыт борьбы с правонарушениями в сфере экономической деятельности и взаимосвязь норм уголовного, административного и гражданского законодательства, связанного с ответственностью за незаконное предпринимательство [3, с. 79].

По действующему законодательству ст. 2 ГК РФ, предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Следовательно, систематическое получение прибыли означает то, что разовая сделка между физическими лицами не может быть признана незаконным предпринимательством и государственной регистрации не требует.

В свою очередь диспозиция ч.1 ст.171 УК РФ следующим образом раскрывает незаконное предпринимательство – «осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или с нарушением лицензионных требований и условий».

Общественная опасность незаконного предпринимательства обуславливается тем, что в результате этого деяния нарушается установленный государством поряд-

док осуществления предпринимательской деятельности, обеспечивающий нормальное развитие экономики и финансовые интересы государства, не получающего государственную пошлину, положенную к уплате при регистрации, регистрационный сбор, плату за рассмотрение заявления и выдачу лицензии и налоги, подлежащие взысканию с индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Особая опасность заключается в том, что незаконное предпринимательство может быть связано с криминальной сферой, предметом незаконного бизнеса могут быть производство или ремонт оружия, производство наркотических средств, ядов, сильнодействующих веществ.

Таким образом, поскольку наряду с законопослушными предпринимателями, существуют представители криминального бизнеса, деятельность которых направлена на быстрое получение прибыли без учета интересов государства и граждан, т.е. связанные с нарушением требований законодательства, несоблюдением существующих этических норм, содержащихся в обычаях делового оборота, ст.171 УК РФ обеспечивает уголовно-правовую охрану в этой сфере деятельности.

Список литературы

1. Вотякова Е. С. История развития Уголовного законодательства о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности / Е. С. Вотякова // Актуальные вопросы юридических наук: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2012. — С. 77-79.
2. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. — М.: учебно-консультационный центр «Юринфор», 2001. — 208 с.
3. Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство. — М. 2007. — 241 с.
4. Уголовный кодекс РСФСР 1960г. (ред. От 30.07.1996) [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/
5. Уголовный кодекс РСФСР (с изменениями на 27 декабря 1996 года) (утратил силу с 1 июля 1997 года) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9037819>
6. Экономические преступления в уголовном Уложении 1903 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=158439>

Bugayev V., Ablyazova F. The social nature and genesis of criminal liability for illegal business // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. — 2015. — № 1. — P. 131 – 134.

The article discusses the causes and development of criminal liability for illegal entrepreneurship in Russia. Define the concept of business activities in a legal way, and illegal entrepreneurship. Analyzed criminal-legal norms providing for liability for illegal entrepreneurship in their genesis. Showed social danger of the illegal entrepreneurship, other reasons for its criminalization. Defined the concept of entrepreneurial activity carried out by lawful means, the time from which such activity is criminal in nature, and forms of illegal enterprise. In the article there is shown the necessity of such legislative regulation of the investigated acts, which is provided by article 171 of the criminal code of Russian Federation.

Keywords: entrepreneurship, economics, economic activity, registration, license, business, safety, illegal business, crime, criminal liability.

УДК 343.281

ПРИМЕНЕНИЕ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ КИТАЯ

Ван Цзиюй

Китайский политико-юридический университет, Китай, г. Пекин

В данной работе автор указывает на теоретические и практические аспекты применения условного осуждения в Китае. В работе указывается законодательная регламентация порядка применения и исполнения условного осуждения, а также цель испытательного срока для условно осужденных лиц, их обязанности и юридические последствия применения данной меры уголовно-правового характера. В статье отмечается обеспечение индивидуального подхода к осужденному, а также режим надзора за ним. В работе указывается, что строгое карательное воздействие нецелесообразно в отношении тех лиц, которые виновны в преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Для таких правонарушителей достаточными оказываются формы реализации уголовной ответственности, не связанные с реальным отбыванием наказания, к числу которых относится и условное осуждение. Институт условного осуждения нуждается в дальнейшем исследовании, жизненность и эффективность которого проверены историей его применения на практике.

Ключевые слова: условное осуждение, уголовный кодекс, институт, условия применения, испытательный срок.

Важное место в уголовном законе занимает институт условного осуждения. Со дня своего появления на условное осуждение было обращено немало внимания, со временем оно получило развитие и теперь стало институтом уголовного закона в большинстве стран. Уголовный Кодекс КНР в статьях 72-77 регулирует условное осуждение.

I. Понятие условного осуждения.

Условное осуждение – это неисполнение наказания в определенных законом условиях.

Ст.72 УК КНР предусматривает: в отношении осужденного к аресту, лишению свободы на срок до трех лет при наличии следующих условий может быть применено условное осуждение в отношении лиц, не достигших 18 лет, беременных женщин и лиц свыше 75 лет, должно быть объявлено условное осуждение: 1) преступление не тяжкое; 2) лицо проявило чистосердечное раскаяние; 3) не существует опасности повторного совершения преступления; 4) объявление условного осуждения не окажет плохого влияния на место его проживания.

При объявлении условного осуждения с учетом обстоятельств совершения преступления можно запретить осужденному к надзору заниматься определенной деятельностью, посещать определенные районы или места и обращаться с определенными лицами в течение испытательного срока.

Если условно осужденный приговорен к дополнительному наказанию, то дополнительное наказание подлежит исполнению.

II. Условия применения условного осуждения.

Для применения условного осуждения требуются определенные законом условия, которые условно делятся на условия предмета, материальные условия и условия запретительного характера.

1) Условия предмета

Из ст.72 видно, что допускается применение условного осуждения только к осужденным к аресту и лишению свободы на срок до трех лет. Судебная практика показывает, что условное осуждение применяется больше всего в делах о таких преступлениях, как транспортные преступления, неосторожные преступления, повторное вступление в брак, жестокое обращение к членам семьи и др. нетяжкие преступления. Надо подчеркнуть, что «лишение свободы на срок до трех лет» здесь подразумевает не санкции в статьях УК, а объявленное судом наказание. Верхняя санкция за преступление в виде лишения свободы на срок 3 года и свыше не мешает применению условного осуждения, если только объявленное судом наказание составляет лишение свободы на срок до 3 лет.[1]

2) материальные условия

Из вышесказанного видно, что ст. 72 УК определены такие обязательные материальные условия для применения условного осуждения, как: 1) преступление не тяжкое; 2) лицо проявило чистосердечное раскаяние; 3) не существует опасности повторного совершения преступления; 4) объявление условного осуждения не окажет плохого влияния на место его проживания. Отсутствие любого условия лишает возможности применения условного осуждения.

3) условия запретительного характера

УК в своей ст. 74 гласит: «к рецидивисту и главным членам преступной организации условное осуждение не применяется». Эта статья имеет запретительный характер и с противоположной стороны доказывает материальные условия применения условного осуждения.

III. Испытательный срок для условно осужденных

Для условно осужденных лиц всегда устанавливается определенный испытательный срок. Цель испытательного срока состоит в том, что в течение определенного и относительно долгого срока осужденные должны своим поведением доказывать свое исправление.

В ст. 73 УК установлено: «Испытательный срок при условном осуждении к аресту не может быть меньше назначенного срока наказания, но не более одного года, однако он не может быть менее двух месяцев.

Испытательный срок при условном осуждении к срочному лишению свободы устанавливается в пределах до пяти лет, но ни в коем случае не должен быть менее одного года.

Испытательный срок при условном осуждении исчисляется со дня вынесения приговора».

При этом следует учитывать, что, по правилам Уголовно-процессуального Кодекса КНР, время нахождения под стражей до вступления приговора в силу не засчитывается в испытательный срок.

IV. Исполнение условного осуждения

1) субъект исполнения условного осуждения

В ст.76 УК КНР говорится, что лица, к которым применено условное осуждение, во время испытательного срока находятся под наблюдением органов общественной безопасности при содействии организаций по их месту работы либо по месту жительства. «Правила исправления по месту работы и по месту проживания», изданные Верховным народным судом КНР, Верховной прокуратурой КНР и Министерством общественной безопасности 10 января 2012 года поручают эту работу административным органам юстиции руководство, управление, организацию, исполнение условно осужденных. В этой работе принимают участие общественные организации и добровольцы.

2) обязанности условно осужденных

Согласно ст.75 УК КНР, лица, к которым применено условное осуждение, должны выполнить следующие требования: 1) соблюдать законы, административные законоположения, подчиняться надзору; 2) в соответствии с указаниями контролирующего органа докладывать о своей деятельности; 3) соблюдать указания контролирующего органа относительно приема гостей; 4) покидая город, уезд проживания или меняя место жительства, докладывать контролирующему органу и получать его санкцию.

Кроме того, вышеуказанные «Правила исправления по месту работы и по месту проживания» в ст. 11—16 обязывают условно осужденных заниматься учебой, участвовать в работе на благо сообщества и т.д.

3) порядок исполнения условного осуждения

Условное осуждение исполняется главным образом путем исправления в сообществах по месту жительства. Конкретный порядок таков:

вступление приговора в силу	→
явка осужденного в отделение общественной безопасности	→
явка в орган исполнения	→
устройство по месту жительства	→
формы исправления	→
доклад осужденного о своем исправлении	→
истечение испытательного срок	→
неисполнение наказания	

V. Юридические последствия

1) Согласно ст. 76 УК, по истечении испытательного срока наказание больше не исполняется, о чем сообщается публично;

2) Если лицо, к которому применено условное осуждение, во время испытательного срока совершит новое преступление или обнаружится, что до вынесения приговора им было совершено другое преступление, условное осуждение аннулируется, за новое преступление или вновь обнаруженное преступление такое лицо должно быть осуждено, наказание за предыдущее и последующее преступление должно назначаться по правилам совокупности преступлений;

3) В отношении лиц, к которым применено условное осуждение, во время испытательного срока нарушивших законы, административные законоположения или правила соответствующих органов Государственного совета по управлению и контролю за условно осужденными или запреты, указанные в приговоре народного суда, при отягчающих обстоятельствах, условное осуждение аннулируется, приводится в исполнение назначенное наказание.

Как известно, тюрьма - это огромная машина, которая глотает и выплевывает много людей, эти люди теряют жизнь, честь, чувство морали и здоровье и большинство из них входит в армию профессиональных преступников и рецидивистов. А институт условного осуждения несет на себе важную миссию по лечению социальных заболеваний. Можно утверждать, что исправление в сообществах по месту жительства условно осужденных лиц по дает возможность по исправлению бывших преступников, помогает им возвращаться в общество и тем самым реализует цель исправления.

Список литературы

Van Cz'uy. Application of probation in the Criminal Code of China // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 135 – 138.

The author indicates theoretical and practical aspects of using probation in China. The article shows legislative regulation order of implementing and fulfillment of probation, also the aim of trial period for sentenced persons by convention, their responsibilities and legal operation of implementation of this punishment type. It speaks about the application of individual approach and supervisory regime to the sentenced person. In the article specified that strict penal treatment is inappropriate regarding persons who are guilty in crimes which doesn't have big public danger. Implementation methods of criminal responsibility which are not connected with real service of sentence as probation are enough for these lawbreakers. Institution of probation needs further research where vitality and efficiency would be checked in real life within practice.

Keywords: probation.

УДК 343.24:354.76

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ

Волошин И. А., Волошин А. И.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье рассматриваются проблемные вопросы применения общественных работ как альтернативного наказания лишения свободы в зарубежных государствах. Аргументируется необходимость применения общественных работ как вида наказания не связанных с лишением свободы в различных зарубежных государствах.

Рассматривается краткий исторический аспект зарождения и применения общественных работ как вида наказания за рубежом. Выделяются социально-правовые и экономические факторы, влияющие на развитие и совершенствование альтернативных институтов наказания и прежде всего общественных работ как основного вида. Раскрывается сущность общественных работ как бесплатного, безвозмездного выполнения общественно-значимых работ, цель которых – дать осужденному возможность загладить причиненный обществу ущерб, осознать свою вину и доказать на деле степень раскаяния.

Анализ законодательства и практики назначения и исполнения общественных работ в некоторых странах мира, где этот институт получил широкое развитие и доказал свою эффективность, дал возможность сформулировать некоторые предложения по внедрению зарубежного опыта с учетом современных российских реалий и накопленного отечественного опыта.

Ключевые слова: общественные работы, альтернативные наказания, социально-правовые факторы.

Численность заключенных во всех регионах мира увеличивается, что возлагает огромное финансовое бремя на правительства. Одновременно с этим растет осознание того, что тюремное заключение не позволяет достичь ряда важнейших целей, которые были намечены, и оказывает вредное воздействие на правонарушителей, их семьи, а также, в долгосрочной перспективе, на общество в целом.

Несмотря на то, что самой основной задачей тюрьмы является наказание преступника, данное заведение никак не может защитить находящегося в нем человека от непредвиденных расстройств. Дело в том, что тюремная атмосфера может оказывать крайне неблагоприятное влияние на человека, которое впоследствии ничем нельзя компенсировать, причем проецируется она не только на самого заключенного, но и на членов семьи и других членов общества после его выхода на свободу.

Одно из главных негативных последствий пребывания в тюрьме заключается в том, что там осужденный в общении с однокамерниками почти профессионально осваивает различные преступные методы. Причиной является то, что в российских тюрьмах в большинстве случаев разные заключенные, получившие сроки по самым различным статьям, включая даже самых опасных преступников, содержатся в одних и тех же камерах. Сам по себе этот факт приводит к тому, что наиболее злые

рецидивисты консолидируются и создают некоторые сообщества. В результате этого многие бывшие заключенные, получив освобождение из тюрьмы, не только не исправляются, а, напротив, получают профессиональные преступные навыки и продолжают вести противоправную деятельность уже в рамках организованной преступности.

Неконтролируемый рост числа тюрем сам по себе может стать причиной определенных трудностей, которые на практике лишают пенитенциарную систему ее воспитательной и наказуемой функций, потому как в большинстве случаев, находясь в местах лишения свободы, осужденные подвергаются еще большим рискам в плане поведенческих расстройств. Именно по этой причине уже достаточно долгое время вопрос о замене тюремного наказания на какие-то другие его формы стал одной из важных тем дискуссии в рамках юриспруденции и социологии, по которой эксперты и аналитики высказывают самые разные точки зрения.

В современных условиях общественные работы являются одной из альтернатив наказания и иных мер уголовно-правового принуждения. Впервые общественные работы были введены в уголовный кодекс Швейцарии в 1971 г. Применялись они только в отношении несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 7 до 18 лет. Швейцария стала первым западноевропейским государством, признавшим общественные работы в качестве основного вида наказания. В этом же году общественные работы были применены в Англии и Уэльсе.

На европейском уровне рекомендации по расширению применения общественных работ были сформулированы в Резолюции (76) 10 Комитета Министров Совета Европы [1], а на международном – в Токийских правилах, где они содержатся в перечне возможных наказаний, рекомендуемых для назначения судами [2].

В настоящее время общественные работы применяются в Швейцарии, Англии и Уэльсе, Дании, ФРГ, Франции, Германии, Израиле, Италии, Люксембурге, Нидерландах, Северной Ирландии, Финляндии, Португалии, Шотландии, Чехии, Канаде, США и др.

Западные специалисты отмечают некоторое сходство между общественными работами в странах Западной Европы и исправительными работами в большинстве стран СНГ, хотя, на наш взгляд, институты имеют принципиальные различия в правовом и социально-экономическом отношении.

Аргументы в пользу всех альтернативных наказаний и общественных работ, в частности, являются как бы зеркальным отражением аргументов против лишения свободы. Традиционно выделяют социально-правовые и экономические факторы, влияющие на развитие и совершенствование альтернативных институтов. Признание или непризнание объективности этих факторов является аргументом в дискуссии сторонников и противников наказаний без изоляции осужденных от общества.

В числе социально-правовых главным аргументом в пользу альтернативных наказаний, по мнению большинства западных и отечественных ученых и практиков, является неэффективность, несовершенство лишения свободы, невозможность достижения целей наказания, таких как исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений.

С другой стороны, высказываются сомнения в том, что, скажем, применение общественных работ способно повлиять на снижение уровня преступности, и рецидивной в частности, в силу мягкости наказания, которое не может служить факто-

ром сдерживания или устрашения, что является целью любого наказания, например, но законодательству некоторых штатов США.

Проведенные на Западе научные исследования в этой области не отметили увеличения всех показателей преступности в связи с расширением применения наказаний без изоляции осужденного от общества. Одновременно высказываются серьезные сомнения в достоверности полученных данных и даже в самой возможности проведения сравнительного анализа эффективности тюремного заключения и альтернативных наказаний с точки зрения их влияния на состояние преступности и личность осужденных. В частности, В. Стерн, ссылаясь на результаты исследований ряда британских ученых, считает, что если количество повторных преступлений после отбывания лишения свободы или альтернативного наказания более или менее одинаково, то следует принимать во внимание и оценивать другие аспекты сравниваемых институтов [3, с. 10].

По нашему мнению, наиболее убедительными в пользу альтернативных наказаний являются гуманитарные соображения, возникающие при оценке воздействия тюрьмы на личность, т.е. социальные факторы, повлиявшие на необходимость поиска внетюремных мер наказания:

- невозможность привития правонарушителю социально полезных навыков в условиях изоляции (при альтернативном наказании - сохранение указанных навыков, их развитие под воздействием социальной среды и при активной помощи сотрудников службы, исполняющей наказание);

- морально-нравственные, психологические, физические последствия изоляции, которые, естественно, полностью отсутствуют при отбывании наказания в обществе;

- “криминализация” правонарушителя в тюрьме, принятие криминальной субкультуры, что полностью исключается в случае отбывания наказания без изоляции от общества под контролем и надзором квалифицированного персонала;

- отбывание наказания в виде лишения свободы создает препятствия для последующей социальной адаптации личности, ее реинтеграции в общество, в чем отпадает необходимость в случае отбывания альтернативного наказания.

Многие западные криминологи, особенно американские, склонны особо выделять экономические факторы, которые должны влиять на широкое применение альтернативных наказаний. Действительно, результаты многочисленных исследований убедительно доказывают экономические преимущества внетюремных санкций. Еще в конце 70-х г.г. прошлого столетия, когда расходы на американские тюрьмы были значительно ниже современных показателей, расходы на исполнение probation, пожалуй, наиболее дорогостоящего альтернативного наказания, были в 8-10 раз меньше в отношении взрослых осужденных и в 12 раз ниже для несовершеннолетних. В Швеции, где тюрьмы признаны самыми дорогостоящими и “комфортабельными” в Европе, на содержание одного заключенного в закрытой тюрьме в день расходуется 180\$ США, в открытой тюрьме - 120\$, а при осуществлении probation - 12\$ в день [4].

Важным аргументом в дискуссии о целесообразности применения некоторых наказаний, в частности общественных работ, может стать тот факт, что они в наибольшей степени отражают реакцию государства на совершение преступлений меньшей общественной опасности, позволяют учесть особенности личности пре-

ступника при определении меры наказания, а в итоге реализуется принцип социальной справедливости, дифференциации и индивидуализации назначения и исполнения наказания.

В организационном плане расширенное применение альтернативных наказаний дает возможность разгрузить переполненные во многих странах мира тюрьмы, направить усилия государства и общественности на более индивидуализированную работу с гражданами, нуждающимся в помощи и поддержке и не представляющими серьезной угрозы безопасности отдельных личностей и государства в целом.

В соответствии с законодательствами большинства стран мира общественные работы, или “служение обществу”, представляют собой вид альтернативного тюремному заключению наказания, который может применяться и как основной, и как дополнительный.

Общественные работы заключаются в выполнении осужденным определенного количества часов в установленный срок, под надзором компетентного органа, бесплатных общественно полезных работ. При этом судам следует выяснять трудоспособность осужденного. Естественно, что здесь не идет речь ни о какой сложной и ответственной работе. Осужденный будет выполнять все работы, которые могут поручить разнорабочим. Она неквалифицированная и тяжелая. Общественные работы на Западе не являются источником пополнения бюджета и должны лишь оказывать воспитательное воздействие на осужденных.

Особенности этого вида наказания заключаются в том, что, во-первых, оно позволяет осужденному не отрываться от общества. Его повседневная жизнь претерпевает небольших изменений, которые касаются необходимости выделять некоторое время на выполнение общественных работ. Во-вторых, осужденный, отбывая обязательные работы, как будто меняет время пребывания в местах лишения свободы на время отбывания на общественных работах.

При применении обсуждаемого вида наказания, решаются многие проблемы нравственно-психологического и социального характера, и это в первую очередь не приобщение к «тюремным традициям», осужденный не успевает отвыкнуть от привычной микросреды, не теряет родственных и социальных связей. Как следствие - отбытое наказание окажет более эффективное превентивное влияние, чем условное осуждение, так как «не является фантомом, только пугающим того, кто посягает на нормы права, а будет реально ощущаемым последствием такого посягательства» [5, с. 265].

Что касается продолжительности выполнения общественных работ, то законодательства различных стран предусматривают разные сроки: от 40 до 240 часов (для несовершеннолетних максимально 120 часов) в Англии и Уэльсе; от 40 до 200 часов в Швеции; 180 часов в Португалии; в Австралийском Штате Новый Южный Уэльс — 500 часов (если общественные работы назначены в качестве альтернативы тюремному заключению на срок свыше 12 месяцев) и 100 часов как замена приговора к лишению свободы сроком не более шести месяцев [4, с. 3].

Анализ законодательства и практики назначения и исполнения общественных работ в некоторых странах мира, где этот институт получил широкое развитие и доказал свою эффективность, позволяет сформулировать некоторые предложения по внедрению зарубежного опыта с учетом современных российских реалий и накопленного отечественного опыта.

Принимая во внимание, что сущностью общественных (обязательных) работ является бесплатное, безвозмездное выполнение общественно значимых работ, цель которых дать осужденному возможность загладить причиненный обществу ущерб, осознать свою вину, доказать на деле степень раскаяния, “отработать” на благо общества добровольно и сознательно, следует уточнить название института, внося изменения в УК и УИК РФ. Термин “общественные работы” (“служение обществу” в дословном переводе) более точно отражает правовую и социальную сущность этого вида наказания, в то время как обязательные работы воспринимаются как принудительные, выполняемые без согласия или желания осужденного.

В ч. 1 ст. 49 УК РФ обязательные работы определяются как “бесплатные общественно полезные”, однако в ч. 3 ст. 25 и в ч. 2 ст. 28 УИК РФ предусматриваются, с одной стороны, “контроль за своевременным перечислением в соответствующие бюджеты финансовых средств за выполнение осужденными работы”, возлагаемый на уголовно-исполнительные инспекции, а с другой - ежемесячное перечисление в соответствующий бюджет финансовых средств за выполненные осужденными работы как обязанность администрации организаций, в которых осужденные отбывают обязательные работы. Принимая во внимание то, что выполнение общественных работ не предусматривает оплаты, не является источником пополнения бюджета, предлагается исключить указанные нормы из УИК РФ, приведя таким образом в соответствие УК и УИК. В своем нынешнем виде формулировки ст.ст. 25 и 28 УИК фактически превращают обязательные работы в принудительные, нарушающие права человека, который не получает в полном объеме заработанные в процессе труда деньги, что категорически запрещено Международной организацией труда (1929 г.), Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) и Международным пактом о гражданских и политических правах (1966 г.).

В развитие ст. 49 УК РФ, в которой закрепляется участие муниципальных органов в исполнении общественных работ, представляется целесообразным разработать проект Федерального закона об участии органов местного самоуправления, а также общественных, религиозных организаций и добровольцев в ресоциализации осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества, предусмотрев в нем, в частности, предоставление налоговых и иных льгот организациям, содействующим уголовно-исполнительным инспекциям, и частичную компенсацию расходов добровольцам на выполнение соответствующих общественных обязанностей.

Перемены можно будет осуществить успешнее, если органы уголовного правосудия будут шире привлекать к своей работе общественность. Один из методов, который с успехом используется во многих странах - везде, где возможно, привлекать неправительственные организации, которые действуют с сознанием своей ответственности. Сегодня в России в сфере уголовного правосудия работает немало таких организаций. Везде, где возможно, следует поощрять их к дальнейшей работе совместно с официальными правоохранительными органами.

Список литературы

1. Резолюции (76) 10 Комитета министров Совета Европы "О некоторых мерах наказания, альтернативных лишению свободы" (Принята 09.03.1976г.) [Электронный ресурс] / Юридический интернет-портал. – Режим доступа: <http://www.zonazakona.ru/law/abro/82/>
2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением. Токийские правила. (Приняты 14.11.1980г.) [Электронный ресурс] / Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml
3. Стерн В. Разработка мер, альтернативных тюремному заключению в странах центральной и восточной и средней Азии. Справочник / В. Стерн. – М.: Колпи, 2002. – 63 с.
4. Ильичев Г. Два месяца чистки обуви / Г. Ильичев, Н. Ратиани // Известия. – 2003. – № 151 (677) – С. 3.
5. Хвощевская Е. А. Применение наказания в виде обязательных работ / Е. А. Хвощевская // Молодой ученый. – 2013. – №2. – С. 264-267.

Voloshin I. A., Voloshin A. I. Experience of public works abroad // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 139 – 144.

Principles and legal frameworks of device of autonomous societies of Crimea are in-process probed at the end of XVIII – beginning of XIX v. In-process specified that activity of such societies, created on national, religious, territorial, economic and other signs far not always was the article of adjusting from the side of the state. In also time in the article normative-legal acts are given pawning, fastenings or specifying positions of such societies, above all things national and religious. Exposure of existence of another types of the autonomous communities in Crimea, including created and operating on economic, productive principles, their legal base is perspective direction of further researches.

Keywords: nationally-religious self-government, autonomy, community.

УДК 342.5; 343.4.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гарчева Л. П.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье обобщено и проанализировано российское законодательство в сфере противодействия коррупции, подчеркнут его современный, прогрессивный характер, соответствующий международным стандартам. Отмечено, что при эффективной реализации данное законодательство способно решать те задачи, которые стоят перед государственными органами и гражданским обществом в сфере борьбы с коррупцией. Однако анализ практики борьбы с коррупцией в России и анализ международного рейтинга государства по вопросам восприятия коррупции (СРІ) показывает, что наличие сильной законодательной базы не является панацеей в борьбе с коррупцией. Борьба с коррупцией должна осуществляться во всех сферах общественной жизни, и в этом процессе должны быть задействованы все институты государства, общественные организации, граждане. Без эффективного взаимодействия с неправительственными организациями, с гражданским обществом, включения общественности, общественных формирований в этот процесс решить проблему коррупции невозможно. Чтобы победить коррупцию необходимо начинать с изменения психологии людей, морально-политического климата в обществе; повышения правовой культуры населения, духовно-нравственного потенциала общества; формирования общественного мнения, действительно нетерпимого к коррупции; учреждения эффективной правовой и судебной системы, повышения авторитета и ответственности судебной власти за надлежащее выполнение принципов и норм; построения правового демократического государства и формирования сильного гражданского общества.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, коррупциогенная экспертиза, индекс восприятия коррупции.

О коррупции как социально-правовом феномене, о масштабах её распространения в России, о правовом регулировании борьбы с коррупцией, о причинах и мерах противодействия ей написано много научных работ. Проблемами коррупции занимаются ученые-юристы, экономисты, политологи, социологи, уже написано огромное количество монографий, статей, защищены диссертации, проводятся масштабные научные конференции. Несмотря на это, исследование проблемы коррупции продолжает оставаться крайне актуальным. Не случайно, в п. 25 Указа Президента Российской Федерации «О национальном плане противодействия коррупции на 2014 – 2015 годы» записано: рекомендовать научным учреждениям на основе анализа антикоррупционного законодательства Российской Федерации и практики его применения активизировать осуществление научных разработок в сфере противодействия коррупции.

Сегодня в условиях санкций, падения цен на нефть, спада промышленного производства противодействие коррупции становится вопросом национальной безопасности, самосохранения общества и государства. Для цивилизационного развития государства и общества в современном мире коррупция является наиболее опасным явлением. Она нарушает принцип верховенства закона, подрывает мораль-

ные устои общества, доверие к власти, препятствует конкуренции. Без противодействия этому явлению невозможно достичь высокого уровня развития экономики, эффективной работы государственного аппарата, совершенствования социальных стандартов, ликвидации нищеты и социального неравенства. Кроме того, коррупция наносит невосполнимый ущерб престижу страны, препятствует повышению её авторитета на международной арене.

Противодействие коррупции ныне носит глобальный характер, ибо коррупция - не только внутринациональная проблема, доходы от нее включаются в мировые финансовые потоки, подрывая и международные институты власти и экономики. «Коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней», - указано в Преамбуле Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции.

На урегулирование вопросов, связанных с противодействием коррупции, направлены международные и региональные акты, такие как: Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией, принятая Организацией американских государств 29 марта 1996 года, Конвенция о борьбе с коррупцией, затрагивающая должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств — членов Европейского союза, принятая Советом Европейского союза 26 мая 1997 года, Конвенция о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках, принятая Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997 года, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы 27 января 1999 года, Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы 4 ноября 1999 года. Немаловажную роль в этом играет и вступившая в силу 29 сентября 2003 года Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности.

Апогеем деятельности международного сообщества по предотвращению коррупции стало принятие на пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций 31 октября 2003 года Конвенции против коррупции. Конвенция вступила в силу 14 декабря 2005 года (состоит из 8 глав, объединяющих 71 статью). В Конвенции указывается, что предупреждение и искоренение коррупции — это обязанность всех государств и осуществлять ее государства-участники должны «посредством международного сотрудничества с учетом негативных последствий коррупции для общества в целом, в том числе для устойчивого развития» (ст. 62).

Как отмечал Генеральный секретарь ООН Кофи А. Аннан, «Конвенция содержит целый ряд стандартов, мер и норм, которые могут применяться всеми странами в целях укрепления их правовых и нормативных режимов борьбы с коррупцией. В ней содержится призыв к принятию профилактических мер, а также законодательных мер, в результате которых самые распространенные формы коррупции как в государственном, так и в частном секторе были бы отнесены к категории уголовных преступлений. В Конвенции содержится также одно новое принципиальное положение, которое требует, чтобы государства-члены возвращали средства, полученные с помощью коррупции, в ту страну, из которой они были украдены» [3, с.3].

Российская Федерация подписала Конвенцию ООН против коррупции 9 декабря 2003 года, а ратифицировала 8 марта 2006 года (N 40-ФЗ). Это дало серьезный толчок к обновлению национальной правовой базы с целью приведения ее в соответствие с международными стандартами, выработки российской концепции антикоррупционной политики.

Важными вехами в создании национальной стратегии противодействия коррупции стало принятие пакета законов антикоррупционной направленности: так, в декабре 2008 г. были приняты Федеральные законы N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" и № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» (изменения были внесены в Федеральные законы "О статусе судей", "О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации", "О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации", "О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации", "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации", "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации", "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)", "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации").

За последние годы проделана серьезная работа по формированию законодательной базы в области противодействия коррупции, внедрения антикоррупционных мер в государственном секторе. В июле 2009 г. Президент подписывает Федеральный закон "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов", в декабре 2012 г. – Федеральный закон "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам", в мае 2013 г. – Федеральный закон "О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами". Особое значение имеют антикоррупционные нормы Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" № 79-ФЗ от 27 июля 2004 года (с изменениями на 5 октября 2015 года) (ст. 15, 16, 19, 20, 24).

В эти же годы вступает в действие ряд Указов Президента РФ, направленных на реализацию положений вышеуказанных законов: О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» (от 21.07.2010 N 925); О национальной стратегии противодействия коррупции и национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы (от 13.04.2010 № 460); Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции (от 03.12.2013 № 878); О Национальном плане противодействия коррупции на 2014-2015 годы (от 11.04.2014 № 226) и др.

«Казалось бы, все базовые необходимые законы приняты, указы подписаны, механизмы разработаны и озвучены, правильные слова сказаны, четкие указания даны, а никаких серьезных подвижек, ощутимых в повседневной жизни, не происходит» [10], — указывает в комментарии к Индексу российское отделение

организации Transparency International¹. Этот вывод, сделанный по результатам 2011 г., подтверждается и в последующие годы. В заявлении Генерального прокурора России Ю. Чайки, в 2014 году в сфере противодействия коррупции выявлено 380 тыс. нарушений (на 8% больше, чем в 2013 году). Ущерб от коррупционных преступлений в России за 2014 год приблизился к 40 миллиардам рублей. Это на 50 процентов больше, чем в 2013 году [1].

Негативный характер коррупционной динамики в России подтверждается и международным рейтингом восприятия коррупции, проводимым международной неправительственной организацией Transparency International. Согласно Индекса восприятия коррупции (SPI), который отражает восприятие положения дел с коррупцией в отдельных странах бизнесменами и аналитиками, как зарубежными, так и представляющими сами страны, позиции России в антикоррупционном рейтинге не завидны. Если в 2004 году российский индекс восприятия коррупции составлял 2,8 (90-е место), то в 2007 – 2,3 (143-е место) (Чем больше числовое значение индекса, тем меньше в стране уровень коррупции). В 2010 году Россия с индексом 2,1 опустилась аж на 154-е место (из 178), оказавшись ниже Непала и Камбоджи. Показатель России в 2011 году - 143 место из 183 возможных. В 2012 году Россия заняла 133 место в рейтинге. Такой же результат показали Коморы, Гайана, Гондурас, Иран и Казахстан. В 2013 году Россия в очередной раз расположилась в последней трети таблицы – заняла 127 место [9].

В 2014 году Россия опустилась в рейтинге с 127 на 136 место и оказалась в группе таких государств, как Иран, Ливан, Камерун, Нигерия, Кыргызстан. Таким образом, с точки зрения Transparency International, за истекший год в России произошло ухудшение ситуации с коррупцией [11].

Исследования российских экспертов также подтверждают тенденцию к росту коррупции в России [6, с. 8-10]. Результаты различных социологических исследований в России показывают, что коррупция в ряде сфер общественной жизни неформально признается скорее социальной нормой, нежели исключением, и хотя коррупция (как использование служебного положения для извлечения личной выгоды) стала восприниматься населением одной из самых главных угроз (или даже ведущая угроза) национальной безопасности [7], респонденты все чаще высказывают мнение, что с коррупцией в России нет смысла бороться – она неистребима, зачастую не видят своей ответственности за создание условий для борьбы с ней [5].

Таким образом, несмотря на наличие массивной нормативной базы, коррупция процветает. Здесь либо несовершенными оказались правовые нормы, принятые с целью противодействия коррупции, либо нормы хороши, но неэффективным является процесс имплементации этих норм на практике.

В целом российское законодательство в сфере противодействия коррупции признается современным, прогрессивным, способным решать те задачи, которые стоят перед государственными органами и гражданским обществом. Оно всесторонне регулирует вопросы противодействия коррупции, закрепляет основы государственной антикоррупционной политики, выражает неприятие коррупции, состоит в разработке и реализации целей, задач и форм деятельности государственных органов, муниципальных органов и институтов гражданского общества по предупреждению коррупции, борьбе с нею и минимизации негативных последствий.

Естественно, что национальное антикоррупционное законодательство, как и любое иное, имеет свои положительные стороны и недостатки, нуждается в посто-

янном совершенствовании. Но ограничиваться только антикоррупционным законодательством в борьбе с коррупцией мало. Архиважное значение имеет приведение в соответствии с ним всего остального законодательства Российской Федерации. Здесь ключевую роль должна сыграть диагностика коррупциогенности законодательства, которая согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ должна применяться к нормам права, регулирующим все сферы общественной жизни. Нормативные акты должны быть избавлены от норм, порождающих коррупцию. При этом коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов и их проектов, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции [4, с.1].

Очень много внимания исследователи уделяют анализу Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ, выявлению недостатков, которые мешают эффективной его реализации, надеясь, усовершенствовав закон и тем самым добиться успехов в борьбе с коррупцией. Так, Елена Панфилова считает серьезным недостатком закона декларативность (в законе не прописаны механизмы реализации замыслов); перенасыщенность правильными словами (свойственное скорее концепции, а не закону); неопределенность статусов отдельных субъектов (например, «представителями нанимателя», которым будет поручена проверка деклараций) [2]; А. Широков - неточность законодательных формулировок (например, определение «коррупции»); многозначность употребляемых в определении понятий, наличие коллизий с другими нормативными положениями уголовного закона, что чревато определенными сложностями в правоприменении и ошибками в уголовно-правовой оценке содеянного, отсутствие четкого определения круга лиц по так называемым членам семьи государственного или муниципального служащего; наличие противоречия антикоррупционного законодательства с отдельными законодательными актами РФ, которые сводят на нет эффективность борьбы с коррупцией [8], в литературе указывается также на такие недочеты закона как замена прямых норм отсылочными, причем отсылка идет не на закон, обсуждаемый и принимаемый более или менее открыто и коллегиально, а на подзаконный акт исполнительной власти, который скорее всего будет закрыт для обсуждения; нерешенность вопроса о понятии и видах коррупционных преступлений, в том числе о введении уголовной ответственности за хищение бюджетных средств и др.

Интересен подход к вопросу о роли законодательства в борьбе с коррупцией А. Широкова, который в своей работе «Некоторые проблемы реализации антикоррупционного законодательства» задает вопрос: «Но так ли необходим был этот закон?». И далее предлагает обратиться к опыту борьбы с коррупцией в Финляндии. Страна, в которой фактически никогда не издавались специальные законы о коррупции или о создании специальных органов для контроля за ней, а коррупция рассматривается как часть уголовной преступности и регулируется на всех уровнях законодательства правовыми нормами о противодействии взяткам, в рейтинге «Transparency International» по итогам 2010 года занимала почетное 4-е место в мире (напомним для сравнения: Россия находилась на 154-м месте, то есть уступала своей бывшей провинции 150 позиций), в 2012 году Финляндия делит лидерство по «прозрачности» с Данией и Новой Зеландией (занимая таким образом 1-е место), а Россия делит 133 место с такими странами, как Гондурас, Комора, Гана, Казахстан, из 174 стран мира [8].

Практика России также показывает, что наличие антикоррупционного законодательства не является панацеей в борьбе с коррупцией. Добиться реальных успехов

в борьбе с коррупцией, воспринимаемой обществом как норму социальных отношений, нельзя принятием тех или иных поправок к законодательству и даже специальных законов по борьбе с коррупцией. Законы имеют значение тогда, когда они исполняются. В России же (как и в большинстве стран СНГ, включая Украину) сложилась обстановка, при которой, с одной стороны происходит сопротивление властей всех уровней и сфер борьбе с коррупцией (среди чиновников расхожей стала фраза: «возьмите свою зарплату, верните нам коррупцию»); с другой стороны, неверие граждан в возможность победить коррупцию, неучастие их в процессах предупреждения коррупции. М. Мартынов по этому поводу отмечал: «Очевидно, что главные причины распространения коррупции, лежат не столько в недостатках административного управления или несовершенстве закона, сколько в самом обществе, в людях, охотно решающих свои проблемы за счет предложения взятки, даже в тех случаях, когда вопрос можно решить на законных основаниях. Снижение порога морального осуждения взяточничества являются главной предпосылкой существования коррупции» [5].

В борьбе с коррупцией должны быть задействованы все институты государства, общественные организации, граждане. Большая ответственность лежит на власти, которая должна действовать открыто и подконтрольной обществу. Открытость власти означает обеспечение доступа граждан к информации о деятельности исполнительных органов власти, о коррупции и результатах и способах борьбы с ней, о процедурах принятия и исполнения властных решений, об обязательном декларировании доходов государственных служащих, предоставлении сведений о недвижимости чиновников и членов их семей и т.д. Важнейшим союзником государств в борьбе с коррупцией является гражданское общество. Без эффективного взаимодействия с неправительственными организациями, с гражданским обществом, включения общественности, общественных формирований в этот процесс решить проблему коррупции невозможно.

Таким образом, чтобы победить коррупцию необходимо начинать с изменения психологии людей, морально-политического климата в обществе; формирования общественного мнения, действительно нетерпимого к коррупции; повышения правовой культуры населения, духовно-нравственного потенциала общества; учреждения эффективной правовой и судебной системы, повышения авторитета и ответственности судебной власти за надлежащее выполнение принципов и норм; свободные СМИ; построения правового демократического государства и формирования сильного гражданского общества.

Список литературы

1. Доклад Генерального прокурора на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О состоянии законности и правопорядка в 2014 году и о проделанной работе по их укреплению», <<http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-723904/>>
2. Елена Панфилова. Декларация независимости чиновников категории «А». Новая газета, № 78, 2008.
3. Кофи А. Аннан. Предисловие к «Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции». – Организация Объединенных наций, Нью-Йорк, 2004.
4. Методические рекомендации "организация в федеральных органах исполнительной власти антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов" Одобрены президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции (протокол от 25 сентября 2012 г. N 34) <<http://vs Corruption.ru/?p=211&print=print>> (последнее посещение 15.10.1015)
5. Мартынов Михаил. Социологическое исследование коррупции. - Сайт: Российское общество политологов [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <<http://rospolitics.ru/300-sociologicheskoe-issledovanie-korrupcii.html>> (последнее посещение 12.10.1015)

6. Сатаров Г. Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики. – 2007. – № 1. – С. 4–11/
7. Национальная безопасность России в оценках экспертов. Аналитический доклад. – М.: Институт социологии, 2010. – 56 с. Институт социологии Российской академии наук. <<http://www.politstudies.ru/files/File/2011/3/2.pdf>> (последнее посещение 15.10.1015)
8. Широков А. Некоторые проблемы реализации антикоррупционного законодательства. Библиотека криминалиста. Научный журнал Эл №ФС77-46256 ISSN 2226-1028 20 апреля 2013. – <<http://познавательный.рф/all/nekotorye-problemy-realizaci-antikorupcionogo-zakonodatelstva.html>> (последнее посещение - 17.10.2015) (последнее посещение 15.10.1015)
9. Transparency International: Центр антикоррупционных исследований и инициатив <<http://transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/blog>> (последнее посещение 12.10.1015)
10. Transparency International: Центр антикоррупционных исследований и инициатив Индекс восприятия коррупции 2011 года. - <<http://gtmarket.ru/news/state/2011/12/02/3750>> (последнее посещение 12.10.1015)
11. Transparency International: Центр антикоррупционных исследований и инициатив/ Индекс восприятия коррупции 2014 год. - <<http://gtmarket.ru/news/2014/12/03/7004>> (последнее посещение 10.10.1015)

Garcheva L. Legal foundations of corruption counteraction in the Russian Federation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 145 – 151.

The article summarized and analyzed the Russian legislation in the field of corruption counteraction; underline its modern, progressive nature, in accordance with international standards. It is noted that the effective implementation of this legislation is able to address the challenges facing the public authorities and civil society in corruption counteraction. However, analysis of practices corruption counteraction in Russia and the analysis of the international Corruption Perceptions Index (CPI) show that a strong anti-corruption legislation is not a panacea in the fight against corruption. The corruption counteraction must be carried out in all spheres of public life, and in this process should involve all state institutions, public organizations, citizens. Without effective communication with non-government organizations, civil society, the inclusion of the public, community groups in the process to solve the problem of corruption is impossible. In order to tackle corruption we should start people psychology, the moral and political climate in the society; improving the legal culture of the population, the spiritual and moral potential of society; shaping public opinion, intolerant of corruption; as well as establishment of an effective legal and judicial systems, enhance the credibility and accountability of the judicial authorities for the proper implementation of the legal principles and norms; building a democratic state and the formation of a strong civil society.

Keywords: corruption, corruption counteraction, anti-corruption legislation, corruption expertise, the Corruption Perceptions Index.

УДК 343.8

ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕЙДЕРСТВУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Герасименко В. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В работе исследуется поэтапное развитие и проникновение в российское общество в 2000-х годах негативного экономического явления – «рейдерства». В работе указывается, что рейдерство в настоящее время имеет существенную криминальную составляющую, а главная деструктивная сущность его проявляется в подрыве экономической безопасности государства, во вреде для международного имиджа и инвестиционной привлекательности страны.

Указывается, что рейдерство опирается на коррупцию, и осуществляемое совершенствование антикоррупционного законодательства, является эффективным противодействием рейдерству.

Рейдерство как вид преступной деятельности, приобретает организованный характер, совершается с использованием пробелов в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, ликвидация которых предлагается законодателями и юристами.

В статье дается анализ антирейдерских нормативно-правовых актов, в том числе принятых после 2010 года ряда антирейдерских поправок в ст.ст. 170¹, 185², 185⁵, 285³ Уголовного кодекса. Но так как полностью проблему они не решили, из-за неполного соответствия специфике этой категории преступлений, весной 2015 года в Государственную Думу внесен проект новых антирейдерских законов. Новые законы имеют своей целью выработку единых подходов в борьбе с рейдерством и установление жесткой уголовной ответственности за осуществление рейдерской деятельности.

В статье обобщаются предложения юристов и предпринимателей по разработке комплекса организационно-правовых мер и законопроектов по борьбе с рейдерством, а также выработке правоприменительной практики к закону о рейдерстве.

Ключевые слова: рейдерство, коррупция, антирейдерское законодательство, антикоррупционное законодательство.

В течение последнего десятилетия в центральной и крымской прессе, часто появляются сообщения и решения государственных органов, научные и информационные публикации о рейдерстве и фактах рейдерского захвата собственности. Их авторы справедливо и аргументировано подчеркивают, что у рейдерства в России существенная криминальная составляющая, а главная деструктивная сущность проявляется в подрыве экономической безопасности государства, во вреде для международного имиджа и инвестиционной привлекательности страны и Крыма.

По оценкам экспертов, ежегодно в России происходит до 70 тысяч рейдерских захватов предприятий. Чаще всего, по мнению специалистов, это происходит при поддержке коррумпированных высокопоставленных чиновников. Несколько наиболее типичных и шумевших примеров противоправных поглощений предприятий в современной России: «Ист Лайн», «Арбат Престиж», «Эльдорадо»,

Новосибирский авиаремонтный завод (НАРЗ), «Тольяттиазот», «Тяжэкс», «ТИК «Интероптика».

Эти факты, как отмечал президент России, провоцирует нестабильность в отношении собственности, которая отрицательно сказывается на экономической безопасности и инвестиционном климате в России.

Основными факторами возникновения «рейдерства» стали существенные упущения на первоначальном этапе проведения реформ в социально-экономической, политической, правоохранительной и иных сферах государственной деятельности, значительное ослабление системы государственного регулирования и контроля, несовершенство законодательно-правовой базы в РФ.

Сегодня Россия находится на новом этапе перераспределения собственности, инициированного крупными финансово-промышленными группами России в интересах расширения своего бизнеса. У этого процесса есть несколько путей: законный, незаконный и смешанный. К последнему относится и рейдерство. Одни специалисты рассматривают его как нормальный бизнес с позитивными целями и результатами, а другие, учитывая способы и приемы получения права на собственность и предприятия, считают рейдерство криминалом. В связи с тем, что в данном процессе обязательно присутствуют незаконные действия или документы, то криминологи считают, что и весь процесс становится криминальным.

На важность борьбы с рейдерством впервые обращалось внимание в п. 9 разд. IV Национального плана противодействия коррупции, утвержденного Президентом РФ 31 июля 2008 г. N Пр-1568. В нем отмечалась необходимость усиления контроля "за законностью и обоснованностью процессуальных решений, принимаемых по уголовным делам, касающимся захвата имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий, так называемого рейдерства". Реализуя указанный Национальный план, был принят Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ. А в дальнейшем, совершенствуя указанный закон и расширяя ограничения, запреты, обязанности, правила служебного поведения, а также ответственность должностных и физических лиц, в него были внесены изменения и дополнения Федеральными законами 11 июля 2011 г., 3 и 29 декабря 2012 г., 7 мая, 30 сентября, 28 декабря 2013 г., 22 декабря 2014 г., 5 октября 2015 г. Требования по противодействию рейдерству при коррупционных действиях отмечаются и в Национальном плане противодействия коррупции на 2014-2015 год, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 г №226.

Рейдерство как вид преступной деятельности, приобретающей организованный характер, совершается с использованием пробелов в действующем законодательстве, опирается на коррупцию, применение государственных, административных и силовых ресурсов и представляет реальную угрозу экономической безопасности России.

Когда юристы и правоохранители анализируют рейдерство и его причины, они подчеркивают несовершенство уголовного и уголовно-процессуального законодательства и отсутствие достаточных полномочий. Представители бизнес-кругов считают, что появление и широкое распространение рейдерства, это следствие недостатка у руководства страны политической воли, нужной для создания качественно нового законодательного поля, необходимого для правового государства и цивилизованного развития бизнеса.

В связи с тем, что у законодательных, исполнительных и правоохранительных органов нет единого понимания ряда ключевых понятий, необходимых для активного, компетентного и целенаправленного ведения борьбы с рейдерством, реализация законодательных инициатив заметно тормозится.

Действующее уголовное законодательство России также не отвечает реальной криминальной ситуации в сфере рейдерских проявлений, что препятствует выработке единых подходов в борьбе с ними. Поэтому после урегулирования в законодательстве вышеуказанных вопросов необходимо "подключить" уголовно-правовые механизмы - ввести соответствующие запреты в УК РФ путем установления жесткой уголовной ответственности за осуществление рейдерской деятельности. Юристами и предпринимателями предлагается разработка комплекса организационно-правовых мер и законопроектов по борьбе с рейдерством, многие из которых уже внесены в Национальный план противодействия коррупции на 2014-2015 год.

Так как на сегодня в УК РФ нет статьи, предусматривающей дифференцированные санкции за такой вид преступлений, то еще летом 2010 года был принят ряд антирейдерских поправок в уголовное законодательство. Но проблему они так и не решили, поскольку внесенные изменения не позволяют в полной мере квалифицировать преступление, а наказания, предусмотренные действующими статьями, довольно мягкие.

С 5 июля 2010 года вступили в законную силу изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. 1 июля подписан Федеральный закон № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ».

Этот закон направлен на повышение эффективности противодействия рейдерству, то есть захватам имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий.

Статистика свидетельствует, что применение данного закона имеет положительный результат. Если в 2002 году в России было зафиксировано 1,87 тыс. рейдерских захватов, в 2008 году их было уже более 3 тыс., то затем последовал резкий спад. В 2010 году следователи получили всего 69 сообщений о рейдерских захватах, в 2011-м — около 400. Согласно данным Следственного комитета, опубликованным на официальном сайте, в 2013 году сотрудниками комитета завершено расследование 104 дел о рейдерских захватах.

Как показывает правоприменительная практика, действующие уголовно-правовые нормы не вполне соответствуют специфике этой категории преступлений. В связи с этим привлечь к уголовной ответственности лиц, причастных к рейдерству, становится возможным только на завершающем этапе захвата, когда имущество компании уже похищено или иным противоправным способом выведено из-под контроля собственника или законного владельца.

Владимир Путин заявил о необходимости выработать правоприменительную практику к закону о рейдерстве. Он на заседании Президиума совета по нацпроектам отметил: «недавно был принят закон на эту тему. ...Надеюсь, что он будет работать и правоприменительная практика сложится соответствующая...А так, конечно, это беда для экономики, и не только для этого сектора (АПК), но и для дру-

гих отраслей, даже оборонно-промышленного комплекса. Постараемся выработать вместе с судебной системой соответствующую правоприменительную практику".

Указанным законом в Уголовный кодекс РФ внесены изменения, направленные на повышение эффективности противодействия рейдерству. В частности в Уголовный кодекс введены или изменены ст.ст. 170¹, 185², 185⁵, 285³.

Уголовный Кодекс дополнен статьёй 170¹, устанавливающей уголовную ответственность за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета.

Статья 185² Уголовного кодекса Российской Федерации дополнена частью третьей, предусматривающей ответственность за внесение в реестр владельцев ценных бумаг недостоверных сведений, а равно за умышленное уничтожение или подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в реестр владельцев ценных бумаг, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Помимо этого, Федеральным законом предусматривается уголовная ответственность за фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества. Ответственность за эти действия установлена статьёй 185⁵ Уголовного Кодекса РФ.

Новая статья 285³ Уголовного кодекса устанавливает ответственность должностного лица за умышленное внесение в один из единых государственных реестров заведомо недостоверных сведений, а равно за умышленное уничтожение или подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в указанные единые государственные реестры.

Санкции новых статей предусматривают наказание в виде крупных штрафов, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также лишения свободы вплоть до десяти лет.

Дополнение Уголовного Кодекса указанными нормами позволит привлекать рейдеров к уголовной ответственности уже на начальных этапах рейдерского захвата, упреждая наступление последствий, при которых истребование захваченного имущества ограничено институтом защиты добросовестного приобретателя.

После ужесточения законов рейдерские бригады взялись за мелкие предприятия и суммы ущерба уменьшились. По подсчетам СКР, если в 2010 г. ущерб от рейдеров оценивался в 16 млрд рублей, то в 2011 году — лишь в 2 млрд. Эти меры частично противодействуют рейдерству, но не обеспечивают эффективной борьбы с этим явлением.

Мы согласны с высказанным в научной литературе мнением о том, что в настоящее время существуют две "слабые" стороны уголовно-правового регулирования противодействия рейдерству: 1) УК РФ не охватывает весь спектр деяний, посредством которых совершаются рейдерские захваты; 2) нормы уголовного закона недостаточно адаптированы к специфике данной категории преступлений.

Решение этих проблем является в настоящее время главной целью совершенствования уголовного законодательства по противодействию рейдерству.

Мы согласны с мнением о необходимости введения в УК РФ самостоятельной статьи или статей о рейдерстве в целях ужесточения уголовной ответственности за

совершение рейдерских действий. И чтобы выполнить эту задачу необходимо на основе уголовно-правовой характеристики дать понятие этого преступления.

Первой и главной проблемой, требующей правовой регламентации, является определение уголовно-правового понятия и сущности рейдерства. Основой их определения является анализ состава нелегального силового рейдерства.

Законодатель в России продолжает процесс совершенствования уголовного законодательства по противодействию рейдерству и в нижней палате парламента в феврале 2015 года разработан законопроект, которым вводится в УК РФ новая статья о незаконном присвоении прав на бизнес. Депутаты Госдумы Иван Сухарев, Антон Ищенко и Сергей Каргинов подготовили проект федерального закона «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации», предполагающий введение новой уголовной статьи «Присвоение прав на владение и управление юридическим лицом и (или) его активами». По мнению парламентариев, изменения в уголовном законодательстве позволят более эффективно противодействовать рейдерству.

Согласно предлагаемой статье, присвоение прав на владение и управление юридическим лицом или его активами путем незаконного приобретения права владения, пользования или распоряжения долями будет наказываться лишением свободы на срок от 3 до 5 лет со штрафом в размере до 1 млн. рублей. Если преступление совершено с использованием служебного положения или в крупном размере, то предусмотрено наказание уже на срок от 5 до 8 лет со штрафом в размере до 5 млн. рублей или конфискацией имущества. Если же преступление, предусмотренное данной статьей, повлекло за собой угрозу безопасности общества или государства, а равно причинение ущерба государству в особо крупном размере, то предлагается наказание в виде лишения свободы сроком от 10 до 20 лет с конфискацией имущества.

Как говорится в пояснительной записке к законопроекту, необходимость внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство обусловлена тем, что в сфере перераспределения коммерческой собственности сложился и активно развивается сектор криминальной деятельности, в котором имущество хозяйствующих субъектов незаконным путем, вопреки воле их учредителей или органов управления переходит в собственность других лиц, то есть фактически захватывается, что является рейдерством.

Соавтор законопроекта, член комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Иван Сухарев пояснил, что эта проблема стоит уже давно и парламентарии не раз указывали на необходимость ее решения. Депутат отметил, что рейдерство — это угроза национальной безопасности России, которая также является рассадником коррупции. Парламентарий добавил, что введение предлагаемых норм будет не единственным антирейдерским законом, а предполагается комплексный подход, чтобы закрыть любые возможные лазейки для преступников.

Список литературы

1. Андреева Л.А. Уголовная ответственность юридических лиц в системе мер противодействия рейдерству // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: - Тюмень: "ТГАМЭУП", 2012, Вып. 9. - С. 63-67

2. Добровольский В. И. [Ответственность рейдера по российскому законодательству](#). Wolters Kluwer Russia, 2010., с.168
3. Косарева Н.Е. Законодательные меры противодействия рейдерству в Российской Федерации. // Владивосток. Изд-во Дальневост. федер. универ.
4. Соловьев А.А. Правовые основы противодействия рейдерству / Юрист.- 2011 №1 с.8-14.
5. Смирнов Г.К. Проблемы применения и совершенствования уголовного законодательства уголовного законодательства в России в сфере противодействия рейдерству. // Российская юстиция. 2009, №12, с. 6-10.
6. Федоров А. Ю. [Рейдерство и корпоративный шантаж \(организационно-правовые меры противодействия\)](#). Wolters Kluwer Russia, 2010. ISBN 9785466004359.

Gerasimenko V. Legal counteraction raiding in the Russian Federation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 152 – 157.

In this paper the gradual development and penetration into the Russian society in the 2000s, negative economic effects "raiding". The paper states that the raid currently has a significant criminal component, but the main non-destructive of it appears to undermine the economic security of the state to the detriment of international-foot image and investment attractiveness of the country.

It is pointed out that the raid based on corruption and to implement the improvement of anti-corruption legislation is an effective opposition to raiding. Raiding as a kind of criminal activity, acquired organized, committed with the use of the gaps in existing criminal law and criminal procedure law, the elimination of which is offered by legislators and lawyers. The article analyzes the anti-raider legal acts, including those adopted after 2010 a number of amendments to the anti-raider Articles 1701 1852 1855 2853 Penal Code. But since all the problem they decided, because of the incomplete match the specifics of this category of crimes, in the spring of 2015 in the State Duma introduced a new draft law antireydovskih. The new laws are intended to develop common approaches in the fight against raiding and setting tough criminal responsibility for the implementation of raiding activity. The article summarizes the legal and business proposals to develop a set of organizational and legal measures and legislation to combat raiders, as well as the development of great-enforcement practice to the law on corporate raiding.

Keywords: raiding, corruption, anti-raider law, anti-corruption legislation.

УДК 343.431:316.32

ПРОБЛЕМА АКТУАЛИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Губанова Е. В.

Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского

Глобализация модифицирует и качественно и количественно изменяет организованную преступность, порождая новые формы и увеличивая размер последствий. Глобализация преступности сейчас ставится в один ряд с проблемами глобального потепления и распространения оружия массового поражения. Обострилась и проблема торговли людьми. В статье освещены причины торговли людьми и ее основные виды, такие как принудительный труд, торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации и др., а также перечислены группы риска с точки зрения возможности попадания в ситуацию торговли людьми. Открытие новых пространств для расширения капиталистической экономики, технологическая революция и формирование глобальных рынков привели к резкому увеличению масштабов торговли людьми, что обусловило и активизацию действий международного сообщества по разрешению этой проблемы.

Ключевые слова: глобализация, торговля людьми, сексуальная эксплуатация, торговля человеческими органами, долговое рабство, террористические организации, преступные группировки, группы риска.

Затрагивая вопросы глобализации мировых процессов, российский исследователь И.В. Устинова, подчеркивает: «Глобализация происходит во всех сферах жизни общества, в том числе она касается и преступности. Глобализация преступности сейчас ставится в один ряд с проблемами глобального потепления и распространения оружия массового поражения» [1]. Глобализация модифицирует и качественно и количественно изменяет организованную преступность, порождая новые формы и увеличивая размер последствий, и «проблема заключается в том, что если ранее преступность удерживалась в рамках одной страны и имела при этом национальные особенности, регулируемые соответствующей властью, то теперь преступность имеет надгосударственные особенности развития. В этой связи, очевидно, что преступность трансформируется по новым, далеко не изученным законам собственного развития» [2]. Важнейшими ее характеристиками выступают организованность, вооруженность, защищенность, в связи с коррумпированностью государственного аппарата, и интернационализация.

Исследователи справедливо подчеркивают, что «процессы глобализации стали для транснациональной преступности только толчком и открыли новые возможности для развития. Преступные группировки стремятся не только к интернационализации своей деятельности, но и к тому, чтобы поставить под контроль уже сложившиеся транснациональные корпорации, обеспечивающие переливание капитала по всему миру, что значительно упрощает процессы отмывания незаконных доходов, сокрытия прибыли от налогообложения и другие финансовые махинации. В свою очередь, преступные группировки активно внедряют свой опыт незаконного, несанкционированного проникновения на рынки суверенных государств, промышленного шпионажа в области высоких технологий и ноу-хау, пиратского производства, поставок запрещенной продукции, коррупции и др. Используются методы насилия

для устранения и запугивания конкурентов, в том числе и при поддержке террористических организаций.

Конечно, торговля людьми в подавляющем большинстве своем совершается не самими террористами. Но существуют способы, с помощью которых террористические группы используют торговлю людьми в своих целях (от самого грубого – продажи женщин в публичные дома до поставки наемников в «горячие точки» мира... Прежде всего, речь идет о так называемых «этнических» преступных организованных группах (китайских, японских, албанских, иракских, чеченских и др.), специализирующихся на торговле людьми или же занимающихся этим преступным бизнесом параллельно с такими видами криминального бизнеса, как отмывание денег, торговля наркотиками, драгоценными металлами, нелегальный вывоз за рубеж древесины, торговля автомобилями и т.п. Во многих случаях террористические организации принимают непосредственное участие в самом процессе торговли.

В частности, примерами такого слияния терроризма и торговли людьми стали преступные организации, существующие на территории бывшей Югославии. Эти и другие свидетельства позволяют сделать вывод о том, что теневой оборот капитала, в том числе и от торговли людьми, становится в современном мире основным источником финансирования деятельности террористических группировок. Во многих случаях террористические организации принимают непосредственное участие в самом процессе торговли. Связь террористических организаций с преступными группами, осуществляющими торговлю людьми, оказывается в ряде случаев столь тесной, что не представляется возможным отделить одно преступление от другого. И те, и другие пользуются одними и теми же транспортными и коммуникационными сетями и фальшивыми документами.

Зачастую именно торговцы людьми, создающие отлаженные международные сети, создают коридоры, по которым террористы имеют возможность беспрепятственно пересекать границы стран [3]. Три фактора делают возможным столь беспрецедентное слияние усилий террористов и торговцев людьми: рост международной организованной преступности, слабость иммиграционного контроля в странах транзита и коррупция, позволяющая преступникам беспрепятственно получать фальшивые документы и переправлять людей из одной страны в другую [4].

В этой связи интересно замечание Посла доброй воли Управления ООН по наркотикам и преступности, американской актрисы М. Сорвино, сделанное в апреле 2012 г.: «Транснациональные преступные группировки просто включают людей в список товаров, которые можно продать. Спутниковые снимки показывают, что маршруты торговли людьми – те же, что и в случае контрабанды наркотиков и оружия. К тому же торговцы живым товаром гораздо реже попадают в руки правосудия, а если это и случается, то наказание, как правило, несоизмеримо меньше» [5].

По мнению исследователя Н. Пранчука о том, что «несмотря на неутраченную «актуальность» проституции и дешевой рабсилы, именно незаконная торговля человеческими органами получает все большее распространение в настоящее время. В первую очередь это можно связать с научно-техническим прогрессом, благодаря которому появляются все новые и новые технологии, способные обеспечить наиболее безопасную трансплантацию органов. В условиях жесткой нехватки донорских органов людям становится не важно, каким путем они «добываются», и они готовы платить огромные деньги за то, чтобы выжить» [6]. А Н. Шепер-Хьюз – профессор медицинской антропологии Калифорнийского университета в Беркли и директор организации «OrgansWatch», занимающейся изучением и отслеживанием фактов торговли донорскими органами во всем мире, – подчеркивает, что «торговля донорскими органами и незаконные операции по их пересадке стали неотъемлемой частью медицинской практики во всем мире»; что «в тайном мире сегодняшней пере-

садки органов, поставленной на коммерческую ногу, полно страшных и тревожных историй. Такая коммерция ведется в условиях глобальной конкуренции, охватившей примерно 50 стран. Всемирная организация здравоохранения считает, что ежегодно на черном рынке делается 10000 операций такого рода» [7]. По ее словам, «в 2008 году в атмосфере всеобщего отрицания начали происходить изменения, когда Общество трансплантологии и Международное общество нефрологии провело важную конференцию, которая признала торговлю донорскими органами реальным фактом действительности. После этого страны, активно участвующие в организованных и неорганизованных схемах вербовки живых доноров за деньги, начали подвергаться усиленному моральному давлению.

Несмотря на это, криминальные группировки посредников и схемы торговли органами продолжают действовать, сохраняя свою живучесть, мобильность, активность, и постоянно, хотя бы на шаг, опережая всех остальных участников игры. Между тем, череда кризисов обеспечила приток на рынок бесчисленных беженцев, которые подобно спелым фруктам падают прямо в руки торговцам человеческими органами. Почти в любой стране всегда можно найти отчаявшихся, лишившихся крова и имущества людей, чтобы забрать у них одну почку» [7]. Латвийский автор монографии по этому кругу вопросов А. Вилкс заключает: «В двадцатом и двадцать первом столетии широко распространена торговля людьми, связанная с тем, что органами человека (почки, сердце, роговая оболочка глаза и т.п.) и его тканями торгуют как товарами ширпотреба. Не пренебрегают не только живыми людьми, но органами мёртвых» [8].

Открытие новых пространств для расширения капиталистической экономики, технологическая революция и формирование глобальных рынков привели к резкому увеличению масштабов торговли людьми, что обусловило и активизацию действий международного сообщества по разрешению этой проблемы. «Можно отметить, – подчеркивает Ф.Л. Сеницын, – что самыми «богатыми» по числу принятых или разработанных актов по проблеме торговли людьми стали 90-е годы XX века, что, безусловно, связано с тем, что эта проблема неимоверно выросла именно за последние годы» [9, с. 48].

Для увеличения международных соглашений и инициатив ООН была создана Глобальная инициатива ООН по борьбе с торговлей людьми, запущенная в марте 2007 г. при участии МОТ, УВКПЧ, ЮНИСЕФ, ЮНОДК, МОМ и ОБСЕ. Этот проект предполагал работу с заинтересованными сторонами, такими как правительства, гражданское общество, представители бизнеса, СМИ, научные круги, в таких целях, как: информирование о торговле людьми и мобилизация населения на борьбу с ней; предотвращение торговли людьми; снижение потребности в торговле людьми среди криминальных элементов; поддержка и защита жертв; усовершенствование правоохранительной деятельности в отношении торговли людьми; превращение международных соглашений в национальное законодательство; создание международных институтов по проблеме; создание совместных исследовательских инициатив; укрепление партнерства для предотвращения торговли людьми; создание Фонда по предотвращению торговли людьми; создание неформальной контактной группы.

В 2007–2008 гг. в рамках ГИБТЛ-ООН ряд мероприятий был организован в Бразилии, Египте, Индии, Кот-д'Ивуаре, Кыргызстане, Литве, Таиланде, Турции, Уганде и Южной Африке. Эти мероприятия были направлены на расширение осведомленности и информированности о проблеме торговли людьми во многих ее географических и тематических проявлениях. Они также способствовали выявлению потребностей стран в технической помощи для эффективного осуществления Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказания за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснацио-

нальной организованной преступности, и приданию стимула работе в преддверии Венского форума по борьбе с торговлей людьми, состоявшегося 13- 15 февраля 2008 г.

В 2010 г. для «последовательного и решительного осуждения торговли людьми, которая представляет собой преступную деятельность, посягающую на достоинство человека и негативно влияющую на развитие, мир и безопасность и права человека», был принят Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми. В документе отмечалось:

– что предупреждение торговли людьми предполагает «устранение социальных, экономических, культурных, политических и других факторов, которые делают людей уязвимыми к торговле людьми, таких как нищета, безработица, неравенство, чрезвычайные гуманитарные ситуации, включая вооруженные конфликты и стихийные бедствия, сексуальное насилие, дискриминация по признаку пола и социальная изоляция и маргинализация, а также обстановка терпимости к насилию в отношении женщин, молодежи и детей»;

– необходимость «включения вопроса о торговле людьми в более широкие стратегии и программы Организации Объединенных Наций, направленные на решение вопросов, касающихся социально-экономического развития, прав человека, верховенства права, эффективного управления, образования и восстановления после стихийных бедствий и в постконфликтный период»;

– императив «принятия и претворения в жизнь на национальном уровне и в надлежащих случаях на субрегиональном и региональном уровнях всеобъемлющих стратегий и программ предупреждения всех форм торговли людьми, согласующихся с соответствующими стратегиями и программами в области миграции, образования, занятости, гендерного равенства, расширения прав женщин и предупреждения преступности согласно соответствующим международным документам о правах человека»;

– поощрение «Организации Объединенных Наций к более активному взаимодействию с государствами-членами и соответствующими международными, региональными и субрегиональными организациями в выявлении передового опыта и в обмене этим опытом для предупреждения торговли людьми» [10].

Говоря о результатах реализации Глобального плана действий ООН по борьбе с торговлей людьми, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в видеообращении по случаю Всемирного дня борьбы с торговлей людьми, который впервые отмечался 30 июля 2014 г., подчеркнул: «В мае прошлого года у нас было очень результативное обсуждение Глобального плана действий против торговли людьми. Сейчас пришло время планировать наши дальнейшие шаги, готовиться к следующему пересмотру плана в 2017 году и развивать уже достигнутый успех». Он также призвал к принятию конкретных обязательств, направленных на борьбу с торговлей людьми в целях установления правосудия и оказания поддержки пострадавшим [11].

При этом вопрос о нарастающей актуализации завяленной проблемы остается открытым и нуждающимся в детальном анализе и изучении, поскольку, как мы видим, торговля людьми – очень динамичное явление, и преступники, занимающиеся этим бизнесом, гибко подстраиваются под принимаемые против них меры, под изменения социально-экономической и политической ситуации, и появляются новые формы этого преступления.

Список литературы

1. Устинова, И.В. Тенденции развития организованной преступности в условиях глобализации: [Электронный ресурс] / И.В. Устинова // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. – 2011. – Вып. № 2. – Режим доступа : <http://ego.uapa.ru/ru-ru/issue/2011/02/04/>
2. Ганчев, П. Глобальный кризис: необходимость новых принципов, институтов, ценностей: [Электронный ресурс] / П. Ганчев // Век глобализации. – 2012. – Вып. № 2. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/147954/>
3. Павленко, К.В. Торговля людьми как вид транснациональной преступности: [Электрон.ресурс] / К.В. Павленко // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. – 2012. – Вып. № 1. – Режим доступа: <http://ego.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/01/02/>
4. Ерохина, Л.Д. Два лика транснациональной организованной преступности: терроризм и торговля людьми: [Электрон.ресурс] / Л.Д. Ерохина. – Режим доступа: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=922&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more922>
5. Мира Сорвино призвала покончить с безнаказанностью торговцев живым товаром: [Электрон.ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/109476/>
6. Пранчук, Н. Торговля людьми как глобальная проблема современности: [Электрон.ресурс] / Н. Пранчук. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/12/22/1808>
7. Органы на продажу: преступление под защитой: [Электрон.ресурс]. – Режим доступа: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=4783&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more4783>
8. Вилкс, А. Торговля людьми и органами человека: криминологические, политические и социальные проблемы: [Электрон. ресурс] / А. Вилкс. – Режим доступа: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1340&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more1340>
9. Сеницын, Ф.Л. Международное законодательство по проблеме торговли людьми / Ф.Л. Сеницын. – Пермь, 2000. – 94 с.
10. Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми: [Электрон.ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/gp_trafficking.shtml
14. Генсек ООН отмечает эффективную работу созданной по инициативе Беларуси Группы друзей по борьбе с торговлей людьми: [Электрон.ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/politics/Gensek-OON-otmechaet-effektivnuju-rabotu-sozdannoj-po-initiative-Belarusi-Gruppy-druzej-po-borbe-s-torgovlej-ljudmi_i_676395.html

Gubanova E.V. The problem of actualization of human traffick in the era of globalization // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 158 – 162.

Globalization modifies and changes organized crime qualitatively and quantitatively, giving rise to new forms and increasing the size of the effects. Globalization of crime is now in one line with the problems of global warming and the proliferation of weapons of mass destruction. The problem of human trafficking has been aggravated, too. The article highlights the causes of human trafficking and its main kinds, such as forced labor, human trafficking for sexual exploitation, et al. The author also lists risk groups in terms of the possibility of falling into a situation of trafficking. The access to new spaces for the expansion of the capitalist economy, the technological revolution and the formation of global markets led to a sharp increase in the scale of human trafficking, which resulted in the activation of the international community to resolve this problem.

Keywords: globalization, human trafficking, sexual exploitation, trafficking in human organs, debt slavery, terrorist organizations, criminal groups at risk.

УДК 343.25

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ,
ПРИМЕНЯЕМЫЕ В РОССИИ И КИТАЕ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Лю Тяньлай

Китайский политико-юридический университет, Китай, г. Пекин

В данной статье проводится сравнительно-правовое исследование относительно применения альтернативных смертной казни уголовных наказаний. В работе акцентируется роль мирового сообщества, закрепляя согласованную позицию по лишению человека жизни на основании закона. В работе приводится сравнение альтернативных смертной казни мер наказания в России и Китае. В работе даются нормативно-правовые акты, закрепляющие положения о существующей отсрочке исполнения смертной казни в Китае и о введении моратория на применение данного вида наказания в России, что способствует расширению и прогрессивному развитию прав человека. В то же время, в работе указываются причины выработки альтернативных наказаний и причин сохранения положений о смертной казни в уголовном законе России и Китая. Отмечая применение иных мер наказаний, заменяющих смертную казнь, является высокоперспективным направлением исследований в сфере уголовных наказаний.

Ключевые слова: смертная казнь, уголовное наказание

Смертная казнь – самое жестокое и бесчеловечное наказание, последствия применения которого необратимы. После публикации в 1764-ом году труда известного итальянского юриста Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» общественное мнение в отношении смертной казни сильно изменилось, книга открыла новый угол зрения на оценку законности и справедливости смертной казни. Ввиду ряда непреодолимых и непоправимых последствий смертной казни, строгое ограничение её применения признается всем международным сообществом, и отмена смертной казни становится международной тенденцией. На 30 апреля 2009 больше, чем две трети стран отменили статьи о смертной казни в уголовном праве либо практически не применяют смертную казнь: 92 страны отменили смертную казнь за все преступления, 10 стран отменили смертную казнь за общеуголовные преступления, и 36 стран уже не применяют смертную казнь фактически. То есть 138 стран отменили смертную казнь и по закону, и фактически, остались только 59 стран, сохранившие её применение по закону и применяющие её фактически, и эти 59 стран также постепенно ограничивают либо отменяют применение смертной казни [1, с.166].

В этом контексте необходимо рассмотрение альтернативных смертной казни мер наказания преступников. По мнению профессора Пекинского педагогического университета Гао Миньсюан, альтернативные меры должны применяться с целью ограничения применения смертной казни в отношении преступников, которые бу-

дут приговорены или уже приговорены к смертной казни. Наказание не должно быть исполнено, а должно быть заменено другим [2, с.19]. Разработка альтернативных смертной казни мер наказания благоприятствует ослаблению противоречий в обществе, ограничению применения смертной казни, предупреждению ошибочного вынесения приговора и умерщвления человека, и способствует перевоспитанию преступников. Альтернативные смертной казни меры наказания также играют активную роль в культуре общества.

Россия и Китай являются друг для друга самыми большими по площади соседями. Обе страны находились под влиянием коммунистических правовых кодексов, но их уголовное право и системы применения смертной казни сильно различаются. Наказание в виде смертной казни все ещё содержится в уголовном праве обеих стран, но одновременно в последние годы обе они предпринимают меры для ограничения применения смертной казни. Однако применение альтернативных мер наказания в России и в Китае различно. Мы попытаемся сравнить альтернативные смертной казни меры наказания в этих двух странах и проанализировать причины различий.

Сравнение альтернативных смертной казни мер наказания в России и Китае.

На данный момент в Уголовном праве Китайской Народной Республики существует единственная альтернативная смертной казни мера - отсрочка исполнения смертной казни. Но отсрочка исполнения смертной казни не является самостоятельным видом наказания, она относится к системе смертной казни. Но 95% преступников, приговоренных к отсрочке исполнения смертной казни, казнены не были. Так что фактически отсрочка исполнения смертной казни уже стала юридической мерой, альтернативной самой смертной казни [2, с.20]. 48-ая статья Уголовного кодекса Китайской Народной Республики гласит: к преступникам, приговариваемым к смертной казни, если необязательно применять смертную казнь немедленно, отсрочить её применение на 2 года. 50-ая статья того же Закона гласит: если преступник был приговорен к смертной казни и ему была дана отсрочка в применении смертной казни на два года, и в течение этого времени не умышленно совершал новое преступление, то через два года после истечения срока, смертная казнь заменяется на пожизненное заключение. Если же преступник совершил какое-либо полезное для государства деяние, то через два года после истечения срока, его смертная казнь может быть заменена на лишение свободы на срок 25 лет. Если же преступник совершил предумышленное преступление, то при утверждении Верховного Народного Суда, он приговаривается к смертной казни. Пожизненное же лишение свободы может быть сокращено. По 78-ой статье Уголовного кодекса КНР, преступник, приговоренный к пожизненному лишению свободы, через 10 лет отбывания наказания может быть условно-досрочно освобожден, то есть фактически преступник может быть освобожден в совокупности через 12 лет.

Что касается России, то хотя в 1996-ом году президент Б.Н. Ельцин распорядился временно прекратить применение смертной казни, и в 1999-ом и 2009-ом годах Конституционный суд Российской Федерации подтвердил отмену положения о смертных приговорах на основе конституции и международных договоров, однако при этом в Уголовном кодексе Российской Федерации сохранились статьи о смертной казни. Соответственно, смертная казнь в России пока ещё полностью не отменена. 59-ая статья Уголовного кодекса Российской Федерации четко указывает: смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет. То есть в России применяются две меры наказания, альтернативные смертной казни: пожизненное

лишение свободы и лишение свободы на срок двадцать пять лет. Ввиду того, что Конституционный суд Российской Федерации запретил применение смертной казни, эти две альтернативные меры фактически и являются заменой смертной казни.

Учитывая сказанное выше, мы видим, что и Россия, и Китай предпринимают меры, ограничивающие применение смертной казни, но их меры различны, как и различна и степень ограничения. Россия применяет две альтернативные меры: пожизненное лишение свободы и лишение свободы на срок двадцать пять лет, а Китай только одну: отсрочку применения смертной казни, причем эта альтернативная мера относится к категории смертной казни. Меры наказания, альтернативные смертной казни, применяемые в России, по нашему мнению, значительно эффективнее, чем аналогичные в Китае. В России после того, как Конституционный суд ввел запрет на применение смертной казни, альтернативные меры наказания, такие как пожизненное лишение свободы и лишение свободы на срок двадцать пять лет, уже фактически стали высшей мерой наказания. В том случае, если преступник приговаривается к смертной казни по Уголовному кодексу Российской Федерации, в реальности он оказывается приговоренным к пожизненному лишению свободы или лишению свободы на срок двадцать пять лет - и возможны лишь эти два варианта наказания. Поэтому альтернативные смертной казни меры наказания в России применяются гораздо чаще, чем в Китае. В Китае же, с одной стороны, преступник, несмотря на то, что он был приговорен к отсрочке применения смертной казни, все еще может быть казнен. Это серьезнее, чем альтернативные смертной казни меры наказания, применяемые в России. С другой стороны, минимальный срок отбывания наказания в этом случае может составить лишь 12 лет, срок оказывается гораздо короче, чем при применении альтернативных смертной казни мер наказания в России.

Сравнение причин выработки альтернативных смертной казни мер наказания соответственно в России и в Китае.

Уголовный кодекс Российской Федерации включает 5 статей, которые указывают виды особо тяжких преступлений, за совершение которых преступника приговаривают к смертной казни. Уголовный кодекс строго ограничивает применение смертной казни, при этом в случае, когда приговор к смертной казни возможен, для суда указываются также альтернативные меры наказания. Уголовный кодекс также ограничивает применение смертной казни для женщин, несовершеннолетних и пожилых людей. Согласно 59-ой статье Уголовного кодекса смертная казнь не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятилетнего возраста.

На самом деле, Россия уже прекратила приговаривать к смертной казни. Указанные 5 статей о смертной казни в Уголовном кодексе РФ уже не применяются в настоящее время по решению Конституционного суда РФ, пожизненное лишение свободы или лишение свободы на двадцать пять лет фактически являются высшей мерой наказания вместо смертной казни.

В Уголовном праве Китайской Народной Республики сравнительно больше статей о смертной казни, чем в Российской Федерации. Уголовное право от 1 октября 1997 включает в себя 48 статей, указывающих случаи, при которых преступник приговаривается к смертной казни. Эти 48 статей содержат 68 видов преступлений, при которых можно приговорить к смертной казни, что составляет 16% всех видов преступлений. В поправке Уголовного права от 1 мая 2011 удалены 13 видов преступлений, за которые приговаривают к смертной казни, сейчас в Уголовном праве Китая 55 видов преступлений предусматривают наказание в виде смертной казни. Согласно докладу Международной амнистии, Китай является первой страной в мире по количеству преступников, приговоренных к смертной казни. Смертная казнь

здесь в настоящее время все еще применяется, но отсрочка применения смертной казни все чаще становится альтернативной мерой наказания. Большинство преступников, приговоренных к отсрочке применения смертной казни, в итоге не были казнены. Растет тенденция ограничения применения смертной казни и использования альтернативных мер наказания, как и в России. В РФ более строго ограничено применение смертной казни как законодательно, так и фактически. Причины заключаются в нижеследующем:

Международные тенденции отмены применения смертной казни.

В последние годы прогрессирует тенденция использования альтернативных смертной казни мер наказания, отмены смертной казни. В большинстве стран смертная казнь отменена или активно предпринимаются попытки для отмены существующей смертной казни. Этому способствует “Международный пакт о гражданских и политических правах” и другие документы о защите прав человека. В 2007-ом году члены Организации Объединенных Наций голосовали за временный мораторий на смертную казнь во всем мире, 104 стран при этом проголосовали за отмену применения, а 54 страны проголосовали против. Выше нами было проанализировано, что больше, чем две трети стран уже отменили статьи о смертной казни в уголовном праве или практически уже не применяют смертную казнь [6, с.166]. Эта тенденция заставляет Россию и Китай сокращать применение смертной казни и распространять использование альтернативных мер наказания.

Общественное мнение и социальная реальность.

Однако общественное мнение и социальная реальность являются факторами, воздействующими на применение альтернативных смертной казни мер наказания судебными органами как в России, так и в Китае. В истории России смертная казнь была широко применима, во время существования СССР смертная казнь трижды была отменена и снова введена. По исследованию Лепешкиной О.Н., в 2002-ом году 73% россиян выступали за применение смертной казни [3, с. 38]. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в 2010-ом году 77% россиян выступали за применение смертной казни [1]. Это означает, что большинство россиян выступает против отмены смертной казни. Сауляк О.П. утверждает, что пока еще трудно сказать, что сейчас уже сформировались условия для отмены смертной казни [4, с. 25]. Кроме того, уровень преступности в обществе и терроризм также влияют на решение об отмене смертной казни, что способствует распространению альтернативных смертной казни мер наказания. Речь идет, например, о таких инцидентах, как террористические акты на станциях метро “Лубянка” и “Парк культуры” в Москве 29 марта 2010-го года.

В Китае смертная казнь ни разу за пять тысяч лет не отменялась. По данным Китайской академии социальных наук, в 1995-ом году 95% опрошенных китайцев выступали за применение смертной казни [5, с.343]. По исследованию Юан Бин, в 2009-ом году соответственно уже 98% опрошенных китайцев выступили за применение смертной казни (включает тех, кто выступил за применение альтернативных смертной казни мер наказания) [6, с.161]. В связи с этим, мы видим, что сила сопротивления отмене смертной казни в Китае серьезнее, чем в России. Поэтому, Уголовное право КНР включает в себя больше статей и большее количество видов преступлений, касающихся смертной казни, чем УК РФ.

Обобщая указанные факторы, отметим следующее:

- во-первых, и Россия, и Китай находятся во власти тенденции отмены смертной казни, на права человека обращается все большее и большее внимание. Особенно это касается России, которая находится под давлением Запада. Все эти причины вынуждают Россию и Китай строго ограничивать применение смертной казни, и в

этом случае становится возможным только применение альтернативных смертной казни мер наказания,

- во-вторых, общественное мнение и социальная реальность в обеих странах препятствуют отмене смертной казни. Большинство россиян и китайцев выступает за применение смертной казни, особенно в случаях серьезных преступлений и терроризма. Именно это вынуждает Россию и Китай сохранить статьи о смертной казни в Уголовном кодексе и Уголовном праве,

- в-третьих, Россия испытывает большее давление в отношении отмены смертной казни со стороны мирового сообщества и отмене смертной казни в стране меньше препятствует население, чем соответственно в Китае. В связи с этим в аспектах реального применения смертной казни и в отношении статей Уголовного кодекса Россия опережает Китай и более соответствует международным правовым тенденциям.

Таким образом, находясь под давлением, с одной стороны, населения, выступающего за применение смертной казни, и с другой, международного сообщества, требующего её отмены, Россия и Китай сохраняют смертную казнь, но строго ограничивают ее применение, в основном применяя альтернативные смертной казни меры наказания, что мы считаем вполне закономерным.

Список литературы

1. Владимир Богданов. Больше половины малообеспеченных россиян - за применение смертной казни. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/02/02/kazn-site-anons.html>
2. Гао Миньсюан. О мерах наказания, альтернативных смертной казни в Уголовном праве Китая // Юридическая наука Хэбэя. 2008. №2.
3. Лепешкина О.Н. К вопросу о возможности применения смертной казни в России // Российская юстиция. 2009. №9.
4. Сауляк О.П. Криминологические аспекты проблемы смертной казни // Законность. 2009. №11.
5. Ху Юньтэн. Сохранение или отмена: об основных теориях смертной казни — Пекин: Изд-во Китайской прокуратуры, 2000.
6. Юан Бин. Эмпирический анализ данных опросов населения о применении мер наказания, альтернативных смертной казни // Обзор уголовного права. 2009. №4.

Lu T'an'lay. Commutation of death punishments used in Russia and China // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. –№ 1. – P. 163 – 167.

There is described rather-legal analysis regarding using commutation of death as criminal punishments in the article. Here is emphasized the importance of global community which confirms coordinated position about execution under the law. The article shows the comparison of commutation of death punishments between Russia and China. It gives statutes which confirm regulations about existing delay of execution in China and imposing a moratorium for implementing this type of punishment in Russia. It contributes promotion and progressive development of human rights. It shows the reasons for using alternative punishments and same time keeping using regulations about execution in criminal law of Russia and China. It is highly prospective direction of research to use alternative punishments instead execution in field of criminal punishments.

Keywords: execution, punishment under criminal law.

УДК 343.618:343.85

СИСТЕМА МЕР ПО ПРОФИЛАКТИКЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мидловец М. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В работе исследуется система мер по предупреждению и профилактике дорожно-транспортных преступлений, закрепленных в законодательстве и используемых на практике, которая состоит из общих и специальных мер, детализированных в конкретных мероприятиях, а также предлагаются дополнительные мероприятия, способствующие повышению безопасности на дорогах. В работе рассматриваются дорожно-транспортные преступления и выявляются обстоятельства, причины и условия, способствующие их совершению. Автором исследуются основные факторы дорожно-транспортных преступлений, а именно дорожная обстановка, автотранспорт, водитель, неточности и пробелы в законодательстве, и отмечается, что они находятся во взаимосвязи. Исследуются нормы законодательства и научные разработки по вопросам безопасности дорожного движения, и практические меры по профилактике и предупреждению дорожно-транспортных преступлений, выявляются недостатки правовой базы и применяемого инструментария по обеспечению безопасности дорожного движения. Автор выводит систему общих и специальных мер предупреждения и профилактики дорожно-транспортных преступлений, раскрывает конкретные мероприятия по повышению безопасности дорожного движения, обобщенные в пять блоков направленности действия. Автор приходит к выводу, что лишь комплексное осуществление общих и специальных мер профилактики и предупреждения дорожно-транспортных преступлений приведет к эффективному осуществлению государственной программы по обеспечению безопасности на дороге.

Ключевые слова: дорожно-транспортные преступления, факторы, способствующие совершению дорожно-транспортного преступления, меры по предупреждению и профилактике дорожно-транспортных преступлений.

Обеспечение безопасности дорожного движения является одним из наиболее актуальных направлений деятельности государства, так как дорожно-транспортные преступления (далее – ДТП) посягают на наиболее значимые и охраняемые права и свободы – жизнь и здоровье человека, а также имущество, что впоследствии негативно сказывается и на экономике государства. ДТП являются одним из наиболее часто совершаемых видов преступлений, при этом обладают высокой латентностью. Успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на эффективности мер по обеспечению безопасности дорожного движения, личности преступника, поскольку именно личность является носителем причин их совершения и дорожной обстановки в целом. Неблагоприятная динамика нарушений правил дорожного движения, высокая степень их общественной опасности вызывает необходимость создания надёжной системы выявления, профилактики и предупреждения этих правонарушений.

ДТП относятся в большинстве случаев к неосторожным преступлениям, что характеризуется отсутствием прямого умысла. Поэтому, мы не можем полностью со-

гласиться с мнением некоторых ученых, которые считают, что личность преступника является основным фактором совершения ДТП. На личность всегда действуют определенные обстоятельства, окружающая среда, обстановка. Поэтому, мы считаем, что возлагать всю ответственность за криминогенную ситуацию на дорогах на водителя является неверным. И если взять за основу, что основными факторами, способствующими совершению ДТП, являются дорожная обстановка, автотранспорт, водитель и неточности и пробелы в законодательстве в своей взаимосвязи, то тогда можно сказать, что человек, под воздействием объективных причин и условий, сопровождающих дорожное движение, выступает основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения. Это связано с тем, что при всей кажущейся статичности дорожной обстановки, она постоянно обновляется, изменяется. Это обстоятельство определяет специфичность и динамизм происхождения каждого отдельно взятого дорожно-транспортного преступления и аварийности в целом. Смена обстановки требует постоянного внимания со стороны водителя и внесения им необходимых корректив в параметры движения с учетом происходящих перемен. Несоответствие параметров движения реальным условиям приводит к возникновению экстремальных ситуаций и может повлечь автотранспортное преступление. Специфической чертой объективных условий автотранспортных преступлений является их разнохарактерность, непостоянство, переменчивость источников опасности [8, с. 17-18].

В процессе исследования нами были выявлены следующие основные факторы, способствующие совершению ДТП:

- дорожная обстановка, что включает в себя: видимость и обзорность пути следования транспортного средства, ширину проезжей части, наличие или отсутствие тротуаров, развязок, "карманов" на остановках и других конструктивных особенностей дороги, обеспечивающих безопасность, характер и состояние дорожного покрытия и его поверхности, интенсивность движения, отсутствие надлежащей дорожной разметки, проблемные участки дороги, недостаточная информативность, обилие рекламы вдоль дорожной полосы, пешеходы, несоблюдение технического регламента использования автомобильных дорог, несвоевременное реагирование на состоявшееся ДТП и отсутствие возможностей быстрого и своевременного доступа медицинской помощи на место аварии;

- автотранспорт, который, с одной стороны, может не отвечать техническим требованиям эксплуатации ввиду своего долгосрочного использования, с другой стороны, - большое количество новых мощных автомобилей в «неумелых руках», быстрые темпы развития в автомобилестроении и автоматизации управлением транспортным средством, что в свою очередь снижает уровень внимания водителя, приводит к переоценке своих возможностей, а также несоблюдению владельцами транспортных средств норм технического обслуживания и квалифицированного осмотра транспортных средств;

- водитель, его личные психологические качества (отсутствие надлежащего нравственного воспитания и этикета водителя транспортного средства, легкомыслие, лихачество, экстремизм), социально-демографические качества (пол, возраст, образование, социальное положение, род занятий, семейное положение, материальное положение, место жительства), социально-правовые качества (прежние судимости, совершение административных правонарушений, дисциплинарных проступ-

ков), психофизиологические качества (дефекты восприятия и переработки информации, решений, действий), недостаточность опыта вождения, отсутствие необходимых знаний и навыков вождения (нередко отсутствие водительских прав), нетрезвое состояние. В юридической литературе различают пять типов личности преступника ДТП: непосредственно преступный, самоуверенный, неустойчивый (ситуационный), небрежный и эмоциональный типы личности, при этом только первый тип обладает яркой выраженной криминальной направленностью;

- неточности и пробелы в законодательстве, регламентирующем: ответственность за нарушение правил дорожного движения; контроль за соблюдением государственных органами законов и исполнением ними своих обязанностей (в первую очередь это касается выдачи водительских прав, наложения и взыскания штрафов за нарушение правил дорожного движения, управления финансированием и ведением хозяйственной деятельности по улучшению дорожной обстановки, что также приводит к прогрессированию коррупции); расследование ДТП, так как точное выявление причин и условий ДТП позволяет разработать меры по предупреждению и профилактике их в будущем.

Наличие хотя бы одного из указанных факторов уже является предпосылкой последующего нарушения ПДД, что в итоге может привести к совершению лицом ДТП. В нашей стране нередко при расследовании дорожно-транспортного происшествия выявляется одновременно наличие многих из них. Поэтому меры по их устранению и предупреждению ДТП требуют немедленного осуществления. Также стоит отметить, что обеспечение безопасности дорожного движения носит комплексный характер, поэтому меры по предупреждению и профилактике ДТП должны иметь всестороннюю направленность.

Профилактика преступлений представляет собой сложный и многогранный процесс, для осуществления которого государственные органы должны объединить свои усилия и, широко используя пропаганду и агитацию, вызвать в массах сознательное отношение к борьбе с различными преступлениями. Кроме того, профилактика является одной из сфер социального управления, воздействующей на причины и условия и на саму преступность с целью предотвращения ее самодетерминации [9]. Профилактические меры осуществляются различными государственными и общественными институтами и в совокупности должны представлять систему предупреждения преступлений, которая проявляет себя через конкретные формы деятельности. Системный подход к предупреждению преступлений, и дорожно-транспортных преступлений, предполагает в частности, комплексность осуществляемых мероприятий, взаимодействие субъектов профилактики, которые можно достичь только путем планирования профилактической деятельности, правовых и организационных мер по ее координации; глубокое понимание механизмов взаимодействия различных звеньев предупредительной деятельности.

В современной науке и практике по обеспечению безопасности дорожного движения выделяют общие и специальные меры предупреждения нарушений ПДД.

Основные направления общей профилактики транспортных преступлений выражаются в разработке и реализации долгосрочных комплексных программ по предупреждению происшествий, предусматривающих меры социально-правового, организационно-технического характера; совершенствование законодательных и нормативных актов, регламентирующих уголовную, административную и дисципли-

нарушительную ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатацию транспорта, а также документов, регулирующих служебное расследование транспортных происшествий. При этом, ужесточение наказаний для участников дорожного движения за нарушения установленных правил, вводимых в качестве «противовеса» неудовлетворительному техническому состоянию транспорта и автомобильных дорог, слабой профессиональной подготовке водителей, а также другим недостаткам дорожной инфраструктуры, уже проявило себя неэффективным средством борьбы с криминогенной ситуацией на дорогах; постоянное совершенствование практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о транспортных происшествиях; совершенствование прокурорского надзора за исполнением законов, регламентирующих безопасность движения и эксплуатацию транспорта; повышение уровня подготовки следователей и прокуроров, специалистов межведомственных органов, связанных с обеспечением безопасности движения и эксплуатации транспорта; организационные меры по повышению уровня профессиональной подготовки работников транспорта.

Специальные меры детализируют общие и определяют конкретные мероприятия по обеспечению безопасности дорожного движения. Изученный материал позволяет нам сформулировать следующую систему мер предупреждения и профилактики ДТП:

1. Правовые меры: совершенствование законодательства об ответственности за нарушение ПДД и эксплуатации транспорта, которые будут заключаться не в ужесточении наказания, а в его соразмерности наступившим последствиям, а также будут осуществлять превентивную функцию. Данный вопрос является дискуссионным в юридической литературе. Одни авторы считают, что смягчение наказания означает снижение роли общей и возрастания роли частной превенции данной нормы, с чем мы не согласны, так как уже ранее отмечалось, преступник ДТП зачастую не имеет цели совершение преступления, поэтому и наказание не должно носить устрашающий характер.; Детализирование законодательства по вопросам обязанностей и полномочий ответственных органов исполнительной власти, их отчетность и подконтрольность; разработка и принятие новых технических регламентов и стандартов по эксплуатации дорог и автотранспортных средств.; установление более четких и жестких критериев медицинских показаний и уровня подготовки для будущих водителей. Должное поведение, а оно касается не только действий участников дорожного движения, но и содержания транспортных средств и дорог и многих других аспектов системы "человек - автомобиль - дорога", нуждается в четкой правовой регламентации. Необходим такой закон о дорожном движении, в котором должны быть определены конкретные ведомства, организации, ответственные за порядок на дорогах.

2. Идеино-нравственные: необходимо проводить пропаганду правомерного поведения, а также повышать правовое воспитание населения. С этой целью можно использовать средства массовой информации, где необходимо рассказывать, о повышенной опасности на дороге, как вести себя в аварийных ситуациях. С целью повышения правовой культуры можно проводить специальные занятия как в образовательных учреждениях, где воздействие будет направлено на молодое поколение, так и на различных предприятиях. Субъектами такой профилактики могут выступать работники различных подразделений правоохранительных органов, преподава-

тели в образовательных учреждениях и, конечно же, различные средства массовой информации (телевидение, радио, печатные издания) [9]. Также большое значение имеет проведение месячников «Дети на дороге», «Безопасная езда». Увеличение социальной рекламы в СМИ о вреде вождения в нетрезвом состоянии и необходимости повышенного внимания на дороге (в т.ч. пешеходов) позволит предупредить нарушение ПДД водителями транспортных средств. Также, в литературе неоднократно поднимался вопрос об ужесточении требований к психологической проверке будущих водителей и регулярном психологическом тестировании водителей со стажем. Но до сих пор данная мера профилактики ДТП не была нормативно определена и введена в действие, а это одно из наиболее важных условий безопасности дорожного движения – психологическая и эмоциональная стабильность водителя автотранспортного средства.

3. Процессуально-следственные: разработка и совершенствование практики расследования ДТП, повышение уровня профессиональной подготовки следователей в данной области; разработка протоколов применения инновационных технологий в качестве доказательственной базы (видеорегистраторы автовладельцев). Своевременное и квалифицированное расследование преступлений и происшествий повысит эффективность профилактической и предупредительной борьбы с ДТП, так как помимо общей профилактической направленности, деятельность следственных органов имеет и конкретную направленность, связанную с процессуальной обязанностью выявлять причины и условия, способствующие дорожно-транспортным преступлениям, и вносить представления по конкретным уголовным делам. В виду этого, необходимо повысить уровень профессиональной подготовки транспортных следователей и прокуроров (особенно это касается проверки и контроля за проведением расследования транспортными следователями, которые на практике совершают немало ошибок [10, с. 406]), а также постоянно совершенствовать практику расследования и судебного рассмотрения уголовных дел об автотранспортных преступлениях, усилить контроль за законностью административного производства и дознания по делам о правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта. Повышение профессионального уровня инструкторов и контроль за работой автошкол позволит избежать выдачи водительских прав неумелым водителям и коррупции в данной отрасли, повысит уровень профессиональной подготовки будущих водителей.

4. Социально-экономические: создание автоматизированных систем оплаты штрафов, что позволит избежать «оплаты на месте» и процветания коррупции в органах ГАИ. Предоставление общественности квартальных статистических данных о состоянии и уровне безопасности на дорогах будет способствовать росту внимания и правосознания на дорогах.

5. Технические: постоянный контроль за качеством дорожного покрытия, разметки, наличия дорожных знаков, информационных табло, пешеходных зон, ограждений, путей подъезда машин скорой помощи; оснащение техникой фото- и видеofиксации, электронными информационными табло наиболее нагруженные участки дороги; повышение информативности и уменьшение количества рекламных табло вдоль дорог. Все это снижает напряженность водителя, заблаговременно предупреждает его о возможной опасности, позволяет предотвратить возникновение экстремальной ситуации, повышает в целом надежность функционирования системы во-

датель-транспортное средство-дорога. Статистика показывает, что на современной автомобильной дороге с разделительным барьером, изолирующим встречные потоки транспорта друг от друга, число дорожно-транспортных происшествий снижается на 20-25%. Создание авторизованных систем фиксации и сбора информации о дорожно-транспортных происшествиях позволит наиболее быстро и эффективно реагировать на совершенное ДТП, его расследование, а также приведет к скорейшему реагированию медицинских работников по обеспечению необходимой скорой медицинской помощи. Статистический сбор и обработка данных для выявления наиболее опасных участков дороги даст основания для дальнейшего устранения причин ДТП путем изменения условий на этом участке. Реальное состояние дорог и их техническое оснащение находится в катастрофическом состоянии. Но их осуществление невозможно без соответствующей нормативно-правовой базы и материального обеспечения.

При этом, нельзя говорить о большей важности какого-либо блока мер по предупреждению и профилактике ДТП, так как они представляют собой систему и находятся во взаимосвязи друг с другом. Так, без законодательного, нормативного закрепления мер по совершенствованию работы органов исполнительной власти, использования технических средств фиксации дорожной ситуации, невозможно их применение на практике. Также не будут реализовываться идейно-нравственные меры. Поэтому только путем комплексного осуществления всех указанных мероприятий получится достигнуть поставленной цели – предупредить дорожно-транспортные преступления и повысить уровень безопасности дорожного движения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».
2. Дорожно-транспортная преступность: закономерности, причины, социальный контроль / Кравцов А.Ю., Сирохин А.И., Скоморохов Р.В., Шиханов В.Н.; Под ред.: Лунеев В.В. С.-Пб.: Изд-во "Юрид. центр Пресс", 2011. 474 с.
3. Кравченко П.А. «Об инновационных технологиях в сфере обеспечения безопасности дорожного движения». Транспорт Российской Федерации. - № 5 (30). – 2010. – С. 68 – 71.
4. Кузнецов А. П., Изосимов С. В., Маршакова Н. Н. Актуальные проблемы обеспечения безопасности дорожного движения на современном этапе. "Транспортное право", 2006, N 1.
5. Кузьменко Д.О. Криминологическая характеристика особенностей личности преступника, совершившего дорожно-транспортное преступление, связанное с наездом на пешехода // Социально-экономические явления и процессы. 2009. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-osobennostey-lichnosti-prestupnika-sovershivshego-dorozhno-transportnoe-prestuplenie> (дата обращения: 24.09.2015).
6. Сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию со дня образования кафедры криминалистики Акад. МВД Респ. Беларусь (Минск, 3 июня 2011 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Н.И. Порубов [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2011. – 267 с.
7. Совершенствование деятельности по расследованию дорожно-транспортных преступлений: материалы всероссийской научно-практической конференции в режиме видеоконференцсвязи (г. Тюмень, 6 сентября 2012 г.). Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. 116 с.
8. Соляной А. В. Предупреждение дорожно-транспортных преступлений: автореф. дис. канд. юр. наук. - 12.00.08 - М., 2011. - 26 с.

9. Таюрская Е.А. Виктимологическая профилактика дорожно-транспортных преступлений. <http://izv-ti.tti.sfedu.ru/wp-content/uploads/2007/2/44.pdf>
10. Хозикова Е.С. Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела и проведения расследования по делам о дорожно-транспортных происшествиях. // Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы III Международной научно-практической конференции / Редкол.: В.А. Кузьмищев, О.А. Мазур, Т.Н. Рябченко, А.А. Шатохин: в 6 томах. – Невинномысск: НИЭУП, 2010. Том II: Филологические и юридические науки. – 542 с.

Midlovets M.V. The System of Profilaxy and Prevention of a Road Traffic Crimes // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 168 – 174.

The article study the system of measures for the profilaxy and prevention of a road traffic crimes, enshrined in legislation and used in practice, which consists of general and specific measures, detailed in a specific activities, proposes additional measures to enhance safety on the roads. The article is dedicated to a road traffic crimes and identifies the circumstances, causes and conditions, that contribute to their occurrence. The author examines the main factors of a road traffic crimes, which are road conditions, transport, driver and ambiguities and gaps in the legislation, noting that they are in the interdependence. Studying the legislation and scientific developments on a road safety and practical measures on profilaxy and prevention of a road traffic crimes, the author detected shortcomings of the legal framework and tools, used to ensure the safety of a road traffic. The author proposes the system of general and specific measures on profilaxy and prevention of a road traffic crimes, disclose the specific measures of improving of a road safety, which contained in five blocks of directional effect. The author concludes that a comprehensive implementation of general and special measures on profilaxy and prevention of a road traffic crimes will lead to the effective implementation of the state program to ensure safety on the road.

Keywords: road traffic crimes, the factors, contributing the commission of a road traffic crimes, measures of profilaxy and prevention of a road traffic crimes.

УДК 343.843

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНЬЮ

Пархоменко Л. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В работе исследуются принципы и правовые основы устройства автономных обществ Крыма. В данной статье рассмотрены актуальные проблемы реализации положений частей 2 и 4 статьи 81 Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе вопросы правовой природы освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью, соотношения юридических и медицинских аспектов.

Законодатель в ч. 2 ст. 81 УК РФ закрепил одним из оснований освобождения лица от наказания – наличие тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания.

Для принятия этого решения суд должен учесть обстоятельства совершенного лицом правонарушения, его личность, а также характер и тяжесть возникшего заболевания, их влияние на степень общественной опасности субъекта, физическую возможность лица отбывать назначенный ему вид наказания. При этом следует обратить внимание, что освобождение от наказания по рассматриваемому основанию – это право, а не обязанность суда.

Практический интерес исследования института освобождения от наказания в связи с болезнью обусловлен отсутствием на практике единого подхода к решению данного вопроса.

Ключевые слова: гуманизм, наказание, освобождение от наказания, тяжелая болезнь, уголовный закон, здоровье, хронические болезни, наказание, профилактика.

Более ста лет назад, еще в 1910 г., российский юрист Фойницкий И.Я. справедливо подчеркивал: "Исполнение приговоров нуждается в известной эластичности, гибкости, лишь бы она была поставлена на твердую почву закона и под контроль суда, а не была делом единоличного рассмотрения" [1, с. 540].

В статье 397 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации рассмотрены вопросы, подлежащие разрешению в порядке исполнения приговора [2]. Наряду с общим перечнем вопросов, вынесенных для решения суда, законодатель выделил и отдельную категорию вопросов, для решения которых суду необходимо использовать не только нормы действующего законодательства, а и нормы морали, принцип гуманности, человечности и сострадания. К такой категории относится освобождение от наказания в связи с болезнью, предусмотренной статьей 81 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Практический интерес исследования института освобождения от наказания в связи с болезнью, обусловлен отсутствием на практике единого подхода к решению данного вопроса. Так, одни правоприменители считают, что единственным основанием освобождения от отбывания наказания по болезни является наличие тяжелой болезни, и поэтому не учитывают иные уголовно-правовые и уголовно-исполнительные критерии освобождения. Другие, напротив, полагают, что выявление тяжелого заболевания недостаточно для освобождения, необходимо при этом учитывать тяжесть совершенного преступления, назначенный и отбытый срок наказания, поведение осужденного в период отбывания наказания и др.

В этой связи, можно согласиться с мнением Алфимовой О.А., о том, что судебные ошибки, возникающие при применении данного института, вызваны отсутствием в уголовном законе четкого решения вопроса о необходимости учета названных выше обстоятельств при освобождении, а также отсутствием соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ [3, с. 14-23].

На протяжении всей истории отечественной уголовной науки вопросы освобождения от наказания обращали на себя пристальное внимание. Исследованием вопросов освобождения от наказания занимались такие известные ученые, как Антонов А.Г. [4, с. 59], Баранов Ю.В., Голик Ю.В., Малинин В.Б. и другие. Однако, несмотря на большую теоретическую и практическую значимость положений, разработанных данными авторами, необходимо признать, что с момента выхода значительной части указанных научных работ прошел достаточно длительный срок, по истечении которого существенно изменились подходы законодателя и правоприменителя к данному институту права.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации вопросы освобождения от наказания регламентированы главой 12, в которой статья 81 предусматривает освобождение от наказания в связи с болезнью.

В соответствии с ч. 2 ст. 81 УК РФ лицо, заболевшее после совершения преступления иной тяжелой болезнью (имеется в виду не психическое расстройство, а какой – либо физический недуг), препятствующей отбыванию наказания, может быть освобождено судом от отбывания наказания. Таким образом, можно согласиться с законодателем, который закрепил именно право суда освободить лицо от отбывания наказания, не обязанность суда на такое освобождение.

Если в соответствии с ч. 1 ст. 81 УК РФ суд обязан освободить лицо, у которого наступило психическое расстройство после совершения преступления, потому что отбывание наказания таким лицом бессмысленно, то в случае наличия у осужденного заболевания, указанного в ч. 2 ст. 81 УК РФ, суд лишь может освободить его от отбывания наказания, а вовсе не обязан, так как в некоторых случаях освобождение такого осужденного будет нецелесообразным ввиду, например, того, что он после освобождения может вновь совершить преступление, допустим, в соучастии, в качестве организатора, подстрекателя или пособника. В рассматриваемой ситуации суд учитывает все обстоятельства дела, включая тяжесть и характер заболевания лица, а также общественную опасность преступления, которое тот совершил и за которое ему назначено определенное наказание. Поэтому мы поддерживаем мнение Ткачевского Ю.М., считающего, что указанные обстоятельства должны учитываться судом в связи с тем, что освобождение осужденного от отбывания наказания является освобождением его от карательного воздействия, которое он способен осознавать [5, с. 57].

Проанализировав законодательство Российской Федерации, можно сделать вывод, что болезнь, которая является условием освобождения осужденного от отбывания наказания, должна характеризоваться тремя признаками в совокупности, а именно:

1) болезнь должна быть тяжелой; 2) болезнь должна препятствовать отбыванию наказания; 3) осужденный должен заболеть такой болезнью после совершения преступления.

Как отмечает Сабанин С.Н., тяжесть болезни устанавливается судом в каждом конкретном случае с учетом медицинских показаний и на основании специальных нормативных правовых актов, где закрепляются перечни таких заболеваний [6, с. 410].

Принятые и законодательно закрепленные правила медицинского освидетельствования осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью, и перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утверждены постановлением Правительства Российской Федерации №54 от 06 февраля 2004 г. «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» [7]. К вышеуказанным болезням отнесены туберкулез, новообразования, болезни нервной системы и органов чувств, органов кровообращения, дыхания, пищеварения, мочевыводящей системы, анатомические дефекты и прочие заболевания, возникшие после назначения наказания.

Также к характерным признакам тяжелой болезни, относится наличие препятствий для отбывания наказания. Этот признак означает, что при наличии у лица какой-либо тяжелой болезни, он не может в полной мере выполнять свои обязанности связанные с отбыванием наказания в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством, заниматься общественно полезным трудом и вообще находиться в условиях установленного порядка исполнения и отбывания наказания (режима), вследствие чего отбытие наказания будет для такого осужденного сопровождаться физическими страданиями или унижением человеческого достоинства, что повлечет нарушение уголовно-правового принципа гуманизма (ст. 7 УК РФ). Именно это является отличительным признаком психического расстройства и иной тяжелой болезни как условия освобождения от отбывания наказания.

Избрав путь совершенствования и развития уголовного права, следует учитывать и международный опыт. Так, Европейский суд по правам человека при рассмотрении дела «Ильхан против Турции», установил, что пребывание больного под стражей, где он не имеет возможности получить необходимую медицинскую помощь, свидетельствует о нарушении ст.3 Европейской конвенции по правам человека, и фактически означает, что данное лицо подверглось наказанию, унижающему его достоинство [8].

Согласно ч. 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством [9]. О соблюдении этого конституционного положения должны помнить не только судьи, но и все, на кого возложена миссия охранять законность и правопорядок в стране [10, с. 21-23]. Вместе с тем, если осужденный заболел тяжелой болезнью, которая не препятствует отбыванию наказания, то нет необходимого условия для освобождения, и такой осужденный продолжает отбывать наказание. Более того, законодатель частью 4 ст. 81 УК РФ закрепил положение согласно которого, лица, в случае их выздоровления могут подлежать уголовной ответственности и наказанию, если не истекли сроки давности, предусмотренные статьями 78 и 83 УК РФ. Такую позицию необходимо признать правильной, т.к. в случае выздоровления, лицо может понести заслуженную кару за содеянное, а оснований для освобождения его от наказания в данном случае не будет. Однако,

при этом законодатель все же предусмотрел только возможность уголовной ответственности и наказания, что, на наш взгляд, является дискуссионным.

С учетом изложенного, считаем, что ч. 4 ст. 81 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Лица, указанные в частях первой и второй настоящей статьи, в случае их выздоровления должны подлежать уголовной ответственности и наказанию, если не истекли сроки давности, предусмотренные статьями 78 и 83 настоящего Кодекса».

Последний необходимый признак тяжелой болезни – это момент ее возникновения. Лицо, совершившее преступление, должно заболеть тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, именно после совершения преступления, и только в таком случае лицо, может быть освобожденным от отбывания наказания.

Поэтому мы поддерживаем мнение Баранова Ю.В., Голика Ю.В., Малинина В.Б., которые подчеркивают, что если же лицо заболело такой болезнью до совершения преступления, следовательно, ее наличие не помешало ему совершить преступление, поэтому и после освобождения от отбывания наказания (если предположить, что оно произойдет) такая болезнь не мешает вновь его совершить [11, с. 573-590].

При этом суды сталкиваются с тем, что выводы медицинских заключений о состоянии здоровья лица, претендующего на применение положений ст.81 УК РФ, не содержат четких данных о времени возникновения болезни, и таким образом, невозможно разграничить момент ее появления и исключить возможность того, что болезнь возникла еще до совершения лицом инкриминируемого ему преступления, а виновный пытается избежать заслуженного наказания. На основании изложенного приходим к выводу, что суды, рассматривая вопрос об освобождении от наказания в связи наличием тяжелой болезни, не должны поверхностно относиться к изучению медицинской документации, а обязаны точно установить момент возникновения болезни, после чего признать его обстоятельством, соответствующим или несоответствующим положениям ст.81 УК РФ.

Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод, что согласно ч. 2 ст. 81 УК РФ основанием освобождения лица служит существенное снижение его общественной опасности в связи с болезнью, что позволяет суду сделать вывод о невозможности отбывания им наказания и совершения повторного преступления. Следует обратить внимание, что для принятия этого решения суд должен учесть все обстоятельства, содеянного виновным, также его личность, а кроме того: характер и тяжесть возникшего заболевания, их влияние на степень общественной опасности субъекта, физическую возможность лица отбывать назначенный ему вид наказания.

Кроме того, следует учитывать, что освобождение от наказания по рассматриваемому основанию, является только правом, а не обязанностью суда.

Удовлетворяя ходатайства осужденных из чувств сострадания к ним, суд должен учитывать и обратную сторону принципа гуманизма. Далекое не у каждого лица, осужденного за совершение преступления, есть свой дом, родные и близкие, которые готовы заботиться о нем. Оказавшись на свободе, тяжело больной человек может столкнуться с куда большими проблемами, чем то негативное воздействие, которое на него оказывает обстановка мест лишения свободы [11, с. 579].

Особенно это касается больных, нуждающихся в оказании постоянной медицинской помощи. В условиях лечебных учреждений уголовно – исполнительной системы такая помощь будет гарантирована и фактически предоставлена тяжело больному осужденному.

Поэтому, к разрешению ходатайства о применении ст. 81 УК РФ необходимо подходить очень взвешено, не допуская поверхностного применения принципа гуманизма, и не гнаться за снижением любой ценой показателя смертности в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. // 1910. Т. 2. С. 540.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/>
3. Алфимова О.А. Освобождение от наказания // 2013. Москва С.14-23.
4. Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности (наказания) в истории российского законодательства // 2009. Новокузнецк. С.59
5. Ткачевский Ю.М. Освобождение от наказания в связи с болезнью // Законодательство. 2000. N 10. С. 57.
6. Сабанин С.Н. Уголовное право России. Общая часть: Курс лекций // Екатеринбург: Издательство Уральского юридического института МВД России, 2001. – 410 с.
7. Правительства Российской Федерации №54 от 06 февраля Постановление 2004 г. «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rg.ru/2004/02/13/med-doc-dok.html>
8. Конвенция "О защите прав человека и основных свобод" от 01.11.1950 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/995_004
9. Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.constitution.ru/>
10. Матейкович М.С., Проблемы освобождения от наказания в связи с иной тяжелой болезнью // Российская юстиция. 2014. №10. – С. 21-23.
11. Баранов Ю.В., Голик Ю.В., Малинин В.Б. Энциклопедия уголовного права Т10 Освобождение от уголовной ответственности и наказания // 2008. Санкт - Петербург. С.573-590.

Parcyomenko L. Actual issues of exemption from punishment in connection with a serious illness

// Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 175 – 179.

The article deals with actual problems of implementation of provisions of parts 2 and 4 of the article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation, concerning legal questions of exemption from punishment related to serious disease, correlation of legal and medical aspects.

The legislator in part 2, article 81 of the Criminal code of the RF states presence of serious disease as one of the grounds for exemption of person from punishment.

For making this decision, the court must consider the circumstances of the offense committed by the offender, his personality, and the nature and severity of the disease, their impact on public danger degree of the subject, physical ability of a person to discharge the term of the sentence.

It should be emphasized that, the exemption from punishment on a case basis is a right, but not a court obligation. Practical interest of the research of the institute of punishment exemption related to disease is caused by lack of common approach to the issue in practice.

Keywords: humanism, punishment, exemption from punishment, serious illness, criminal law, health, chronic diseases, punishment, prevention.

УДК 343.97

СОЦИАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Сычёва А. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Статья представляет собой анализ исследований причин преступности, ситуационного и межличностного фона, влияющего на формирование преступного поведения индивидуума внутри общества. Главное внимание уделено проблеме субъективной мотивации человека, находящегося в перманентной взаимосвязи с теми или иными социальными факторами и обстоятельствами, способными влиять, и, как следствие, формировать модель поведения субъекта, совершающего противоправное деяние. Подготовленный материал является попыткой акцентировать внимание на дисбалансе социальной конструкции общества как очага девиантности, в том числе преступной. Так же рассмотрена проблематика установления подлинной мотивировки при совершении лицом противоправного деяния и необходимости смены приоритетов при выборе практического подхода в предупреждении преступности как главного социального порока.

Ключевые слова: социальные причины преступности, преступное поведение, мотивация преступника, мотив, личность преступника, девиация, преступная модель поведения.

Первопричины антисоциального поведения человека остаются объектом пристального изучения со времен клинописных законодательных актов, когда божественное происхождение права и государства не вызывало сомнений, а по сему - неуродное Богу приравнялось к противоправному и влекло к наказанию. Благодаря многочисленным научным исследованиям в области криминологии и психологии, в настоящее время спектр причин, побуждающих совершить то или иное преступление куда шире, нежели элементарное объяснение одержимостью злым духом, что имело место еще XVIII столетии. На сегодняшний день, неисчерпывающийся круг факторов, формирующих социальную девиацию, включает психологические, биологические, экономические, социальные и иные взаимосвязанные причины. В силу индивидуальных особенностей модели поведения, отдельное лицо осознанно преступает черту закона, считая такую альтернативу приемлемой, и причин может быть множество: желание улучшить условия жизни, невозможность решить проблему в рамках, дозволенных законодательством, наличие ментальных отклонений провоцирующих спонтанные приступы негативного эмоционального состояния.

Важность криминологических исследований заключается не только в дефиниции преступления как явления многогранного. Исследования проводились задолго до того, как криминология была сформирована в отдельную науку. Установление первопричин, способствующих и формирующих в личности человека источника, провоцирующего в благоприятных для этого условиях проявление антисоциального поступка, является более весомым вкладом исследователей в области криминологии: от основоположника антропологического направления в криминологии Чезаре Ломброзо, до Дмитрия Андреевича Дриля и Херви М. Клекли, подаривших науке

криминологии по истине неоценимые работы в области описания психотипов преступников.

Совершение преступления является следствием криминогенного фактора (зачастую целого комплекса факторов), который, собственно, и составляет причину такого поступка. Однако, не следует отождествлять причины преступности в целом, как совокупность типичных общепризнанных спусковых механизмов порождающих совершение противоправных действий против разных объектов посягательств, с индивидуальным мотивом каждого отдельно взятого преступника. Хотя, несомненно, причины отдельно взятого преступления могут быть обусловлены обстоятельствами, детерминирующими причинность преступности в целом.

Со времен классической школы в криминологии и уголовном праве в методологии исследований преступного поведения произошло достаточно преобразований. У современных ученых-криминологов нет сомнений, что природа преступного поведения того или иного лица глубоко социальна. То есть индивидуум, как фундаментальная ячейка общества, и его поведение (преступное в частности) есть отражение этого общества и порядков, в среде которых проходит его жизнедеятельность. И если на заре криминологии биологические показатели принимались во внимание с большей тщательностью, то с дальнейшим развитием науки и общества они стали постепенно отходить на второстепенный план на фоне социальных показателей.

Бреши во всех системах общества и государства, неравномерное расслоение населения по уровню экономического достатка, характерное, к примеру, для России на протяжении всей истории, возвращают в сознаниях людей мотивацию к смене существующего уклада жизни совершая деяния, не дозволенные в рамках этой самой системы. К сожалению, последняя, в свою очередь, внедряет превенцию без должного внимания к первопричине преступлений и иных различных девиаций: проституции, наркомании, необъяснимая жестокость, злоупотребление алкоголем и иными отравляющими веществами и прочее. Отчего и терпит кризис, теряя контроль как над предупреждением преступности карательными мерами, так и над криминогенной обстановкой в целом. Что, собственно, не приводит к снижению уровня преступности, а лишь заставляет правонарушителей идти на более изощренные меры, создавая все новые явления в области криминологии, таких как киберпреступность и терроризм, о которых еще несколько десятилетий назад речь не шла. И опять таки, какие бы новшества не обогащали сферу исследований криминологии и уголовного права, решающая роль среди факторов, побуждающих совершить преступление, по праву принадлежит социальным мотиваторам.

Разумеется, не следует утверждать, что истоки преступного поведения таятся лишь в социальной незащищенности населения и, как следствие, вынужденной необходимости выходить за рамки дозволенного. За период от распада Советского Союза устойчивость, в том числе экономическая, российскому обществу не была присуща никогда, ровно как тенденция к обеспокоенности граждан о своем существовании.

Это приводило к стабильно высокому уровню преступности, особенно на почве имущественных и финансовых отношений. Эта закономерность сохраняется и по сей день. И хотя обеспокоенность скорее стоит отнести к причине девиации индивидуального характера, наблюдается ее охват все большего количества людей.

Централизация экономико – культурной жизни в стране лишь усилила разобщенность населения. А отсутствие мер со стороны государства, направленных на стабилизацию ситуации, порождает уже привычные агрессивные стремления людей «уровнять» свое положение: совершение краж, нападений (в том числе разбойных), вымогательства, мошенничества, убийства и прочие противоправные деяния. Создается видимость совершенной разобщенности в действиях стороны реформирующей общество во благо последнего, и последствий таких изменений, приводящим к полной потере контроля над все возрастающему уровню преступности.

В результате непрерывного взаимодействия человека с другими лицами, и обществом в целом, формируется некая индивидуальная схема поведения внутри этого социума. Она оттачивается и моделируется внешними факторами, межличностным взаимодействием, видоизменяется на фоне бессознательных реакций человека на конкретные жизненные условия.

Почему именно бессознательных, потому что в противовес сознательно совершенному противоправному деянию, бессознательный проступок, при его детальном исследовании, имеет больший смысловой посыл. Установление бессознательного спускового механизма, формирующего основу мотива преступления, позволяет уйти далеко за грани привычных моделей поведения преступника. И, как следствие, даст возможность рационально и точно объяснить природу противоправного поведения, сформулировать в процессе расследования преступления версии совершения преступления. Зачастую, несвязанные по своей природе преступления объясняют привычными версиями-клише: на почве ревности или материальных претензий. Это говорит об отсутствии надлежащего теоретического и, что более важно, прикладного уровня подготовки специалистов в области криминологии. Упущение из пристального исследования области бессознательной мотивации лишит возможности проникнуть и, самое важное, достоверно понять, что послужило толчком к совершению лицом преступления. Поскольку, преступая черту закона, человек может и сам не понимать до конца истинных мотивов своего поведения, не видеть своей склонности к преступлению в обычной жизни, и привычно носить «маску здравомыслия» [7].

Механизм, провоцирующий преступное поведение, сложен, и таит в себе множество факторов. И чем больше факторов способствовало формированию личности, склонной к совершению противозаконного действия, тем сложнее установить досконально верную причину этого действия. Еще в середине XIX столетия ответом на вопрос о причинах преступности была генетика. Устоявшимся мнением была позиция об установлении склонности человека к антисоциальному поведения по психическому состоянию родителей. Но очевидно, что человек существо социальное – независимо от возраста, пола и иных отличий.

На заре формирования общества того вида, каким оно предстает перед нами сейчас, крупнейший криминолог XX столетия Эдвин Сатерленд выдвинул теорию дифференциальной ассоциации, согласно которой преступность представляет собой последствие разнообразного взаимодействия человека, перенимания модели противоправного поведения в тех или иных социальных кругах своего общения (школа, семья, работа и иные). Теория «дурной компании» пролила свет на копирование преступного поведения у представителей той среды, в которой человек вращается, и для которой подобная модель поведения является повседневной при-

вычкой. И действительно, чем больше человек (особенной подростки с лабильной психикой) наблюдает за проявлением антисоциального поведения, которое не критикуется и не влечет порицания и наказания, тем больше вероятность, что он его совершит в будущем. Социальные границы раздвигаются, если не уничтожаются вовсе, тем самым провоцируя одно преступление за другим.

Социальный круг общения, сочетание обстоятельств, в которые лицо вовлечено в силу жизненной ситуации, однозначно не предопределяет модель преступного поведения субъекта. Тем не менее, существенно оттесняет иные криминогенные факторы. Последние не могут проявляться в числом виде, и в той или иной мере переплетаются с обстоятельствами, способными предупредить, и, возможно, не допустить в дальнейшем, совершение преступного деяния. Например, вопреки негативным нормам поведения, присущим как отдельному субъекту, так и внутри конкретной группы людей, объективно помешать совершению социальной девиации могут моральные качества, приоритет социальных ценностей над антисоциальной мотивацией, конкретная совокупность объективных препятствий, в том числе независимых от субъекта, планирующего совершить посягательство на охраняемые законодательством ценности.

Антисоциальные проявления личности, как уже говорилось ранее, это сложная совокупность множества факторов, детерминирующих преступное поведение субъекта. Взаимодействие этих факторов оказывает влияние на преступника не только до и во время совершения проступка, но и после его совершения. Особенно четко это прослеживается при изучении природы длящихся преступлений. В таком случае происходит взаимное влияние субъекта противоправного деяния и иных социальных, психологических факторов, которые могут измениться, и повлечь за собой смену тактики, мотива совершаемого преступления. Зачастую, в виду того, что обстоятельства не могут быть статичны, имеет место кардинальная смена сценария противоправного деяния.

Как видим, формированию современной среды обитания лиц, склонных к совершению преступлений, происходит под влиянием самого человека и социальных переменных. И не смотря на то, что большинство ученых в области исследования поведения преступника недооценивают ситуационные факторы, их значение очевидно.

О преобладании социальной мотивации преступных деяний в настоящее время говорит стабильная тенденция преобладания корыстных преступлений практически по всех территории Российской Федерации. Дифференциация лишь в методах, характере и иных детализирующих факторах. Однако в целом подобная ситуация говорит о крайнем недовольстве людей своим материальным положением. Причем осуществление корыстных преступлений с особой жестокостью и цинизмом свидетельствует о превалировании преступной мотивации над общечеловеческими социальными ценностями, и пренебрежении наивысшими конституционными приоритетами – жизнью, здоровьем, свободой, неприкосновенностью жилища. После распада Советского Союза, общество оказалось наедине со своими стремлениями лучшей жизни, не получив необходимой защиты со стороны государства, ставшего на путь формирования. Увеличение числа противоправных действий на почве корыстной мотивации явление достаточно объяснимое в период смены экономической политики и развития новых общественных (а порой и межгосударственных) отношений, как это было в период стремительного внедрения рыночных отношений.

Характер преступности меняется параллельно изменениям, происходящим внутри общества и государства в целом.

«Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения» [9].

При откровенно нарочитом влиянии государства на все сферы жизни, криминальные факторы остаются неподконтрольными. И, пожалуй, останутся такими. Невозможно свести борьбу с преступностью к карательным функциям без надлежащего исследования причин этого социального явления, каким она будет всегда, поскольку как невозможно представить общество без человека, так невозможно и обособить преступность от социальных факторов ее формирования. Изменение тенденции преступной активности в сторону экономических мотивов объективно отражает динамику социальных потребностей общественных отношений. Поэтому в какой-то степени наличие преступности в каком бы то ни было обществе – правом или с откровенным попранием законов – объективная реальность.

Наличие преступности, как и иной девиации в обществе, свидетельствует о наличии отклонения общества от нормы, предписанной законодательством этого общества. В социуме, каким он должен быть, отношения между его представителями – как властными, так и нет – сбалансированы. Если же присутствует разгармонизация, и люди задыхаются от невозможности превозмочь те или иные обстоятельства, это неизменно ведет к агрессии, направлению ее первоначально на других взаимодействующих субъектов общества, и повсеместно в дальнейшем. Чтобы редуцировать преступность как негативное проявление в социальной среде, необходим комплекс мер. Но, несомненно, чтобы склонить уровень преступности по направлению вниз, необходимо установить истинную причину антисоциального поведения, выяснить тенденцию изменения мотивирующих фактов в конкретной социальной среде.

Модель образа действия, в том числе преступного, можно прогнозировать и моделировать, имея достаточную исследовательскую базу в области преступного бихевиоризма. Объективные меры превенции и контроля следует основывать на глубоком изучении конкретных обстоятельств, повлекших к преступлению черты закона.

Поведение, приносящее ущерб обществу и государству, должно быть изучено в корне, с момента формирования зачатков личности. Ганс Юрген Айзенк, известный британский учёный-психолог и создатель факторной теории личности, утверждал, что преступное поведение не что иное, как последствия взаимодействия конкретного психотипа человека со средой его окружения. Между тем, преступность не может быть предопределена только биологическими факторами, генетикой, равно как и одними обстоятельствами окружения. Неслучайно Айзенк объяснял, почему одни люди совершают преступления, а другие нет, тем, что у последних с детства сформированы условные рефлексы на социальные правила и нормы, выйти за которые они просто не могут.

Это еще раз свидетельствует о значимости социальных факторов при детерминации причин преступного поведения. Наглядная неэффективность применяемых методов по прогнозированию и предупреждению преступного поведения, свидетельствует о необходимости уделения большего внимания именно исследованию мотивирующих факторов социальной наполненности, поскольку «Преступность вечна так же, как и общество... Чем сложнее оно становится, тем труднее в нем индивиду и тем более частыми бывают его срывы. Огромное число санкций и законов, которое надо соблюдать, только усугубляет зло» [6].

Список литературы

1. Кудрявцева В.Н., В.Е. Эминова. Криминология. М.: Юристъ, 1997. – 512 с.
2. Долговая А.И. Криминология: учебник для вузов, М., 2005. – 912 с.
3. Чезаре Ломброзо. Преступление. Новейшие успехи науки о преступлении. Анархисты. Москва, 2004. – 320 с.
4. В.С. Курчеев, И.В. Спиридонов, Е.А. Тюгашев. Номо urbanus: мегаполис в зеркале криминологии: монография. Новосибирск, 2009. – 280 с.
5. Я. Гишинский. Девиантология. Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Санкт- Петербург, 2004. – 520 с.
6. Ф. Танненбаум, Х. Барнс. Новые горизонты в криминологии. Н.Дж., 1943. – 415 с.
7. Херви Милтон Клекли. «Маска здравомыслия», 1941. – 317 с
8. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы/ сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М. : Инфра – М, 2004. – 391 с.
9. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения, том 13. М., 1977, 515 с.
10. C.R. Jeffery. Criminal behavior and learning theory. New York, 1965. -
11. Curt R. Bartol. Criminal behavior: a psychosocial approach. New Jersey, 1986. – 352 с.
12. W. Eliasberg. Urge and motivation in criminology. Northwestern University School of Law Scholarly Commons, 1952. – 390 с.
13. C. Shaw, H.D. McKay. Juvenile delinquency and urban areas. Chicago, 1972. – 475 с.
14. W. Foks. Introduction in criminology. New Jersey, 1980. – 311 с.
15. G.C. Homans. Social behavior: its elementary forms. New York, 1961. – 512 с.
16. M. Tonry, D. Farrington. Strategic approaches to crime prevention. Chicago, 1995. – 256 с.
17. Ronald V. Clarke. Situational Crime Prevention. New York, 1997. – 317 с.
18. M. Schmideberg. Psychological factors underlying criminal behavior. Northwestern university school of law scholarly commons, 1947. – 476 с.
19. B. Arrigo. Social justice of criminal process. California, 1999. – 256 с.

Sychova A. Social motivation of criminal behavior // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 180 – 185.

The article itself is an analysis of the researches on the common causes of crime, including a social, interpersonal and situational background that influences the formation of the criminal behavior of the individual within society. The main attention was paid to the subjective motivation of a individual that is, due to life conditions, placed in permanent interconnection with various social factors and circumstances, which may affect, and, as a result, form a particular model of behavior of the subject of committing a wrongful deed. Material is an attempt to focus attention on the imbalance of social structure of society, imperfection of a present-day state governance and state authority as a source of deviance, including crime. Also issues of establishing a genuine motivation during committing of illegal deed by person were examined, and necessity of immediate change priorities in choosing a practical approach to crime prevention as a major social vice.

Keywords: social causes of crime, criminal behavior, motivation of the criminal, the motive, the identity of the offender, deviation, criminal behavior pattern.

УДК 343.23

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОБЩИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ

Чеботарева Г. В., Подкорытова Л. Н.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье рассмотрены основные концепции и теории объекта преступления, сформировавшиеся в современной уголовно-правовой науке. Авторами проанализированы научные исследования, направленные на критическое переосмысление традиционных положений теории объекта преступления как общественных отношений и аргументируется положение о том, что данная теория остается наиболее универсальной из известных теорий объекта преступления, верной по сути и соответствующей действующему законодательству.

Ключевые слова: объект преступления, теория, общественные отношения, блага, ценности, уголовный закон

Разработка вопросов объекта преступления для теории и практики уголовного права имеет многоуровневое значение. Выяснение его содержания способствует определению того, что готово защищать государство от негативного с точки зрения общепризнанных интересов влияния со стороны определенных лиц. Поэтому четкое представление об объектах преступлений необходимо для обоснования направлений криминализации и декриминализации определенных форм поведения. Феномен объекта преступления касается одновременно вопросов уголовно-правовой политики государства, законотворчества и правоприменения. От его определения зависит степень надежности теоретического фундамента решения многих проблем как Общей, так и Особенной частей уголовного права.

Проблема объекта, отражаясь во всех без исключения аспектах уголовно-правовой материи, признается столь же важной, настолько и сложной. Поэтому доктриной уголовного права ей посвящено не один десяток научных работ, в результате чего общая теория объекта преступления в настоящее время стала, очевидно, одной из наиболее широко освещенных. Однако, несмотря на значительный массив научных исследований (публикаций, монографий, диссертационных работ), посвященных этой теме и мнений, высказанных по вопросам объекта преступления в прошлом и нынешнем веках, она не считается окончательно завершенной, о чем свидетельствует существование по этому поводу перманентной дискуссии, не затихающей среди представителей уголовно-правовой доктрины. При этом наличие объекта преступления как того, на что посягает преступление, правоведами признается безусловно: «Преступления, которое ни на что не посягает, в природе не существует», - достаточно давно отметил А.Н. Трайнин [1, с. 122]. Определено и место, которое занимает объект в категориальном аппарате уголовного права: в частности, как указывал еще в одном из первых советских учебников по уголовному праву С.В. Познышев, «объектом преступления может считаться только то, что служит, так сказать, мишенью для

преступника, уничтожается, видоизменяется, так или иначе ... страдает от действия преступника» [2, с.53]. По ряду других ключевых вопросов объекта преступления в течение десятилетий, то обостряясь, то затихая, идет научная полемика. Решение проблемы осложняется еще и тем, что непосредственно в уголовном законе законодатель, как правило, никогда не давал и не дает однозначных ориентиров для выяснения его содержания. Поэтому определение сущности объекта преступления фактически находится в сфере исключительно научно-теоретических поисков. Состояние разработки этой проблемы даже дало некоторым современным ученым основание для критического замечания, якобы «попытка определить объект оправдывается только на формальном уровне ... Попытки наполнить формальное определение объекта содержанием, то есть показать, что именно страдает от преступления, пока не достигли успеха» [3, с. 70].

Взгляды специалистов на проблемы объекта преступления с развитием уголовно-правовой мысли разнообразились и усложнились. Так, по некоторым подсчетам, сейчас количество теорий объекта преступлений достигло восьми («теория уголовного закона как объекта преступления», «теория правовой обязанности как объекта преступления», «теория субъективного права как объекта преступления», «нормативная теория объекта преступления», «теория правоохраняемых интересов как объекта преступления», «теория правового блага как объекта преступления», «теория общественного отношения как объекта преступления», «антропологическая теория объекта преступления») [4, с. 133-145]. Следует признать, что на самом деле концепций относительно объекта преступления в науке уголовного права существует еще больше. Так, например, В.П. Емельянов считает, что таким объектом является сфера жизнедеятельности людей [5, с. 7-11]; по мнению В.М. Трубникова объект преступления следует рассматривать как специфическую социальную оболочку, которой всегда наносится ущерб совершением преступления [6, с. 81-87]. А.Н. Костенко, А.Ландина-Выговская обосновывают понимание объекта преступления как охраняемого законом порядка отношений между людьми, возникающих в обществе по поводу материальных и нематериальных предметов [7, с. 101-105]. С другой стороны, как показывает обзор точек зрения по этому вопросу, многие криминалисты демонстрировали и демонстрируют, определенным образом, эклектичный подход к определению содержания объекта состава преступления. Так, Б.С. Утевский под объектом преступления понимал "тот интерес, те общественные отношения, те блага, которые охраняются уголовным законом» [8, с. 292]. А.В. Пашковская называет объектом преступления социально значимые ценности, интересы, блага [9, с. 204]. Еще более широкий перечень объектов предоставляет В.Б.Харченко: «отношения, права, свободы, блага, ценности, которые охраняются законом об уголовной ответственности» [10, с. 16]. В приведенных определениях, как представляется, смешиваются разнородные социальные феномены, в один ряд ставятся целое (общественные отношения) и его элементы (интересы, блага), а также субъективные (интерес) и правовые (свободы, права) категории. Подобные позиции способствуют диффузии знаний об объекте преступления, не добавляя к его пониманию ничего нового.

Осмысление объекта преступления правовой наукой было начато еще в XIX в., причем мировоззренческие высказывания по этому вопросу можно увидеть в

работах не только отечественных, но и западноевропейских криминалистов. Появившимися в науке первыми, считаются теории объекта преступления как субъективного права (П.А.Фейербах назвал преступлением деяние, которое находится под угрозой уголовного закона и посягает на субъективное право другого [11, с. 21], а позже российский криминалист В.Д. Спасович определял преступление как противоправное посягательство на чье-либо право, столь существенное, что государство, считая это право одним из необходимых условий общественной жизни, при недостаточности других средств охраны, защищает неизблемость его наказанием [12, с. 84].

За период существования отечественного уголовного права советского периода в нем утвердилась позиция, согласно которой объектом преступления считаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом, на которые посягает преступление, нанося им вред или создавая угрозу причинения такого вреда. Основателем этой теории признается известный советский криминалист А.А. Пионтковский [13, с. 121]. Указанная позиция отвечала первым советским уголовно-правовым актам: в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 отмечалось, что преступление является нарушением порядка общественных отношений, охраняемых уголовным законом (п.5), является действием (бездействием), опасным для данной системы общественных отношений (п.6).

Развитие и окончательное оформление теории объекта преступления как общественных отношений получила в исследованиях Я. Брайна, В.К. Глистина, М.И. Загородникова, Е.К. Каиржанова, М.И. Коржанского, Б.С. Никифорова, В.Я. Тация и др. И в настоящее время она имеет большое количество сторонников среди правоведов. Она продолжает развиваться. В отличие от большинства определений, данных сторонниками этой концепции, Л.Д. Гаухман определяет объект преступления как охраняемые уголовным правом общественные отношения, которые олицетворяют сущность данной социально-экономической формации, выгодные и угодные господствующему классу, наиболее важные и ценные, принадлежащие к базису или надстройке, типичные, то есть представленные в обобщенном выражении, являющиеся чисто социальной категорией, не содержащей ничего материального, на которые посягает преступление, субъектом которых является общество в целом и посягательство на которые заключается исключительно в их нарушении [14, с. 80].

Нельзя обойти вниманием научные изыскания, направленные на критическое переосмысление концептуальных положений теории объекта преступления как общественных отношений. Такие попытки вполне понятны, вызывают уважение и должны оцениваться только положительно, поскольку, как метко замечено, право является феноменом грандиозным, неисчерпаемым для познания, а потому устаревшие оценки нередко не позволяют двигаться вперед в этом познании [15, с. 11]. Однако, следует отметить, что среди причин отступления от указанной теории нередко приводятся аргументы, далекие от юриспруденции - в частности, что определение объекта преступления через категорию общественных отношений чрезмерно «заидеологизировано», базируется «на марксистском понимании сущности человека как совокупности всех общественных отношений» [16, с. 305; 17, с. 4; 5, с. 7-11].

По нашему мнению, упреки о преувеличенной идеологизации теории общественных отношений как объекта преступления являются, определенным образом, эмоциональным преувеличением, ведь, как отмечалось выше, представление об объекте преступления является элементом государственной (уголовно-правовой) политики, и как все, что связано со светскими законами, оно не может не зависеть от идеологии, которая на данном историческом этапе развития царит в государстве и обществе. Следует признать, что, несмотря на активные поиски, до сих пор ни один из специалистов не смог обосновать столь же убедительную и универсальную концепцию, которой можно было бы заменить теорию объекта преступления как общественных отношений. Поэтому по нашему мнению, последняя остается наиболее универсальной из известных теорий объекта преступления, верной по сути и соответствующей действующему законодательству.

В этой связи нам импонирует позиция Е.В.Фесенко, который, не будучи сторонником концепции «объект - общественные отношения», указывает, тем не менее, что она «сыграла позитивную роль в развитии законодательства и уголовно-правовой науки. Ведь общественные отношения занимают достаточно важное место среди ценностей, на которые посягает преступление. Определение иерархии этих отношений позволяло установить в определенной степени характер и степень опасности преступных деяний различных видов, выбирать основные направления уголовно-правовой политики и т.д., что в целом обеспечивало относительную эффективность уголовного законодательства» [18, с.39].

В последнее время довольно много сторонников концепции объекта преступления как ценности или как блага. С точки зрения аксиологии такое понимание объекта преступления не вызывает никаких возражений. Собственно, наиболее общим образом такое понимание социальной сущности используется и сторонниками теории объекта как общественных отношений. Так, В.Я. Тацкий определяет, что объектом является «и общественно определенная ценность (благо), которой причиняется вред от конкретного преступного деяния», «... то благо, которому преступлением наносится реальный ущерб или создается угроза причинения такого вреда» [19, с.101]. Как уже упоминалось выше, исторически сложилось, что уголовное право защищает прежде всего те феномены, которые являются ценными для субъекта власти (а право, по крайней мере в положительном его понимании – это один из атрибутов и «продуктов» государственной власти). Однако, для практического использования указанные категории, в результате их неконкретности, малопригодны. К тому же «блага» или «ценности» всегда предусматривают оценочные суждения о тех или иных феноменах. Интерес как категория субъективная относится к сфере сознания, но не бытия, а потому не может выступать объектом преступления (объектом вреда, по терминологии этого автора), в результате его максимальной неконкретности. Указывая на неоднозначность категории «благо» В.П. Емельянов верно отмечает, что оно является чем-то, что считается бесспорной ценностью, в понимании каждого является чем-то позитивным, полезным, а потому сомнительно охватить этой категорией такие явления, как тоталитарный, фашистский или другой подобный политический режим (его учредители, вдохновители и сторонники считают его благом, но вся остальная часть человечества оценивает его как зло, которое следует уничтожить) [5, с.7-11].

Нарекания на нежизнеспособность теории объекта преступления как общественных отношений должны приводить ее оппонентов к логическому выводу о ложности, дефектности развития всего отечественного уголовного права в течение многих десятилетий. Однако, таких суждений не предложено даже самыми яркими противниками этой теории. Более того, в большинстве случаев, концепции объекта преступления указывают на некоторые структурные компоненты общественных отношений (в частности, "блага" и "ценности" в структуре общественных отношений, выступают предметом, "сферы жизнедеятельности" характеризуют социальную связь в общественных отношениях, личность, человек является субъектом отношений). В.Я. Тацкий, В.К. Глистин, указывая на недопустимость искусственного выделения структурных элементов из цельной системы, которой и являются общественные отношения, обращают внимание, что общественные отношения являются целостной системой связанных между собой элементов, которая может существовать как единство имманентных ей элементов и разрушается (видоизменяется), если теряется, меняется хотя бы один из ее компонентов [20, с. 26; 19, с. 9-13].

Сами по себе благо или ценность, если их не брать в совокупности с другими элементами общественных отношений, могут и не признаваться объектом преступного посягательства. Например, по мнению некоторых специалистов, объектом убийства является жизнь человека как явление сугубо биологическое, как естественная неотъемлемая ценность человека, а не как совокупность общественных отношений, иначе снижается абсолютная ценность человека как биологического существа, жизни вообще как биологического явления [21, с. 91-93]. Однако, отстранившись от общественных отношений, нельзя ответить на вопрос, чем будет отличаться от преступления под названием «убийство» акт лишения жизни при необходимой обороне того, кто посягает, или уничтожение военнослужащих вражеской армии во время войны. Теория общественных отношений позволяет понять это различие. Отношения по поводу неприкосновенности человеческой жизни означают, что все члены общества относятся определенным образом к жизни других субъектов, в частности, они обязуются воздерживаться от такого поведения, которое причинило бы им неоправданный вред [22, с. 86-87]. В определенных условиях, при нарушении этой обязанности, возникают общественные отношения, которые позволяют лишить человека жизни. В частности, это имеет место в связи с посягательством на права и интересы лица, которое защищается, или другого лица, а также общественные интересы и интересы государства. В таких случаях жизнь того, кто посягает, не защищается уголовным законом. Итак, жизнь человека в праве рассматривается не как абсолютное и неприкосновенное благо, а как социально значимое явление, которое существует, реализуется и охраняется в соответствии с существующими общественными отношениями, то есть, как объект преступления рассматривается не физическая жизнь, а социальные функции лица [23, с. 62-68]. Так же и любое другое правовое благо или ценность для уголовно-правовой охраны получают смысл только в рамках общественных отношений, когда они выступают элементами таких отношений [24, с. 82-83].

На фоне дискуссий, ведущихся учеными-юристами о сущности категории «объект» привлекает внимание прагматическая позиция, которую обосновал

П.П. Андрушко. «Ни одна из концепций объекта преступления ... не может считаться единственно правильной («истиной в последней инстанции»), каждая из них имеет право на существование, поскольку имеет как положительные, объективно бесспорные моменты, так и спорные или неприемлемые моменты, прежде всего с методологической точки зрения», – пишет он [25, с. 22-23].

Исходя из формально-материального концепта преступления, закрепленного в действующем УК РФ, объект преступления должен толковаться в формально-юридической плоскости (ведь определенная разновидность поведения человека считается преступной лишь при условии, что деяние закреплено в диспозиции нормы Особенной части), и в ракурсе социальном, ведь рядом с нарушением определенной правовой нормы преступное деяние всегда имеет определенный негативный смысл – общественную опасность. Разрыв между правовой формой и материальным содержанием приводит к признанию деяния малозначительным, не являющимся уголовно наказуемым посягательством на объект.

Исходя из вышеизложенного, важно выделить следующие основные положения в отношении объекта преступления: 1) он ценен не для отдельного индивида, или для неопределенного их количества, а для общества в целом или для государства; 2) он объективно существует, а потому может быть обнаружен и отделен от других явлений природы и общества; 3) он способен испытать негативные изменения вследствие индивидуального или коллективного поведения; 4) он непосредственно страдает от запрещенного законом деяния лица (группы лиц); 5) он закономерно (а не случайно) понесет ущерб от запрещенного законом деяния; 6) в его сохранении в определенном состоянии заинтересован законодатель; 7) за его повреждение (нарушение, разрушение) установлена уголовная ответственность; 8) отдельные акты индивидуального или группового поведения, насколько разрушительной не была бы их сила, не могут полностью уничтожить тот или иной вид общественных отношений – это возможно лишь в результате глобальных социальных или природных катаклизмов. Это позволяет утверждать, что преступления наносят ущерб объективно существующему социально положительному порядку общественных отношений, за негативное воздействие на которые законом установлена уголовная ответственность.

Список литературы

1. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1957. – 363 с.
2. Познышев С. В. Учебник уголовного права. I. Общая часть. – М.: Юриздат наркомюста, 1923. – 280 с.
3. Кривуля О. М. Чи можуть суспільні відносини бути об'єктом злочину? // Вісник Університету внутрішніх справ. – 1997. – Вип. 2. – С.70-75.
4. Сенаторов М. В. Об'єкт злочину та його відображення в законі про кримінальну відповідальність // Питання боротьби зі злочинністю. – 2003, випуск 7. – С. 133–145.
5. Емельянов В. П. Понятие объекта преступлений в уголовно-правовой науке // Право і безпека. – 2002. – № 4. – С. 7-11.
6. Трубников В. М. Новый взгляд на объект преступления / Право і безпека. – 2002. – № 1. – С. 81-87.
7. Костенко О. Поняття об'єкта злочину: дискусію варто продовжити // Право України. – 2008. – № 4. – С. 101-105.
8. Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. – М.: Юриздат Минюста СССР, 1948. – 440 с.

9. Курс уголовного права. Общая часть : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Т. 1: Учение о преступлении. – М.: ИКД «Зерцало–М», 2002. – 624 с.
10. Харченко В.Б. Уголовное право Украины. Общая и Особенная части в вопросах и ответах. Конспект лекций. Издание четвертое, исправленное, переработанное и дополненное. - К.: Атика, 2006. – 272с..
11. Фейербах П.А. Уголовное право / пер. с немецкого. - СПб.: Медицинская тип., Тип. Гос. Комерц-коллегии: Тип. Имп Воспит. Дома, 1810. - 616 с
12. Спасович В.Д.Учебник уголовного права. Часть Общая. Т.1. Вып.1. - С - Пб.: Тип. И. Ог-ризько, 1863. – 442с.
13. Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. – Часть Общая. – М., 1924. – 238 с.
14. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО«Центр Юри-нфоР»,2001.– 316 с.
15. Философия уголовного права /сост., ред. и вступ. статья Ю. В. Голика. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 348 с.
16. Словарь по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. – М.: Изд-во Бек, 1997. – 686 с.
17. Гавриш С. Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений // Право и по-литика. – 2000. – № 11. – С. 4-15.
18. Фесенко Є. В. Злочини проти здоров'я населення та системи заходів з його охорони: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.08. – К., 2004. – 444 с.
19. Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Х.: Вища шк., изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1988. – 198 с.
20. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и ква-лификация преступлений). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – С. 26;
21. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумо-ва. – М.: Издательство «Спарк», 1997. – 455 с.
22. Коржанський М. Й. Предмет і об'єкт злочину: монографія. – Д.: Юрид. акад. Мін-ва внутр. справ,2005. – 252 с.
23. Козаченко И. Я. Структура объекта в преступлениях против личности // Уголовное право в борьбе с преступностью : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: СвЮИ, 1987. – С. 62–68.
24. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. – М.: Эксмо, 2009. – 496 с.
25. Андрушко П. П. Злочини проти виборчих прав громадян та їх права брати участь у референ-думі: об'єкт і система // Кримінальне право України. – № 12. – 2006. – С. 3-63.

Chebotareva G., Podkorutova L. Object of the crime: overview of the problem // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 186 – 192.

The current state of legal criminal science allows to claim that the phenomenon of an object of a crime is still disputable. In the criminal law the legislator usually doesn't give general definitions of the content of object of a crime. So elaboration of the definition of essence of object of a crime is still in process. In article the author describes the main concepts of object of a crime and formulates the following conceptual provisions in regard to the object of the crime: the object is valuable not for one separate individual but for society as a whole or for the State; the object really exists, and therefore can be detected and separated from the other facts of nature and society; the object can be changed in negative sense; the legislator is personally interested in its retaining; criminal liability is established for his damage (disruption, destruction).

Key words: object of crime, the theory, public relations, benefits, values, criminal law.

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.98

**ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ ПРИ
ПОДГОТОВКЕ К НАЗНАЧЕНИЮ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПО ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ**

Ануфриева Е. А.

Новосибирский гуманитарный институт, Новосибирск, Россия

Анализируются особенности проведения фоноскопической экспертизы применительно к расследованию дел о коррупционных преступлениях. В статье рассматриваются типичные ошибки, допускаемые в практике назначения фоноскопических экспертиз по делам о коррупционных преступлениях, и предлагаются рекомендации по их недопущению и нейтрализации.

Ключевые слова: криминалистика; методика расследования преступлений; фоноскопическая экспертиза; коррупционные преступления; коррупция.

Согласно анализа судебно-следственной практики практически каждое уголовное дело, возбужденное по факту совершения коррупционного преступления, сопровождается назначением фоноскопической экспертизы [1, с. 186]. Указанное обстоятельство связано с тем, что такие преступления часто находят свое отражение негласной аудиозаписи бесед между субъектами коррупционных отношений, которая может осуществляться как в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, так и самостоятельно лицом, с которого вымогается незаконное денежное вознаграждение. Кроме того, результаты общения коррупционеров нередко фиксируются в аппаратах сотовых телефонов, планшетах, компьютерах и пр. (например, при использовании программ типа Skype, What's up, Viber), различных системах видеонаблюдения, видеорегистраторов и прочих технических средств, позволяющих с легкостью фиксировать звуковые следы [6, с. 21]. В этой связи приобретает актуальность вопрос идентификации голосов и акустической обстановки, зафиксированных на аудио, видеозаписях различного происхождения. При этом, как показывает анализ судебно-следственной практики нередко возникают определенные трудности, во многом обусловленные переходом от аналоговых форм записи к цифровым, незнанием и неумением многих практических сотрудников работать со звуковыми следами на цифровых носителях.

Проведенное исследование позволило выявить ряд основных ошибок, наиболее часто возникающих в практической деятельности при назначении фоноскопических экспертиз по делам о коррупционных преступлениях, среди которых можно выявить следующие:

1. Ошибки при определении оригинала фонограммы, подлежащей исследованию.

Следует различать понятия «оригинал»/ «дубликат»/ «копия» фонограммы и «оригинал»/ «дубликат»/ «копия» файла с фонограммой. В практике раскрытия и расследования коррупционных преступлений данные понятия зачастую смешиваются, что влечет экспертные, а нередко и судебные ошибки.

Дубликатом является точная цифровая репродукция всех информационных объектов, хранящихся на оригинальном материальном носителе. Копией же является точная репродукция информации, содержащейся в информационных объектах, независимо от материального носителя. Поэтому при копировании аудиофайла различают копию самого файла и копию фонограммы в файле.

Копирование звукового файла может осуществляться при помощи стандартных функций системного программного обеспечения (при этом могут меняться свойства файла), но может производиться и при помощи звуковых программных редакторов или специализированного программного обеспечения, предназначенного для обработки цифрового звука, его редактирования и монтажа. При таком способе копирования могут меняться не только свойства самого файла, но и свойства содержащейся в нем звуковой информации [2, с. 39].

Специфика процесса конвертации заключается в том, что звук, закодированный по одним алгоритмам в цифровом звукозаписывающем устройстве, преобразуется в новый звук, закодированный по другим алгоритмам [2, с. 40]. При передаче файла по каналам связи (в том числе по сети Интернет), при нарушении соединения файл фонограммы может быть получен не полностью, а фрагментарно, что вовсе не означает, что его воспроизведение становится невозможным. В данном случае полученные фрагменты будут воспроизводиться нормально, а утраченные - игнорироваться.

Только дубликат файла с фонограммой как цифрового доказательства в точности и полностью воспроизводит оригинал. В настоящее время дубликат цифровой фонограммы может быть получен при снятии образа с оригинального носителя, в результате чего не только фонограмма сохранится в полном объеме, но будут зафиксированы свойства носителя информации. При таком способе копирования файла со звуковым сигналом не будет утрачена или изменена криминалистически значимая информация.

Важно понимать, что и простым копированием файла могут быть внесены изменения в ряд атрибутов цифрового доказательства, в частности в дату и время создания файла. Неизменность содержания фонограмм/видеофонограммы при этом может быть обеспечена только путем верификации файла при помощи расчета контрольных сумм до и после каждой операции по его воспроизведению, репродуцированию, передаче и т.п.

Очевидно, что если эксперту представляется не оригинал, а копия, то дополнительно следователю необходимо представить эксперту исчерпывающие сведения о том, кем, как, в каких условиях, на какую звукозаписывающую аппаратуру производилась перезапись, поскольку только по копии без оригинала и документально зафиксированных контрольных сумм файла нельзя удостоверить его аутентичность. Таким образом, сложность в процессуальной оценке цифровых фонограмм как доказательств заключается в возможности их фальсификации без оставления видимых

следов проведенных манипуляций, которые на современном уровне науки и техники не всегда могут быть обнаружены в ходе экспертного исследования [9, с. 222].

2. Ошибки при получении образцов для сравнительного исследования.

Получение сравнительных образцов устной речи является основным этапом подготовки материалов при назначении фоноскопической экспертизы по делам о коррупционных преступлениях.

При получении образцов голоса коррупционеров необходимо соблюдать следующие основные правила:

- отбор образцов речи, как свободных, так и экспериментальных, должен быть оформлен процессуально;
- образцы могут быть представлены как на аудио-, так и на видеоносителях;
- при использовании цифрового устройства использовать только формат «wav» (Microsoft Wave), исключить формат «mp3» и др. использующие алгоритм сжатия;
- не использовать автоматическую регулировку уровня записи и режим автоматического срабатывания записи на голос;
- перед проведением звукозаписи на устройствах, имеющих автономное питание, следует убедиться в том, что используемые элементы питания новые и срок их годности не истек;
- при записи на устройства, имеющие встроенные микрофоны и возможность подключения выносных микрофонов, предпочтительно пользоваться выносными микрофонами;
- микрофон должен находиться прямо перед лицом на расстоянии 20-50 см;
- объем образцов должен быть не менее 15 минут звучания;
- образцы должны изыматься у лица, находящегося в нейтральном эмоциональном состоянии;
- речь подозреваемого коррупционера не должна прерываться лицом, проводящим изъятие образцов, и какими-либо посторонними шумами (работающий компьютер, муниципальные шумы, реплики посторонних лиц, стук, сигналы вызова телефона и пр.);
- образцы речи не должны представлять собой чтение заранее подготовленного текста, за исключением случаев наличия на спорной фонограмме читаемого текста;
- реплики лица, у которого отбираются образцы речи, должны представлять собой высказывания как можно большей длины.

Кроме того, что в практике расследования коррупционных преступлений встречается несоблюдение вышеуказанных правил сбора образцов голоса в ситуациях, когда лицо согласно предоставить такие образцы. Достаточно грубые ошибки допускаются при получении образцов голоса у подозреваемых (обвиняемых), отказывающихся от их дачи. что после составления следователем протокола получения образцов для сравнительного исследования, в котором лицо засвидетельствовало свой отказ добровольно дать образцы голоса, следователь на основании п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК дает поручение органу дознания об их истребовании путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе тайно от подозреваемого, обвиняемого. Оперативный работник на основании поручения осуществляет оперативно-розыскные мероприятия, например, опрос, с негласным применением средств аудио-, видеозаписи, результаты которых затем направляет следователю для исполь-

зования при производстве фоноскопической экспертизы. Указанная ситуация является не вполне законной.

Конституционный Суд РФ в Определении от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О вполне конкретно указал, что ст.ст. 186 и 202 УПК не допускают возможность получения образцов для сравнительного исследования путем подмены установленного ими порядка производства следственных действий. Проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности ст. 202 УПК «Получение образцов для сравнительного исследования», установлена специальная процедура. Аналогичная позиция следует из Определений Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О и 1 декабря 1999 г. №211-О [4, с. 46].

Вместе с тем, полагаем, что при отказе подозреваемого, обвиняемого предоставить следователю образцы голоса в порядке ст. 202 УПК и отсутствии таковых в деле оперативного учета ничто не препятствует оперативному сотруднику их получить посредством оперативно-розыскных мероприятий в целях реализации названной задачи оперативно-розыскной деятельности [6, с. 45]. После чего, следователь вправе их изъять в оперативном подразделении посредством составления протокола выемки с предварительным снятием соответствующим должностным лицом с указанных образцов голоса грифа секретности. И тогда, ни о каком исполнении поручения следователя и, как следствие, подмене следственных действий оперативно-розыскными мероприятиями не нужно будет вести речь, так как мы говорим о сборе образцов для сравнительного исследования с целью отработки проверяемого лица на выявление, предупреждение, пресечение другого преступления, не связанного с расследуемым.

Кроме того, не исключается вариант условно скрытного получения образцов голоса подозреваемого в совершении коррупционного преступления в ходе проведения следственных действий.

3. Ошибки при формулировании вопросов, подлежащих разрешению в ходе проведения фоноскопической экспертизы.

Как показали результаты проведенного в ходе исследования анкетирования практических сотрудников, 82% следователей, занимавшихся расследованием коррупционных преступлений, сталкиваются с трудностями при определении вопросов, подлежащих разрешению в ходе фоноскопической экспертизы. Кроме того, 76% опрошенных экспертов-фоноскопистов отметили, что к ним поступали постановления о проведения фоноскопической экспертизы, в которых такие вопросы были сформулированы неверно.

Можно привести следующий перечень корректной формулировки вопросов, подлежащих разрешению в ходе проведения фоноскопической экспертизы по делам о коррупционных преступлениях:

1. Каково дословное содержание разговора, записанного на фоно- видеофонограмме?
2. Сколько лиц участвовало в разговоре, записанном на фоно- видеофонограмме?
3. Одному или разным лицам, принадлежит речь, записанная на фоно- или видеофонограммах X и Y?

4. Принадлежит ли речь, или ее фрагменты, записанная на фоно- или видеофонограмме X, гр. N, образцы речи которого представлены на фонограмме Y?

5. Какие сведения, характеризующие личность говорящего, можно получить по представленной фонограмме его речи?

6. Имеются ли на фонограмме или ее фрагментах признаки монтажа или иных изменений, привнесенных в нее после окончания звукозаписи? Каким образом эти изменения отражаются на аутентичности фонограммы, или ее соответствии реально происходившему событию?

7. Является ли фонограмма оригиналом или копией?

8. Использовалось ли представленное устройство (диктофон или иное звукозаписывающее устройство) для записи фонограммы X?

9. Какова природа (или источник) звуковых сигналов, записанных на фоно- или видеофонограмме X?

10. В какой звуковой среде (в помещении, на улице, салоне автомобиля и т.п.) проходил записанный на фоно- или видеофонограмме X разговор?

11. Каковы характеристики места, где проводилась запись фоно- или видеофонограммы X или ее фрагмента (указывается время)?

12. В одном и том же месте, звуковой среде, проводилась запись фонограмм (звукоряда видеофонограмм) X и Y?

13. В одно или разное время записаны звукоряд и видеоряд видеофонограмм?

14. Соответствует ли звукоряд видеофонограммы её видеоряду?

4. *Ошибки при определении перечня материалов, необходимых эксперту для исследования.*

Для проведения фоноскопической экспертизы по делам о коррупционных преступлениях должны быть предоставлены следующие материалы:

1. Постановление о назначении экспертизы, в котором должны быть указаны:

- обстоятельства уголовного дела;
- установочные данные на подозреваемого (фамилия, имя и отчество полностью, сведения о месте и дате рождения, национальности, родном языке, образовании, профессии, месте наиболее длительного проживания, знании иностранных языков);

- имена, фамилии, а также клички (если имеются) других лиц, принимающих участие в разговорах;

- условия и обстоятельства звукозаписи (дата, время, тракт передачи, характеристика помещения);

- тип и название звукозаписывающего средства (диктофона или иного устройства) использовавшегося для фиксации разговора;

- вопросы, поставленные на разрешение экспертов.

2. Материальные носители, на которых зафиксирована фонограмма, в упакованном и опечатанном виде с удостоверяющими подписями уполномоченных должностных лиц.

Необходимо быть аккуратными при обращении с материальными носителями аудио-видеозаписей. В отдельных случаях, при их потере или порче восстановить записи не представляется возможным.

3. Копия протокола осмотра и прослушивания фонограмм, в котором в соответствии с ч.7 ст. 186 УПК РФ должна быть дословно изложена та часть фонограм-

мы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к данному уголовному делу и требует проведения дальнейшего экспертного исследования.

4. Образцы речи лиц, принадлежность речи которых необходимо установить на исследуемых фонограммах (в случае необходимости проведения идентификации личности по голосу и речи).

Таким образом, завершая анализ вышеизложенного, полагаем, что использование приведенных рекомендаций в раскрытии и расследовании коррупционных преступлений позволит избежать возможных ошибок при назначении фоноскопических экспертиз, что обеспечить оптимизацию процесса установления истины по уголовному делу и разрешения задач уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. 239 с.
2. Галяшина Е.И. Современные проблемы экспертного исследования звуковых следов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 36-41.
3. Гармаев Ю.П., Обухов А.А. Квалификация и расследование взяточничества. М.: Норма, 2009. 304 с.
4. Зенкин А.Н. Получение образцов голоса у подозреваемого, обвиняемого в условиях отказа от их добровольного предоставления // Законность. 2013. № 1. С. 45-47.
5. Кудрявцева А.Ю. Получение образцов для сравнительного исследования как оперативно-розыскное мероприятие // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – С. 44-52.
6. Оленин Г.В. Экспертиза цифровой аудио- и видеозаписи. Применение в следственной практике устройств цифровой фиксации аудио- и видеoinформации // Эксперт-криминалист. – 2009. – №2. – С.21-23.
7. Приговор Железнодорожного районного суда г.Красноярска. УД № 1- 135/2011.
8. Приговор Кольчугинского городского суда Владимирской области. УД № 1-5/2012.
9. Хаитжанов А., Глазков А.С. Аудиозапись (фонограмма) как доказательство в уголовном процессе // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2011. Том. 1. С. 221-223.

Anufrieva E. Typical effect mistakes made while preparing for the purpose of examination for phonoscopic about corruption crimes // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 193 – 198.

Annotation: Analyzed [specificity](#) of destination phonoscopic examination in the investigation of corruption crimes. In the article consider typical errors in the destination phonoscopic examination in the investigation of corruption crimes. The author offers recommendations for their prevention and neutralization.

Keywords: [criminalistics](#); methods of investigation crimes; phonoscopic examination; corruption crimes; corruption.

УДК 343.35

**СТАНОВЛЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Велигодский Д. В.

Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского

В статье рассматриваются вопросы соотношения антикоррупционного законодательства Республики Крым в правовой системе Российской Федерации, проблемы преодоления коррупции, а также план мероприятий по противодействию коррупции. Профилактический потенциал принятых в 2014 г. антикоррупционных нормативно-правовых актов имеет первые положительные сдвиги, однако говорить о кардинальном переломе ситуации с коррупцией в Республике Крым еще преждевременно. Структура и содержание механизма противодействия коррупции представляет собой сложную диалектическую систему разнородных элементов, включающих культуру и идеологию, а также, что немаловажно, общественное сознание. Успехи в борьбе с коррупционной преступностью могут переломить негативные тенденции социально-экономического развития и дать импульс формированию новой модели крымской экономики, нацеленной на инновационную деятельность.

Ключевые слова: антикоррупционный, борьба с коррупцией, взятка, законодательство, идеология, коррупция, преступность, противодействие, профилактика, Республика Крым.

В настоящее время коррупция в общественном сознании представляет собой одну из основных социальных проблем и является серьезным условием, препятствующим эффективному развитию Республики Крым в составе Российской Федерации.

Проблема осложняется тем, что наиболее простые и традиционные виды коррупции, такие как взятки в денежной форме в Российской Федерации, в том числе и в Республике Крым составляют лишь небольшую часть реальных коррупционных отношений.

Анализ показывает, что коррупция охватывает значительную часть общественных отношений.

Во-первых, все чаще должностные лица различных уровней входят в советы директоров коммерческих компаний. Им выплачиваются бонусы и дивиденды и т. п.

Во-вторых, значительно расширилась бытовая коррупция, в которую вовлечены не только крупные или мелкие чиновники, но также вузовские и школьные преподаватели, врачи и представители других профессий.

В-третьих, более распространенными стали обмен ненормативных услуг на деньги, которая дополняется такими ее видами, как обмен услуг на услуги, обмен услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах.

А. А. Журавлев и А. В. Юркевич считают, что подобные виды коррупции, в отличие от ее денежных форм, вообще не предусмотрены ни федеральным, ни крымским законодательством, что создает для них благодатную почву. Клановость, подбор кадров по принципу личной преданности, к сожалению, еще характерны для нашей культуры, не преследуются законом, однако создают массовую коррупцион-

ную среду, в которую денежные формы коррупции вписываются очень органично [1, с. 228].

Многие эксперты оценивают высокую степень поражения коррупцией всех сфер правоотношений и уровней власти Украины, начиная с бывшего президента Украины. Автономная Республика Крым в составе Украины считалась одним из наиболее пораженных коррупцией регионов Украины. Как результат, в общественном сознании уровень доверия населения к институтам власти был чрезвычайно низким [2]. Поэтому, при анализе правовых проблем противодействия коррупции необходимо учитывать те негативные моменты, которые были присущи Автономной Республике Крым в правовой системе Украины. Автор считает, что эффективность реализации антикоррупционного законодательства в Украине ниже чем в Российской Федерации. Однако и в нашем государстве существуют серьезные проблемы в антикоррупционной деятельности.

На современном этапе перед юридической наукой различных стран стоят важные задачи: не только выделить правовые проблемы противодействия коррупции, но и создать правовые модели, которые позволяют предвидеть, упреждать, выявлять, пресекать и минимизировать негативное воздействие коррупции на общество, государственные органы и социальные процессы.

Тема противодействия коррупции достаточно полно рассмотрена в монографиях, сборниках, научных статьях и научно-практических пособиях отечественных правоведов Астанина В. В., Братановского С. Н., Иванова П. И., Карповича О. Г., Россинской Е. Р., Румянцевой Е. Е., Тихомирова Ю. А., Хабриевой Т. Я., Шегабудинова Р. Ш., Шишкарёва С. Н. и др., а также в многочисленных статьях в периодических изданиях.

Несмотря на значительное количество публикаций в данной сфере, проблема становления антикоррупционного законодательства в Республике Крым и его соответствии Национальной стратегии противодействия коррупции рассматривается впервые. Приведенные факторы обуславливают необходимость обобщения и анализа в исследуемой сфере, а также свидетельствует об ее актуальности.

Как известно, в начале 2014 г. в Крыму произошли коренные политические и геополитические изменения. 16 марта 2014 г. на основе Крымского референдума была провозглашена Республика Крым, которая в соответствии с Договором вошла в состав Российской Федерации в статусе республики (государства) – равноправного субъекта Российской Федерации [3].

Республика Крым, как и другие республики Российской Федерации, имеет свою конституцию и законодательство. Конституция Республики Крым была принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г. [4]. Она положила начало формированию собственного законодательства, в том числе и нормативно-правовых актов по борьбе с коррупцией, которые являются неотъемлемой составной частью реализации целостной системы последовательных мер Национальной стратегии противодействия коррупции Российской Федерации.

Основными звеньями этой стратегии на уровне Республики Крым являются:

- принятие Закона Республики Крым о противодействии коррупции;
- образование уполномоченного органа государственной власти Республики Крым по реализации государственной политики в сфере противодействия коррупции;
- утверждение основных направлений деятельности по повышению эффективности противодействия и предупреждения коррупции в Республике Крым;
- утверждение порядка проведения антикоррупционной экспертизы и др.

В июле 2014 г. в Республике Крым был принят специальный закон, регламентирующий вопросы противодействия коррупции на полуострове [5]. В соответствии с ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г.

Закон Республики Крым «О противодействии коррупции в Республике Крым» определяет задачи, принципы, основные направления и формы противодействия коррупции в Республике Крым и закрепляет правовые механизмы противодействия коррупции на республиканском, ведомственном и муниципальном уровне, обеспечивающие контроль за реализацией республиканской антикоррупционной политики.

Данный закон состоит из пяти глав и 16 статей, которые включают общие положения, основные направления деятельности по повышению эффективности противодействия и предупреждения коррупции, систему мер по предупреждению коррупционных правонарушений и организационное обеспечение реализации антикоррупционной политики.

В законе определены субъекты антикоррупционной деятельности: федеральные органы государственной власти в Республике Крым; республиканские государственные органы; специальный государственный орган, координирующий антикоррупционную деятельность; органы местного самоуправления, общественные организации и средства массовой информации.

Для эффективной реализации основных правовых механизмов антикоррупционной политики в Республике Крым был принят целый ряд подзаконных нормативно-правовых актов, среди которых особое место занимают правовые акты Главы Республики Крым и Совета министров Республики Крым.

В соответствии с ФЗ «О противодействии коррупции», Национальной стратегией противодействия коррупции, Национальным планом противодействия коррупции на 2014-2015 гг., Законом Республики Крым «О противодействии коррупции в Республике Крым» Советом министров Республики Крым утвержден План мероприятий по противодействию коррупции на 2014-2015 гг. [6].

На первом этапе разработаны и внедряются стандарты и административные регламенты государственных услуг, представляемых исполнительными органами государственной власти Республики. Создана система внешнего и внутреннего контроля за использованием бюджетных средств всех уровней. Одновременно совершенствуется система государственного управления, обеспечивается прозрачность деятельности министерств и ведомств Республики, улучшается кадровая политика, осуществляются мероприятия по контролю за соблюдением государственными служащими законодательных ограничений, связанных с их статусом, проводятся антикоррупционные мониторинг, пропаганда и образование.

Сравнительный анализ принятых антикоррупционных нормативно-правовых актов в Республике Крым с федеральным и региональным антикоррупционным законодательством свидетельствует о том, что в Республике Крым складывается своя модель противодействия коррупции, которая базируется на единых принципах антикоррупционной стратегии Российской Федерации.

Положительным моментом в этой деятельности необходимо отметить то обстоятельство, что в Республике Крым антикоррупционные нормативно-правовые акты приняты в строгом соответствии с федеральным законодательством. Однако, они недостаточно учитывают специфику и национальные особенности Республики Крым.

По нашему мнению, существуют следующие факторы, снижающие действенность законодательства в сфере противодействия коррупции в Республике Крым: неэффективная работа государственных органов и государственных служащих; низкий уровень правосознания, недостаточная ответственность за нарушение законодательства в сфере противодействия коррупции. Наиболее результативной мерой для

предотвращения коррупции будет повышение оплаты труда и социальной защищенности служащих. Достаточно результативным является устранение необоснованных запретов и ограничений, особенно в области экономической деятельности, улучшение антикоррупционной деятельности правоохранительных и контролирующих органов, обеспечение доступа граждан к информации органов власти.

Менее результативными могут оказаться, по нашему мнению, такие правовые способы предотвращения коррупции, как конкретизация полномочий государственных органов и их работников в административных и должностных регламентах и введение антикоррупционных стандартов для служащих. Это связано с тем, что процедурная регламентация зачастую не охватывает всех возможных вариантов антикоррупционного поведения.

Автор считает, что важной мерой, способной повысить эффективность деятельности общественного совета при Комитете по противодействию коррупции в Республике Крым, может стать расширение степени участия представителей гражданского общества, научных учреждений и непосредственного участия в нем граждан Республики.

Положительным аспектом антикоррупционного законодательства Республики Крым и в частности Плана мероприятий по противодействию коррупции на 2014-2015 гг., является внедрение в практику работы новых отдельных способов противодействия коррупции, таких как онлайн приемные, публичные обсуждения, законопроектов на сайтах органов власти Республики Крым, размещение информации о законодательных инициативах, использование в деятельности органов исполнительной власти правового мониторинга. Вышеперечисленные способы позволяют получать более объемную и подробную информацию о действиях власти и действиях нормативно-правовых актов.

План мероприятий по противодействию коррупции в Республике Крым предусматривает также конкретные меры по мониторингу антикоррупционного законодательства, который охватывает сбор и анализ информации о действиях власти по применению антикоррупционного законодательства, а не просто о системе нормативно-правовых актов, обеспечивающих эти действия.

Актуальной задачей для всех органов государственной и муниципальной власти Республики Крым является низкая степень исполняемости различных нормативно-правовых актов. Это один из существенных факторов, способствующих коррупционным проявлениям. Тем более это характерно для законодательства в сфере противодействия коррупции. За короткий период в Республике Крым наиболее исполняемыми, являются нормативно-правовые акты именно в этой сфере. Наименее исполняемыми, являются нормативно-правовые акты в сфере экономики, муниципальные нормативно-правовые акты.

Антикоррупционное законодательство Республики Крым регулирует также и такие важные направления преодоления коррупции как упорядочение статуса органов государственной и муниципальной власти и их служащих и создание образовательных программ, обучение, правовое воспитание.

Особое место в системе мер по снижению уровня коррупции в Плате мероприятий отводится активному участию граждан в осуществлении мер по противодействию коррупции. Среди них отметим информированность населения о деятельности органов власти по противодействию коррупции.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1) профилактический потенциал принятых в 2014 г. антикоррупционных нормативно-правовых актов имеет первые положительные сдвиги, однако говорить о кардинальном переломе ситуации с коррупцией в Республике Крым еще преждевременно;

2) структура и содержание механизма противодействия коррупции представляет собой сложную диалектическую систему разнородных элементов, включающих культуру и идеологию, а также, что немаловажно, общественное сознание.

Успехи в борьбе с коррупционной преступностью могут переломить негативные тенденции социально-экономического развития и дать импульс формированию новой модели крымской экономики, нацеленной на инновационную деятельность.

Список литературы:

1. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Социально-психологические аспекты коррупции // Правовые проблемы противодействия коррупции (материалы Международной научной конференции. Москва, 2 ноября 2011 г.) / отв. ред. Л. В. Андриченко, О. О. Журавлева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012.
2. Корреспондент: Падающая башня. Уровень доверия к госинститутам Украины опустился до критической отметки <<http://news.bigmir.net/ukraine/724001-Korrespondent-Padaushaya-bashnya-Uroven-doveriya-k-gosinstitutam-Ukraini-opustilsya-do-kriticheskoi-otmetki>> (последнее посещение – 1 ноября 2014 г.)
3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов <<http://www.kremlin.ru/acts/20605>> (последнее посещение – 1 ноября 2014 г.)
4. Конституция Республики Крым <www.rada.crimea.ua/content/uploads/files/Constituciya.pdf> (последнее посещение – 1 ноября 2014 г.)
5. Закон Республики Крым от 22 июля 2014 года №36-ЗПК "О противодействии коррупции в Республике Крым" <<http://www.rg.ru/2014/08/05/krim-zakon36-reg-dok.html>> (последнее посещение – 1 ноября 2014 г.)
6. План мероприятий по противодействию коррупции на 2014-2015 гг. <http://minek.rk.gov.ru/file/File/2014/09-September/17/plan_antikorup2014-2015.pdf> (последнее посещение – 1 ноября 2014 г.)

Veligodskii D. Becoming of anticorruption legislation Republic of Crimea in the Russian legal system // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 199 – 203.

This article deals with the relation of anti-corruption legislation of the Republic of Crimea in the legal system of the Russian Federation, to overcome the problem of corruption, as well as an action plan to combat corruption. Preventive potential taken in 2014 of anti-corruption legal acts has the first positive shifts, however, but to talk about the cardinal change in the situation with corruption in the Republic of Crimea is premature. The structure and content of the anti-corruption mechanism is a complex dialectical system of different elements including culture and ideology, as well as, importantly, the public consciousness. Success in the fight against corruption crimes can reverse the negative trends of economic and social development and to give impetus to the formation of a new model of the Crimean economy, aimed at innovation.

Keywords: anti-corruption, bribe, corruption, crime, ideology, law, fighting, prevention, Republic of Crimea.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОТИВОПРАВНОМУ НЕВОЗВРАЩЕНИЮ ДОЛГОВ

Гармаев Ю. П.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье с криминалистической и междисциплинарной точек зрения рассматриваются проблемы, связанные с противодействием недобросовестным должникам. Анализируются типичные и широко распространенные ситуации правоприменения когда:

1. Потерпевшие по уголовному делу, которым причинен материальный и иной ущерб, не могут получить его компенсацию от осужденного (в рамках гражданского иска в уголовном деле или отдельного производства) даже в случаях, когда виновный платежеспособен.
2. Кредитор после вступления в силу судебного решения (по гражданскому, арбитражному делу, делу об административном правонарушении) фактически не может взыскать долг и привлечь должника к юридической ответственности, несмотря на явные признаки платежеспособности должника.

Анализируются проблемы квалификации, выявления и расследования преступлений, предусмотренных статьями 177 и 315 УК РФ, рассматриваются некоторые иные уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы, призванные стать частью основы для разработки и применения средств криминалистического обеспечения противодействия противоправному невозвращению долгов.

В интересах кредиторов, потерпевших и гражданских истцов по уголовным делам предлагается проводить тактическую операцию: «переговоры с процессуальными противниками» и иные мероприятия. Цель заинтересованных лиц - мотивировать должника погасить задолженность, возместить ущерб. В статье формулируется вывод о том, что применение уголовно-правовых и криминалистических средств в отношении недобросовестных должников, в рациональной, тщательно продуманной совокупности с гражданско-правовыми и иными средствами, позволяет преодолеть законодательные пробелы и распространенные дефекты неэффективного правоприменения, реально защитить законные права и интересы добросовестных граждан – кредиторов и потерпевших от преступлений.

В методологическом и научно-дидактическом плане научные положения и комплексные криминалистические рекомендации по противодействию криминальному невозвращению долгов могут и должны разрабатываться в рамках двух разделов науки криминалистики: криминалистической тактики и криминалистической методики расследования. Этому следует посвятить несколько прикладных межотраслевых исследований монографического характера.

Ключевые слова: Недобросовестный должник, защита интересов кредитора и потерпевшего по уголовному делу, невозвращение долгов, криминалистические средства, криминалистическая методика.

В многочисленных научных и прикладных исследованиях настоящего времени вновь и вновь отмечается необходимость и раскрываются пути использования криминалистических научных разработок в иных, помимо уголовного, видах судопроизводства, в деятельности юристов (и не только их), специализирующихся в различных отраслях права и сферах правоприменения.

Так, Т. С. Волчецкая, приводя примеры работ, исследующих возможность

применения криминалистических знаний в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве, делает выводы о высоком уровне актуальности и практической значимости разработки методик и иных рекомендаций по:

- исследованию доказательств по делам различных категорий (трудовым, семейным, наследственным и т.д.);

- исследованию доказательств, позволяющих выявить признаки преступлений, которые с неизбежностью выявляются в ходе гражданского и арбитражного судопроизводства (обман и злоупотребление доверием при приобретении права собственности, признаки подделки документов и т.д.).

Пожалуй, наименьшей адаптации, как верно отмечает автор, потребует применение криминалистических знаний в рамках административного производства.

Вместе с тем, есть все основания констатировать справедливость приведенного выше тезиса «о наименьшей адаптации» криминалистических знаний **к производству исполнительному**. Обоснуем это подробнее.

Результаты изучения следственно-судебной практики по уголовным делам, а также соответствующих гражданских и арбитражных дел показывают широкую распространенность двух типичных ситуаций правоприменения.

Ситуация №1. Потерпевшие по уголовному делу любой категории, которым причинен материальный и иной ущерб, не могут получить его компенсацию от осужденного (в рамках гражданского иска в уголовном деле или отдельного производства), причем даже в случаях, когда виновный платежеспособен.

Ситуация №2. Кредитор после вступления в силу судебного решения (по гражданскому, арбитражному делу, делу об административном правонарушении) и начала исполнительного производства фактически не может взыскать долг и привлечь должника к какой-либо юридической ответственности, несмотря на, опять-таки, явные признаки платежеспособности недобросовестного должника.

Результаты этой повсеместно распространившейся практики очевидны и притом чрезвычайно вредны, общественно опасны и, не побоимся столь ответственных фраз – грозят самым устоям общества и государства. Не секрет, что среди граждан давно сформировалась, хоть и во многом гипертрофированное, но все-таки, небезосновательное, и притом весьма негативное впечатление о качестве работы судебных и правоохранительных органов, о тотально распространенном бюрократизме и волоките, неэффективности законов в части защиты интересов потерпевших и законопослушных кредиторов. В этой связи все шире распространяется мнение о коррумпированности всей власти, которая, якобы, потакает недобросовестным гражданам, преступникам, а честным людям только создает проблемы. Ведь в вышеописанных ситуациях, как порой рассуждают многие граждане, даже законный интерес можно защитить только незаконными средствами: взятки судебным приставам-исполнителям, обращение «к бандитам для выбивания долга» и т.п. Именно поэтому некоторыми радикально настроенными гражданами с сожалением и даже ностальгией вспоминаются, например, сталинские времена с их жесточайшими наказаниями для осужденных, а также опыт Российской империи и других стран, где применялись или применяются поныне долговые тюрьмы («долговые ямы»), пытки, иные телесные наказания и даже смертная казнь к наиболее злостным должникам.

Конечно проблема здесь, отчасти, в правовом нигилизме населения, а также в не всегда надлежащей межотраслевой квалификации тех юристов, которые кон-

сультуруют граждан по описанным типичным ситуациям. Однако, если попытаться отойти от эмоций и малопродуктивных рассуждений, а подойти к решению названных проблем с позиции законности и при том прагматически (читай – криминалистически), то перед добросовестными гражданами и организациями, их юридическими советниками, возникает и требует разрешения нетривиальный вопрос: как не столько заставить платить (это порой в действующих правовых реалиях просто невозможно), сколько, так сказать, сформировать мотивацию должника к добровольному возмещению ущерба, оплате долга? Ответ на этот вопрос имеет как гражданско-правовую, так и административно-, а также уголовно-правовую и криминалистическую составляющую.

Для начала вкратце остановимся на некоторых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных нормах, призванных, на наш взгляд, стать частью основы для разработки и применения средств криминалистического обеспечения.

Так, статья 177 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Однако, как верно отмечает П. А. Скобликов, лишь в своей изначальной редакции норма, предусмотренная ст. 177 УК РФ защищала интересы всех субъектов, пострадавших от преступлений, - и физлиц, и индивидуальных предпринимателей, и организаций. В изначальной редакции ст. 177 УК РФ крупный размер кредиторской задолженности (который является обязательным признаком данного преступления) различался в зависимости от того, кто пострадал. Если юридическое лицо, то с учетом законодательства о минимальном размере оплаты труда (МРОТ), порогом были 250 тыс. руб.; если гражданин - 50 тыс. руб. Потом грянули изменения. Сначала порог защиты для пострадавшего гражданина был поднят до 250 тыс. руб. (он был уравнен с юридическим лицом). Затем Федеральным законом от 07.04.2010 N 60-ФЗ крупный размер задолженности применительно к любому пострадавшему был определен в сумме, превышающей 1500000 руб. Таким образом, как с понятной горечью отмечает П. А. Скобликов, ныне привлечь к ответственности по ст. 177 УК РФ, к примеру, грабителя или квартирного вора, получившего условное наказание (или другое наказание, не связанное с лишением свободы), сорящего деньгами в ресторанах, подпольных игровых залах и т.д., можно лишь при условии, если пострадавшему от его действий гражданину причинен ущерб на сумму более чем 1,5 млн. руб.

Кроме того, существует и проблема организационного характера. Дознаватели Федеральной службы судебных приставов России (ФССП РФ), к чьей подследственности отнесена статья 177 УК РФ, расследуют эти преступления, лишь набирая опыт правоприменения, не всегда верно толкуя данную норму, и притом не рассчитывая на оперативно-розыскное обеспечение своей деятельности, как это было в прошлом у дознавателей органов внутренних дел.

Можно ли говорить в таком случае, что норма совершенно не работает? Думается, что нет. Статистика уголовных дел, направленных в суд по данной статье растет из года в год, а в некоторых регионах она растет ежегодно в разы. Не так уж редко стали и обвинительные приговоры с назначением наказаний, связанных с лишением либо ограничением свободы. Забегая вперед, отметим, что каждому заинтересованному юристу, специализирующемуся на защите законных интересов потерпевших (ситуация №1) и кредиторов (ситуация № 2) следовало бы найти такого рода судебные решения, причем желательно принятые в данном регионе и хранить их

для реализации предложенных ниже общих криминалистических рекомендаций.

Кроме статьи 177 УК РФ, к описанным ситуациям, вернее совершаемым типичным посягательствам, разумеется, при наличии всех соответствующих признаков, применимы нормы, предусмотренные статьями: 315 УК РФ - Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта; различные виды мошенничества (ст. 159-159.6 УК РФ); 330 УК РФ - Самоуправство.

При этом следует иметь в виду, что действия, описанные в ситуации №2, могут иметь так называемую «судебную перспективу», то есть могут быть окончательно квалифицированы судом как мошенничество, только при условии, что, заключая соответствующую сделку, должник уже до или во время ее заключения, не собирался выполнять свои обязательства, уже тогда планировал похитить чужое имущество. То есть нужно, условно говоря, доказать сначала дознавателю, следователю, принимающему решение, например, в порядке ст. 144 УПК РФ, затем суду то, что должник до или вовремя заключения сделки уже имел прямой умысел, путем обмана или злоупотребления доверием, совершить хищение чужого имущества.

В свою очередь, сторона защиты, то есть должник и его адвокат (иной представитель), вероятнее всего, выберут позицию защиты, заключающуюся в том, что неисполнение договорных обязательств если и было, то произошло, например, в связи с нагрянувшим уже после заключения сделки безденежьем (то есть из-за отсутствия возможности исполнить обязательства), форс-мажорными обстоятельствами и т.п. Любой из подобных аргументов, при надлежащей работе названного представителя, переводит конфликт в сферу гражданско-правовых отношений.

Соответственно кредитору, его представителю, следует с применением метода прогнозирования оценить, доступны ли в данное время, либо будут ли доступны в дальнейшем доказательства, подтверждающие указанный выше умысел должника на присвоение денежных средств и его корыстную цель (см., например, Примечание 1 к ст. 158 УК РФ).

Далеко не всегда такого рода доказательства (возможность их получить в дальнейшем) имеются в распоряжении кредитора. Однако предложить такого рода версию дознавателю для ее проверки следственным путем кредитор, его представитель, безусловно, могут. Это можно сделать, например, путем квалифицированного и тщательного составления заявления о возбуждении уголовного дела, собственноручного составления объяснений и далее – протокола допроса свидетеля, потерпевшего.

Очевидно, что такого рода документы должны составляться с помощью высококвалифицированного юриста, имеющего соответствующий опыт и знания по уголовной специализации, знакомого с криминалистическими рекомендациями, подобными излагаемым. По обозначенной выше причине (перекрестная некомпетентность правоприменителей), быть может, стоило бы подключить к составлению таких документов сразу двух юристов – цивилиста и криминалиста.

Обратим внимание на важность использования как потерпевшим (ситуация № 1), так и кредитором (ситуация № 2), их представителями (далее, для краткости – заинтересованные лица), самого подхода – составление юридически грамотных, и при том тактически выверенных текстов соответствующих документов, вплоть до предложения следователю проекта постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного заключения, обвинительного постановления (далее, для краткости - обвинительные документы). Этот подход в дальнейшем реализуется путем применения ряда тактических приемов взаимодействия с недобросовестным должником и его адвокатом, представителем.

Но продолжим вкратце анализировать уголовно-правовые нормы. В соответствии со ст. 315 УК РФ уголовной ответственности подлежит представитель власти,

госслужащий, служащий органа местного самоуправления, а также служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации за злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта; воспрепятствование их исполнению. Кстати, норма, предусмотренная вышеупомянутой статьей ст. 177 УК РФ, зачастую является специальной по отношению к норме, предусмотренной ст. 315 УК РФ, а потому, в соответствующих ситуациях, применению подлежит именно первая.

Как отмечается в литературе, практика применения указанных норм в России скудна, для квалификации по статьям 315 и 177 УК РФ, как правило, необходимо неоднократное наложение судом, судебным приставом-исполнителем административных санкций (вынесение предупреждений) за неисполнение судебного решения. Часто к моменту рассмотрения дела в суде ситуация осложняется тем, что должник, например, руководитель организации, формально уже не ответствен за исполнение судебного решения (провел соответствующие переназначения, продал бизнес и т.п.), поэтому провести в отношении его необходимую процедуру невозможно. Главное - доказать умышленное неисполнение судебного решения. Это можно попытаться сделать и без наличия предупреждений, например, если бывший руководитель посетил коллегторское агентство, привлеченное кредитором, высказал намерение не платить долг, заявил о совершении ряда действий. Хорошо, если эти фразы были бы кем-то зафиксированы, например, записаны на диктофон, хотя бы тот, что имеется в любом мобильном телефоне.

С учетом изложенного, заинтересованным лицам с позиции криминалистического обеспечения рекомендуется:

- установить конструктивное взаимодействие с должностными лицами – представителями стороны обвинения. Это взаимодействие должно включать договоренность о том, что заинтересованные лица в пределах, предусмотренных либо не запрещенных законодательством, могут помогать должностным лицам по вопросам установления и доказывания обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, в том числе:

- до дознавателя, а чаще всего и параллельно в ходе проводимой им следственной проверки, и далее – расследования по возбужденному уголовному делу, собирать и передавать сведения, которые могут быть в дальнейшем преобразованы в доказательства;

- находить и представлять опубликованную судебную практику высших судов, иные судебные решения, в том числе, с использованием Интернет-ресурсов, документы обвинения, которые можно оценить как прецеденты для рассматриваемого дела. Причем желательно чтобы судебные решения и иные документы были из данного региона. Не вижу ничего противозаконного в том, что даже при разноречивой практике по данному вопросу заинтересованные лица будут демонстрировать должностным лицам лишь прецеденты, подтверждающие их позицию;

- как уже отмечалось, составлять и предлагать дознавателю проекты текстов обвинительных документов, подробно обосновывая собственную правовую позицию.

Здесь в беседах с дознавателем и иными представителями стороны обвинения, нужно быть готовым к возможно недостаточной профессиональной квалификации последних, волоките, неэффективности, а иногда и полному нежеланию работать по делу. Часто встречаются не всегда полезные личностные и ведомственные стереотипы мышления и поведения: отказ от уголовного преследования по мотиву «наличия гражданско-правовых отношений»; преобладание в сознании дознавателя защитительных позиций и установок; ссылки на отсутствие в данный момент судебной перспективы по делу при полном нежелании инициативно и наступательно искать,

собирать и использовать новые доказательства (культивирование принципа: «принесите нам все на блюдечке, а мы там посмотрим...»); опасение дальнейшего прекращения дела по реабилитирующему основанию и связанных с этим неблагоприятных последствий: снижения показателей отчетности и вероятности реабилитации; и т.п. Не редки и намеки на то, что дознаватель хотел бы иметь личный, в том числе и корыстный интерес в расследовании, то есть попытки склонения к коррупционным правонарушениям.

Уверен, что большинство дознавателей честные и порядочные люди, однако изложенное все же имеет место в отдельных случаях. Заинтересованным лицам необходимо учитывать это и все же последовательно, настойчиво, а главное - юридически грамотно обосновывать и настаивать на своей правовой позиции (позиции обвинения) как на уровне тактики поведения, так и на уровне составления документов.

- при необходимости активно использовать права на обжалование (например, глава 16 УПК РФ), отводы (глава 9 УПК РФ) и т.д.

В ходе, либо по результатам реализации этих рекомендаций - многое зависит от конкретной ситуации по делу, личностных качеств должника, его представителя, следует тщательно спланировать и реализовать тактическую операцию, которую можно условно назвать: «переговоры с процессуальными противниками». Для успеха тактической операции следует изучить разработанные криминалистикой рекомендации, в частности, тактику допроса и очной ставки, другие положения криминалистической тактики, а также методику расследования мошенничества и иных упомянутых выше преступлений. Здесь необходимо использовать:

- доводы собственной правовой позиции;
- предъявление проектов процессуальных документов, в том числе, документов обвинения;
- предлагать совместное моделирование, прогнозирование выгодной для заинтересованных лиц судебной перспективы по уголовному делу, то есть будущих неблагоприятных последствий отказа или уклонения от возмещения ущерба, уплаты долга.

Цель заинтересованных лиц в данной тактической операции вполне очевидна - мотивировать должника выплатить средства, возместить ущерб притом, что первые заинтересованы именно в этом, а не в суровом уголовном наказании, иных неблагоприятных последствиях. Ключевым тезисом тактической операции следует принять такую фразу: *«Давайте лучше договоримся по-хорошему, во избежание вот таких-то негативных последствий...»*. Данный тезис должен быть подкреплен не только гражданско-правовыми, гражданско-процессуальными аргументами, но и всеми средствами, имеющими, как видим, уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и наконец - криминалистическую природу.

Так, в уже приведенной нами работе рекомендуется использовать аргументы по поводу предъявления (правомерной угрозы предъявления) гражданского иска в уголовном процессе. В плане тактики подготовки к соответствующей беседе необходимо предусмотреть следующие аргументы:

- ответчиками по гражданскому иску могут выступать все лица, причастные к совершению преступления. В рамках одного процесса можно проверить и настоящего, и бывшего собственника, и оставшихся учредителей;
- возмещение ущерба, обеспечение иных интересов гражданского истца может производиться из имущества всех причастных лиц;
- эффективны в таком случае и обеспечительные меры. Для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что

оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого (ст. 115 УПК РФ);

- при этом в качестве тактического приема в рамках беседы, разумеется, следует в нужный момент и уверенно произнести сакраментальную фразу о том, что добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, являются смягчающими обстоятельствами при назначении наказания. По уголовно-законодательству РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред (ст. ст. 61, 76 УК РФ).

Здесь лишь кратко рассмотрены некоторые аспекты использования уголовно-правовых и криминалистических средств в отношении недобросовестных должников. Но изложенное дает достаточные основания утверждать, что их применение наряду, а вернее в системе, в рациональной, тщательно продуманной совокупности с гражданско-правовыми, арбитражными и иными средствами, позволяет преодолеть законодательные пробелы и распространенные дефекты неэффективного правоприменения, реально защитить законные права и интересы добросовестных граждан – кредиторов и потерпевших от преступлений.

Полагаю, что в методологическом и научно-дидактическом плане научные положения и комплексные криминалистические рекомендации по противодействию криминальному невозвращению долгов могут и должны разрабатываться в рамках двух разделов науки: криминалистической тактики и криминалистической методики расследования. Этому следует посвятить не одно, а пожалуй даже несколько, причем, что очень важно - именно прикладных межотраслевых исследований монографического характера.

Список литературы

1. Волчецкая Т. С. Перспективы и пути развития современной криминалистики // Современное состояние и перспективы развития криминалистики. Сб. науч. трудов / Под ред. Н. П. Яблокова и В. Ю. Шепитько. – Х.: Апостиль, 2012. – С. 7-8.
 2. Скобликов П. А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: теория и практика противодействия. М., Норма, 2008. – 160 с.
 3. Косихин Д., Галимов М., Асрянц С., Качкова А. Как наказать мошенника // ЭЖ-Юрист. 2011. № 49. - С. 13.
 4. Косихин Д., Галимов М., Асрянц С., Качкова А. Как наказать мошенника // ЭЖ-Юрист. 2011. № 49. - С. 13.
 5. Скобликов П. А. Как мотивировать преступников возместить ущерб // ЭЖ-Юрист. 2012. № 9. - С. 1,7.
 6. Википедия (Свободная энциклопедия). <[http://ru.wikipedia.org/wiki/Долговая тюрьма](http://ru.wikipedia.org/wiki/Долговая_тюрьма)>(последнее посещение – 10 мая 2015 г.).
 7. Федеральный закон от 27.11.2007 № 272-ФЗ «О внесении изменения в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.12.2007. № 49. ст. 6033.
- Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

Garmaev Yu. Criminalistic resources combating of illegal debt retention // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 204 – 211.

The article with forensic and interdisciplinary perspectives discussed issues related to countering unscrupulous debtors. Analyzes the typical and widespread enforcement situation when:

- victims in the criminal case, which caused material and other damage, can not get his compensation from the convicted (in the framework of a civil action in a criminal case or a single production), even in cases where the perpetrator is solvent.
- The lender after the entry into force of the judgment (in civil, arbitration proceedings, the administrative case) can not actually collect the debt and bring the debtor to legal liability, despite clear signs of platezhosobnosti debtor.

The problems of qualification, detection and investigation of crimes envisaged by Articles 177 and 315 of the Criminal Code, deals with some other criminal law and criminal procedure, is intended to become part of the basis for the development and application of forensic software to counter wrongful bad debts.

In the interest of lenders, victims and civil plaintiffs in criminal cases it is proposed to conduct a strategic operation, "the negotiations with the procedural adversaries" and other activities. The goal of the interested parties - to motivate the debtor to repay debt, to pay damages. The article formulirutesya concluded that the use of criminal law and forensic tools against unscrupulous debtors, in a rational, carefully considered together with the civil law and by other means, can overcome the legislative gaps and common defects ineffective enforcement actually protect the legitimate rights and interests bona fide citizens - creditors and victims of crimes.

In the methodological and scientific-didactic plan of scientific principles and complex forensic recommendations to combat criminal bad debts can and should be developed in the framework of the two branches of science of criminology: forensic tactics and criminal investigation techniques. It should devote more application interbranch researches monographic

Keywords: dishonest debtor, the creditor and to protect the interests of the victim in a criminal case, bad debts, forensic tools, forensic technique.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЯВЛЕНИЯ ХОДАТАЙСТВА О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Попова Е. И.

*ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления»*

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации содержится гл. 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Эффективность этого правового института не вызывает сомнений, однако своего разрешения требуют многие проблемы, возникающие при его реализации на практике. Автор обозначает некоторые из этих проблем и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, следователь, надзирающий прокурор, особый порядок судебного разбирательства, подозреваемый, обвиняемый.

Уже давно назрела необходимость поиска путей привлечения к сотрудничеству с правоохранительными органами лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах¹. Отметим, что поиск эффективных мер, стимулирующих позитивное посткриминальное поведение обвиняемых велся в нашей стране давно. И это неудивительно, поскольку лицо, раскаявшееся в совершенном преступлении и готовое помогать расследованию, действительно способно оказать существенную помощь в точном установлении значимых обстоятельств дела². Так, в 2009 году Федеральным законом № 141-ФЗ от 29 июня 2009 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ введена глава 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»³. Как отмечается в литературе, этот правовой институт за недолгий срок своего существования не раз демонстрировал эффективность правового стимулирования помощи расследованию со стороны обвиняемых и заслужил в целом положительную оценку правоприменителей и ученых⁴.

Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны

¹ Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. В., 2011. С. 4.

² Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 24. С. 5.

³ Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.06.2009. № 26. ст. 3139.

⁴ Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 24. С. 5.

согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Следует указать, что при толковании положений гл. 40.1 УПК РФ мнения ученых по поводу того, какие категории лиц, подвергающихся уголовному преследованию, в действительности имеют право на заключение досудебного соглашения, разделились. Одна точка зрения сводится к тому, что досудебное соглашение о сотрудничестве можно заключать только с лицами, совершившими преступления в соучастии⁵. Есть и другое мнение. Так, отмечается, что нет оснований для отказа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с лицом, совершившим преступление в одиночку. Однако, при этом должен быть соблюден ряд условий, к которым нужно отнести обязательность активного содействия обвиняемого следствию, необходимость в таком содействии для органов следствия; должны иметь место уголовные дела, возбужденные в результате такого сотрудничества⁶. Несмотря на противоречивость мнений, представляется, что закон не ограничивает действие уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм той или иной категорией⁷ преступлений, их тяжестью или групповым характером совершения⁸.

Согласно ст. 317.1 УПК РФ ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть подано подозреваемым или обвиняемым в письменном виде на имя прокурора через следователя.

Подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия (ч.2 ст. 317.1 УПК РФ). П.55 ст.5 УПК РФ определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Соответственно уголовное преследование возможно с момента появления в уголовном судопроизводстве одного из указанных выше участников процесса.

При этом ч.1 ст. 46 УПК РФ указывает, что «Подозреваемым является лицо: 1) либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 настоящего Кодекса; 2) либо которое задержано в соответствии со ст. ст. 91 и 92 настоящего Кодекса; 3) либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 настоящего Кодекса; 4) либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 настоящего Кодекса».

В свою очередь «обвиняемым признается лицо, в отношении которого: 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление» (ч.1 ст. 47 УПК РФ).

Таким образом, лицо вправе ходатайствовать о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве только после приобретения процессуального статуса

⁵ Башкатов Л.Н. Глава 40.1. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный). 7-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов, М.В. Боровский, Г.Н. Ветрова и др. Проспект, 2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant-plus.ru> – Загл. с экрана. (дата обращения 17.01.2011); Великий Д.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. – 2010. – №2. – С. 85.

⁶ Гричаниченко А.В. Особый порядок принятия судебного решения: сравнительный анализ содержания главы 40 и главы 40.1 УПК РФ, проблемы их применения // Уголовное право. 2010. №1. С. 82.

⁷ Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С.5.

⁸ Зуев С.В. Новая глава УПК // Законность. 2009. №9. С. 17.

подозреваемого или обвиняемого.

В тоже время «в главе 40.1 УПК РФ нет четкой нормы о том, когда или в какой момент следователь обязан разъяснить подозреваемому или обвиняемому как право ходатайствовать о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, так и процедуру заявления и рассмотрения такого ходатайства, последствия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве»⁹. В связи с этим мы поддерживаем мнение о необходимости законодательно закрепить в ст. 46, 47 УПК РФ право подозреваемого, обвиняемого принять решение о заявлении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве¹⁰. Однако, считаем необходимым в пункте соответствующей статьи, который будет закреплять данное право дополнительно указывать, что подозреваемый (обвиняемый) может завить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве только после консультаций с защитником. Представляется, что в данном случае правило о необходимости обязательности подписания ходатайства защитником, изложенное в ч.1 ст. 317.1 УПК РФ будет вполне логичным, поскольку нормы гл. 40.1 УПК РФ в действующей редакции не дают четкого понимания того, что ходатайство может быть заявлено только после консультации подозреваемого, обвиняемого защитником, в рамках которой последний должен разъяснить сущность и правовые последствия заявления досудебного соглашения о сотрудничестве. Вместе с тем отметим, что, несмотря на отсутствие прямого указания закона на необходимость консультации с защитником до заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, следователи принимают такие ходатайства только после осуществления указанных консультаций, предварительно обеспечивая участие защитника, если ранее он не участвовал в уголовном судопроизводстве.

Возвращаясь к вопросу обязательности подписания ходатайства защитником, хотелось бы проанализировать мнение Р.Р. Саркисянца. Автор отмечает: «В случае отказа защитника подписать ходатайство подозреваемый (обвиняемый) вправе просить его замены. Вместе с тем соответствующего основания отвода защитника в законе не предусмотрено. В данном случае, у защитника появляется обязанность подписать ходатайство о сотрудничестве (если сам подзащитный на этом настаивает) вне зависимости от того, как он сам относится к таковому и считает ли он, что заключение сотрудничества находится в пределах интересов, которые им защищаются или нет»¹¹.

Библиография относительно высказанной точки зрения, во-первых хотелось бы заметить, что согласно п.3 ч.4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя¹². Поэтому отказаться от подписания досудебного соглашения защитник вправе только при условии, что убежден в самоговоре подзащитного. Во-вторых, подозреваемые (обвиняемые), которым в большинстве случаев присуща правовая безграмотность, как правило, прислушиваются, а иногда и слепо доверяют, своему адвокату. Защитник

⁹Саркисянц Р.Р. К вопросу о правах и обязанностях стороны защиты в досудебном соглашении о сотрудничестве // Российский следователь. 2012. № 5. С.18.

¹⁰Саркисянц Р.Р. К вопросу о реализации условий досудебного соглашения при расследовании уголовного дела // Российский следователь. 2013. №19. С.47

¹¹Саркисянц Р.Р. К вопросу о правах и обязанностях стороны защиты в досудебном соглашении о сотрудничестве // Российский следователь. 2012. № 5. С.19.

¹²Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002, № 23, ст. 2102.

же, оценив следственную ситуацию, сложившуюся в данный момент, обязан честно, разумно и добросовестно (п.1. ч.1 ст. 7 Закона об адвокатуре) подойти к вопросу о необходимости заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в интересах подзащитного и разъяснить ему не только содержание норм гл. 40.1 УПК РФ, но и целесообразность заключения соглашения в данном конкретном случае. Таким образом, в рамках консультаций защитник и подозреваемый (обвиняемый) обычно оговаривают их общую линию поведения, поэтому вероятность наступления ситуации на которые указывает Р. Р. Саркисянц минимальна.

В соответствии с ч.2 ст. 317.1 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый в ходатайстве должен указать, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Вместе с тем, существует точка зрения о том, что подозреваемый, обвиняемый, составляя ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве вправе ограничиться изложением своих намерений содействовать следствию, не сообщая при этом сведений, которыми он располагает, и не указывать конкретные действия, которые он обязуется выполнить в рамках предполагаемого сотрудничества¹³.

И действительно, для разрешения ходатайства следователь должен удостовериться в следующем:

1) Подозреваемый (обвиняемый) действительно располагает сведениями, которые могут содействовать раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других участников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления;

2) Сведения, которые может сообщить подозреваемый (обвиняемый), не были получены из других источников в ходе доследственной проверки или предварительного следствия;

3) В рамках предполагаемого сотрудничества с участием подозреваемого (обвиняемого) могут быть произведены следственные и иные процессуальные действия, необходимые для достижения целей, указанных в ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ¹⁴.

4) подозреваемый (обвиняемый) действительно виновен в совершении преступления.

Подтверждение сказанному мы находим в п. 1.5 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 "Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам" (далее Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107), где специально оговаривается, что в ходатайстве должны указываться не только сами действия, которые обязуется совершить подозреваемый обвиняемый, но и характер таких действий. В их числе следующие: добровольное участие в следственных действиях, проводимых как по возбужденному в отношении лица уголовному делу, так и по другим уголовным делам, в проведении оперативно-розыскных мероприятий, способствующих выявлению готовящегося, совершаемого или совершенного преступления, а также сообщение о месте нахождения разыскиваемого лица, имуществе, добытом преступным путем, о структуре преступной организации, ее руководителях и др. Далее приказом

¹³Саркисянц Р.Р. К вопросу о правах и обязанностях стороны защиты в досудебном соглашении о сотрудничестве // Российский следователь. 2012. № 5. С.20.

¹⁴Тисен О.Н. Порядок заявления ходатайства о сотрудничестве со следствием // Уголовный процесс. 2011. № 6. С.47.

обращается внимание работников прокуратуры на возможность реального исполнения указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве действий.

Без уяснения указанных обстоятельств следователь не может принять обоснованного решения о необходимости сотрудничества, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ с лицом, подвергающимся уголовному преследованию.

15. Таковы лишь некоторые из проблемных вопросов, возникающих при заявлении подозреваемым (обвиняемым) ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В целом же изучение правового института, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ и практики его применения требует глубокого анализа и, вероятнее всего, станет предметом ряда монографических исследований ученых процессуалистов, криминалистов и криминологов.

Список литературы:

1. Башкатов Л.Н. Глава 40.1. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный). 7-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов, М.В. Боровский, Г.Н. Ветрова и др. Проспект, 2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant-plus.ru> – Загл. с экрана. (дата обращения 17.01.2011); Великий Д.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2010. №2. С. 85.
2. Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 26 с.
3. Гричаниченко А.В. Особый порядок принятия судебного решения: сравнительный анализ содержания главы 40 и главы 40.1 УПК РФ, проблемы их применения // Уголовное право. 2010. №1. С. 82.
4. Зуев С.В. Новая глава УПК // Законность. 2009. №9. С. 17.
5. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 24. С. 5.
6. Саркисянц Р.Р. К вопросу о правах и обязанностях стороны защиты в досудебном соглашении о сотрудничестве // Российский следователь. 2012. № 5. С.18-47.
7. Тисен О.Н. Порядок заявления ходатайства о сотрудничестве со следствием // Уголовный процесс. 2011. № 6. С.47.
8. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002, № 23, ст. 2102.
9. Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.06.2009. № 26. ст. 3139.

Popova E. Some problems of the statement of the petition for concluding a pre-trial agreement on cooperation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 212 – 216.

In the Criminal procedure code of the Russian Federation contains a Chapter 40.1 "Special procedure for the adoption of a judicial decision at the conclusion of pretrial agreement on cooperation. The effectiveness of this legal institution is not in doubt, but their resolution will require many problems encountered during its implementation in practice. The author refers to some of these problems and offers ways of their solution.

Keywords: pretrial cooperation agreement, investigator, supervising Prosecutor, special trial order, the suspect, the accused.

УДК 343.983

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Чернецкий О. К.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Статья посвящена проблеме эксперимента в поисках новых или подтверждения старых событий. В большинстве случаев, исследования проводились для оценки правильности или неправильности некоторых теоретических и практических положений, которые были получены в ходе расследования. Таким образом, результаты оценки экспериментального действия следователя в процессе эксперимента является довольно сложным и не всегда однозначными.

Ключевые слова: следственный эксперимент, надежность, вероятность, оценка результатов следственного эксперимента.

На досудебном следствии к эксперименту обращаются в поисках новых или подтверждение старых событий. В большинстве случаев исследования проводят с целью оценки правильности или ошибочности определенных теоретических и практических положений, которые были получены в процессе расследования. Поэтому оценка результатов опытных действий следователя в процессе проведения эксперимента носит достаточно сложный характер и далеко не всегда однозначна.

На наш взгляд, определение положительным или отрицательным результат следственного эксперимента должно соотносится с версией следователя, которая проверяется раз путем проведения опытов. Например, когда проверяется возможность лица видеть в определенных условиях те или иные объекты, согласно гипотезе следователя относительно возможности этого.

Мы согласны с В.Е. Коновалова, что результат следственного эксперимента может быть положительным (лицо в процессе эксперимента видит) и отрицательным (лицо в определенных условиях не видит) [1, с. 10-16]. Положительный результат проведенного следственного эксперимента позволяет установить возможность существования того или иного факта именно путем проведения опытов, а отрицательный исключает возможность установления этих фактов путем проведения опытов.

Надо отметить, что с помощью следственного эксперимента выделенная гипотеза либо подтверждается в своей сущности, либо опровергается. При этом следует иметь в виду: только путем эксперимента сущность гипотезы не может быть доказана абсолютно [2, с. 90]. На наш взгляд, в процессе проведения эксперимента следователь может получить на поставленные вопросы отрицательные (отрицающие) или положительные (утвердительные) ответы. В любом случае нельзя утверждать о исключительно отрицательном или положительном результате эксперимента. Оба результата - как положительный, так и отрицательный – имеют значение для установления истины.

Результаты следственного эксперимента интерпретируются как наличие объективных возможностей осуществления определенного действия или события и как

субъективная возможность выполнения определенного действия определенным лицом. Сделанные на этой основе выводы могут носить достоверный или вероятный характер.

Достоверность выводов результатов следственного эксперимента зависит от характера этих самых результатов. Достоверный вывод может быть сделан только из достоверных результатов эксперимента. Если одна часть опытов приводит к одному результату, а другая – к другому из таких результатов не может быть сделан достоверный вывод.

В отношении отдельных видов следственного эксперимента отметим, что вопрос о достоверности выводов и их результатов практически превращается в вопрос о достоверной ценности результатов проведенных опытов. С этой точки зрения все указанные ранее виды следственных экспериментов могут быть разделены на две группы: следственные эксперименты, которыми устанавливается возможность или невозможность того или иного факта или явления (возможность наблюдения, восприятия факта или явления, возможность осуществления того или иного действия, возможность существования явления), и следственные эксперименты, которыми устанавливается возможность существования самого факта или процесса его происхождения. Однако, установление возможности еще не означает установления подлинности. Например, если при проведении эксперимента установлено, что выстрел, прозвучавший во дворе дома, слышно в комнате, где живет свидетель, это означает, что он мог его слышать, но не говорит о том, что он его слышал в действительности.

Установления возможности того или иного факта означает вероятность его существования, но не дает основания утверждать категорически, что этот факт действительно имел место в момент расследуемого события. Отрицательное решение, то есть утверждение о невозможности соответствующего факта, явления, означает его невозможность в момент расследуемого события, если результаты эксперимента достоверны. Например, если экспериментом установлена невозможность проникновения взрослого человека в пролом, обнаруженный в потолке магазина, то это будет означать, что при совершении кражи взрослый человек не пролезал в этот пролом [3, с. 150]. Таким образом, отрицательный результат эксперимента при его достоверности носит категорический характер и позволяет на его основе совершить не вероятный, а достоверный вывод.

При проведении следственных экспериментов, которыми устанавливается содержание самого факта или процесса его происхождения, решается вопрос о том, как произошло то или иное событие или как образовывались следы этого события. Выводы по результатам данных экспериментов могут также носить как достоверный, так и вероятный характер. Если путем эксперимента устанавливается, что определенное событие могло произойти только так и не иначе или только не так, а как угодно иначе, то выводы из подобных результатов эксперимента будут носить категорический, достоверный характер. В тех же случаях, когда следственным экспериментом устанавливается лишь возможность определенной череды событий, возможность образования следов, таким образом, то выводы из результатов этих экспериментов будут только вероятными, так как возможность череды событий подобным образом еще не исключает, что она протекала иначе, еще не позволяет утверждать, что она протекала только так.

Вероятностный характер выводов по результатам следственного эксперимента не является препятствием для выдвижения предположения.

В зависимости от степени вероятности надо различать формальную и реальную возможность развития событий. Формальным считается такое развитие событий, которое само по себе не противоречит установленным экспериментальным

данным, когда результаты эксперимента не исключают, а допускают такое развитие. В отличие от формальной, реальная характеризуется большей вероятностью событий за счет наличия дополнительных условий ее реализации. Здесь результаты следственного действия не просто допускают, но предполагают именно такое развитие события, как это происходило в эксперименте. Так же результаты следственного эксперимента могут быть с большей вероятностью распространены на реальную ситуацию преступления, если они подтверждаются другими материалами уголовного дела или доказано полное совпадение условий, в которых проводился эксперимент. По своей доказательности вывод в данном случае будет приближаться к категорическому выводу.

Несмотря на то, что вероятные данные не могут быть положены в основу обвинительного заключения и приговора суда, все же нельзя отрицать значение установления степени вероятности события. Это важно, прежде всего, для формирования новых следственных версий, определения перспективных направлений расследования или планирования экспертных исследований.

Итак, результаты следственного эксперимента можно признать достоверными, если:

- все необходимые условия, существовавшие в реальной действительности, в ходе события прошлого, которые проверяются, воспроизведены или соблюдены;
- существенных изменений в обстановку не вносилось и имеющиеся отклонения никакого влияния на результат эксперимента не обнаружены;
- достаточное количество проведенных опытов для определения достоверности эксперимента.

Изложенные различия между достоверностью и вероятностью выводов следственного эксперимента объясняют, почему выводы из результатов следственного эксперимента только тогда могут служить подтверждением или опровержением версий, когда они достоверны. В тех случаях, когда выводы по результатам следственного эксперимента являются основанием лишь для выдвижения тех или иных предположений, они могут быть как достоверными, так и вероятными, так как наличие вероятных по своему характеру данных не является препятствием для выдвижения следственных версий.

Результаты следственного эксперимента должны рассматриваться только в совокупности с другими материалами расследуемого уголовного дела, как правило, они подтверждают или опровергают имеющиеся у следователя предположения или сами становятся базой для нового предположения о факте или явлении. Чтобы результаты эксперимента могли быть основанием или опровержением версии, которая фигурировала в деле, заключения следователя по результатам эксперимента должны быть достоверны, то есть настоящие, должны отражать объективно существующую действительность.

Результаты проведенного следственного эксперимента оцениваются следователем на основе общих логических правил, к которым относятся:

- Правильность определения цели;
- Условия проведения;
- Содержание и ход исследуемых событий;
- Достоверность полученных данных и соответствие их другим установленным по делу доказательствам.

На следователя возложена обязанность проверить полноту документирования и его соответствие действительности. Здесь речь идет о протоколах, фотографиях, чертежах, схемах, документах, в которых фиксируются данные измерений, в ряде случаев правильность проведенных расчетов, сводные формы для итоговой оценки результатов опытов. Особенно тщательно следует проверять выводы и мотивы, сви-

детельствующие «за» и «против» вероятных суждений, которые на основе эксперимента должны быть тщательно интерпретированы и точно отграниченные от констатации фактов.

Таким образом, процесс оценки результатов эксперимента заключается в:

- проверке правильности воспроизводимых условий и обстановки, в которых проводился эксперимент;
- проверке правильности сделанных опытных действий;
- оценке личных качеств участника, показания которого проверяются;
- сопоставлении полученных выводов с другими доказательствами по делу.

Выводы результатов следственного эксперимента могут быть использованы следователем при дальнейшем расследовании: как основание для повторного проведения тех или иных следственных действий и в качественном проведении следственных действий, которые еще не проводились, или вообще не планировались проводиться. На практике особенно часто встречается повторный осмотр места происшествия, допрос свидетелей и обвиняемых. Например, повторный допрос свидетелей и обвиняемых после проведения следственного эксперимента проводится тогда, когда:

а) эксперимент проводился для проверки их показаний, результаты следственного эксперимента позволяют сделать вывод о том, что эти показания недостоверны;

б) эксперимент проводился не для проверки их показаний, а с другой целью, но обстоятельства, установленные экспериментальным путем, объективно противоречат этим показаниям;

в) эксперимент явился средством, напомнившим допрашиваемому те или иные обстоятельства, имеющие значение для дела.

Результаты следственного эксперимента могут быть использованы как средства, разоблачающие допрашиваемого в ложных показаниях уже при первом допросе, если следственный эксперимент проводился по данным, полученным в ходе допроса других лиц, несмотря на аналогичные обстоятельства дела.

Еще Ганс Гросс приводил пример, когда путем следственного эксперимента установили место, откуда потерпевший был сброшен в воду (на макете, по форме и весу соответствующем трупу) [4, с. 89]. В этом случае следственный эксперимент логично вызвал проведение следственного осмотра того места, которое, по результатам эксперимента, могло оказаться местом совершения преступления.

Исходя из результатов эксперимента, следователь может решить вопрос и о необходимости проведения осмотра других предметов: одежды, на которой должны были остаться следы краски или мела при проникновении через определенное отверстие в помещение, орудий, которые вероятнее всего могли быть использованы при совершении преступления и т.п.

По результатам следственного эксперимента может быть назначена судебная экспертиза, когда требуются специальные познания в области науки, искусства или ремесла. Так, например, если в процессе следственного эксперимента будет установлено, что ключами, найденными при обыске у подозреваемого, можно открыть замок в комнату потерпевшего, то потребуется проведение экспертизы для выявления на этом замке следов от этих ключей.

Подводя итоги необходимо сделать определенные выводы:

1. Результаты следственного эксперимента должны рассматриваться только в совокупности с другими материалами расследуемого уголовного дела.
2. Результаты следственных экспериментов признаются в качестве доказа-

тельств и оцениваются по общим правилам оценки доказательств, собранных органами предварительного следствия.

3. Доказательственная база результатов следственного эксперимента определяется только достоверностью этих результатов и правильностью сделанных из них выводов.

4. При оценке результатов следственного эксперимента следователь учитывает прежде степени сходства (аналогичности) между условиями эксперимента и условиями исследуемого события.

Список литературы

16. Коновалова В.Е. Психологическая характеристика следственного эксперимента [Текст]// Криминалистика и судебная экспертиза: сб. науч. тр./ отв. Ред. Яворский А.Е. – К.; РИО МВД Украины, 1976. – Вып. 12. – С. – 10-16.
17. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма [Текст]. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. – 90.
18. Левшиц Е.М. Белкин Р.С. Тактика следственных действий [текст]. М., - 1997. – с. – 150.
19. Старченко А.А. Логика в судебном исследовании [Текст]. – М., Госюриздат, 1958. – С. 89.

Chernetskii O. Evaluation of the results of the investigative experiment // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 217 – 221.

Refer to the experiment in search of new or confirmation of old events. In most cases, studies were performed to evaluate the correctness or incorrectness of certain theoretical and practical provisions, which were obtained during the investigation. Therefore, the evaluation results of the pilot actions of the investigator in the process of the experiment is rather complex and not always unambiguous.

In the course of the experiment, the investigator can get at these questions negative (deny) or positive (affirmative) responses. In any case, we cannot assert the exclusively negative or positive the result of the experiment. Both results - positive and negative - are important to establish the truth.

The results of the investigative experiment is interpreted as having the objective ability to carry out a certain action or event and as a subjective ability to perform a certain action a certain person. Made on this basis, the conclusions can carry accurate or probable character.

Keywords: investigative experiment, reliability, probability, evaluation of the results of the investigative experiment.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.1

РЕГУЛЯТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Ротань В. Г.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье излагается новое понимание принципов гражданского права как таких конституционных, международно-правовых и законодательных положений, которые содержат в себе нормативный регулятор и декларацию субъекта правотворчества о его намерениях. Принципы гражданского права всегда текстуально закрепляются и не могут «выводиться» из ряда или многочисленных положений. Наличие в содержании принципов нормативного регулятора и декларации ставит задачу их разграничения. Такое разграничение проводится по критерию социального контекста, то есть оценки способности гражданских отношений воспринять принцип как нормативный регулятор. Осуществление такой оценки является сложнейшей задачей правоприменительных органов, что иллюстрируется, в частности, практикой Верховного суда США. Регулятивная роль принципов гражданского права заключается в том, что в той мере, в коей они закрепляют правовые нормы, они непосредственно регулируют гражданские отношения. Поэтому они подлежат прямому применению, что диктует необходимость отказа от правовой конструкции аналогии права. Но принципы как закрепляющие общие нормы не могут конкурировать при правоприменении со специальными нормами одного и того же иерархического уровня. Принцип добросовестности, закрепленный в п.3 ст.1 ГК, также содержит в себе правовую норму и декларацию. Эта правовая норма закрепляется также отдельно в виде запрета на злоупотребление правом в п.1 ст.10 ГК.

Ключевые слова: гражданское право; принцип; правовая норма; декларация; социальный контекст; применение принципов; аналогия права; общие нормы; специальные нормы; принцип добросовестности; злоупотребление правом.

Принципы гражданского права стали частью правовой реальности. Осмысление их регулятивного значения и связи с конкретными правовыми нормами открыло бы перспективу перехода от интуитивного к рациональному толкованию и применению соответствующих законодательных положений. Однако, до решения проблемы регулятивного значения принципов права еще далеко. Исходя из этого утверждения, следует сделать вывод о том, что к настоящему времени проблема регулятивного значения принципов гражданского права остается актуальной как в теоретическом, так и в практическом отношениях.

Проблема принципов гражданского права в дореволюционное время специально не исследовалась и не была предметом рассмотрения в учебной литературе. В советское время тема принципов стала рассматриваться во всех учебниках гражданского права. Одновременно к проблеме принципов стали обращаться ведущие ученые – цивилисты – М.М. Агарков, С.Н. Братусь, Ю.К. Толстой, В.П. Грибанов, Ю.Х. Калмыков, О.А. Кузнецова. В постсоветское время эта тема стала предметом исследования в докторских диссертациях Е.Г. Комиссаровой (Россия), Н.Л. Бондаренко

(Белорусь), О.В. Басая (Украина). Ряд кандидатских диссертаций, большое количество статей также были посвящены принципам гражданского права. При этом отраслевые (гражданско-правовые) исследования опирались на научные идеи, разработанные в теории права С.С. Алексеевым, М.И. Байтиным, А.М. Васильевым, Е.А. Лукашевой и другими учеными.

Целью этой статьи является разработка теоретических положений о регулятивном значении принципов гражданского права, и практических рекомендаций по применению принципов гражданского права.

В отечественной научной литературе преимущественно господствует декларативный подход к определению принципов права, в том числе гражданского. Принципы определяются как руководящие, основополагающие идеи, пронизывающие всю систему права или ее отдельную отрасль. Эта характеристика дополняется метафорами типа «принципы – это несущие конструкции», «сгустки правовой материи» или «режиссер-постановщик за сценой». Любопытно, что в иностранных источниках также предпринимаются попытки охарактеризовать принципы права при помощи художественных образов: принципы – это душа или даже сверх-душа права (А. Барак); принципы – это якорь, без которого закон похожий на дом без фундамента (М. Чешин). В противоположность этому, Е.Г. Комиссарова утверждает, что до недавнего времени юридические исследования в этой области ограничивались формально-логическим анализом положений действующего законодательства [6, с.3], то есть как раз регулятивным аспектом. Но она пишет также, что принципы по-прежнему рассматриваются не как результат правотворчества, а как его предпосылка, и со ссылкой на О.Н. Садикова утверждает, что результаты исследования принципов гражданского права надлежит оценивать как более чем скромные [6, с.24]. Такую же мысль высказывает и В.И. Бородянский: «... Степень уяснения принципов гражданского права, их действия и полученные научные результаты надлежит оценивать как более чем скромные [2, с.4].

Чтобы исследовать регулятивную роль принципов гражданского права, необходимо определить, чем же отличаются принципы гражданского права от конкретных (типичных) правовых норм. Очевидно, что для осуществления такого отличия указания на то, что принципами являются руководящие положения, явно недостаточно. Поэтому Е.Г. Комиссарова пишет, что содержательное различие правовых норм, установленных законодательством, и принципов заключается в объеме сферы их регулятивного воздействия: если правовая норма регулирует «те или иные отношения», то принцип «предполагает бесконечное число применений» [6, с.19-20]. Нетрудно заметить, что предложенный критерий является весьма неопределенным, ибо любая правовая норма рассчитана на неопределенное (бесконечное) число применений, а любой принцип распространяется на «те или иные отношения». Эту неопределенность ощущает и Е.Г. Комиссарова. Поэтому она предложила еще один критерий – принципы закрепляются, как правило, в начальных статьях нормативного акта [6, с.20]. Если же эти правила нарушаются, добавим от себя, то и названный критерий утрачивается.

Автор настоящей статьи осмеливается предложить научному сообществу для обсуждения положение о том, что принципы гражданского права – это законодательные положения высшего уровня обобщения, которые содержат в себе не только нормативный регулятор, а и декларацию о намерениях субъекта правотворчества,

который принимает Конституцию или законодательный акт. Так, положение п. 2 ст. 1 ГК («граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своем интересе») закрепляет один из основных принципов гражданского права (одно из основных начал гражданского законодательства). Оно содержит в себе не только правовую норму, а и декларацию законодателя. Напротив, в ст. 421 ГК устанавливаются правовые нормы. Поэтому тут общая норма, которая признает граждан и юридических лиц свободными в заключении договора, дополняется рядом специальных норм, одна из которых допускает даже понуждение к заключению договора. Поскольку в цитированном положении п.2 ст.1 ГК закрепляется не только правовая норма, но и декларация, следует сделать вывод о том, что специальные гражданско-правовые нормы, текстуально закрепленные в ст.421 ГК, вообще не конкурируют с правовой нормой, закрепленной в п.2 ст.1 ГК, а лишь противоречат декларации, провозглашаемой в этом законодательном положении.

Принципы гражданского права текстуально закрепляются в нормативно-правовых актах (Конституции и законодательных актах). В теории осуществлялись попытки доказать существование принципов, которые выводятся из многочисленных норм соответствующей отрасли права [9, с.23-26]. Однако же Конституция и законы не дают оснований для вывода о возможности совершения подобного рода манипуляций в процессе работы с нормативным материалом. Только при применении аналогии права законодатель предписывает исходить, в частности из «смысла гражданского права» (ч. 2 ст. 6 ГК). Очевидно, как раз этот «смысл» и надо вывести из многочисленных положений актов гражданского законодательства. Но это нормативное положение нуждается в детальном обсуждении. Мы имеем развитую систему права, в том числе и развитую систему принципов права, закреплены в Конституции и законах, устраняют все пробелы в праве и исключают потребность в поисках «смысла» законодательства в отрыве от закрепленных в Конституции и законах принципов (основных начал). Несмотря на это, ч. 2 ст. 6 ГК отсылает нас к трудно уловимой категории смысла гражданского права. В науке иногда говорят даже о «духе» закона. Но законодатель в позднее, чем Гражданский кодекс, принятом Гражданском процессуальном кодексе аналогию права определяет уже без ссылки на «смысл правосудия». Термин «смысл» (гражданского законодательства) законодатель в ч.2 ст.6 ГК употребляет наряду с терминами «общие начала» (гражданского законодательства), то есть выводит «смысл» за пределы понятия общих начал. Но ниже будет показано, что категория аналогии права в условиях, когда в Конституции и Гражданском кодексе закрепляются принципы (основные начала), стала излишней. Поэтому, если в перспективе законодатель и правоприменительная практика откажется от правовой конструкции аналогии права, то вопрос о таинственном «смысле» гражданского законодательства отпадает сам собой.

Принципы (основные начала) гражданского законодательства и права обычно в научной литературе сводятся к тем, которые закреплены в ст. 1 ГК, а иногда – и в некоторых других положениях Гражданского кодекса. С этим нельзя согласиться. Во-первых сам законодатель в ст. 662 ГК указывает на принцип разумности, которой в ст. 1 ГК не приводится. Этим подтверждается мысль Е.Г. Комиссаровой о том, что принципы гражданского законодательства – это родовое понятие по отношению

к видовому понятию основных начал [6, с.25]. Во-вторых, принципы права, закрепленные в Конституции и международных договорах, в той части, в какой они имеют гражданско-правовое содержание, также должны признаваться принципами гражданского права. А в силу ст. 15 Конституции частью правовой системы России признаются общепризнанные принципы международного права. Хотя первоначально эти принципы имели форму международных обычаев, с принятием Устава ООН они приобрели договорно-правовую форму. при этом важно, что при правоприменении международные договоры имеют преимущество перед национальными законами (ч. 4 ст. 15 Конституции).

Правда, проблема применения конституционных принципов требует проведения дискуссии с целью поиска ее оптимального решения. Очевидно, Постановление Конституционного Суда, которым признается неправильным отказ от применения в конкретном деле закона, неконституционного с точки зрения суда [8], без обращения в связи с этим в Конституционный Суд, не должно признаваться последним словом в правоприменении и науке. Конституция устанавливает положения, предназначенные для повседневного правоприменения. И поиски путей рационального применения Конституции должны вести все суды, а не только Конституционный Суд. Да, при этом будут допускаться ошибки. Пусть таких правоприменительных ошибок будет много. Но взамен правовая система России накопит громадный опыт толкования и применения Конституции, а это – магистральное направление совершенствования правосудия за счет его собственных внутренних ресурсов и ресурсов существующей правовой системы в целом.

Если же таким путем не пойти, будет принижена регулятивная роль Конституции, поскольку суды общей юрисдикции обязаны преимущественно перед национальными законами применять международные договоры Российской Федерации, но не вправе преимущественно перед законами применять Конституцию (до разрешения Конституционным Судом вопроса о соответствии закона Конституции).

Признавая наличие в содержании принципов права нормативного регулятора (правовой нормы) и декларации, мы должны решить вопрос о границе между правовой нормой и декларацией. Это – сложнейшая проблема. Но, ни судьи, ни юридическая наука не имеют морального права уклоняться от ее, пусть и постепенного, разрешения. Скорее всего, такого разрешения и вообще не будет никогда. Но необходимо движение в направлении ее разрешения. Дело в том, что критерий для проведения разграничения между нормативным регулятором (правовой нормой) и декларацией в содержании принципов права является весьма неопределенным. Это – социальный контекст – готовность общественных отношений, на которые распространяется соответствующий принцип, воспринять последний как нормативный регулятор. Покажем это на примере из практики Верховного Суда США, которая описывается в одном из отечественных изданий [5, с.151-153]. Рассматривая в 1904 году дело «Лохнер против штата Нью-Йорк» Верховный Суд США пришел к выводу о том, что ограничение законом штата Нью-Йорк продолжительности рабочего дня рабочих городских пекарен десятью часами противоречит четырнадцатой поправке к Конституции США, из которой вытекает принцип свободы договора (закон, конституционность которого проверял Верховный Суд, запрещал установление трудовыми договорами продолжительности рабочего дня, которая превышает десять часов). Судья О.У. Холмс написал особое мнение, он считал, что закон штата Нью-

Йорк Конституции не противоречит. Примерно через тридцать лет Верховный Суд США по подобным делам стал принимать противоположные решения. В содержании четырнадцатой поправки к Конституции США за указанный период ничего не изменилось, но Верховный Суд США теперь уже пришел к выводу, что не противоречит Конституции ограничение свободы трудового договора путем законодательного установления максимальной продолжительности рабочего дня, минимального размера оплаты труда и т.п. Что же изменилось за тридцать лет? Изменился социальный контекст – общество осознало необходимость защиты интересов наемных работников путем ограничения свободы трудового договора. Соответственно в содержании четырнадцатой поправки к Конституции США сместилась граница между правовой нормой и декларацией.

Учет социального контекста дает ключ к решению многих проблем применения положений Конституции Российской Федерации. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 35 Конституции право наследования гарантируется. При этом какие-либо оговорки о возможности ограничения права наследования в ст. 35 Конституции не содержатся. Это дает основание для вывода о том, что ст. 1117 ГК, определяющая недостойных наследников, противоречит ч. 4 ст. 35 Конституции. Указанное конституционное положение устанавливает общую норму, но она подлежит преимущественному применению перед специальными правовыми нормами, установленными ст. 1117 ГК, поскольку имеет высшую юридическую силу. Выходит, что ст. 1117 ГК не подлежит применению. Однако такой вывод не учитывает, что в ч. 4 ст. 35 Конституции закрепляется не только правовая норма, а и декларация. С учетом социального контекста следует сделать вывод о том, что относительно лиц, которые в ст. 1117 ГК обозначены как недостойные наследники, ч. 4 ст. 35 Конституции не устанавливает норму, а только провозглашает декларацию.

Таким образом, работа судов над толкованием и применением принципов права могла бы стать важнейшим проявлением творческой роли судов. Вместо этого ученые обосновывают необходимость признания правотворческой роли судов [4; 7], с чем согласиться нельзя, ибо правотворчество – это поиск целесообразного решения, а творчество судов – это поиск содержания нормативных положений, в том числе тех, которые закрепляют принципы права.

Изложенное дает основание для ряда теоретических и практических выводов.

Во-первых, было бы целесообразно вообще отказаться от правовой конструкции аналогии права. Принципы в той части, в которой они содержат в себе правовые нормы, регулируют общественные отношения непосредственно и не нуждаются в правовой конструкции аналогии права. О непосредственном юридическом значении как качества основных начал гражданского законодательства пишет Е.Г. Комиссарова [6, с.4]. Но она не делает оговорки о наличии в содержании принципов гражданского права декларации. Поэтому последовательное признание принципов обладающими качествами непосредственного юридического регулятора неизбежно приводит в противоречие с реальностью.

Так же критически следует оценить и мнение Н.Л. Бондаренко о том, что регулятивная роль принципов проявляется в случаях, когда им противоречат правовые нормы [1, с.14]. Принципы – это всегда положения высшего уровня обобщения. Поэтому содержащиеся в них нормы всегда являются общими и как таковые не могут конкурировать со специальными правовыми нормами. Но общие нормы, которые формулируются в принципах, подлежат преимущественному применению перед

специальными (а тем более – перед общими) правовыми нормами, которые устанавливаются нормативно-правовыми актами меньшей юридической силы. И это – еще одно проявление непосредственного юридического значения принципов гражданского права.

Во-вторых, признание непосредственного регулятивного значения принципов права требует разрешения коллизии между принципами права и предписанием п.1 ст.6 ГК применять закон по аналогии. *De lege lata* эта коллизия разрешается в пользу аналогии закона, поскольку из контекста ч.1 ст.6 ГК вытекает, что урегулирование гражданских отношений принципами означает, что «отношения прямо не урегулированы законодательством» (если бы при формулировании ч.1 ст.6 ГК законодатель исходил из того, что регулирование отношений принципами исключает наличие пробелов в законодательстве, то места для аналогии закона не осталось бы, поскольку принципы заполняют все пробелы). Предпочтение, которое законодатель фактически отдает аналогии закона перед принципами (основными или общими началами гражданского законодательства) в ч.1 ст.6 ГК, заслуживает одобрения, поскольку применение конкретной правовой нормы, хотя бы и по аналогии, создает большую правовую определенность, чем применение принципов.

В-третьих, учет изложенного открывает возможность конструктивного разрешения проблемы злоупотребления правом. А.В. Волков в определении злоупотребления правом увязывает это явление с наличием ситуации правовой неопределенности [3, с.257]. На наш взгляд, ситуация правовой неопределенности возникает при этом в силу трех причин. Во-первых, правило о злоупотреблении правом имеет свои корни в принципе добросовестности, закрепленном в п.3 ст.1 ГК, а о трудностях интерпретации и применении принципов гражданского законодательства речь шла несколько выше. Поскольку в п.3 ст.1 ГК формулируется принцип, в нем содержится нормативный регулятор и декларацию. Как указывалось выше, разграничение в принципах правовой нормы и декларации – сложная задача. Но в данном случае ее решение несколько упрощается, поскольку п.1 ст.10 ГК может быть интерпретирован так, что разграничивает правовую норму и декларацию в содержании принципа добросовестности: раз в этом принципе содержится декларация, гражданское законодательство должно быть индифферентным к таким проявлениям недобросовестности, которые являются несущественными. А существенными следует признать такие проявления недобросовестности, которые имеют признак злоупотребления.

Во-вторых, причиной неопределенности в данном случае является то, что термин «злоупотребление» является оценочным со всеми вытекающими отсюда последствиями для определения границ явления, обозначаемого этим термином. Но все же ясно, что там, где заканчивается добросовестность, начинается недобросовестность, а злоупотребление на этой границе не начинается. Между добросовестностью и злоупотреблением есть определенное расстояние, на котором накапливаются элементы недобросовестности. На определенном этапе накопление этих элементов приводят к возникновению качественно нового явления – злоупотребления правом. Такое различие между недобросовестностью и злоупотреблением правом вытекает из п.1 ст.10 ГК, который связывает злоупотребление с исключительным намерением причинить вред, с действиями в обход закона, которые могут быть только умышленными и заведомо (конечно же, умышленными) недобросовестными осуществлениями гражданских прав.

В-третьих, ситуация правовой неопределенности, о которой идет речь, обусловлена неясностью соотношения правовой нормы, текстуально закрепленной в п.1 ст.10 ГК и запрещающей злоупотребление правом, с правовыми нормами, закрепляющими права и обязанности участников гражданских правоотношений. Поверхностный взгляд на это соотношение дает основание для вывода о том, что в п.1

ст.10 ГК закрепляется общая норма, не способная к конкуренции с другими правовыми нормами, которые распространяются на более узкий круг общественных отношений, а потому являющимися в этом соотношении специальными. Однако вывод был бы абсурдным: не мог же законодатель установить правовую норму, которая вообще не подлежит применению. Поэтому более разумно было бы интерпретировать п.1 ст.10 ГК таким образом, что этот пункт хотя и устанавливает общую правовую норму, но эта норма не является несовместимой со специальными правовыми нормами, а потому применяется вместе с последними. Такая совместимость является распространенной, и она не ограничивается соотношением общей правовой нормы, закрепленной в п.1 ст.10 ГК, со специальными правовыми нормами. Одновременное применение общей правовой нормы, закрепляющей злоупотребление правом, и специальных правовых норм означает, что всякое субъективное гражданское право имеет свой предел, за которым это право уже не существует. А действие лица за этим пределом, хотя и не нарушает специальную правовую норму, но нарушает общую правовую норму, которая подлежит применению вместе с указанной специальной нормой.

Следовательно, злоупотребление правом – это всегда выход за пределы права, то есть правонарушение. Поэтому п.2 ст.10 ГК не допускает защиты права лица, злоупотребляющего правом. Правда, при этом указание на отказ в защите права полностью или в частности, как и указание на учет характера и последствий допущенного злоупотребления, являются формально неопределенными. Отказывать в защите права в подобных случаях следует не вообще, а в части допущенного злоупотребления. А учет характера злоупотребления при этом неуместен. Этот характер не может привести к защите права в части злоупотребления (то есть за пределами этого права), как не может быть основанием для отказа в защите права, за пределы которого управомоченное лицо не вышло. Что касается учета последствий злоупотребления, то эти последствия также не должны быть основанием для защиты права в части допущенного злоупотребления, как и для отказа в защите, за пределы которого с учетом п.1 ст.10 ГК управомоченное лицо не выходило.

В связи с этим можно было бы предложить исключить из п.2 ст.10 ГК указания на учет характера злоупотребления и его последствий, а также уточнить, когда отказ в защите права должен быть частичным, а когда полным. Можно было бы уточнить и характеристику злоупотребления как правонарушения, а запрета на злоупотребление как общей правовой нормы, подлежащей одновременному с соответствующими специальными правовыми нормами. Но есть и опасения на счет целесообразности таких изменений в ст.10 ГК. Во-первых, Гражданский кодекс не следует превращать в учебник. А во-вторых, субъекты правоприменения должны учиться разумно интерпретировать и применять то законодательство, которое есть.

Это замечание касается не только проблемы добросовестности и злоупотребления правом, а и проблемами применения принципов гражданского законодательства в целом. Конструктивный подход науки гражданского права к проблеме принципов гражданского законодательства должен быть усилен, исследования регулятивной роли принципов гражданского законодательства должны быть расширены и углублены с расчетом на то, что судебная практика непосредственно обратится к доктрине и учтет ее, не дожидаясь соответствующих изменений и дополнений, которые будут внесены в Гражданский кодекс и другие акты гражданского законодательства.

Список литературы

1. Бондаренко Н.Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь, их реализация в правотворческой и правоприменительной деятельности: дисс. ... доктора юрид. наук: Н.Л. Бондаренко. – Минск, 2007. – 416 с.
2. Бородянский В.И. Механизм взаимодействия принципов и норм гражданского права современной России: дисс. ... канд. юрид. наук / В.И. Бородянский. – М., 2002. – 155 с.
3. Волков А.В. Злоупотребления гражданскими правами: проблемы теории и практики. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 464 с.
4. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве / А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2011. – 308 с.
5. Карапетов А.Г., Савельев А.Н. Свобода договора и ее пределы. Т.1 Теоритические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений / А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2012. – 452 с.
6. Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора юридических наук / Е.Г. Комиссарова. – Екатеринбург, 2002 – 46с.
7. Марченко Н.М. Судебное правотворчество и судейское право / Н.М. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 512 с.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» от 16.06.1998 №19 – П //
9. Смирнов О.В. Основные принципы советского трудового права / О.В. Смирнов. – М.: Юридическая литература, 1977. -216 с.

Rotan V. G. Regulatory importance of the principles of civil law // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 222 – 229.

The article states a new understanding of the principles of civil law as constitutional, international-legal and legislative provisions which contain the normative regulator and the declaration of the law-making person about his intentions. Principles of the civil law are always textually fixed and can't "output" from the provisions. The presence in the content of the principles of regulatory control and the declaration poses the problem of their differentiation. This distinction is held by the criterion of the social context, i.e. the evaluation of the capacity of civil relations to perceive the principle as a regulatory controller. The implementation of this assessment is a daunting task for law enforcement authorities, which is illustrated, in particular, practice of the Supreme court of the United States. When the principles of civil law embody legal rules they govern simultaneously and directly civil relations and that is how they accomplish the regulatory role. Therefore, they are directly applicable and that fact specify abandoning of the legal structure of the analogy of the law. But the principles that setting out the general rules may not compete in law enforcement with special rules of the same hierarchical level. The principle *bona fides* which is enshrined in section 3 of article 1 of the Civil code also contains both a rule of law and the declaration. This legal regulation is attached separately in the form of a prohibition on abuse of rights in section 1 of article 10 of the Civil code.

Keywords: civil law; principle, rule of law; declaration; social context; application of principles; analogy of law; general rules; special rules; the principle of good faith; abuse of the right.

УДК 347.43

ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ (ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ)

Бахриева З. Р.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье излагаются результаты исследования, основанного на анализе положений гражданского законодательства о прекращении обязательств. Констатируется смешение разнородного нормативного материала, одна часть которого касается обязательств, а другая – обязательственного правоотношения. Осуществляется попытка разделения оснований прекращения гражданских обязательств на те, что касаются прекращения обязательств как односторонних правовых связей, в которых есть только один кредитор и один должник, и на те, что касаются прекращения обязательственного правоотношения, как комплекса гражданско-правовых связей, в которых есть два кредитора и два должника. Одновременно раскрываются особенности каждого из таких оснований.

Ключевые слова: обязательство, обязательственное правоотношение, основания прекращения обязательств, основания прекращения обязательственного правоотношения.

В гражданском законодательстве обязательство понимается и как односторонняя правовая связь с одним кредитором и одним должником (п. 1 ст. 307 ГК), и как весь комплекс правовых связей, которые возникают на основе двустороннего договора и состоят из двух обязательств, где каждая из сторон является кредитором в одном обязательстве и должником в другом (п. 2 ст. 308 ГК). Эти двусторонние правовые связи давно обозначены в науке. По терминологии М.М. Агаркова, – это обязательственные правоотношения [1, с. 179]. Однако правотворческие органы не восприняли этот термин, а в актах законодательства обязательственные правоотношения обозначаются то как обязательства, то как договоры. Анализ законодательных положений свидетельствует об отсутствии разграничения понятий обязательства (как односторонней правовой связи сторон) и обязательственного правоотношения (как целостного комплекса правовых связей), в том числе и на заключительной стадии существования обязательств. Возникает неопределённость в понимании того, что именно прекращается, когда речь идёт о прекращении обязательства. В главе 26 Гражданского кодекса («Прекращение обязательств») произошло смешение разнородного нормативного материала, одна часть которого касается обязательств как односторонних правовых связей, а другая – обязательств как двусторонних правовых связей. Поскольку эти положения касаются не отдельных видов, а всех обязательств, представляется целесообразным выяснить, о прекращении именно каких явлений идет речь в этой главе – всех обязательственных отношений, основанных на двустороннем договоре, или только одного из обязательств, основанных на таком договоре.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости проведения специального исследования проблемы прекращения обязательств (обязательственного правоотношения).

Цель данной статьи – на основе анализа норм главы 26 ГК осуществить разделение оснований прекращения обязательств на те, что касаются прекращения обязательств как односторонних правовых связей, и те, что касаются прекращения обязательственного правоотношения, как всего комплекса двусторонних правовых связей.

Под прекращением обязательств (обязательственного правоотношения) следует понимать полное их исчезновение как существующего правового явления, которое ранее (до момента прекращения) существовало.

Основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданского правоотношения признаются юридические факты – определенный комплекс различных по своему содержанию взаимосвязанных юридических явлений, взаимодействие которых влечет за собой движение гражданского правоотношения [2, с. 83]. Именно способность вызывать наступление правовых последствий (возникновение, изменение, прекращение правовых отношений) является важнейшим признаком юридического факта [3, с. 13].

В теории права юридические факты делят по их связи с индивидуальной волей субъекта на две группы: события и действия. При этом события – это юридические факты, происходящие независимо от воли людей. Действия – это юридические факты, наступление которых зависит от воли и сознания людей [4, с. 316]. Следовательно, если последствия в виде прекращения прав, обязанностей или правоотношений) наступают независимо от воли лиц, то согласно указанного критерия юридическим фактом является событие, если же в связи с волеизъявлением лица – речь идет о действиях.

В науке гражданского права также обращается внимание на волевой критерий классификации оснований прекращения обязательств. В.А. Белов указывает, что обязательства могут прекращаться не только соглашением, но и волеизъявлением одной из сторон... Обязательства могут прекращаться также вследствие обстоятельств, не зависящих от воли сторон [5, с. 390-391].

В свою очередь, попытаемся осуществить разделение оснований прекращения гражданских обязательств на те, что касаются прекращения обязательств как односторонних правовых связей, в которых имеется только один кредитор и один должник, и те, что касаются прекращения обязательственных правоотношений, как двусторонних правовых связей, в которых есть два кредитора и два должника. Сначала обратимся к основаниям, которые касаются исключительно прекращения обязательств как односторонних правовых связей.

Согласно ст. 409 «по соглашению сторон обязательство может быть прекращено предоставлением взамен исполнения отступного (уплатой денег, передачей имущества и т.п.). Размер, сроки и порядок предоставления отступного устанавливаются сторонами». В этом законодательном положении говорится про должника (то есть одного должника) и кредитора (то есть одного кредитора). Следовательно, основание прекращения обязательства, установленное ст. 409 ГК, касается обязательства как односторонней правовой связи, то есть одного из обязательств, возникших на основании двустороннего договора. Что касается иного

обязательства, которое возникло на основании того же договора, то ст. 409 ГК исходит из того, что оно ранее уже было выполнено. Если же оно ранее не было выполнено, то предоставлением отступного будет нарушаться эквивалентность в отношениях сторон.

Предоставление отступного возможно только при наличии согласия обеих сторон обязательства. Отсутствие согласия кредитора принять отступное исключает прекращение обязательства. Тем более прекращение обязательства предоставлением взамен исполнения отступного является невозможным без волеизъявления должника. Это дает основания для вывода, что прекращение обязательства передачей отступного в своей основе имеет волю сторон этого обязательства. От новации как основания прекращения обязательства предоставление отступного отличается реальным характером (договор о новации является консенсуальным), а «предоставление отступного» предусматривает осуществление фактических действий, которые прекращают обязательства.

Согласно ст. 409 ГК основанием прекращения обязательства является «предоставление отступного...», а согласие сторон при этом играет ту же роль, что и при заключении любого реального договора: при отсутствии такого согласия договор не может быть заключен, но одного согласия недостаточно для признания договора заключенным. Для этого необходимо также передача денег, имущества и тому подобное. Если же договоренность о предоставлении отступного считать консенсуальным договором, то тогда это будет не договоренность об отступном, а новация. Но до момента, пока должник не предоставит отступное, нельзя говорить о прекращении обязательства передачей отступного. Первоначальное обязательство до этого момента будет считаться просто невыполненным и кредитор действительно имеет право требовать его надлежащего исполнения. Новое же обязательства (предоставить отступное) по договоренности об отступном возникнуть не может.

Зачёт, правовой режим которого устанавливается ст. 410 - 412 ГК, также ориентирован на прекращение не всех обязательственных правоотношений, возникающих на основании двустороннего договора, а только одного из обязательств или его части. Что касается встречного требования, то оно обычно входит в содержание не указанных обязательственных правоотношений, а совсем другого обязательства.

Для прекращения обязательства зачетом достаточно волеизъявления одной из сторон. Еще до революции в России ученые отмечали, что «целью зачета является взаимное погашение встречных требований. Но погашение происходит не в силу свободного волеизъявления об этом контрагентов, а *ipso jure*, или в силу односторонней воли должника...» [6, с. 5 - 6].

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что для прекращения обязательства зачетом необходимо не только, чтобы не истекла исковая давность, чтобы право, что существует в обязательстве, которое прекращается зачетом, приобрело характер требования. Такого характера субъективное право приобретает после того, как наступил срок исполнения обязанности, которая корреспондирует этому праву. На это обычно не обращается внимание по той причине, что право требования абсолютно нелогично включено в определение обязательства (п. 1 ст.

307 ГК). Поэтому возникает впечатление, что право кредитора уже с момента возникновения обязательства приобретает характер права требования.

Прощением долга (ст. 415 ГК) прекращается обязательство как односторонняя правовая связь двустороннего договора. Это подтверждается и тем, что речь идет о долге одной из сторон обязательства, и тем, что в ст. 415 ГК указывается на одного кредитора и одного должника. По логике вещей, о прекращении долга речь может идти в тех случаях, когда встречное обязательство, которое основывается на том же двустороннем договоре, уже выполнено.

Д.И. Мейер указывал на «одностороннее или по договоренности с должником» прекращение обязательства прощением долга [7, с. 343]. Но также отмечалось, что сложение (прощение) долга за всеми правовыми системами не может быть односторонней сделкой, поскольку для его наличия необходимо согласие должника [8, с. 174]. Современные исследователи рассматривают прекращение обязательства прощением долга как двустороннюю сделку (договор), констатируя тем, что из ст. 415 ГК прямо не вытекает возможность прощения долга на основании волеизъявления лишь кредитора [9, с. 7]. С другой стороны, используя в ст. 415 ГК термин «освобождение», законодатель тем самым подчеркивает односторонний характер волеизъявления кредитора. К тому же, должник не может заставить кредитора, который заявил о прощении долга, принять исполнение.

Прекращение обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице предусмотрено ст. 413 ГК. Эта правовая конструкция сориентирована исключительно на обязательства, как односторонние правовые связи, в которых имеется только один кредитор и только один должник. Прекращение обязательства при этом не зависит от воли сторон обязательства. Их воля касалась перевода долга, уступки права или иной сделки, в результате которого должник перестал в дальнейшем быть должником или кредитор потерял в дальнейшем этот свой статус.

Такое основание прекращения обязательства как смерть гражданина (ст. 418 ГК) также касается обязательств как односторонних правовых связей. Если обязательство неразрывно связано с личностью должника и в связи с этим не может быть выполнено другим лицом, оно прекращается смертью должника. При этом о судьбе встречного обязательства в ст. 418 ГК ничего не говорится. Если оно не было выполнено, то его судьба должна решаться в соответствии с общими принципами гражданского законодательства: раз смертью должника прекратилось встречное обязательство, которое было основанием иного обязательства, основанного на том же двустороннем договоре, то прекращается и это (иное) обязательство. Если же до смерти должника в обязательстве, которое в связи с этим прекратилось, встречное обязательство было выполнено, это исполнение теряет свое основание. Возникают отношения, предусмотренные п. 1 ст. 1102 ГК (основание, по которому имущество было приобретено, со временем отпало).

Правовая норма, которая установлена п. 2 ст. 418 ГК предусматривает прекращение обязательства, неразрывно связанного с личностью кредитора, смертью последнего, также сориентирована на обязательства, как одностороннюю правовую связь. Такое обязательство смертью кредитора прекращается. Встречное обязательство, которое основывается на том же двустороннем договоре, что и обязательство, которое прекратилось, теряет свое основание. Поэтому оно не подлежит исполнению, если оно не было выполнено ранее. А если оно было ранее выполнено, возни-

кает обязательство, предусмотренное п. 1 ст. 1102 ГК (основание его выполнения впоследствии отпало), а полученное в порядке исполнения обязательства подлежит возврату.

В ст. 416 ГК говорится о прекращении обязательства невозможностью его исполнения, если она вызвана обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. Под обязательством здесь понимается также односторонняя правовая связь, которая возникает на основании одностороннего или двустороннего договора.

Под невозможностью исполнения обязательств следует понимать возникновение в процессе его существования объективных обстоятельств (фактических или юридических), являющихся непреодолимыми и препятствующими реальному и надлежащему исполнению обязательства сторонами [10, с. 6]. Фактическая невозможность исполнения обязательства может быть вызвана гибелью (уничтожением) объекта правоотношения или отсутствием субъекта правоотношения. Даже если вещь была уничтожена по вине должника или кредитора, то выполнить обязательства по передаче этой вещи в собственность или в наем невозможно, независимо от того, что записано в законе: закон не может быть выше объективной действительности. Признание при таких обстоятельствах обязательства таким, что продолжает существовать, было бы бессмысленным. Лишение должника лицензии на право выполнения определенных работ или предоставление услуг также создает подобную ситуацию независимо от того, есть ли в этом вина должника или нет. Только здесь уже юридическая невозможность исполнения обязательства. На наш взгляд, содержание п. 1 ст. 416 ГК требует исключения слов «за которое ни одна из сторон не отвечает». Одновременно, учитывая господство в науке гражданского права концепции прямой (непосредственной) причинной связи, следует указать, что прекращение обязательства в связи с невозможностью его исполнения, наступившей по вине одной из сторон обязательства, не освобождает виновную сторону от ответственности за неисполнение обязательства.

В юридической литературе предлагается применять до этого неизвестный цивилистической доктрине до последнего времени термин «логическая невозможность исполнения». Так, по мнению Е.С. Мухачевой, он лучше всего подходит для обозначения невозможности исполнения обязательства, вызванной сочетанием должника и кредитора в одном лице [11, стр. 252 - 253]. По этому поводу надо заметить, что сочетание должника и кредитора в одном лице признаётся отдельным основанием прекращения обязательств. Кроме того, ст. 417 ГК РФ, которая предусматривает прекращение обязательства на основании акта государственного органа, как отдельное основание прекращения обязательства, по сути, является разновидностью юридической невозможности исполнения обязательства. В случае же отмены такого акта у кредитора появляется возможность требовать исполнения обязательства должником.

Иные положения главы 26 Гражданского кодекса, устанавливающие основания прекращения обязательств, могут быть интерпретированы так, что они предусматривают прекращение обязательств, которые понимаются как обязательственное правоотношение, т.е. как комплекс всех правовых связей, возникших на основании двустороннего договора, что не исключает интерпретации указанных положений и таким образом, что они касаются и прекращения обязательств, как односторонних правовых связей.

Согласно ст. 408 ГК обязательство прекращается исполнением. Это законодательное положение может быть интерпретировано так, что в нем речь идет о прекращении всего комплекса двусторонних правовых связей, возникающих на основании двустороннего договора: чтобы обязательство, которое понимается таким образом прекратилось, надо, чтобы его выполнили обе его стороны. Должник может нести в обязательстве целый ряд обязанностей, каждый из которых может выполняться в разное время и в разных местах. Однако это не исключает необходимости различать исполнение одного обязательства как части обязательственных правоотношений и выполнения своих обязательств обеими сторонами двустороннего обязательственного правоотношения. Выполнением одной стороной всех своих обязанностей прекращается лишь одно обязательство как часть обязательственного правоотношения.

Общие требования к исполнению обязательств установлены ст. 309 ГК. В частности, обязательство должно исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями. Надлежащее исполнение обязательства - это идеальное основание прекращения обязательства. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства является нарушением условий договора, что при соответствующих условиях может иметь следствием его расторжения. Сторона, которая не выполнила обязательства, не освобождается от ответственности за его неисполнение и, как правило, от исполнения обязательства в натуре. Ф.И. Гавзе свое время отмечал, что ненадлежащее исполнение обязательства не только не влечет прекращения обязательства, а затрудняет его, так как создающее дополнительные обязательства для должника (возмещение убытков, уплату неустойки и т. п) без освобождения, как правило, от реального исполнения обязательства [12, с. 115]. Между тем, может сложиться такая ситуация, когда в случае ненадлежащего исполнения обязательства сторона теряет интерес к реальному исполнению договора другой стороной. Поэтому надо отметить, что принцип реального исполнения обязательств не имеет доминирующего значения.

Согласно ст. 414 ГК «обязательство прекращается соглашением сторон...». Если бы здесь шла речь о прекращении обязательства, которое понимается как односторонняя правовая связь, то договоренность сторон приобрела бы характер прощения долга, предусмотренного ст. 415 ГК. Поэтому сравнение этих двух статей дает основания утверждать, что в ст. 414 ГК говорится о прекращении обязательственных правоотношений как всего комплекса правовых связей, возникающих на основании двустороннего договора. Но тогда неизбежен вывод о том, что в ст. 414 ГК говорится о том же самом явлении, которое предусмотрено ст. 450 ГК (расторжение договора).

Разновидностью прекращения обязательства соглашением сторон является новация – замена первоначального обязательства, существовавшего между ними, другим обязательством между теми же лицами, предусматривающим иной предмет или способ исполнения (п. 1 ст. 414 ГК). В своё время Годеме выделял три вида новации: а) путем замены предмета; б) путем замены кредитора; в) путем замены должника [13, с. 432 - 433]. Гражданский кодекс РФ признает только первый из названных здесь видов новации. Замена кредитора или должника не является способом прекращения обязательства через новацию. Это имеет существенное юридическое значение для применения правил об исковой давности: замена

кредитора и должника не влияет на течение исковой давности. А новация означает возникновения нового обязательства, что исключает применение исковой давности, что начала истекать до того, как была достигнута договоренность о новации.

Как разновидность прекращения обязательства по договоренности сторон новация также ориентирована на обязательства, которые являются двусторонними правовыми связями, возникшими на основании двустороннего договора.

Таким же образом понимается обязательство в ст. 419 ГК, предусматривающей прекращение обязательства ликвидацией юридического лица (должника или кредитора). Это утверждение не опровергается тем обстоятельством, что согласно ст. 419 ГК при ликвидации юридического лица на другое юридическое лицо может быть возложено «исполнение обязательства ликвидированного юридического лица». Взятая здесь в кавычки формулировкой ст. 419 ГК не охватывается реализация прав ликвидированного юридического лица. Поэтому можно было бы утверждать, что в ст. 419 ГК речь идет только о тех обязательствах, в которых должником является юридическое лицо, которое ликвидируется. Но тогда придется делать и следующий вывод – о том, что обязательства, в которых кредитором является юридическое лицо, которое ликвидируется, продолжают существовать за отсутствием управомоченного лица. А это является абсурдом. Итак, согласно ст. 419 ГК в связи с ликвидацией юридического лица прекращаются все обязательства, стороной которых является данное юридическое лицо. А под термином «обязательства» в этой статье понимаются обязательства как весь комплекс правовых связей, возникших между сторонами двустороннего договора.

Это не исключает применения ст. 419 ГК к обязательствам, которые понимаются как односторонние правовые связи, в которых есть только один должник и один кредитор.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Основания прекращения гражданских обязательств можно разделить на две группы. К первой группе следует отнести основания прекращения обязательств как односторонних правовых связей, т.е. как одного из обязательств двустороннего договора: отступное (ст. 409 ГК), прекращение обязательства зачетом (ст. 410 ГК), прощение долга (ст. 415 ГК); прекращение обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице (ст. 413 ГК); прекращение обязательства смертью гражданина (ст. 418 ГК); прекращение обязательства невозможностью исполнения (ст. 416 ГК).

Для обозначения прекращения всего комплекса гражданско-правовых связей, возникающих на основании двусторонних договоров необходимо использовать термин «прекращение обязательственного правоотношения» (а не «прекращение договора», как это имеет место в науке и законодательстве). В частности, ко второй группе следует отнести положения главы 26 ГК, которыми устанавливаются основания прекращения обязательственного правоотношения, т.е. прекращения всего комплекса двусторонних правовых связей, возникших на основании двустороннего договора. Это касается прекращения обязательства исполнением (ст. 408 ГК); прекращения обязательства новацией (ст. 414 ГК); прекращения обязательства ликвидацией юридического лица (ст. 419 ГК).

Список литературы

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2-х тт. Том 1. М., 2002. – 490 с.
2. Советское гражданское право: в 2-х тт. Том 1. Под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985. - 544 с.
3. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984. – 144 с
4. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. Под ред. В. Г. Стрекозова. М., 2008. – 384 с.

5. Белов В. А. Гражданское право: Общая и особенная части: Учебник. М., 2003. - 960 с.
6. Бабаев А. Б. Соглашение о новации, предоставлении отступного и прощение долга // Законодательство. 2001. № 9. - С. 15 – 21.
7. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2-х ч. Ч. 2. М., 2000. – 831 с.
8. Май С. К. Очерк общей части буржуазного обязательственного права. М., 1953. – 198 с.
9. Серветник А. А. Прощение долга как основание прекращения обязательства: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. - 26 с.
10. Чайка И. В. Прекращение обязательств по основаниям, не связанным с их фактическим исполнением: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. - 22 с.
11. Мухачева Е. С. Физическая, юридическая и логическая невозможность исполнения обязательства // Право третьего тысячелетия. 2009. Вып. 1. - С. 252 – 253.
12. Гавзе Ф. И. Обязательственное право (общие положения). Минск, 1968. - 128 с.
13. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М., 1948. – 511 с.

Bakhrieva Z. Termination of obligations (legal relationship of obligations) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 230 – 237.

The article presents the results of the study of the provisions of the civil legislation on the termination of the obligations. Analysed that have been mixed different legislative provisions: one part is about obligations, and the other part about legal relationship of obligations.

Grounds for termination of civil obligations are divided into two groups. The first group includes the grounds for termination of obligations as unilateral legal relationships in which there is only one creditor and one debtor. Here: compensation (art. 409 of the civil code), termination of an obligation by set-off (art. 410 of the civil code), forgiveness of a debt (art. 415 of the Civil code); termination of obligation by coincidence of debtor and creditor in one person (art. 413 of the Civil code); termination of obligation by death of person (art. 418 of the Civil); termination of obligations by impossibility of performance (art. 416 of the Civil code). The second group is the grounds for termination of the legal relationship of obligations, when all bilateral legal relationship of the agreement terminated. Here: the termination of the obligation execution (art. 408 of the Civil code); termination of obligations by novation (article 414 of the civil code); termination of obligation by liquidation of legal entities (art. 419 of the civil code).

Keywords: obligation, legal relationship of obligations, grounds for termination of the obligations, grounds for termination of legal relationship of obligations.

УДК 346.12

**ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВОБОДНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЕ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА
СЕВАСТОПОЛЯ**

Буткевич О. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье на основе анализа юридической литературы исследуется категория «специальный правовой режим предпринимательской деятельности в свободной экономической зоне», выделяются его основные признаки и особенности по сравнению со специальным правовым режимом предпринимательской деятельности в особой экономической зоне. Обосновывается, что одной из главных особенностей специального правового режима предпринимательской деятельности в свободной экономической зоне является его льготная направленность для участников свободной экономической зоны. На основе анализа нормативных правовых актов по созданию и функционированию свободной экономической зоны раскрываются предусмотренные законодательством льготы и проблемы их применения к участникам свободной экономической зоны.

Выводы по работе имеют как научную так и практическую направленность, связанную с необходимостью усовершенствования действующего законодательства и разработки новых нормативных правовых актов по вопросам применения специального правового режима предпринимательской деятельности в свободной экономической зоне на территории Республики Крым и города Севастополя.

Ключевые слова: свободная экономическая зона, особая экономическая зона, специальный правовой режим предпринимательской деятельности, участник свободной экономической зоны, налоговые льготы.

Категория «правовой режим» достаточно часто используется учеными при определении системы обязательных правил, требований, норм, принципов, установленных для видов деятельности и порядка использования определенных объектов. В научной литературе встречаются такие термины как «правовой режим имущества субъектов предпринимательского права» [6, с. 140], «правовой режим иностранных инвестиций» [13, с. 814], «правовой режим информации» [9, с. 162] и т.п.

Термин «правовой режим» в каждом из этих случаев употребляется относительно правового регулирования определенного вида общественных отношений (вида деятельности). Хотя существует характеристика правовых режимов в отношении определенных объектов (правовой режим имущества), к содержанию определенных операций (правовой режим выпуска и обращения ценных бумаг). Но и в этом случае речь идет о правовом регулировании соответствующей сферы общественных отношений (вида деятельности), выделенных по указанным признакам [8, с. 49].

В теории права правовые режимы, их место в правовом регулировании и

юридические основания исследовались С.С. Алексеевым, С.А. Комаровым, А.В. Малько, Н.И. Матузовым и др [1, с. 185; 7, с. 366-367; 10, с. 644-646].

Одни ученые считают, что термином «правовой режим» обозначается специфика юридического регулирования определенной сферы общественных отношений с помощью различных юридических средств и способов [11, с. 265]. Другие рассматривают его как специфический вид правового регулирования, выраженный в своеобразном комплексе правовых стимулов и правовых ограничений [10, с. 645]. По нашему мнению, наиболее последовательно в теоретическом аспекте анализ правового режима дается в работах С.С.Алексеева, который понимает под правовым режимом порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой разрешений, запретов, а также позитивных обязательств и создают особую направленность регулирования [1, с.185; 2, с.278]. Разрешения, запреты и позитивные обязательства являются способами правового регулирования, в особом сочетании создают общеразрешительный или обязывающий тип правового регулирования, лежащий в основе каждого правового режима. Кроме того, С.С. Алексеев разделяет правовые режимы на первичные (общие) и вторичные (представляют модификацию первичных режимов и состоят из особых льгот, дополнительных прав или ограничений) [2, с.187]. Ученый уделяет внимание отраслевым режимам, а также специальным режимам, основанным на первичных, которые выступают в основном как ограниченные (ограничивают общий режим) или льготные режимы (устанавливают дополнительные права для определенных субъектов) [1, с. 187, 194].

Главными признаками всех правовых режимов называют: 1) установление их законодательством и обеспечение государством; 2) цель (специфическим образом регламентировать определенные сферы общественных отношений, при этом выделяя во временных и пространственных рамках тех или иных субъектов и объектов права); 3) составляют собой особый порядок правового регулирования, состоящий из юридических средств и характеризуется определенным их сочетанием; 4) создают определенную степень благоприятствования или неблагоприятствования для удовлетворения интересов отдельных субъектов права [7, с.366]. Как вид правового регулирования правовой режим имеет специфический, присущий ему механизм правового регулирования. Им называют систему юридических средств, с помощью которых осуществляется правовое регулирование [11, с. 269].

В последнее время особый правовой режим все более чаще вводится в сфере предпринимательства. Признаком особых и свободных экономических зон в Российской Федерации является введение специального правового режима предпринимательской деятельности. Главной особенностью законодательного закрепления такого режима является установление правовых норм, которые дополняют или ограничивают общие правила, установленные предпринимательским законодательством.

Специальный правовой режим предпринимательской деятельности в особых и свободных экономических зонах в Российской Федерации выступает как вторичный относительно того правового режима хозяйствования, который действует на территории государства, так как представляет собой модификацию общего режима,

при этом разрешение, которое лежит в основе общего режима, содержит особые льготы и преимущества, состоящие из дополнительных прав определенных субъектов. Кроме того, он ограничен территориальными и временными границами - устанавливается на отдельной территории и на определенный срок.

Проблемы определения специального правового режима предпринимательской деятельности в особых экономических зонах (далее – ОЭЗ) исследовали такие ученые как Д.Р. Арутюнов, А.В. Гасумянова, О.В. Флоря и др. Так, по мнению О.В. Флоря, объектом правоотношений, регулируемых правовым режимом предпринимательской деятельности в ОЭЗ, является сама предпринимательская деятельность, осуществляемая на территории ОЭЗ, и связанные с ее осуществлением действия субъектов правоотношений. Основными характеристиками предпринимательской деятельности в ОЭЗ являются следующие: таможенный режим свободной таможенной зоны, применяемый по отношению к ОЭЗ, особый режим землепользования в ОЭЗ, который заключается в том, что органом, осуществляющим управление и распоряжение земельными участками в границах ОЭЗ, является Минэкономразвития РФ, предоставление земельных участков в пользование для осуществления предпринимательской деятельности исключительно на основании договора аренды, осуществление предпринимательской деятельности в ОЭЗ специально зарегистрированными субъектами (резидентами ОЭЗ), правовой статус которых определяется в зависимости от вида соглашения об осуществлении предпринимательской деятельности в ОЭЗ и вида ОЭЗ, наличия специального налогового режима [12, с. 31].

А.В. Гасумянова определяет правовой режим предпринимательства в ОЭЗ как особый порядок правового регулирования предпринимательской деятельности на территории ОЭЗ, выражающийся в сочетании различных юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности для удовлетворения интересов субъектов права, действующих на территории ОЭЗ [4, с. 5].

Д.Р. Арутюнов указывает на то, что специальный правовой режим предпринимательской деятельности в ОЭЗ устанавливается в целях создания благоприятных условий для инвестиций и развития экономики отдельных регионов, внедрения наиболее прогрессивных ресурсосберегающих малоотходных и безотходных технологий, содействия международной интеграции и сотрудничеству и т.д. [3, с. 35].

Некоторые ученые делают вывод о том, что в ОЭЗ вводится административно-правовой режим предпринимательской деятельности, который включает льготный режим таможенного регулирования экспортно-импортных операций, налогообложения, лицензирования, визового оформления, банковской деятельности, имущественных и залоговых отношений, предоставления концессий, трудового и социального законодательства, особый порядок управления особой экономической зоной [5, с. 9].

Каждое из этих положений имеет внутреннюю логику и позволяет с разных сторон осмыслить феномен специального правового режима предпринимательской деятельности в ОЭЗ. В то же время специальный правовой режим предпринимательской деятельности в свободной экономической зоне на территории

Республики Крым и города Севастополя в юридической литературе недостаточно изучен в науке и освещен в юридической литературе. Данное обстоятельство связано с тем, что одним из важных экономических событий на территории Республики Крым и города Севастополя является принятие Федерального Закона от 29.11.2014 г. №377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма»). Указанным законом предусмотрено создание свободной экономической зоны (далее – СЭЗ) в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития, привлечения инвестиций в развитие действующих и создание новых производств, развития транспортной и иных инфраструктур, туризма, сельского хозяйства и санаторно-курортной сферы, а также повышения уровня и качества жизни граждан на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Вопросы правового обеспечения функционирования СЭЗ в Республике Крым и г. Севастополе и реализации специального правового режима предпринимательской деятельности в СЭЗ являются крайне актуальными учитывая особенности региона и не исследованными, поскольку Федеральный закон о создании СЭЗ вступил в силу 1 января 2015 года. Поэтому целью данной статьи является анализ нормативных правовых актов по созданию и функционированию СЭЗ в Российской Федерации и выделению особенностей специального правового режима предпринимательской деятельности в свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя, выявления проблем правового регулирования предпринимательских отношений в СЭЗ и предложения путей их решения.

Анализ юридической литературы и ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» позволяет выделить следующие признаки, присущие специальному правовому режиму предпринимательской деятельности в СЭЗ:

- Он устанавливается специальным федеральным законом: Федеральным Законом от 29.11.2014 г. №377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Содержание данного признака отличает СЭЗ от ОЭЗ, создаваемых в Российской Федерации тем, что все ОЭЗ создаются постановлением Правительства Российской Федерации, а содержание указанного режима в ОЭЗ определяется Федеральным законом от 22.05.2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах Российской Федерации».

- Специальный правовой режим предпринимательской деятельности действует на территории СЭЗ весь срок существования такой зоны. В соответствии со ст.9 ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» свободная экономическая зона создается на двадцать пять лет. Срок существования свободной экономической зоны может быть продлен федеральным законом. В то время как особая экономическая зона создается на сорок девять лет. Срок существования особой экономической зоны продлению не подлежит;

- Этот режим вводится с конкретной целью – регулировать предпринимательские отношения, складывающиеся в СЭЗ для привлечения инвестиций в развитие действующих и создание новых производств, развития транспортной и иных инфраструктур, туризма, сельского хозяйства и санаторно-

курортной сферы, а также повышения уровня и качества жизни граждан на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя;

- Особенность этого режима заключается еще в том, что создаются специальные органы – органы управления СЭЗ, с помощью которых осуществляется указанный режим. Органы управления экономической зоны осуществляют контроль за выполнением субъектами СЭЗ определенных обязательств, а также по предоставлению им предусмотренных законодательством льгот. При этом не полностью совпадает круг субъектов, которые могут выступать органами управления особой экономической зоны и свободной экономической зоны. Так, органами управления СЭЗ на территории Крыма являются: уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти, экспертный совет по вопросам свободной экономической зоны на территории Республики Крым и экспертный совет по вопросам свободной экономической зоны на территории города федерального значения Севастополя, высший исполнительный орган государственной власти Республики Крым и высший исполнительный орган государственной власти города федерального значения Севастополя. Органами управления особыми экономическими зонами являются: уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, управляющая компания.

- Такой режим представляет собой определенный порядок правового регулирования, состоящий из юридических средств и характеризуется определенным их сочетанием;

- Он создает соответствующую степень благоприятности для удовлетворения интересов определенной группы субъектов путем установления для них определенных льгот и преимуществ. Следовательно, такой режим можно определить как льготный. Но следует учитывать, что он является льготным только для отдельной группы субъектов предпринимательства на территории свободной экономической зоны - для участников СЭЗ.

Специальный режим хозяйствования в СЭЗ характеризуется своей льготной направленностью, а поэтому большое значение имеют льготы, предоставляемые субъектам СЭЗ. В теории права льгота определяется как правомерное облегчение состояния субъекта, что позволяет ему более полно удовлетворять собственные интересы и выражается как в предоставлении дополнительных особых прав (преимуществ), так и в освобождении от обязанностей. Следует обратить внимание на то, что льготы (льготный режим предпринимательства) являются характерным признаком СЭЗ в разных странах, поскольку введение именно льгот в СЭЗ привлекает инвесторов.

Льготная направленность специального правового режима предпринимательской деятельности для участников СЭЗ заключается в следующем:

- особенностях осуществления градостроительной деятельности и землепользования при размещении объектов, необходимых для реализации участниками свободной экономической зоны инвестиционных проектов, которые устанавливаются ст.17 ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» и начнут действовать с 1 января 2017 года;

- предоставлении в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации, субсидий на возмещение затрат участников СЭЗ, в том числе затрат на уплату таможенных пошлин, налогов и сборов в отношении товаров (за исключением подакцизных товаров), ввозимых для их использования при строительстве, оборудовании и техническом оснащении объектов, необходимых для реализации участниками СЭЗ инвестиционных проектов;
- установлении, что товары, предназначенные для использования участниками СЭЗ в целях осуществления предпринимательской и иной деятельности в соответствии с договорами об условиях деятельности в свободной экономической зоне и (или) размещения в свободной экономической зоне, могут помещаться под таможенную процедуру свободной таможенной зоны (ст.18-21 ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма»);
- льготном режиме налогообложения в соответствии с законодательством о налогах и сборах.

Согласно пункту 26 статьи 381 Налогового кодекса Российской Федерации организации - участники свободной экономической зоны освобождаются от уплаты налога на имущество в течение десяти лет с месяца, следующего за месяцем принятия на учет указанного имущества. При буквальном толковании указанной нормы закона получается, что освобождаемое от уплаты налога имущество должно приобретаться в ходе деятельности участника свободной экономической зоны и если имущество было приобретено участником раньше, то указанная льгота будет применяться в течение другого срока.

Относительно применения указанного пункта 26 статьи 381 Налогового кодекса Российской Федерации было дано разъяснение Письмом Минфина России от 31.07.2015 N 03-05-05-01/44406 «О сроке применения льготы по налогу на имущество организаций в отношении имущества, учтенного на балансе организации и приобретенного до получения статуса участника свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и г. Севастополя» и Письмом Федеральной Налоговой Службы России от 16.09.2015 N БС-4-11/16292 «О сроке применения льготы по налогу на имущество организаций в отношении имущества, учтенного на балансе организации и приобретенного до получения статуса участника свободной экономической зоны в Республике Крым и г. Севастополе»: «... в отношении имущества, учтенного на балансе организации и приобретенного до получения статуса участника свободной экономической зоны, налоговая льгота по пункту 26 статьи 381 Кодекса применяется в течение 10 лет начиная со дня включения юридического лица в единый реестр участников свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя при условии использования его в целях, указанных в инвестиционном договоре об условиях деятельности в свободной экономической зоне».

В соответствии со ст. 395 Налогового кодекса Российской Федерации освобождаются от уплаты земельного налога организации - участники свободной экономической зоны - в отношении земельных участков, расположенных на территории свободной экономической зоны и используемых в целях выполнения договора об осуществлении деятельности в свободной экономической зоне, сроком на три года с месяца возникновения права собственности на каждый земельный участок. Данную норму необходимо редактировать, поскольку в ней не учитывается

тот момент что у участника свободной экономической зоны уже может быть в собственности земельный участок и тогда он ставится в неравное положение с другими, которые такое право собственности только приобретут, по сроку применения указанной льготы. Срок предоставления льготы по земельному налогу у такого плательщика должен исчисляться со дня включения юридического лица в единый реестр участников свободной экономической зоны.

Кроме того, согласно ст.295.3 Налогового кодекса Российской Федерации в отношении собственных амортизируемых основных средств налогоплательщиков - организаций, имеющих статус участника свободной экономической зоны вправе применять к основной норме амортизации специальный коэффициент, но не выше 2.

В соответствии с пунктом 1.7. ст.284 Налогового кодекса Российской Федерации для участников СЭЗ может устанавливаться пониженная налоговая ставка налога на прибыль. Так, налоговая ставка по налогу, подлежащему зачислению в федеральный бюджет, от деятельности, осуществляемой в соответствии с договором об осуществлении деятельности в свободной экономической зоне, устанавливается в размере 0 процентов и применяется в течение десяти последовательных налоговых периодов начиная с налогового периода, в котором в соответствии с данными налогового учета была впервые получена прибыль от реализации товаров (работ, услуг), произведенных в рамках договора об осуществлении деятельности в свободной экономической зоне; налоговая ставка по налогу, подлежащему зачислению в бюджеты субъектов Российской Федерации, от деятельности, осуществляемой в соответствии с договором об осуществлении деятельности в свободной экономической зоне, законами Республики Крым и города федерального значения Севастополя может устанавливаться в пониженном размере. При этом указанная в настоящем абзаце налоговая ставка не может превышать 13,5 процента.

Указанные ставки применяются при условии ведения налогоплательщиком раздельного учета доходов (расходов), полученных (понесенных) от деятельности, осуществляемой в соответствии с договором об осуществлении деятельности в свободной экономической зоне, и доходов (расходов), полученных (понесенных) при осуществлении иной деятельности.

В соответствии с разъяснением Министерства Финансов Российской Федерации Письмо Минфина России от 01.09.2015 N 03-03-06/1/50228 « О применении пониженных ставок по налогу на прибыль участниками свободной экономической зоны» пониженные налоговые ставки, установленные в соответствии с пунктом 1.7 статьи 284 НК РФ, применяются организациями - участниками свободной экономической зоны к налоговой базе от деятельности, осуществляемой в соответствии с договором об осуществлении деятельности в свободной экономической зоне.

Кроме налоговых льгот для участников СЭЗ установлены пониженные тарифы страховых взносов. В соответствии со ст.58.4 Федерального закона от 24.07.2009 N 212-ФЗ "О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования" в течение 10 лет со дня получения статуса участника свободной экономической зоны начиная с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором был получен такой статус, для участников СЭЗ применяются следующие тарифы страховых взносов: 6,0% - в Пенсионный фонд Российской Феде-

рации, 1,5% - в Фонд социального страхования Российской Федерации, 0,1% - в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. Указанные тарифы страховых взносов применяются в отношении участников свободной экономической зоны, получивших такой статус не позднее чем в течение трех лет со дня создания соответствующей свободной экономической зоны.

По подсчетам экспертов, совокупная величина отчислений во внебюджетные фонды участника СЭЗ составит 7,6%, тогда как для обычного страхователя размер подобных отчислений намного выше – 30%.

Подводя итог всему вышеизложенному можно сказать, что специальный правовой режим предпринимательской деятельности в СЭЗ – это определенный порядок правового регулирования предпринимательских отношений на территории свободной экономической зоны, который вводится специальным федеральным законом сроком на 25 лет для участников СЭЗ, осуществляется специальными органами управления и характеризуется льготной направленностью, а также ограничениями и запретами с целью привлечения инвестиций в развитие действующих и создание новых производств, развития транспортной и иных инфраструктур, туризма, сельского хозяйства и санаторно-курортной сферы, а также повышения уровня и качества жизни граждан на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Для достижения цели, ради которой создается СЭЗ и вводится такой режим, большое значение имеет его льготная направленность. Но установление в нормативных правовых актах льгот для привлечения инвесторов в СЭЗ недостаточно, необходимо чтобы такие льготы реально применялись, в связи с чем просто разъяснений министерств о применении той или иной нормы недостаточно – необходимо внести соответствующие изменения в нормативные правовые акты, прямо устанавливающие налоговые и другие финансовые льготы для участников СЭЗ. Разработка конкретных предложений о внесении изменений в действующее законодательство, а также анализ соотношения льгот, гарантий, ограничений и запретов, особых мер ответственности, установленных для участников СЭЗ, является темой дальнейших исследований в этом направлении.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. - М.: Юрид. лит., 1989. - 288 с.
2. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. - М.:НОРМА, 2002. – 608 с.
3. Арутюнов Д.Р. Административно-правовой режим предпринимательской деятельности в особых экономических зонах // Право и жизнь. 2006. № 93.
4. Гасумянова А.В. Правовой режим предпринимательства в особых экономических зонах в Российской Федерации. - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. - 144 с.
5. Гомин А. П., Городилов А. А., Каргополов С. Г. XXI век: Свободная зона и особый статус. Калининград, 2001. – 176 с.
6. Ершова И.В. Предпринимательское право: Учебник. - М.: Юриспруденция, 2002. – 512 с.
7. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. Учебно-методическое пособие. Краткий учебник для вузов. – М.: НОРМА – ИНФРА М, 1999. – 448 с.
8. Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: АО «Центр ЮрИнформ», 2001. – 212 с.
9. Предпринимательское (хозяйственное) право: Учебник. В 2т. Т.1 / Отв. ред. О.М. Олейник. - М.: Юристь, 2000. – 727 с.

10. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – 672 с.
11. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова – М.: ИНФРА – НОРМА М, 1997. – 570 с.
12. Флоря О.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2011. - 33 с.
13. Хозяйственное право: Учебник / В.К. Макутов, Г.Л. Знаменский, К.С. Хахулин и др.; Под ред. Макутова В.К. - К.: Юринком Интер, 2002. – 912 с.

Butkevich O. Peculiarities of special legal regime of business activity in free economic zone in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 238 – 246.

On the basis of the analysis of legal literature explores the category of "special regime of business activity in the free economic zone", highlighted its main features and characteristics compared to the special legal regime of business activity in the special economic zone. It is proved that one of the main features of the special legal status of entrepreneurial activity in the free economic zone is its preferential orientation for participants in the free economic zone. Based on the analysis of regulations on the establishment and operation of free economic zone provided by the legislation reveals the benefits and problems of their application to the participants of the free economic zone.

Conclusions have to work as a scientific and practical orientation associated with the need to improve current legislation and the development of new regulations on the application of the special legal status of entrepreneurial activity in the free economic zone on the territory of the Republic of Crimea and Sevastopol.

Keywords: free economic zone, special economic zone, the special legal regime of business activity, a member of the free economic zones, tax incentives

УДК 347.6

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ: УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Некрасова Е. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье рассматриваются способы защиты семейных прав в Российской Федерации. Исследуются условия применения способов защиты и возникающие в связи с этим проблемы. Указывается на невозможность, на сегодняшний день, применения в целях защиты семейных прав способов защиты, содержащихся в иных нормативно-правовых актах в том числе в Гражданском кодексе РФ, что в некоторых случаях затрудняет защиту семейных прав. В сравнительно-правовом аспекте рассматриваются способы защиты прав в семейном и гражданском законодательстве. Указывается на целесообразность введения в Семейный кодекс РФ отдельной нормы содержащей способы защиты семейных прав, на возможность применения способов защиты, содержащихся в иных нормативно-правовых актах, в том числе в Гражданском кодексе РФ и установленных по договоренности сторон.

Ключевые слова: семейные права, способы защиты, гражданское право.

Юридические гарантии реализации прав граждан во многом обеспечиваются благодаря правовой защите, с помощью которой достигается восстановление нарушенных имущественных и личных неимущественных прав, предупреждение и прекращение действий, которые нарушают или могут нарушить права лиц. Отдельным отраслям права присущи свои специфические способы защиты, обусловленные различием в предметах и методах их правового регулирования.

Защита семейных прав и охрана законных интересов обеспечивается применением предусмотренных законом способов защиты. Под способами защиты субъективных семейных прав понимаются закрепленные материально правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя [1, с. 78].

Согласно ст. 7 Семейного кодекса РФ, граждане по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им правами, вытекающими из семейных отношений (семейными правами), в том числе правом на защиту этих прав.

В СК РФ способы защиты прав не выделены в отдельную статью (как в Гражданском кодексе РФ), а указываются применительно к конкретным правоотношениям в санкциях отдельных семейно-правовых норм. В соответствии с п. 2 ст. 8 СК РФ защита семейных прав осуществляется способами, предусмотренными соответствующими статьями Семейного кодекса РФ, что исключает применение иных способов защиты, содержащихся в других нормативно-правовых актах, в частности в Гражданском кодексе РФ (нормы ст. 12 ГК РФ, содержащей способы защиты гражданских прав).

Следует заметить, что подобное ограниченное регулирование способов защиты семейных прав приводит к возникновению проблем в данной сфере. Так, СК РФ

предусматривает всего одну норму, закрепляющую право требовать возмещения морального вреда – это п. 4 ст. 30 СК РФ, что на практике приводит к необоснованному отказу судебных органов в удовлетворении исков [2, с. 3-4]. В связи с этим, целесообразно расширить возможности выбора способов защиты имущественных и неимущественных прав членов семьи посредством предоставления им возможности защищать свои права иными способами, не противоречащими семейному законодательству и существу семейных отношений.

В связи с вышеизложенным, проанализируем соотношение норм о защите прав, содержащиеся в СК РФ и ГК РФ, как наиболее близких, смежных отраслях права.

Признание права является одним из наиболее распространенных способов защиты гражданских прав. Необходимость в этом способе защиты возникает тогда, когда наличие у лица определенного субъективного права подвергается сомнению, право оспаривается, отрицается или имеется реальная угроза таких действий. В семейном праве подобный способ защиты присутствует, в частности, он применяется при решении вопросов касающихся признания права собственности (например, ст. 38, 39 СК РФ), установления происхождения детей (ст. 48, 49 СК РФ). В то же время то, что признание права, как способ защиты семейных прав, в Семейном кодексе РФ отдельно не указан, приводит к спорным ситуациям, когда возможность защиты определенных прав ставится под вопрос. Например, в СК РФ нет возможности установления материнства в судебном порядке. Представляется, что в данном случае возможно применение по аналогии нормы об установлении отцовства. В таком случае исковое производство по делу об установлении материнства возбуждается при отсутствии оснований для государственной регистрации рождения ребенка: если факт рождения ребенка не может быть подтвержден документально либо свидетелями (п. 4 ст. 14, п. 2 ст. 21 ФЗ № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»); если при рождении ребенка мать назвалась вымышленным именем, покинула родильное учреждение, а затем решила реализовать свои права в отношении ребенка; в случае кражи или подмены ребенка при возникновении спора о материнстве [3]. В указанном отношении, интересной является практика других государств, в частности, в Семейном кодексе Украины содержится статья 131 – «Признание материнства по решению суда», в соответствии с которой лицо, которое считает себя матерью ребенка, может подать в суд заявление о признании своего материнства в случае, если родители ребенка неизвестны, а государственная регистрация рождения произведена по решению органа опеки и попечительства, которым определены фамилия, имя, отчество ребенка и сведения о родителях. Кроме этого, в Семейном кодексе Украины имеется такой способ защиты, как установление правоотношения. Этот способ защиты не является тождественным с признанием права и используется при установлении происхождения детей, признании отцовства, материнства. Статья 56 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье также предусматривает, что материнство может быть установлено в судебном порядке. В таком случае, установление материнства производится по заявлению одного из родителей или опекуна, попечителя ребенка, а также самого ребенка по достижении им совершеннолетия. Сфера применения установления материнства, в данном случае, ограничена ситуациями, когда мать ребенка неизвестна, а сведения о матери в книге записей актов о рождении внесены по указанию лиц, подавших заявление о рождении ребенка.

Такой способ защиты, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (ст. 12 ГК) имеет сходство с рядом способов защиты, применяемых в конкретных нормах СК РФ. В частности, это нормы ст. 26 СК РФ «Восстановление брака в случае явки супруга, объявленного умершим или признанного безвестно

отсутствующим, ст. 52 СК РФ «Оспаривание отцовства (материнства)», ст. 72 СК РФ «Восстановление в родительских правах», ст. 76 СК РФ «Отмена ограничения родительских прав» и др. Данный способ защиты может применяться в тех случаях, когда субъективное право в результате правонарушения не прекращает своего существования и может быть реально восстановлено путем устранения последствий правонарушения.

Присуждение к исполнению обязанности в натуре (ст. 12 ГК РФ) в семейном праве имеет место при невыполнении обязанности по содержанию.

Такие способы защиты, как возмещение убытков, взыскание неустойки, возмещение морального вреда применяются в семейном праве, однако, как указывалось выше, суд не всегда может применить эти меры в целях защиты семейных прав, поскольку указание на их применение содержится в СК РФ только в конкретных случаях (моральный и материальный вред п. 4 ст. 30 СК, взыскание неустойки п. 2 ст. 115 СК, возмещение убытков п. 2 ст. 115 СК, п. 3 ст. 153 СК).

Прекращение или изменение правоотношения, как способы защиты присущи как гражданскому, так и семейному законодательству. Защита гражданских прав путем изменения или прекращения правоотношения осуществляется, чаще всего, путем обращения с иском об изменении или расторжении договора, что актуально и для семейного права – ст., ст. 43, 101 СК РФ. Однако, закон не препятствует предъявлению требования об изменении или прекращении правоотношения и в тех случаях, когда его основанием является не договор, а другой юридический факт, что особенно свойственно семейному праву. Так, согласно ч. 2 ст. 16 СК РФ брак может быть прекращен путем его расторжения по заявлению одного или обоих супругов, а также по заявлению опекуна супруга, признанного судом недееспособным. Этот же способ защиты используется при изменении установленного судом размера алиментов или прекращении алиментных обязательств.

Признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки (ст. 12 ГК РФ) применяется для признания недействительными семейно-правовых договоров. В таких случаях используются нормы ГК РФ, регулирующие недействительность сделок.

Признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, как способ защиты права, в семейном праве применяется, например, как способ защиты прав несовершеннолетних, в случае отказа в регистрации брака и т.д.

В силу специфики семейных отношений, такой гражданско-правовой способ защиты, как признание недействительным решения собрания, в целях защиты семейных прав, применяться не может.

Интересным является вопрос применения самозащиты в семейном праве. В СК РФ такой способ защиты не определен, но его существование нельзя отрицать. Возможность применения самозащиты в целях защиты семейных прав следует из ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, в которой указано, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». По мнению Л. М. Пчелинцевой: «Законом не исключается и самозащита гражданами своих семейных прав путем совершения действий, пресекающих нарушения права. Такая форма допустима в случаях, когда субъект семейного правоотношения располагает возможностями правомерного воздействия на нарушителя без помощи суда или государственных органов» [1, с. 78].

Следует заметить, что в ГК РФ самозащита права выделена в статье 12, среди способов защиты гражданских прав и ст. 14 ГК РФ объясняет её сущность: «Допускается самозащита гражданских прав. Способы самозащиты должны быть сораз-

мерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения».

Подводя итог, следует отметить, что многие семейно-правовые способы защиты, указанные в санкциях конкретных норм СК РФ, имеют сходство с гражданско-правовыми способами защиты и применение большинства гражданско-правовых способов защиты прав не противоречит существу семейных отношений. В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным изменить п. 2 ст. 8 СК РФ, разрешив применение способов защиты содержащихся не только в Семейном кодексе РФ, а и в иных нормативно-правовых актах, если это не противоречит существу семейных отношений и семейному законодательству. Разрешить сторонам устанавливать способы защиты по договоренности (договором) сторон, если это не противоречит существу семейных отношений и семейному законодательству. Кроме этого, ввести в СК РФ отдельную норму, содержащую способы защиты семейных прав.

Список литературы

1. Пчелинцева Л. М. Семейное право России : учебник. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 720 с.
2. Каймакова Е. В. Защита семейных прав : Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. - Курск, 2011. 25 с.
3. Левушкин А.Н. Вопросы теории и практики установления отцовства (материнства) в судебном порядке по законодательству Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс».

Nekrasova E. Ways of protection of family rights: conditions of use and characteristic features // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 247 – 250.

This article discusses the ways of protection of family rights in the Russian Federation. The conditions for the application of ways of protection and arising in connection with it problems are investigated and some solutions offered. It shows the inability to use in order to protect family rights ways of protection that contained in other legal acts, including the Civil Code of the Russian Federation. That's why in some cases it is difficult to protect family rights. In this article the ways of protection of the rights in family law and civil law are considered and compared. Article shows the necessity of including to the Family Code of Russian Federation such way of protection as establishing maternity in the court and analyzes this way of protection in legislation of Ukraine and Republic Belarus. Article points the need to include to the Family Code of the Russian Federation separate regulations containing ways of protection of family rights, points the possibility of applying the ways of protection contained in other legal acts, including the Civil Code of the Russian Federation and ways of protection that established by agreement of the parties.

Keywords: family rights, ways of protection, Civil Law.

УДК 349.2

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ РАБОТНИКОВ

Сонин О. Е.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Статья посвящена исследованию правоприменительных и правотворческих проблем возмещения ущерба, причиненного повреждением здоровья работников (вследствие заболеваний, которые действующим законодательством не признаются профессиональными, однако обусловлены существующими условиями труда).

В частности, делается вывод о том, что имеют место случаи, когда повреждение здоровья работника находится в причинной связи с фактически существующими в производственной среде условиями, которые не относятся к категории вредных; такие условия в отдельных случаях находятся в причинной связи с заболеваниями, которые по действующему законодательству не могут быть признаны профессиональными, поскольку не включены в соответствующие списки либо не признаются профессиональными вследствие иной этиологии.

Делается вывод, что такое состояние законодательства не отвечает потребностям общественных отношений, на которые оно распространяется, а соответствующие нормативные положения не отвечают требованиям справедливости и разумности.

На основе проведенного исследования обосновываются предложения по разрешению споров по искам работников о возмещении такого ущерба, а также предлагается внести изменения в акты законодательства о труде.

Ключевые слова: защита права; возмещение вреда; профессиональное заболевание.

О проблеме возмещения вреда жизни и здоровью работников достаточно сложно сказать, что она приобрела актуальность недавно или что она плохо известна ученым – специалистам в сфере трудового права. Много внимания разрешению этой проблемы уделяет и федеральный законодатель. Так, нормативные положения, распространяющиеся на отношения по возмещению данного вида вреда устанавливаются Трудовым (ст. 220) [1] и Гражданским (§ 2 главы 59) [2] кодексами РФ, Федеральным законом от 24.07.1998 N 125-ФЗ (ред. от 01.12.2014, с изм. от 30.09.2015) "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний" [3], а также принятыми в соответствии с ними нормативные правовые акты. Соответствующие вопросы исследовались в науке трудового права, права социального обеспечения как специально, так и в связи с разрешением более широких проблем.

В то же время отсутствуют какие-либо основания для того, чтобы признать наличие достаточного и эффективного правового урегулирования трудовых отношений в части возмещения вреда жизни и здоровью работников. Поэтому в данной статье ставится цель исследования действующих нормативных положений и

разработки предложений по их практическому применению и дальнейшему усовершенствованию.

В настоящее время ФЗ "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний" (далее – ФЗ № 125) [у] предусматривает страхование от несчастных случаев и профессиональных заболеваний. Иными словами, законодатель фактически отказался от ранее действовавшего порядка возмещения вреда жизни и здоровью работников, который предполагал как правило непосредственное возмещение такого вреда работодателем.

В настоящее время такое непосредственно на работодателя возлагается лишь обязанность возмещения морального вреда (абзац второй п. 3 ст. 8 ФЗ № 125), а также той части вреда (имущественного) жизни и здоровью работника, который не был возмещен в соответствии с требованиями ФЗ № 125, а порядок реализации этой обязанности подчинен нормам гражданского законодательства (производится по правилам § 2 главы 59 Гражданского кодекса РФ [2]).

Изложенное, на наш взгляд, свидетельствует о неполном соответствии действующего законодательства потребностям общественных отношений, на которые оно распространяется и о необходимости значительного его (законодательства) корректировки.

Основная проблема по нашему мнению состоит в том, что при формулировании положений ФЗ № 125 законодатель установил не вполне исчерпывающее регулирование общественных отношений, на которые распространяются его положения.

Речь идет о следующем. Ст. 3 ФЗ № 125 определяется страховой случай как «подтвержденный в установленном порядке факт повреждения здоровья застрахованного вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, который влечет возникновение обязательства страховщика осуществлять обеспечение по страхованию».

Перечень профессиональных заболеваний, а также производственные факторы, которые признаются причиной профессиональных заболеваний утверждены в настоящее время приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ "Об утверждении перечня профессиональных заболеваний" от 27 апреля 2012 г. N 417н. Заболевания [4], которые не включены в указанный Перечень, профессиональными не признаются.

Здесь, на наш взгляд, следует отметить, что законодательство постсоветских государств знает и другие подходы к урегулированию рассматриваемых отношений. Так, украинский Закон «Об общеобязательном государственном социальном страховании от несчастного случая на производстве и профессионального заболевания, которые повлекли утрату трудоспособности» [5] в целях установления более гибкого регулирования и с целью наиболее полного восстановления прав пострадавшего работника предусматривает возможность признания страховым случаем и такое заболевание, которое не входит в утвержденный в установленном порядке перечень профессиональных заболеваний, если на момент принятия такого решения медицинская наука имеет новые сведения, дающие основания считать данное заболевание профессиональным.

Установление в ФЗ № 125 придаст дополнительной гибкости правовому регулированию трудовых отношений, поскольку устранит невозможность признания страховым случаем наступления заболевания, которое на день его возникновения

профессиональным не признавалось.

В то же время, на наш взгляд, существует необходимость более широкого подхода к разрешению вопросов, связанных с возмещением вреда жизни и здоровью работников, причиненного вследствие заболеваний.

Дело в том, что имеется фактическая возможность существования таких условий труда, при которых здоровье работника будет повреждено вследствие заболеваний, обусловленных именно условиями труда, однако не относящихся к профессиональным.

Отсутствуют какие-либо основания считать, что случаи, когда ухудшение состояния здоровья работников (его заболевание, по действующему законодательству не относящееся к числу профессиональных) находится в причинной связи с производственными условиями, являются единичными и что их количество будет со временем сокращаться.

Так, в суде рассматривалось дело по иску работника, предметом которого было требование о возмещении вреда, причиненного здоровью истца.

По обстоятельствам дела во время ремонта производственного помещения, в котором располагалось рабочее место истца (работника), работодателем были использованы некачественные строительные материалы, вследствие чего в помещении была превышена безопасная концентрация формальдегида. В результате у работника возникло заболевание, которое привело к его инвалидности.

Заболевание, которое привело к установлению работнику инвалидности, не является профессиональным ввиду того, что не указано в Перечне, хотя и находится объективно в причинной связи с условиями, которые фактически существовали в производственной среде.

Таким образом, по всем обстоятельствам дела не существовало каких-либо оснований для признания заболевания работника профессиональным, квалификации его как страхового случая, предусмотренного ФЗ № 125 [3], а потому – и для возмещения вреда здоровью в порядке и размерах, определенных ФЗ № 125.

Безусловно, что в данном случае причиненный здоровью работника вред, подлежит возмещению и такое возмещение должно быть произведено.

Проблема состоит в том, что в данном и подобном случаях применению подлежат положения 2 главы 59 ГК РФ [2], которые ставят потерпевшего в фактически более уязвимое положение, чем правила ФЗ № 125. Едва ли в рамках данной статьи имеет смысл исследовать вопросы эффективности и адекватности названных положений ГК РФ потребностям общественных отношений, на которые они распространяются. Общеизвестным является то, что эти положения достаточно сложны и их применение порождает значительное количество споров. Такое состояние правового регулирования едва ли может быть признано обоснованным и справедливым.

На наш взгляд, совершенствование законодательства о труде в части, относящейся к проблеме возмещения вреда жизни и здоровью работника, должно осуществляться с учетом следующего.

Наличие в действующем законодательстве такого варианта решения проблемы возмещения вреда жизни и здоровью работника заболеванием, которое не признается профессиональным, путем подчинения соответствующих отношений нормам гражданского права не исключает необходимости окончательного разрешения данной проблемы средствами законодательства о труде.

Случаи причинения вреда здоровью работников заболеваниями, которые не относятся к категории профессиональных, однако вызваны фактически существующими условиями труда, должны признаваться страховыми случаями, порождающими право работников (иных лиц) на возмещение такого вреда в размере и в порядке, установленных ФЗ № 125.

Наличие причинной связи между заболеванием, которым страдает работник, и фактическими условиями труда, должно устанавливаться таким же способом, что и наличие между заболеванием, признаваемым профессиональным, и существующими производственными факторами.

С учетом изложенного, на стороне работодателя возникнут дополнительные стимулы соблюдать установленные законодательством об охране труда обязанности по организации условий труда работников.

Такое решение рассматриваемой проблемы будет также разумным, справедливым и эффективным с учетом того, что заболевания, о которых идет речь, в той же мере, что и профессиональные, находятся в причинной связи с производственными факторами, за существование которых отвечает работодатель. Однако в отличие от профессиональных, данные заболевания, хотя они и возникают достаточно редко, всегда свидетельствуют о ненадлежащем исполнении работодателем своих обязанностей: профессиональные заболевания как правило обусловлены такими условиями производственной среды, которые в современных условиях практически невозможно устранить полностью, а потому не всегда свидетельствуют о вине работодателя.

Наконец, реализация данного предложения учитывает интересы работников. В целом, Фонд социального страхования является более стабильным и предсказуемым, а потому возложение на него обязанности осуществлять возмещение вреда жизни и здоровью работников гарантирует права и интересы работников в большей мере, чем возложение такой обязанности (да еще и средствами гражданского законодательства) на работодателей, которые внезапно могут быть прекращены как юридические лица по решению собственника либо признаны неплатежеспособными.

При условии реализации предложений, которые обосновываются в данной статье, возникнет возможность эффективного восстановления нарушенных прав работников, будет установлено правовое регулирование трудовых отношений и отношений социального обеспечения, соответствующее потребностям общественных отношений.

Дальнейшее научное осмысление проблемы защиты трудовых прав работников на случай повреждения их здоровья или причинения им смерти вследствие заболеваний, которые вызваны существующими условиями труда и не относятся к числу профессиональных, может состоять в обосновании предложений по разрешению подчинению нормам законодательства о труде отношений, связанных с возмещением той части вреда жизни и здоровья, которая не была покрыта за счет средств социального страхования и которая в настоящее время возмещается по правилам Гражданского кодекса РФ [2].

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации
2. Гражданский кодекс Российской Федерации.
3. Федеральный закон от 24.07.1998 N 125-ФЗ (ред. от 01.12.2014, с изм. от 30.09.2015) "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний"
4. Перечень профессиональных заболеваний, а также производственные факторы, которые признаются причиной профессиональных заболеваний: утв. приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ "Об утверждении перечня профессиональных заболеваний" от 27 апреля 2012 г. N 417н
5. Об общеобязательном государственном социальном страховании от несчастного случая на производстве и профессионального заболевания, которые причиняют утрату трудоспособности: Закон Украины от 23.09.1999// Официальный вестник Украины. – 1999. – № 42. – Ст. 2080.

Sonin O. Single issues of compensation for damage caused injury to the health of workers // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 251 – 255.

The article investigates the law enforcement and law-making problems of redressing for damage caused to the health of workers (due to diseases which are not recognized by the current legislation as professional , but which developing due to the existing conditions of work).

The author concludes that there are cases where damage to the health of the employee is causally related to actually existing conditions of the production environment, which are not classified as harmful; such conditions in some cases are causally related to the diseases, which cannot be considered as professional under current law, because it is not listed or not recognized professional due to different etiologies.

This legal situation does not meet the needs of social relations to which it applies. As for relevant regulations they do not meet the requirements of fairness and reasonableness.

On the basis of the study the author makes proposals considering resolution of disputes for claims of employees of compensation for such damages, and proposes to amend the legislative acts on labor.

Keywords: protection law; compensation for injury; occupational disease.

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Черткова Ю. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье анализируется история взглядов на судебное правотворчество. Автором рассматриваются предпосылки формирования данных идей, а также раскрывается их содержание. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что фактическое признание правотворческой функции суда чередовалось с периодами жесткой лимитации судебного правотворчества и даже полного его отрицания.

Анализируется правоприменительная деятельность суда в наши дни и делается вывод о том, что правотворческие функции не присущи судебной власти в России. Также исследуется творческая роль суда и основные направления ее развития.

На основе данного исследования представляется перспективным анализ судебной практики и правотворчества в судебных решениях с целью определения пределов творческой роли суда.

Ключевые слова: правотворчество, судебное правотворчество, судебная практика, правоприменение, толкование права.

Проблема творческой роли судов давно замечена в практике и науке. Но она по-разному оценивалась и оценивается. С одной стороны, обращалось внимание на неизбежность признания творческой роли судов, доведенной до такой степени, что речь пошла о правотворческой роли судов. С другой стороны, высказывались и высказываются мнения о неприемлемости и даже опасности признания за судьями функции правотворчества. Необходимо конструктивное решение этой проблемы в науке, на которое опиралась бы судебная практика. Однако содержание и интенсивность научных исследований этой проблемы не соответствуют потребностям практики. Это придает ей признак актуальности.

В зарубежной и отечественной юридической литературе освещались те или иные аспекты судебного правотворчества, в частности, в работах А. Барака, Ф. Газье, П. Гука, Б. Малышева, М. Марченко, Н. Подольской, С. Чередниченко, С. Шевчука и др.

Целью этой статьи является разработка теоретических положений, которые способствовали бы осмыслению путей решения проблемы судебного правотворчества в теории и на практике.

Если взглянуть на исторический правовой опыт стран и народов, то взгляд останавливается прежде всего на правоприменении в Древнем Риме в эпоху принятия Законов XII таблиц (451-450 год до н. э.). Предельно жесткий характер римского правоприменения в этот период исключал не только судебное правотворчество, но и творчество вообще. Дореволюционный исследователь римского гражданского

права С.А. Муромцев писал, что правовые акты в то время облекались в форму, заранее определенную и для всех одинаково обязательную, которые далее толкуются, строго придерживаясь формы, - такие акты представляют хорошее ручательство против произвола судебной власти, склонной проявить его при их судебной оценке. Формализм, по его мнению, в известных пределах, враг судебного произвола. Эта сторона формализма была дорога плебеям в их борьбе с патрициями; поэтому XII таблиц освятили систему формализма [9, с. 144].

Постепенно, однако, пришло понимание того, что предельное ограничение творческой роли судей не является благом. С середины II в. до н.э. активизировалось правотворчество преторов.

Преторы в Древнем Риме наделялись высшей властью с правом издавать общеобязательные постановления (эдикты), управлять судопроизводством и назначать наказание. Выделялись городские преторы (рассматривали дела римских граждан) и преторы peregrinorum (рассматривали дела с участием иностранцев). Правотворчество преторов привело к формированию наряду с квинитским правом двух новых правовых систем преторского права и права народов. Впоследствии эти правовые системы стали частью римского гражданского права [3, с. 28-43].

Суды стали выявлять логическое содержание правовых актов, закрепленную в них волю законодателя. Так до I века н.э. завещания в пользу раба безусловно считались ничтожными. В I веке н.э. пришли к выводу о том, что из завещания в пользу раба неизбежно вытекает, что рабу даруется свобода, в противном случае завещание теряет смысл. Это было проявлением судебного творчества, но не судебного правотворчества. Это было логическим толкованием завещания.

В дальнейшем, однако, государственно-правовая практика пошла по пути осторожного ограничения правотворческой роли судов.

В 426 году императоры Валентиниан III (Западная Римская империя) и Феодосий II (Византийская империя) существенно ограничили число юристов, чье мнение имело силу закона для суда, издав специальный закон – *lex allegatoria*, получивший в литературе название «Закон о цитировании». Отныне суды могли руководствоваться мнением лишь пяти юристов: Папиниана, Юлия Павла, Ульпиана, Модестина и Гая. В случае противоречия между высказанными ими мнениями судьям предписывалось отдавать предпочтение мнению большинства, а при равенстве голосов – мнению Папиниана; и только в отсутствие данных условий выбор решения оставался за судьей [11, с. 228].

Юстиниан, издавая *Corpus juris*, пришел к выводу о том, что в случаях неясности закона и безуспешности своих усилий суды не должны самостоятельно толковать закон, а должны обращаться за разъяснениями к самому императору. Эта практика была характерна для различных государств и в более позднее время. Во Франции в 1790 г. также судам предписывалось обращаться за разъяснениями к законодательному учреждению. И даже в XIX ст. были примеры запрещения толкования законов не только судьям, но даже профессорам права. Когда в 1813 г. в Баварии был издан Уголовный кодекс, король Максимилиан I запретил писать какие бы то ни было комментарии к нему. Очевидно, что эта тенденция законодателей ограничить право судебного толкования основывалась на недоверии к судам.

Проявилась такая практика и в отечественном законодательстве. Исстари существовал в судах обычай обращаться к государю с докладом в случае затрудне-

ния при разборе дел. Дополнительное закрепление этот обычай получил в манифесте 15 декабря 1763 г. Это воззрение перешло и в отечественный Свод Законов, где в Основных Законах предписывалось, что «без доклада Императорскому Величеству никакое место, не исключая и высших правительств, не имеет права переменять в законе ни единой буквы и не допускать обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований» [2, с. 129]. При этом давалось указание, в соответствии с которым законы должны быть толкуемы по точному и буквальному их смыслу. И практика постоянно представляла случаи обращения судов за разъяснением законов к верховной власти.

Эта практика получила теоретическое обоснование в работах целого ряда крупных мыслителей. Современная юридическая наука единодушно признает автором идеи судебной власти как самостоятельной ветви государственной власти. Ш. Л. Монтескье (1689-1755г.г.). В его работе «О духе законов» судебная деятельность действительно определяется как одна из разновидностей государственной власти. Для Ш. Л. Монтескье деятельность суда — это правоприменительная деятельность. Суд применяет закон и в этом его назначение. Однако, если применение закона вызывает какие-то сложности, Ш. Л. Монтескье не считает возможным дать суду право самостоятельно разрешать дело; он полагает необходимым вмешательство законодательной власти в лице знати, входящей в нее обособленной частью [8, с. 156].

В своем труде «О преступлениях и наказаниях» Чезаре Беккариа (1738-1794) поддерживает идеи Ш. Л. Монтескье о том, что три функции властей, исполнительная, законодательная и судебная всегда должны быть разделены и не должны осуществляться одними и теми же государственными органами. Законы, по его мнению, должны издаваться законодательной властью, а не монархом, также как и толковаться. Применять их должны только судьи, руководствуясь буквой, а не духом закона. А слишком широкая свобода толкования может, по его мнению, привести к произволу и продажности в судах [1, с. 75].

Интересны также рассуждения Т. Гоббса о взаимоотношениях суда и законодателя, который считал, что толкование законов является исключительным правом законодателя, ибо никто лучше него не может знать истинных и конечных причин и целей, ради которых был составлен закон. В то же время Т. Гоббс считал, что толкователем естественного права может быть только судья. Толкованием естественного закона при этом признавался приговор судьи, назначенного верховной властью для разбора и решения споров, которые должны решаться на основе этого закона, и толкование это состоит в применении указанного закона к данному случаю... В акте правосудия судья лишь соображает, соответствует ли требование истца естественному разуму и справедливости, и его постановление есть поэтому толкование естественного закона. Это толкование достоверно..., потому что это решение выносится им на основании полномочий, данных ему сувереном, в силу чего оно становится решением суверена, которое для данного момента является законом для тяжущихся сторон» [4].

Данное воззрение в разной степени крайности преобладало до XX века. Так, деятельность французских судов, начиная с принятия знаменитого Гражданского кодекса 1804 года и вплоть до самого окончания XIX столетия, формально была строго «связана» буквой закона и, соответственно, судья, ничего к праву не добавляя, лишь обязан был верно его «прочитать» и механически применить к коллизи-

онному моменту (юридическому спору) путем простого силлогизма. Судье не нужно было решать, что будет являться лучшим решением, а нужно просто определить, какая статья оказывается в данном случае применимой, и какова воля закона.

С середины XIX ст. это воззрение заменилось идеей, по которой суд не только имеет право, но и обязан толковать законы. Он не имеет права обращаться за разъяснением к кому бы то ни было, а все затруднения, все сомнения обязан решать сам. Этот принцип выражен в России в Судебных Уставах 1864 г. Он имеет глубокие основания в самом существе правового государства и в существе судебной власти. Строгая законность, как руководящее начало всей государственной жизни, возможна только тогда, когда 1) законы издаются только на будущее время и 2) когда законодатель не есть в то же время и судья [7, с. 702].

Во Франции, несмотря на прямой запрет статьи 5 Гражданского кодекса, не позволявшей судам своей волей конструировать общеобязательные правовые установления, которые расходились бы с текстуально оформленными положениями закона, либо не могущие быть дедуцированными посредством него, в практической плоскости, происходило завуалированное, и притом весьма активное, правотворчество судебных инстанций. Чтобы хоть как-то скрыть это действие, суды не преминули прибегнуть к фикции полноты или, иными словами, беспробельности позитивного права (прежде всего, Гражданского кодекса 1804 г.), рисуящей некий мифический образ всеведущего законодателя, будто бы сумевшего в скудные рамки правового текста вложить уникальную формулу успешного разрешения всех потенциально возможных юридических споров. Употребив эту хитрость, как утверждал Ф. Жени, юристы под видом интерпретации пытались в действительности навязывать свои собственные мнения. Реалистический позыв доктрины Ф. Жени требует в этой связи открытого признания возможности судей в определенных ситуациях создавать нормы права, и в этом отношении она (доктрина) выглядит довольно умеренной, в сущности, констатируя лишь то, что в условиях французской правовой системы и так уже существовало. Провозглашая необходимость расширения перечня источников права путем признания судебного правотворчества, позиция Ф. Жени, по мнению многих исследователей его творчества, вовсе не претендовала на то, чтобы опровергать исторически сложившуюся на просторах европейского континента «гегемонию» закона. Основной посыл теории Ф. Жени состоял в ограниченном наделении судей так называемой «свободой рук», признававшей за ними правотворческие прерогативы исключительно в тех областях общественной жизни, которые лишены сколько-нибудь определенного правового регулирования со стороны законодателя, т.е. там, где имеют место пробелы в действующем праве [12].

Этот период отличается появлением еще одной достаточно мощной силы, отстаивавшей идею судебного правотворчества – школы возрожденного естественного права. В контексте естественно-правовой традиции идеи применения права осложнялись наличием правового дуализма, что ставило правоприменителя перед выбором между позитивным правом (сущим) и нравственным содержанием права (должным) или «естественной справедливостью (aequitas)». Судебное решение или иной акт применения права, принятый на основе «возрожденного естественного права», отражали в определенной степени императивы нравственного происхождения, поскольку позитивное право — это форма существования естественно-правовых идей, которая, однако, нуждается в критическом осмыслении. К судье

предъявлялись требования неукоснительного исполнения нравственного долга, как гарантии реализации идей естественно-правовой школы в правоприменительном процессе и преодоления субъективизма в отправления правосудия [6, с. 14].

Следует признать, что идеи естественного права послужили для судов мощным подспорьем в их стремлении подкорректировать закон с учетом своего понимания справедливости. И в наше время исследования в области сравнительного правоведения констатируют активную правотворческую деятельность судов. Так, Р. Давид и К. Жоффре-Спинози пишут, что толкователь действительно является сувереном и располагает известной свободой действий, так как решения высшей судебной инстанции не могут быть обжалованы. Но он любит маскировать свою теоретическую роль в выработке права и создавать впечатление, что его роль сводится лишь к применению норм, созданных кем-то другим [5, с. 91].

Нечто подобное сегодня наблюдается и в России. Особенно четко стремление к судебному правотворчеству проявилось в практике Высшего Арбитражного Суда РФ. Так, в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» неоднократно указывается на необходимость то расширительного, то ограничительного толкования отдельных законодательных положений. Между тем, какие либо критерии, наличие которых было бы основанием расширительного и ограничительного толкования отдельных законодательных положений, наукой не выработаны. Поэтому мысль о расширительном или ограничительном толковании правовых норм возникает из сопоставления действующих правовых норм с теоретически мыслимым эталоном, который вырабатывается сугубо субъективно. При этом забывается, что законодательство является самостоятельной ценностью. Оно дает обществу в целом и каждому человеку величайшее благо – правовую определенность. Но это благо приносится в жертву ради того, чтобы устранить мелкие недостатки закона. Разумеется, нельзя исключать того, что суд допустит некоторое отступление от буквы акта законодательства, но основанием этого должен быть не мифический эталон, выработанный судом сугубо субъективно, а положения Конституции и международных правовых обычаев.

Изучение судебной практики порой оставляет такое впечатление, что идея свободного поиска права, обоснованная представителями школы возрожденного естественного права, начинает широкомасштабно внедряться в жизнь.

Развитие судебного правотворчества в некотором смысле может быть признано опасной тенденцией. Законодательная власть поставлена под контроль Конституционного суда, исполнительная власть подконтрольна общим судам. А вот Конституционный суд и Верховный суд не контролируются вообще.

Представляется, что творческая роль судов заключается не в правотворчестве, а в познании содержания правовых норм, раскрытия их содержания с помощью логических средств, имея в виду, что правовые нормы закрепляются в актах законодательства не только текстуально, но и логически. Последние обнаруживаются при толковании при помощи выводов *a contrario*, от последующего правового явления к предыдущему и наоборот, вывода *a fortiori*. Кроме того, логически закрепленные нормы обнаруживаются из контекста соответствующего нормативного положения или положения индивидуального акта. Использование этого инструментария судами на современном этапе является совершенно неудовлетворительным, а практически

можно даже говорить о том, что он игнорируется при установлении содержания закона.

Второе направление творческой роли судов – это толкование и применение принципов законодательства, в частности конституционных принципов. Эта работа является сложнейшей, требует высшей квалификации и творческого подхода, но при этом не посягает на прерогативы законодателя. И если суды сосредоточатся на создании практики толкования актов высшего уровня обобщения, то это могло бы снять проблему судебного правотворчества. Так, бывший председатель Федерального конституционного суда Германии Роман Херцог отмечал: «Понятие прав человека несет нагрузку и в плане их происхождения, и защищенности. Позитивизм считает, что права действуют в силу того и в том объеме, в каком они гарантированы государственно-правовыми нормами (нормативистская теория Кельзена). От этих прав отличаются те, источником которых являются христианские ценности, которые не нуждаются в государственном признании, действуют как надпозитивные права. Однако особого практического значения такой подход в ФРГ не имеет, поскольку основной закон и без того содержит широкий набор прав и не было особой необходимости провозглашать или прибегать к понятию надпозитивных прав, хотя в начале своей деятельности Федеральный конституционный суд пользовался таким понятием. Основной закон исключает конфликт между действующей конституцией и надпозитивными правами. Догосударственные права – это те же права человека, санкционированные государством» [10, с. 15].

Таким образом, суды имеют громадный простор для творчества. Но это не правотворчество, ибо правотворчество – это поиск и воплощение в положениях законов и других актов законодательства целесообразных законодательных (нормативных) решений. А творческая роль судов подчиняется не целесообразности, а Конституции и законам.

Изложенное дает основания для вывода о необходимости дальнейшего исследования проблемы пределов творческой роли судов. Перспективным направлением таких исследований может стать анализ судебной практики и правотворчества в судебных решениях.

Список литературы

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. □ 304 с.
2. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. – 508 с.
3. Власова О. А. Эволюция римской магистратуры преторов (367 г. до н. э. — 122 г. до н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1, 2009. □ С. 28-43.
4. Воскобитова Л. А. Становление идеи судебной власти в работах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье // Сб. науч. тр. СевКавГТУ. Серия «Право». Вып.1. Ставрополь, 1999.
5. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. □ 400 с.
6. Лиска О. М. Учения о применении права в России во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2015. – 33 с.
7. Михайловский И. В. Толкование юридических норм // Хропанюк В. Н. Теория государства и права. Под ред. Т. Н. Радько. М., 1998. – 944 с.
8. Монтескье Ш. Л. О духе законов. Репринтное издание 1900 г. СПб., 2011. – 808 с.
9. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 1883. □ 697 с.
10. Общая теория прав человека / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1996. – 520 с.

11. Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998. – 555 с.
12. Пужаев В. В. Особенности реконструкции теории источников права в рамках «свободного научного поиска» Франсуа Жени // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85).

Chertkova Y. The problem of judicial lawmaking in the history and modernity // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 256 – 262.

The article examines the history of views on judicial lawmaking. The author considers prerequisites for forming these ideas, and reveals their content. On the basis of the conducted analysis the author concludes also that the de facto recognition of the lawmaking functions of the court were alternated with periods of hard limitation of judicial lawmaking and even a complete denial.

The article analyzes the enforcement activities of the court in our day and concludes that law-making function is not inherent in the judiciary in Russia. We also study the creative role of the court and the main directions of its development.

On the basis of this study seems promising for the analysis of judicial practice and law-making in judicial decisions to determine the limits of the creative role of the court.

Key words: law-making, judicial lawmaking, litigation, enforcement, interpretation of the law.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 341.23:616.932"19"

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ХОЛЕРОЙ (1851-1894 гг.)

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В XIX в. холера распространилась из своего первоначального резервуара в дельте реки Ганг в Индии по всему миру. Шесть последовательных пандемий унесли жизни миллионов людей на всех континентах. Нынешняя (седьмая) пандемия началась в 1961 г. в Южной Азии и распространилась на Африку в 1971 г., и на Америку в 1991 г. В настоящее время болезнь является эндемической во многих странах. Данная статья характеризует меры международного характера, направленные на обеспечение эпидемиологической безопасности в мире во время первых вспышек холеры. В середине XIX в. международное сообщество с целью предотвратить распространение заболевания приняло решение о созыве международного совещания, именуемого Международной санитарной конференцией. Всего было проведено четырнадцать заседаний, членами которых стали известные врачи, эпидемиологи и политические деятели. Задачей первых восьми совещаний была разработка и подписание международного соглашения по стандартизации карантинных правил, направленных на предотвращение завоза холеры, чумы и желтой лихорадки. Первые попытки закончились неудачей вследствие доминирования коммерческих интересов государств над интересами обеспечения нормальной жизнедеятельности населения. Спустя 41 год со дня проведения первой конференции была принята первая в истории конвенция, регулирующая вопросы здравоохранения. Впоследствии она была ратифицирована странами-участниками съездов. Нормативно закреплялась обязанность участников немедленно оповещать друг друга о всякой вспышке холеры, а также реформировать карантинную систему, применяемую для судоходства через Суэцкий канал, изменить регламент регулирования морского, санитарно-карантинного Совета Египта и др. С целью недопущения дальнейшего распространения эпидемии холеры, которая началась в октябре 2010 г. на Гаити и продолжается до сих пор, уместным будет обращение к историческому опыту правового регулирования борьбы с данным заболеванием.

Ключевые слова: международное сотрудничество, холера, эпидемии, международная санитарная конференция, международная санитарная конвенция, санитарный контроль, паломничество в Мекку, санитарный совет Египта, карантинная система, санитарный пост.

Сегодня на Гаити продолжается вспышка холеры – самая крупная эпидемия холеры в современной истории, по данным американских центров по контролю и профилактике заболеваний [1]. После землетрясения 2010 г., в течение чуть более двух лет, по состоянию на август 2013 г., от холеры погибло, по крайней мере, 8,231 человек, сотни тысяч гаитян госпитализированы. Тем временем заболевание распространилось на соседние страны, включая Доминиканскую республику и Кубу [2]. С начала эпидемии в октябре 2010 г., более 6% гаитян заболели холерой [3]. Несмотря на кажущееся затишье эпидемии в 2014 г., в августе 2015 г., после сезона дождей, зафиксированы новые вспышки случаев заболевания холерой более чем у 700 000 гаитян, а число погибших поднялось до 9000 [4].

Такая сложная эпидемиологическая ситуация требует немедленного принятия решения для спасения человеческой жизни и предотвращения распространения

опасного заболевания на остальные страны, включая Российскую Федерацию. Прежде всего, посредством правовых мер. Именно право является тем важнейшим инструментом, который координирует действия людей и создает дисциплинированный, объективный и системный подход в решении вопроса обеспечения эпидемиологической безопасности. Отсюда исходит релевантность рассмотрения процесса правовой регламентации борьбы с холерой в историческом обозрении для приумножения опыта и возможного его применения.

Изучением международного сотрудничества государств в борьбе с инфекционными заболеваниями в целом занимались такие отечественные ученые, как Фрейберг Н.Г., Эрк Н., Змерзлый Б. В., Воронина Е. О., Сильченко Н. П., Пристанскова Н. И. и др. Вторую группу представляют зарубежные ученые: Fidler D. P., N.Howard-Jones, A.Cliff, W. F. Bynum, N.Ersoy, O.Aginam, J.B. Mateos Jimenez, G.Rosen, Гоцуляк С., Орленко В. В. [5-21] и др.

История холеры начинается в водах реки Ганг в Индии. Ганг имеет жизненно важное значение для людей, которые живут на полуострове Индостан. Река является основным источником воды, главным местом проведения общественных мероприятий, и воодушевлением для многих из верований индуистской религии. На протяжении столетий индейцы устремлялись к ее берегам, чтобы искупаться, набрать воды, приготовить пищу, помыть овощи, постирать одежду, и принять участие в религиозных церемониях и фестивалях. Ганг также является местом обитания бактерии холерный вибрион – микроскопический организм, вызывающий холеру. Небольшая вспышка холеры, если ее только быстро не взять под контроль, может превратиться в эпидемию или даже пандемию. До 1817 г. считалось, что эпидемии холеры происходили только в области вокруг реки Ганг. Но вскоре болезнь вышла из ее традиционных границ, и вызвала первую из семи пандемий [22, р. 1-2].

Таблица №1. Пандемии холеры [23, р. 1]

Первая пандемия	1817-1823 гг.
Вторая пандемия	1829-1851 гг.
Третья пандемия	1852-1859 гг.
Четвертая пандемия	1863-1879 гг.
Пятая пандемия	1881-1896 гг.
Шестая пандемия	1899-1923 гг.
Седьмая пандемия	1961-1991 гг.

В 1817 г. из г. Калькутты и других частей Индии холера распространилась вдоль торговых путей в другие страны. Носителями заболевания были солдаты и моряки, купцы и простые путешественники, а также бочки с загрязненной питьевой воды. Южная Азия, Китай, Египет, Персия, Восточная Россия – все заразились пандемией [22, р. 5-6].

Все это чрезвычайно мешало нормальному функционированию различных стран мира. Именно в это время появилась острая необходимость в формировании международного диалога и поиска решения проблемы глобального характера. Было созвано первое международное совещание по вопросам инфекционных заболеваний, которое носило название Международная санитарная конференция. Как первая, так и семь последующих съездов были посвящены вопросу предотвращения распространения холеры.

Таблица №2. Международные санитарные конференции по холере [24, р. 223]

№	Место проведения	Дата проведения	Вопрос повестки дня
1	Париж	27 июля 1851-19 января 1852 г.	холера
2	Париж	9 апреля-30 августа 1859 г.	холера

3	Константинополь	13 февраля-26 сентября 1866 г.	холера
4	Вена	1 июля-1 августа 1874 г.	холера
5	Вашингтон	5 января-1 марта 1881 г.	холера, желтая лихорадка
6	Рим	20 мая-13 июня 1885 г.	холера
7	Венеция	5-31 января 1892 г.	холера, желтая лихорадка, чума
8	Дрезден	11 марта-15 апреля 1893 г.	холера

Санитарные конференции свидетельствуют о трех методах, применяемых государствами для принятия решения на основе консенсуса в сфере борьбы с холерой: действовать вместе, чтобы развивать солидарность среди участников, собирать информацию с целью улучшения взаимопонимания между ними, признавать преобладание общих интересов, с тем, чтобы сдерживать односторонние требования. Три группы представителей использовали эти методы: эксперты, дипломаты и международные организации [25, р. 79].

В работе Первой международной санитарной конференции принимали участие 11 европейских государств и Турция. Были представлены: Папская область, Сардинское Королевство, Тоскана, Королевство обеих Сицилий, Австрия, Великобритания, Греция, Испания, Португалия, Россия, Франция, которая выступала в двойной роли – организатора конференции и страны-хозяина [13, р. 12].

Отсутствие неопровержимых научных доказательств этиологии холеры, которые должны были регулироваться международными санитарными конвенциями, и коммерческие интересы ведущих судоходных стран того времени, препятствовали усилиям государств согласовать текст договора. Он был посвящен регулированию трансграничного распространения холеры, что причиняло существенный вред торговле и путешествию по всей Европе, посредством улучшения правил национального карантина [17, р. 62]. Говард-Джонс отмечает, что при созыве первой Международной конференции в 1851 г. французское правительство ставило цель достигнуть международного соглашения по стандартизации карантинных правил, направленных на предотвращение завоза холеры, чумы и желтой лихорадки [13, р. 12]. Однако, итоги заседания были поставлены под угрозу характерными трудностями. Делегаты конференции, как врачи, так и дипломаты, в стадии обсуждения были в равной степени лишены каких-либо знаний касательно этиологии или способа передачи заболевания. В 1851 г. Международная санитарная конференция не добилась абсолютно ничего: страны-участницы не смогли соблюсти баланс между общественным здравоохранением и их судоходными/коммерческими интересами. Оба проекта Международной санитарной Конвенции и международные Санитарные правила, прилагаемые к ней, так и не были ратифицированы ни одной из одиннадцати стран [17, р. 62]. Как Говард-Джонс указывает, с точки зрения практических результатов, первая Международная санитарная конференция потерпела фиаско [13, р. 16]. Каждый участник заседания покинул ее и продолжал заниматься тем, что он делал прежде. Тем не менее, эта встреча имела существенное значение. Тот факт, что конференция состоялась, закреплял принцип, что охрана здравоохранения является надлежащим объектом для международного диалога. Французское правительство того времени заложило основу такой деятельности, которая не получала своего развития течение сорока лет, и после того, как пропущен путь становления, более

чем полтора века спустя, была преобразована во Всемирную Организацию Здравоохранения [17, р. 62 – 63].

Это был первый из четырнадцати таких съездов, последний из которых был проведен в Париже, в 1938 г. Изначально, несмотря на слово «международная» в названии конференции, она была в основном европейская. На первой конференции только Турция (на самом деле, пересекающая границу Евразии) была представителем неевропейской части света. Четыре из десяти других стран, которые направили своих делегатов, были независимые итальянские государства. Немецкие государства не были представлены. США не участвовали вплоть до пятой конференции, созванной в Вашингтоне, где была предпринята не совсем удачная попытка причислять желтую лихорадку наравне с холерой к заболеваниям, требующим международных действий. Несколько новых мировых правительств направили своих представителей на заседание в Вашингтон, но первые конференции по существу оставались европейскими по своему составу и рассматриваемым проблемам, с регулярным добавлением делегатов из Турции, Египта и британской Индии и, в конце концов, США и Японии [24, р. 223-224].

Вторая Международная конференция состоялась в Париже 9 апреля 1859 г., причем Франция снова играла роль инициатора и принимающей страны.

Во второй конференции участвовали те же страны, что и в первой, за исключением Королевства обеих Сицилий, которое в это время не поддерживало дипломатических отношений с Францией [13, р. 20].

Конференция работала в течение 5 месяцев. Ее результатом было подписание Австрией, Великобританией, Испанией, Папской областью, Португалией, Россией, Сардинией и Францией слегка измененного варианта «предварительного соглашения», которое практически представляло собой объединение в один документ соглашения и международных санитарных правил, выработанных первой конференцией. Ни одна из участвующих стран не ратифицировала соглашения [13, р. 20].

На протяжении 9 лет первые две Международные санитарные конференции заняли в общей сложности 11 месяцев бесплодных дискуссий. Тем не менее, был создан важный прецедент: в последующие годы многие страны начали осознавать, что все возрастающее число проблем здравоохранения требует соглашений на международном уровне [13, р. 22].

Инициативу по созыву Третьей международной санитарной конференции опять взяло на себя Правительство Франции, руководствуясь главным образом тем фактом, что в Европе в 1865 г. разразилась эпидемия холеры [13, р. 23].

В работе Третьей конференции приняли участие все остальные государства, направлявшие своих делегатов на первые две конференции; помимо них, впервые были представлены Бельгия, Дания, Нидерланды, Персия, Пруссия и Швеция-Норвегия.

На третьей конференции, состоявшейся в Константинополе, в 1866 г., участники добились выдающейся степени согласия в обсуждении как теоретических принципов, так и практических мер [26]. Однако, присутствующие страны не подписывали имеющую обязательную юридическую силу Конвенцию, вплоть до 11 конференции в 1903 г. Она была усовершенствована, чтобы соответствовать достижениям в области биологических наук, на конференции в 1911-1912 г., отложившейся в период первой мировой войны, и, наконец, ратифицирована в 1926 г. За исключением пятой

конференции, созванной Соединенными Штатами в 1881 г. (которые были озабочены в первую очередь желтой лихорадкой), первые девять конференций были посвящены угрозе распространения холеры. К проведению десятой конференции побудила эпидемия чумы, которая разразилась в Китае в 1894 г. [27, р. 211-212].

Третья конференция создала несколько важных прецедентов: во-первых, она была посвящена исключительно холере; во-вторых, она была самой длительной из всех международных санитарных конференций и продолжалась семь месяцев, и, в-третьих, на ней впервые удалось в значительной степени достичь соглашения по некоторым основным вопросам [13, р. 23]. На повестку дня был поставлен вопрос о назначении комиссии для рассмотрения возможности запретить сообщение по морю между аравийскими портами и египетскими прибрежными территориями, в случае если холера разразится среди совершающих паломничество в Мекку. Также были назначены различные комиссии по исследованию холеры, которые должны были представлять результаты своих обсуждений перед руководящим органом для принятия окончательного решения. Для каждой из этих комиссий была дана программа вопросов или отдельных суждений, чтобы направлять их для работы. Одной из наиболее важных комиссий была назначена для рассмотрения вопросов относительно происхождения, эндемичности, передачи и распространения холеры [26].

Следующим шагом на пути формирования международного сотрудничества в области борьбы с холерой стало решение о преобразовании проведения нерегулярных заседаний и создание постоянного учреждения. Идея «Международной комиссии по эпидемиям» была впервые озвучена на четвертой Международной санитарной конференции в 1874 г. Согласно плану, эта должна была быть постоянная комиссия с местонахождением в Вене, где работали бы представители правительства. Ее задачей было способствовать изучению эпидемий. Члены комиссии брали на себя ответственность за карантинные мероприятия и дальнейшие санитарные конференции. Это оказалось удачной идеей, хорошо принятой на конференции, none вызвавшей особого энтузиазма на государственном уровне. Другая неудачная попытка была предпринята на очередном совещании, созванном в Вашингтоне в 1881 г. Здесь, по плану должно было быть два объединенных агентства, одно – в Вене, и одно – в Гаване, каждое ответственное в соответствующем полушарии. Наконец, в декабре 1902 г., встреча экспертов в области здравоохранения учредила Международное санитарное Бюро, позднее переименованное в Панамериканское санитарное Бюро (ПАСБ). Изначально учреждение состояло лишь из пяти человек и ему остро не хватало сотрудников и помещений. Но, несмотря на некоторые трудности, ПАСБ по праву можно назвать первым международным учреждением здравоохранения. Бюро начало работать с целью сбора эпидемиологической информации и оказания помощи в вопросах, связанных с карантином [28, р. 26-27].

Четвертая международная санитарная конференция открылась 1 июля 1874 г. В ней приняли участие представители 21 страны. Был представлен доклад комитета о создании международного санитарного бюро, который подготовили в форме предлагаемого статуса организации. Таким образом, было решено, что в Вене будет организована «Постоянная международная санитарная комиссия по изучению эпидемических болезней» [13, р. 40]. Обязанности комиссии будут «чисто научными», и «главной задачей будет изучение холеры» [13, р. 40]. Участники конференции в «дополнительном пункте» решений выразили пожелания, чтобы в Персии был ор-

ганизован Международный совет по здравоохранению, аналогичный советам в Константинополе и Александрии, работавшим «так успешно» [13, р. 40].

В конечном итоге Постоянная международная санитарная комиссия не была создана. Что касается Международного санитарного совета Персии, номинально он был создан после Константинопольской конференции, но оказался лишь «своего рода обществом медицины и гигиены». Прошло не менее 30 лет, пока он стал эффективным средством проведения санитарных мероприятий, оставаясь при этом сугубо национальным по своему составу [13, р. 40].

Пятая Конференция открылась 5 января 1881 г. и продолжалась почти два месяца, на протяжении которых состоялось лишь два пленарных заседания. Существенное предложение, выработанное на заседании, касалось учреждения в Вене и Гаване «постоянного международного санитарного регистрационного агентства». В функцию венского филиала этого агентства входил сбор эпидемиологических данных в Европе, Азии и Африке, а в функции гаванского филиала – сбор данных в странах Америки. Договаривающиеся стороны должны были «иметь право учредить, если понадобится, третье агентство в Азии» [13, р. 45]. Конференция проголосовала 14 голосами при 4 воздержавшихся (Италия, Россия, Швеция-Норвегия, Япония) за создание «временной научной санитарной комиссии, в которую вошли бы представители стран, наиболее заинтересованных в защите против желтой лихорадки. Но эта комиссия так и не была создана [13, р. 45].

Шестая международная санитарная конференция была открыта в Риме 20 мая 1885 г. министром иностранных дел Италии, который пояснил, что толчком для созыва конференции в Италии послужила новая вспышка холеры в Египте в 1883 г. [13, р. 54]. Единственной болезнью, обсуждавшейся на конференции, была холера. Основной вопрос, связанный с холерой, возник по поводу санитарных правил, касающихся судоходства из Красного моря через Суэцкий канал. Делегат из Великобритании Уильям Хантер внес предложение, чтобы английские торговые, почтовые и военные суда, которые не имеют сообщения с Египтом или с каким-либо континентальным европейским портом, всегда имели право пересекать Суэцкий канал, являющийся морским каналом, без осмотра [13, р. 56].

Великобритания и Индия проголосовали против этого предложения, Япония и Бразилия воздержались, а остальные 18 стран проголосовали за это предложение [13, р. 56].

Седьмая международная санитарная конференция открылась в Венеции 5 января 1892 г. 30 января конференция собралась для подписания конвенции, текст которой был составлен на основании проекта, предложенного Францией и доработанного в ходе дискуссий, причем предусматривалось, что конвенция будет ратифицирована не позднее чем через шесть месяцев. Пять стран – Австро-Венгрия, Италия, Нидерланды, Россия и Франция – подписали ее безоговорочно, 6 стран – *ad referendum* (с оговорками). Конференция решила, что протокол конвенции может быть подписан в течение четырех месяцев, и в конечном итоге документ был подписан и ратифицирован всеми участниками конференции [13, р. 64].

Это была первая Международная санитарная Конвенция, регулирующая вопросы эпидемиологической безопасности в целом, и холеры в частности. Она уделяет особое внимание реформированию карантинной системы, применяемой для судоходства через Суэцкий канал и изменению регламента регулирования морского, са-

нитарно-карантинного Совета Египта [29]. Она содержит подробные положения в отношении санитарной станции, дезинфекции судов и специальной больницы. Так как санитарный Совет в Египте не функционировал должным образом, конференция сократила количество египтян с 9 до 4. Новый взгляд на холеру в 1892 г. продолжал оказывать давление, и каждая конференция с тех пор была приобщена к дипломатической работе [30, р. 172].

На этом заседании было достигнуто соглашение относительно внесения значительных изменений в две статьи проекта Конвенции. Было также решено, что Австро-Венгрия должна передать другим государствам, участвовавшим в конференции, пересмотренные тексты статей, рекомендуемые для утверждения. Этот исправленный вариант и был ратифицирован всеми участниками, став, таким образом, первым международным договором, имеющим отношение к охране здоровья населения [13, р. 64].

Делегаты решили, что все суда, проходящие через канал, должны были быть классифицированы в зависимости от наличия случая холеры на борту. Они договорились подвергать карантину все суда паломников, даже без случаев холеры на борту. Торговые суда без каких-либо случаев заболевания холерой на борту могли проходить через канал, пока подозрительные корабли будут осмотрены врачом и машины дезинфекции будут размещены на борту [31, р. 91].

Конвенция содержала в себе пять приложений, которые, как указывалось в документе, имели такую же ценность, как если бы они были включены в Конвенцию.

Приложение 1 касалось санитарных норм, которые применялись для прохождения кораблей в карантин через Суэцкий канал, в особенности во время карантина. Приложение 2 регулировало финансовые ресурсы, необходимые для применения указанных нормативно-правовых актов. Состав, функции и порядок работы санитарного, морского и карантинного Совета были отражены в приложении 3. Особые Санитарные правила были пересмотрены и исправлены в соответствии с текстом, содержались в приложении 4. Приложение 5 являлось рекомендацией к торговле и прохождению Суэцкого канала [29, р. 4-5].

Итак, потребовались семь международных санитарных конференций за период, охватывающий 41 год, чтобы государства пришли к соглашению весьма ограниченного масштаба, регулирующему правила морского карантина и относящемуся к холере и судам, направляющимся с востока на запад.

Восьмая Международная санитарная конференция открылась 11 марта 1893 г. в Дрездене. Новая конвенция, выработанная конференцией, была подписана только 10 ее членами: Великобританией, Данией, Грецией, Португалией, Румынией, Сербией, Испанией, Швецией-Норвегией и Турцией. Все представители заявили, что они передадут конвенцию на рассмотрение своим правительствам.

Правительства, подписавшие конвенцию, обязались немедленно оповещать друг друга о всякой вспышке холеры на их территориях и пришли к соглашению о том, что единственными предметами, к которым следует применять ограничительные меры при ввозе, являются использованная одежда, постельное белье, которые следует либо изымать, либо дезинфицировать, но не задерживать в карантине.

3/15 апреля 1893 г. в Дрездене была заключена Санитарная конвенция, которую подписали Россия, Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Франция, Италия, Люксембург, Черногория, Нидерланды, Швейцария (ратифицирована Россией 25 мая 1893 г. (№9670) [32, с. 348-349]. Она заключалась на 5 лет со дня ее ратификации и считалась возобновленной через каждый 5 лет при молчаливом согласии договаривающихся сторон, пока не последует от одной из них, за 6 месяцев до истечения этого срока, заявления о ее прекращении. Это заявление имело силу только относительно того государства, от которого последовало [32, с. 350]. Отд. 1 конвенции преду-

смаатривал меры по своевременному извещению подписавших ее правительств, о состоянии появившейся холерной эпидемии и средствах, используемых против ее распространения и занесения в незараженные места [32, с. 350].

Отделение 7 было посвящено речным путям – рекам, каналам и озерам. Было указано, что забота об установлении санитарного надзора по речным путям, посредством специальных соглашений, должна быть предоставлена правительствам прибрежных государств. В этом отношении рекомендовались изданные в 1892 г. правила в Германии [32, с. 353].

Отд. 8 посвящено морской части. Согласно ему все суда разделялись на зараженные, сомнительные и благополучные. Описаны меры, которые необходимо совершать на каждом из таких судов.

Были рассмотрены и меры, подлежащие принятию относительно судов, приходящих из зараженного порта и поднимающихся по Дунаю. Для принятия судов, приходящих из зараженных портов и поднимающихся вверх по реке, предусматривалось устройство современного карантинного заведения в румынском г. Сулина и обеспечение его хорошей питьевой водой, в том числе для снабжения кораблей. Кроме того, предусматривалась необходимость подписания двустороннего соглашения об устройстве санитарных постов по берегу Дуная между Россией и Румынией. В них должны были быть: врач, средства дезинфекции, изолированная комната, достаточное количество годной для питья воды. Все это для того, чтобы к ним могли подходить пассажирские и торговые суда [32, с. 353-355].

Дрезденская Конвенция имела большое значение для разработки дальнейших нормативных актов, касающихся вопросов эпидемиологического контроля как в Российской Империи, так и в иностранных государствах.

В Париже в 1894 г. прошла девятая конференция, задачей которой явилось урегулирование международных мер, направленных на установление санитарного надзора за пределами Европы, по путям перехода холеры из Азии. С этой целью странам-участницам конференции пришлось пересмотреть и видоизменить систему охраны Египта и Суэцкого канала, подробно остановиться на медико-санитарной проблеме паломничества в Мекку, выработать основания санитарной охраны Персидского залива.

Конференция разработала обширный и сложный план охраны Европы от холеры путем санитарного надзора в странах Востока. Регламенты, разработанные этой конференцией, были чрезвычайно подробны и достаточно обоснованы, что дало возможность применить их в последующие годы борьбы против холеры [11, с. 152].

Из вышеизложенного следует, что методом организации борьбы с холерой в середине XIX в. стало проведение Международных санитарных конференций. Представителями таких совещаний были подписаны соглашения об эпидемиологических мерах, направленные на приостановление распространения заболевания. Санитарные Конвенции не только стали основным источником международного правового регулирования вопросов противодействия холерной эпидемии, но и использовались для разработки национального санитарного законодательства.

Список литературы:

1. Cholera in Haiti: One Year Later [electronic resource] //official website of Centers for Disease Control and Prevention. URL:http://www.cdc.gov/haiticholera/haiti_cholera.htm(дата обращения: 02.10.2015)
2. Ministère de la Santé Publique et de la Population (MSPP). Rapport de Cas 12 août 2013 [electronic resource] // official website of Government of Haiti, health ministry//URL: http://www.mspp.gouv.ht/site/downloads/Rapport%20%20Web%2012.08_Avec_Courbes_Departements.pdf (дата обращения: 02.10.2015)

3. Cholera has struck more than 6% of Haitians [electronic resource] // official website of Center for Infectious Disease Research and Policy. URL:<http://www.cidrap.umn.edu/news-perspective/2013/01/cholera-has-struck-more-6-haitians>(дата обращения: 02.10.2015)
4. UN must step up, apologize, and help drive cholera from Haiti [electronic resource] // official website of The Boston Globe newspaper (August 12, 2015). URL:<https://www.bostonglobe.com/opinion/editorials/2015/08/12/must-step-apologize-and-help-drive-cholera-from-haiti/ZZ2f9CGMI7kullUNz9bimM/story.html>(дата обращения: 02.10.2015)
5. Фрейберг Н.Г. Международные санитарные конференции последнего десятилетия / Н.Г. Фрейберг. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел. – 1898. – 85 с.
6. Фрейберг Н.Г. Международная санитарная конференция 1911 г. / Н.Г. Фрейберг. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел. – 1912. – 22 с.
7. Фрейберг Н. Г. Врачебно-санитарное законодательство в России. Узаконения и распоряжения правительства по гражданской медицинской части. Международные санитарные конвенции. – СПб.: Издание журнала «Практическая медицина». – 1901. – 170 с.
8. Экк Н. О международной санитарной конференции в Риме / Н. Экк. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел. – 1885. – 168 с.
9. Змерзлый Б. В. Правовые основания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Гаврической губернии) / Б. В. Змерзлый, Е. О. Воронина. – Симферополь. – 2014. – 261 с.
10. Сильченко Н. П. Международно-правовые механизмы обеспечения права на охрану здоровья в контексте эпидемий, представляющих глобальную угрозу: автореферат дис. на соискание учен. степени к. ю. н. : спец. 12.00.10 «Международное право, европейское право» / Н. П. Сильченко. – М., 2012. – 38 с.
11. Пристанскова Н. И. Правовое регулирование врачебно-санитарной деятельности в Российской империи (XIX-начало XX вв.) : дис. на соискание учен. степени к. ю. н. : спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Н. И. Пристанскова. – Санкт-Петербург, 2007. – 215 с.
12. Fidler D. P. International law and infectious diseases / D. P. Fidler. – Oxford: Clarendon Press. – 1999. – 412 p.
13. Norman Howard-Jones. The scientific background of the International Sanitary Conferences 1851-1938. Geneva: World Health Organisation. – 1975. – 110 p.
14. Andrew Cliff. Oxford Textbook of Infectious Disease Control: A Geographical Analysis from Medieval Quarantine to Global Eradication / Andrew Cliff, Matthew Smallman-Raynor. – Oxford: Oxford University Press. – 2013. – 193 p.
15. W. F. Bynum. Policing Hearts of Darkness: Aspects of the International Sanitary Conferences / W. F. Bynum // History and Philosophy of the Life Sciences. – 1993. – Vol. 15, No. 3. – p. 421-434.
16. Nermin Ersoy. International Sanitary Conferences from the Ottoman perspective / Nermin Ersoy, Yuksey Gungor, Ailhan Akpinar [electronic resource]. URL:<http://www.ep.liu.se/ej/hygica/v10/i1/a04/hygica11v10i1a04.pdf>(дата обращения 02.10.2015).
17. Obijiofor Aginam. Global health governance: international law and public health in a divided world. – Toronto: University of Toronto Press Incorporated. – 2005. – 202 p.
18. Juan B. Mateos Jimenez. Actas de las conferencias sanitarias internacionales (1851-1938) / Juan B. Mateos Jimenez // Rev. Esp. Salud Publica. – 2005. – Vol. 79, n. 3.
19. A History of Public Health / George Rosen [et. al.]. – Baltimore: JHU Press. – 2015. – 440 p.
20. Гоцуляк С. Международные санитарные конвенции, ратифицированные Российской Империей в конце XIX – начале XX ст.: историко-правовой аспект / С. Гоцуляк // Legeasi Viata. – 2014. – №8/2. – С. 41-45.
21. Орленко В. В. Міжнародне співробітництво Російської Імперії в сфері нормативного забезпечення боротьби з епідемічними захворюваннями XIX – початок XX ст.) / В. В. Орленко // Вісник Академії адвокатури України. – 2012. – № 1(23). – С. 74-80.
22. Stephanie True Peters. Cholera: Curse of the Nineteenth Century. – New York: Marshall Cavendish Corporation. – 2005. – 69 p.
23. Cholera // edited by Dhiman Barua, William B. Greenough III. – New York: Plenum Publishing Cooperation. – 1992. – 372 p.
24. The Western Medical Tradition: 1800-2000 / W. F. Bynum [et. al.]. – New York: Cambridge University Press. – 2006. – 614 p.

25. Networking the International System: Global Histories of International Organizations // editor Madeleine Herren. – Switzerland: Springer. – 2014. – 205 p.
26. International sanitary conference. Report on Asiatic cholera. – Boston: Alfred Mudge & Son. – 1867. – 104 p.
27. LaVerneKuhnke. Lives at Risk: Public Health in Nineteenth-century Egypt. – Oxford: University of California Press. – 1990. – 233 p.
28. Iris Borowy. Coming to Terms with World Health: the League of Nations Health Organisation 1921-1946. – Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH. – 2009. – 510 p.
29. International Sanitary Convention, 30 January 1892 // Treaty Series. – 1893. – No.8.
30. Bob Reinalda. Routledge History of International Organizations: From 1815 to the Present. – Routledge: New York. – 2009. – 880 p.
31. Pratik Chakrabarti. Medicine and Empire: 1600-1960. – New York: Palgrave Macmillan. – 2014. – 280 p.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIII. 1893 г. – СПб., 1897. – 708 с.

Klimenko K. P. International cooperation in the fight against cholera (1851-1894) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 263 – 272.

In the XIX century cholera spread from its original reservoir in the Ganges Delta in India around the world. Six subsequent pandemics killed millions of people on all continents. The current (seventh) pandemic started in 1961 in South Asia, and reached to Africa in 1971 and America in 1991. Currently the disease is endemic in many countries. The present article analyzes international measures aimed at ensuring the epidemiological security in the world during the first outbreak of cholera. In the middle of XIX century the international community took the decision to convene an international meeting, called the International sanitary conference, to prevent the spread of disease. Fourteen meetings were held, the members of which were famous physicians, epidemiologists and politicians. The task of the first eight meetings was the drafting and signing of an international agreement on the standardization of quarantine regulations to prevent the importation of cholera, plague and yellow fever. The first attempts ended in failure, the result of the dominance of commercial interests of States over the interests of ensuring the normal vital activity of the population. After 41 years since the first conference, the first-ever Convention was adopted, governing the health issues. It was subsequently ratified by the countries-participants of congresses. The responsibility of the parties immediately to inform each other of any outbreak of cholera regulatory was assigned, as well as to reform the quarantine system applied to navigation through the Suez canal, and to change the regulations for the Maritime, sanitary and quarantine Board of Egypt, etc. To prevent further spread of the Ebola virus, which began in February 2014 in Guinea and still ongoing, it would be appropriate to address to historical experience of legal regulation of fighting dangerous and harmful disease, cholera.

Keywords: international cooperation, cholera, epidemics, international sanitary conference, the international sanitary Convention, sanitary control, the pilgrimage to Mecca, the sanitary Council of Egypt, the quarantine system, the sanitary post.

УДК 016 : 341.48 /49

**НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ (ЧАСТЬ I)**

Шумиленко А. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Пастухова Л. В.

Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал)

Библиографический указатель содержит названия монографий, научных статей, сборников документов, а также сборников материалов научных конференций, посвящённых Нюрнбергскому процессу, и охватывает такие вопросы, как: предыстория Нюрнбергского процесса, Нюрнбергские принципы, международная уголовная ответственность физических лиц, влияние Нюрнбергского процесса на развитие международного уголовного права и международного гуманитарного права, военные преступления, преступления против человечности и геноцид.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, Нюрнбергский трибунал, международное право, международное уголовное право, Нюрнбергские принципы, военные преступления, преступления против человечности, геноцид

1. 20-я годовщина Нюрнбергского процесса // Советское государство и право. – 1966. – № 10. – С. 157.
2. 25-летие Нюрнбергского процесса // Социалистическая законность. – 1970. – № 11. – С. 39–41.
3. 65-летие Нюрнбергского процесса и оценки его итогов в странах СНГ. Материалы заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств, 23 ноября 2010 года. – М.: Издание Совета Федерации, 2011. – 82 с.
4. *Абашидзе А. Х., Солнцев А. М.* Нюрнбергский процесс и прогрессивное развитие международного права // Международное право – International Law. – 2006. – № 3 (27). – С. 72–87.
5. *Аванесян В. В.* Нюрнбергский трибунал и геноцид // Общество и право. – 2011. – № 3 (35). – С. 17–21.
6. *Аванесян В. В.* О роли Нюрнбергского процесса в развитии международно-правовых норм, касающихся геноцида // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сборник материалов межведомственных научно-практических конференций (17 ноября 2011 г., Москва) / Под общ. ред.: Капинус О. С. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. – С. 25–34.
7. *Аванесян В. В., Илий С. К.* Роль трибуналов для суда над преступниками Второй мировой войны в формировании международных норм о защите прав военнопленных и регулировании медицинских исследований // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 67–72.

8. Агеев В. В. Нюрнбергский процесс в фокусе исторического развития // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2007. – № 1 (13). – С. 34–38.
9. Агрессия как международное преступление (По материалам Нюрнбергского процесса). (Диссертация А. Ф. Волчкова) // Советское государство и право. – 1951. – № 6. – С. 72–74.
10. Александров Г. Исторические уроки (К 30-летию Нюрнбергского приговора) // Социалистическая законность. – 1976. – № 10. – С. 34–37.
11. Александров Г. Международный суд над нацистскими преступниками (К 30-летию Нюрнбергского процесса) // Социалистическая законность. – 1975. – № 11. – С. 48–52.
12. Александров Г. Нюрнбергский процесс: К 30-летию Великой победы // США. Экономика, политика, идеология. – 1975. – № 12. – С. 39–47.
13. Александров Г. Н. Из истории Нюрнбергского процесса: Записки следователя // Новое время. – 1965. – № 43. – С. 16–19.
14. Александров Г. Н. Из истории Нюрнбергского процесса: Записки следователя // Новое время. – 1965. – № 44. – С. 20–23.
15. Александров Г. Н. Из истории Нюрнбергского процесса: Записки следователя // Новое время. – 1965. – № 45. – С. 16–19.
16. Александров Г. Н. Из истории Нюрнбергского процесса: Записки следователя // Новое время. – 1965. – № 47. – С. 16–19.
17. Александров Г. Н. Из истории Нюрнбергского процесса: Записки следователя // Новое время. – 1965. – № 48. – С. 28–31.
18. Александров Г. Н. Исторический приговор (О Нюрнбергском процессе над главными нацистскими преступниками, 1945–1946 гг.) // Правоведение. – 1977. – № 1. – С. 103–105.
19. Александров Г. Н. Нюрнберг вчера и сегодня. – М.: Политиздат, 1971. – 168 с.
20. Александров Г. Н. Пусть люди помнят это всегда (К 20-летию Нюрнбергского процесса) // Социалистическая законность. – 1966. – № 10. – С. 58–61.
21. Александров Г. Н. Советские прокуроры в Нюрнберге / На страже советских законов / Редкол.: Александров Г. Н., Глух Ф. К., Горный А. Г., Зайцев С. И., Звирбуль В. К., Кондрашков Н. Н., Кравцов Б. В., Кудрявцев В. Н., Маляров М. П., Панкратов А. С., Пастревич И. П., Черменский И. В.; Гл. ред.: Жогин Н. В., Руденко Р. А. М.: Юрид. лит., 1972. – С. 410–421.
22. Александров Г. Н. Уроки Нюрнберга // Международная жизнь. – 1970. – № 11. – С. 85–89.
23. Алексеев Н. С. Приговоры по делам о преступлениях против человечества (Нюрнбергский и Токийский процессы) / Смертная казнь: за и против / Сост.: Парфенова Т. С., Шишов О. Ф.; Под ред.: Келина С. Г. М.: Юрид. лит., 1989. – С. 444–458.
24. Арабули Д. Т. От Нюрнбергского процесса до заочного производства по уголовным делам в современной России // Молодые ученые СГА / Отв. ред.: Астанина С. Ю.; Науч. ред.: Чмыхова Е. В. М.: Изд-во СГУ, 2008. – С. 13–18.
25. Арсеньев Б. Международный военный трибунал // Ученые записки ВИЮН. – 1947. – Вып. 5. – С. 124–139.

26. *Арсеньев Б. Я.* Международный военный трибунал // Научная сессия МГЮИ. Тезисы докладов. – М., 1946. – С. 17–18.
27. *Баженов Н.* Принципы Нюрнберга // Социалистическая законность. – 1985. – № 12. – С. 6–10.
28. *Баженов Н. А.* Нерушимость принципов Нюрнберга и сотрудничество государств в преследовании нацистских военных преступников / Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред.: Пустогаров В. В. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 94–108.
29. *Батырь В. А.* Нюрнбергский приговор пересмотру не подлежит // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 24–30.
30. Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса / Редкол.: *Л. И. Швецова и др.* – М.: Мысль, 2006. – 399 с.
31. Без срока давности: к 65-летию Нюрнбергского процесса (книжно-иллюстративная выставка: Каталог). – М., 2010. – 24 с.
32. *Белый И. Ю.* Нюрнбергский процесс и формирование принципов международного уголовного судопроизводства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 14–19.
33. *Берлявский Л. Г.* Нюрнбергский процесс. Международный суд над главными нацистскими военными преступниками: 65 лет спустя // Юридический вестник РГЭУ. – 2011. – № 1 (57). – С. 5–12.
34. *Берлявский Л. Г.* Суд над нацистским правом. Нюрнбергский процесс: 65 лет спустя // Право и образование. – 2011. – № 6. – С. 146–155.
35. *Богущ Г. И. А. Н.* Трайнин и значение его идей для Нюрнбергского процесса // Нюрнбергский процесс: уроки истории: материалы междунар. науч. конф., Москва, 20–21 ноября 2006 г. / под ред. Н. С. Лебедевой, В. В. Ищенко; сост. Ю. М. Коршунов. Москва: ИВИ, 2007. – С. 166–173.
36. *Богущ Г. И.* Нюрнбергский процесс и современность (некоторые размышления к 60-летию Международного военного трибунала над главными нацистскими военными преступниками) // Российский ежегодник уголовного права. – 2006. – № 1. – С. 371–391.
37. *Богущ Г. И.* Принципы Нюрнбергского трибунала и их значение для развития международного уголовного права // История развития уголовного права и ее значение для современности. Материалы 5 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 26–27 мая 2005 г. / Редкол.: Борзенков Г. Н., Комиссаров В. С. (Отв. ред.), Крылова Н. Е., Тяжкова И. М. М.: ЛексЭст, 2006. – С. 38–42.
38. *Бойков А. Д.* Адвокаты в Нюрнбергском процессе // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2008. – № 3. – С. 5–15.
39. *Боярская Е. А., Подтуркина Д. Ю.* Всегда ли «победитель является судьей»? Нюрнбергский процесс и обновленные стандарты правосудия // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник материалов II Всероссийской студенческой научно-практической конференции / Отв. ред.: Рябинина Т. К. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. – С. 32–38.

40. Буликеева Д. Ж. Значение Нюрнбергского процесса для развития уголовного права // Правовая защита частных и публичных интересов: сборник статей международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной памяти выдающегося российского адвоката Федора Никифоровича Плевако (1842-1908) 20-21 апреля 2012 года / Отв. ред.: Янин М. Г. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2012. – С. 300–302.
41. Буликеева Д. Ж. Понятие геноцида. Влияние Нюрнбергского процесса на становление геноцида как преступления против мира и человечества // Актуальные проблемы права, истории и экономики. Профилактика преступности несовершеннолетних: сборник материалов Международной научно-практической конференции / Ред.: Блясова И. Ю., Сычева Н. В. Шадринск: Каргап. филиал ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2012. – С. 27–29.
42. Бушув Г. И. Фашизм перед судом народов / Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред.: Пустогаров В. В. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 12–23.
43. Валеев Р. М. Нюрнбергские принципы и вопросы выдачи лиц, совершивших преступления против человечества // Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: Гришаев П. И., Кригер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.; Отв. за вып.: Ананиан Л. Л. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 149–167.
44. Валеев Р. М., Сафиуллина И. П. Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права (к 60-летию Нюрнбергского процесса) // Московский журнал международного права. – 2006. – № 3. – С. 185–200.
45. Васякина Е. В. Нюрнбергский процесс: эволюция идеи наказания военных преступников // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2013. – Вып. 17. – С. 6–12.
46. Винокуров А. Ю. К вопросу о расследовании военных преступлений, совершенных в отношении гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 72–77.
47. Волчков А. Ф. Агрессия как международное преступление (по материалам Нюрнбергского процесса): автореф. дис. ... кандидата юридических наук / А. Ф. Волчков. – М., 1950. – 31 с.
48. Волчков А. Ф. Нюрнбергский приговор // Советское государство и право. – 1976. – № 10. – С. 12–20.
49. Волчков А. Ф., Полтораки А. И. Принципы Нюрнбергского приговора и международное право // Советское государство и право. – 1957. – № 1. – С. 27–37.
50. Воронков В. А. 60 лет Нюрнбергскому процессу: преемственность принципов уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2005. – № 2. – С. 92–97.
51. Вэйль Р. Нюрнберг: история и современность через призму МАЮД // Прокурорская и следственная практика. – 2001. – № 3–4. – С. 16–21.
52. Гареев М. А. Гитлеровский миф о «превентивной войне» в материалах Нюрнбергского трибунала // Прокурорская и следственная практика. – 2003. – № 1–2. – С. 231–243.

53. Гацко М. Ф. Нюрнбергские принципы и проблемы ответственности за международные преступления, совершенные в августе 2008 г. против народа Южной Осетии и российских миротворцев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 82–88.
54. Гилберт Г. М. Нюрнбергский дневник / Густав Марк Гилберт; [перевод с англ. А. Л. Уткина]. – М.: Вече, 2012. – 480 с.
55. Гладков И. В. Ответственность за подготовку и развязывание агрессивной войны в современном уголовном законодательстве ФРГ // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 62–67.
56. Глотова С. В. Значение Нюрнбергского трибунала // Международное право – International Law. – № 3 (27). – С. 140–151.
57. Глотова С. В. От Нюрнберга до Гааги: эволюция идеи международного уголовного суда // Нюрнбергский процесс: уроки истории: материалы междунар. науч. конф., Москва, 20-21 ноября 2006 г. / под ред. Н. С. Лебедевой, В. В. Ищенко; сост. Ю. М. Коршунов. Москва: ИВИ, 2007. – С. 252–264.
58. Гофман И. Д. Нюрнберг предостерегает. – Полтава, 2007. – 376 с.
59. Григорович Ю. В. Нюрнбергский процесс и его международное значение // Закон и право. – 2007. – № 4. – С. 99–100.
60. Гриненко А. В. Вопросы доказывания в деятельности Международного военного трибунала (1945–1946 гг.) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 1. – С. 32–34.
61. Гришаев П. И. Понятие международной преступности в свете принципов Нюрнберга // Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: Гришаев П. И., Кригер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.; Отв. за вып.: Ананиан Л. Л. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 8–24.
62. Гус М. На Нюрнбергском процессе // Новое время. – 1966. – № 4. – С. 18–21.
63. Гуцин В. З. Принципы и уроки Нюрнберга // Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: Гришаев П. И., Кригер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.; Отв. за вып.: Ананиан Л. Л. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 168–176.
64. Джантаев Х. М. Нюрнберг: опыт международного правосудия // Международное право – International Law. – 2006. – № 3 (27). – С. 162–176.
65. Домбровский В. Е. Юридическая ответственность за военные преступления вермахта против гражданского населения на территории СССР в период Великой Отечественной войны (по материалам Нюрнбергского трибунала) // Седьмые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 16 декабря 2011 года): сборник статей: в 7 кн. Кн. 1: Проблемы теории и истории государства и права / Отв. ред.: Рассолов М. М. М.: РПА Минюста России, 2012. – С. 65–68.
66. Дэвидсон Ю. Суд над нацистами / пер. с англ. А. Коноплева, А. Жеребилова. – Смоленск, 2001. – 506 с.
67. Епифанов А. О некоторых итогах уголовного преследования гитлеровских военных преступников и их пособников // Право и жизнь. – 2001. – № 42. – С. 272–281.

68. Ермолович Я. Н. Влияние Нюрнбергского процесса на развитие российского военно-уголовного законодательства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 50–54.
69. Захлятин Л. А. Устав Международного военного трибунала и обоснование теории профессиональной защиты // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 3, Ч. 2. – С. 158–161.
70. Заявление Международной конференции «Нюрнбергский процесс – история и современность» (к 55-летию Международного военного трибунала, осудившего главных нацистских преступников Германии) // Журнал российского права. – 2001. – № 12. – С. 157–158.
71. Заявление международной конференции «Нюрнбергский процесс – история и современность» (к 55-летию Международного военного трибунала, осудившего нацистских преступников Германии) // Прокурорская и следственная практика. – 2001. – № 3–4. – С. 34–35.
72. Звягинцев А. Г. Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. – М., 2006. – 1120 с.
73. Звягинцев А. Г. Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. Фрагменты из книги // Прокурорская и следственная практика. – 2007. – № 1–2. – С. 281–320.
74. Звягинцев А. Г. Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. Фрагменты из книги // Прокурорская и следственная практика. – 2007. – № 3–4. – С. 282–319.
75. Звягинцев А. Г. Нюрнбергский процесс. Без грифа «Совершенно секретно». М.: Астрель: АСТ, 2010. – 800 с.
76. Звягинцев А. Г. Нюрнбергский процесс и современный миропорядок // Нюрнбергский процесс: уроки истории: материалы междунар. науч. конф., Москва, 20-21 ноября 2006 г. / под ред. Н. С. Лебедевой, В. В. Ищенко; сост. Ю. М. Коршунов. Москва: ИВИ, 2007. – С. 38–45.
77. Звягинцев А. Г. Эхо Нюрнберга: репортаж из прошлого, обращение к будущему // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сборник материалов межведомственных научно-практических конференций (17 ноября 2011 г., Москва) / Под общ. ред.: Капинус О. С. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. – С. 6–18.
78. Зелинская Н. А. Нюрнбергская концепция международного преступления и принцип «EX POST FACTO» в международном уголовном праве // Наукові праці Одеської національної юридичної академії. – 2008. – Том 7. – С. 160–169.
79. Иванова И. М. Нюрнбергские принципы в международном праве // Советское государство и право. – 1960. – № 8. – С. 83–90.
80. Игнатов А. Н. Уроки Нюрнбергского процесса и проблемы ответственности за преступления против мира и человечности // Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: Гришаев П. И., Кригер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.; Отв. за вып.: Ананиан Л. Л. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 201–211.

81. *Изотов Д. М.* О соотношении крайней и военной необходимости в свете реализации принципов Нюрнбергского трибунала // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 77–82.
82. *Иойрыш А. И.* Нюрнбергский процесс и ядерное оружие / Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред.: *Пустогаров В. В.* – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 162–173.
83. *Ирвинг Д.* Нюрнберг. Последняя битва / пер. с англ. – М., 2004. – 764 с.
84. *Ишин А. М.* Нюрнбергский процесс: некоторые правовые аспекты // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2007. – № 1 (13). – С. 17–22.
85. *Какителашвили М. М.* Борьба с проявлениями фашизма в современном мировом сообществе (по материалам Нюрнбергского процесса) // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сборник материалов межведомственных научно–практических конференций (17 ноября 2011 г., Москва) / Под общ. ред.: *Капинус О. С.* М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. – С. 85–91.
86. *Карев Д. С.* Нюрнбергский процесс. – М.: Знание, 1976. – 63 с.
87. *Карев Д. С.* Суровый урок истории (К 25-летию Нюрнбергского приговора) // Социалистическая законность. – 1971. – № 10. – С. 41–42.
88. *Карпец И. И.* Нюрнбергские принципы и преступления современной империалистической реакции / Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред.: *Пустогаров В. В.* М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 136–150.
89. *Ківалов С. В.* Міжнародне кримінальне правосуддя: від Нюрнберзького військового трибуналу до Міжнародного кримінального суду // Альманах міжнародного права. – 2009. – Вып. 1. – С. 5–18.
90. *Кларк Р., Ледях И. А.* Влияние Нюрнбергского судебного процесса на развитие международного уголовного права // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / Гинзбургс Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М. и др.; Под ред.: *Ледях И. А., Лукашук И. И.*; Пер.: *Никифоров А. С. М.*: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 218–252.
91. *Кларк Р., Решетов Ю. А.* Преступления против человечности / Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / Гинзбургс Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М. и др.; Под ред.: *Ледях И. А., Лукашук И. И.*; Пер.: *Никифоров А. С. М.*: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 160–184.
92. *Коваль А. В.* Значение Нюрнбергского трибунала для становления принципов международной уголовной ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 31–39.
93. *Козлов Т. Л.* Передача лиц, совершивших международные преступления, международному правосудию: от Нюрнберга к современности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). С. 39–45.
94. *Конярова Ж. К., Решетова Н. Ю.* Нюрнбергский процесс: зарождение международных стандартов, гарантирующих право на справедливое судебное разбирательство // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 19–24.

95. *Корякин В. М.* Уроки Нюрнберга в зеркале военно-правовой науки // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 9–14.
96. *Котляров И.* Нюрнбергский процесс: взгляд через десятилетия // Власть: Октябрь. Общенациональный научно-политический журнал. – 2006. – № 10. – С. 3–9.
97. *Котляров И. И.* Нюрнбергский процесс и прогрессивное развитие международного гуманитарного права // Вестник Московского университета МВД России. – 2006. – № 8. – С. 156–160.
98. *Котляров И. И.* Преемственность Нюрнбергских принципов в международном гуманитарном праве // Московский журнал международного права. – 2006. – № 4. – С. 93–109.
99. *Кочаров А. А.* Гарантии прав обвиняемых и несостоятельность доводов защиты на Нюрнбергском процессе // Тр. НИИ правовой защиты. – 1969. – С. 137–149.
100. *Кошелев Д. А.* Военное право как составная часть системы публичного права национал-социалистической Германии (по материалам Нюрнбергского процесса) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Вып. 29 / Редкол.: Ведяхин В. М., Жильцов С. В., Ищенко С. А., Малько А. В., Сундунов Ф. Р., Хачатуров Р. Л. (Отв.ред.), Хохлов В. А., Шейфер С. А., Якушин В. А. Тольятти: ВУиТ, 2003. – С. 211–217.
101. *Красов С. И.* Международно-правовые и исторические аспекты Нюрнбергских принципов // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования. Сборник научных статей, посвященных 35-летию юридического факультета. Вып. 2 / Под ред.: Напреенко А. А. Самара: Самарский университет, 2006. – С. 54–60.
102. *Красов С. И.* Нюрнбергские принципы в системе международного уголовного права (к истории дискуссии) // Актуальные проблемы современного международного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции, Москва, 17 апреля 2006 г. / Отв. ред.: Абашидзе А. Х., Капустин А. Я. М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 83–89.
103. *Крюков В. Ф., Ларина Е. А.* Генезис современного представления исторического опыта Нюрнбергского процесса // Теоретические аспекты и правоприменительная практика российского законодательства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 12-14 апреля 2007 г. Курск: Изд-во Курск. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 59–64.
104. *Кудрявцев В. Н.* Нюрнбергский процесс и проблемы укрепления международного правопорядка / Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / Гинзбургс Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М. и др.; Под ред.: Ледах И. А., Лукашук И. И.; Пер.: Никифоров А. С. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 5–10.
105. *Кудрявцев В. Н.* Нюрнбергский процесс и проблемы укрепления международного правопорядка / Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред.: Пустогаров В. В. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 3–12.
106. *Кузнецов М. Н.* Правовая база Нюрнбергского процесса в международном праве // Прокурорская и следственная практика. – 2001. – № 3–4. – С. 28–33.

107. *Кульков Е. Н.* Нацистские преступные организации сквозь призму Нюрнбергского приговора // Нюрнбергский процесс: уроки истории: материалы междунар. науч. конф., Москва, 20-21 ноября 2006 г. / под ред. Н. С. Лебедевой, В. В. Ищенко; сост. Ю. М. Коршунов. Москва: ИВИ, 2007. – С. 112–138.
108. *Курис П. М.* Нюрнбергский процесс // Коммунист. – 1966. – № 9. – С. 66–68.
109. *Ларин А. М.* Нюрнберг: судебное разбирательство и приговор / Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред.: Пустогаров В. В. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 74–94.
110. *Ларин А. М., Мэрфи Д.* Международное уголовно-процессуальное право / Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / Гинзбургс Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М. и др.; Под ред.: Ледах И. А., Лукашук И. И.; Пер.: Никифоров А. С. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 64–95.
111. *Лебедева Н. С.* К истории создания Международного военного трибунала / Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: Гришаев П. И., Кригер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.; Отв. за вып.: Ананиан Л. Л. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 68–85.
112. *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса / Отв. ред.: Полторак А. И. – М.: Наука, 1975. – 238 с.
113. *Лебедева Н. С.* Предыстория Нюрнбергского процесса (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... кандидата юридических наук / Н. С. Лебедева. – М., 1971. – 35 с.
114. *Лебедева Н. С.* СССР и Нюрнбергский процесс // Нюрнбергский процесс: уроки истории: материалы междунар. науч. конф., Москва, 20-21 ноября 2006 г. / под ред. Н. С. Лебедевой, В. В. Ищенко; сост. Ю. М. Коршунов. Москва: ИВИ, 2007. – С. 139–165.
115. *Лебедева Н. С.* Суд над фашизмом и агрессией (К 40-летию Нюрнбергского процесса). – М.: Знание, 1985. – 64 с.
116. *Лебедева Н. С.* Суд народов в Нюрнберге: история и современность // Новая и новейшая история. – 1986. – № 5. – С. 38–55.
117. *Ледах И. А.* Историческое значение Нюрнбергских принципов // Советское государство и право. – 1972. – № 1. – С. 146–148.
118. *Ледах И. А.* Международная конференция юристов, посвященная 40-летию Нюрнбергского процесса // Советское государство и право. – 1986. – № 3. – С. 132–133.
119. *Ледах И. А.* Нюрнбергский приговор и практика процессов над нацистскими преступниками в ФРГ // Советское государство и право. – 1971. – № 3. – С. 133–137.
120. *Ледах И. А.* Об ответственности нацистских судей. Нюрнбергский процесс и современность // Советское государство и право. – 1976. – № 10. – С. 104–108.
121. *Ледах И. А.* Уроки Нюрнберга в борьбе с неофашизмом // Советское государство и право. – 1982. – № 3. – С. 142.
122. *Ледах И. А.* Фашизм перед судом народов. К 40-летию Нюрнбергского процесса // Советское государство и право. – 1986. – № 1. – С. 55–63.

123. Лесников Г. Ю. Нюрнбергский судебный процесс: международный уголовно-политический опыт // Публичное и частное право. – 2011. – № IV (XII). – С. 14–20.
124. Лисицын-Светланов А. Г., Ледах И. А. Нюрнбергский процесс и защита прав человека // Нюрнбергский процесс: уроки истории: материалы междунар. науч. конф., Москва, 20-21 ноября 2006 г. / под ред. Н. С. Лебедевой, В. В. Ищенко; сост. Ю. М. Коршунов. Москва: ИВИ, 2007. – С. 22–37.
125. Лукашук И. И., Мэрфи Д. Преступления против мира / Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / Гинзбургс Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М. и др.; Под ред.: Ледах И. А., Лукашук И. И.; Пер.: Никифоров А. С. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 116–145.
126. Максимов С. С. Судебные процессы военных трибуналов над немецко-фашистскими преступниками (предшественники Нюрнбергского процесса) // Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: Гришаев П. И., Кригер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.; Отв. за вып.: Ананиан Л. Л. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 86–100.
127. Малеев Ю. Н. Кого и как судили в Нюрнберге (история с продолжением) // Международное право – International Law. – 2006. – № 3 (27). – С. 191–220.
128. Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и Уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение. – 2013. – № 4. – С. 112–120.
129. Маслов В. П., Чистяков Н. Ф. Суровое предостережение любителям военных авантюр (Об уроках Краснодарского, Нюрнбергского и Токийского процессов) // Советское государство и право. – 1985. – № 4. – С. 62–69.
130. Мацкевич И. М. Нюрнбергский процесс // Прокурорская и следственная практика. – 2005. – № 3–4. – С. 302–320.
131. Международная конференция «Нюрнбергский процесс – история и современность» (к 55-летию суда над главными военными преступниками) // Прокурорская и следственная практика. – 2001. – № 3–4. – С. 1–8.
132. Мезяев А. Б. Нюрнберг: только ли история? Является ли Гаага преемником Нюрнберга? // Публичное и частное право. – 2011. – № IV (XII). – С. 27–32.
133. Мешков В. М. Нюрнбергский процесс: оценка через призму времени // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2007. – № 1 (13). – С. 9–13.
134. Мирошник Е. Е. Применение принципов Нюрнбергского процесса в Международном уголовном суде (историко-правовой аспект) // Мир юридической науки. – 2013. – № 7–8. – С. 44–48.
135. Михайлов Н. Г. Уставы Нюрнбергского и Гаагского Трибуналов. Некоторые общие и особенные черты // Международное право – International Law. – № 3 (27). – С. 5–14.
136. Мундер А. И. Урок агрессорам (К выходу сборника материалов «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками» в семи томах, под общ. ред. Р. А. Руденко, сост.: Г. Н. Александров и др.) // Советское государство и право. – 1959. – № 10. – С. 142–146.

137. *Мюллер Г.* 40 лет после Нюрнберга. Перспективы международного уголовного права – американская точка зрения // Советское государство и право. – 1986. – № 10. – С. 102–104.
138. *Мюллерсон Р.* Нюрнберг и современное международное право // Прокурорская и следственная практика. – 2001. – № 3–4. – С. 22–27.
139. *Наумов А. В.* Нюрнбергский процесс: история и современность // Российская юстиция. – 2006. – № 9. – С. 68–70.
140. *Наумов А. В.* Нюрнбергский процесс: история и современность. (Продолжение) // Российская юстиция. – 2006. – № 10. – С. 53–57.
141. *Наумов А. В.* Предупреждение агрессии как наиболее опасного преступления против мира в свете Устава и приговора Нюрнбергского трибунала // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сборник материалов межведомственных научно–практических конференций (17 ноября 2011 г., Москва) / Под общ. ред.: Капинус О. С. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. – С. 19–25.
142. Научная конференция, посвященная 25-летию Нюрнбергского приговора // Социалистическая законность. – 1971. – № 12. – С. 24.
143. *Непомнящий В. А.* О влиянии Нюрнбергского процесса на развитие международного уголовного права // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сборник материалов межведомственных научно–практических конференций (17 ноября 2011 г., Москва) / Под общ. ред.: Капинус О. С. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. – С. 43–49.
144. *Нечевин Д. К.* Нюрнбергский процесс и рождение новых основ правопорядка в мире // Публичное и частное право. – 2012. – № I (XIII). – С. 22–38.
145. *Нечевин Д. К.* Нюрнбергский эпилог и мировой правопорядок // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 2 (69). – С. 48–60.
146. Ни давности, ни забвения ... По материалам Нюрнбергского процесса / Ред. и авт. предисл. *Л. Н. Смирнов*; Прим. *М. Ю. Рагинского*. – М.: Юрид. лит., 1983. – 400 с.
147. *Никитин П. В.* Деятельность адвокатуры на Нюрнбергском процессе // Восьмые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 14 декабря 2012 года): сборник статей: в 7 кн. Кн. 1: Проблемы теории и истории государства и права / Отв. ред.: Рассолов М. М. М.: РПА Минюста России, 2013. – С. 197–205.
148. *Николаев А.* Нюрнбергский и Токийский процессы – предупреждение поджигателям войны // Международная жизнь. – 1984. – № 8. – С. 83–91.
149. Нюрнберг предупреждает: от нацизма до терроризма: материалы Международной конференции «Нюрнбергский процесс – история и современность», Москва 2–3 октября 2001 г. / Под общ. и науч. ред. *А. Я. Сухарева*. – М., 2002. – 327 с.
150. Нюрнбергский процесс – процесс, справедливо осудивший немецких нацистских военных преступников за их злодеяния / Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: Гришаев П. И., Кри-

- гер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.; Отв. за вып.: Ананиан Л. Л. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 141–148.
151. Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред.: *Лустогаров В. В.* – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – 176 с.
152. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Нацистский заговор против мира и человечества. Преступления германских монополий. Сборник материалов в 3-х томах. Т. 1 / Сост.: *Александров Г. Н., Полторак А. И., Рагинский М. Ю.*, Под общ. ред.: *Руденко Р. А.* – М.: Юрид. лит., 1965. – 798 с.
153. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Военные преступления. Преступления против человечности. Сборник материалов в 3-х томах. Т. 2 / Сост.: *Александров Г. Н., Полторак А. И., Рагинский М. Ю.*, Под общ. ред.: *Руденко Р. А.* – М.: Юрид. лит., 1966. – 798 с.
154. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Преступления против человечности. Сборник материалов в 3-х томах. Т. 3 / Сост.: *Александров Г. Н., Полторак А. И., Рагинский М. Ю.*, Под общ. ред.: *Руденко Р. А.* – М.: Юрид. лит., 1966. – 798 с.
155. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Подготовка суда. Открытие процесса. Вступительные речи главных обвинителей. Заговор. Сборник материалов в 7-ми томах. Т. 1 / Сост.: *Александров Г. Н., Волчков А. Ф., Карев Д. С., Рагинский М. Ю.*, Под общ. ред.: *Руденко Р. А.*, Ред.: *Никитченко И. Т., Полторак А. И.* – М.: Госюриздат, 1957. – 800 с.
156. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Преступления против мира. Сборник материалов в 7-ми томах. Т. 2 / Сост.: *Александров Г. Н., Волчков А. Ф., Карев Д. С., Рагинский М. Ю.*, Под общ. ред.: *Руденко Р. А.*, Ред.: *Никитченко И. Т., Полторак А. И.* – М.: Госюриздат, 1958. – 863 с.
157. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Военные преступления и преступления против человечности. Сборник материалов в 7-ми томах. Т. 3 / Сост.: *Александров Г. Н., Волчков А. Ф., Карев Д. С., Рагинский М. Ю.*, Под общ. ред.: *Руденко Р. А.*, Ред.: *Никитченко И. Т., Полторак А. И.* – М.: Госюриздат, 1958. – 816 с.
158. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Военные преступления и преступления против человечности. Сборник материалов в 7-ми томах. Т. 4 / Сост.: *Александров Г. Н., Волчков А. Ф., Карев Д. С., Рагинский М. Ю.*, Под общ. ред.: *Руденко Р. А.*, Ред.: *Никитченко И. Т., Полторак А. И.* – М.: Госюриздат, 1959. – 896 с.
159. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Допросы подсудимых и речи адвокатов. Сборник материалов в 7-ми томах. Т. 5 / Сост.: *Александров Г. Н., Волчков А. Ф., Карев Д. С., Рагинский М. Ю.*, Под общ. ред.: *Руденко Р. А.*, Ред.: *Никитченко И. Т., Полторак А. И.* – М.: Госюриздат, 1960. – 884 с.
160. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Преступные организации. Сборник материалов в 7-ми томах. Т. 6 / Сост.: *Александров Г. Н., Волчков А. Ф., Карев Д. С., Рагинский М. Ю.*, Под общ. ред.: *Руденко Р. А.*

- денко Р. А., Ред.: Никитченко И. Т., Полтораки А. И. – М.: Госюриздат, 1960. – 748 с.
161. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Заключительные речи главных обвинителей. Последние слова подсудимых. Приговор. Сборник материалов в 7-ми томах. Т. 7 / Сост.: Александров Г. Н., Волчков А. Ф., Карев Д. С., Рагинский М. Ю., Под общ. ред.: Руденко Р. А., Ред.: Никитченко И. Т., Полтораки А. И. – М.: Госюриздат, 1961. – 760 с.
162. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1 / Под ред.: Голунский С. А., Горшенин К. П., Никитченко И. Т., Сафонов Г. Н. – М.: Госюриздат, 1952. – 831 с.
163. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 2 / Под ред.: Голунский С. А., Горшенин К. П., Никитченко И. Т., Сафонов Г. Н. – М.: Госюриздат, 1952. – 605 с.
164. Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями. Сборник материалов. – М.: «Юридическая литература», 1970. – 352 с.
165. Нюрнбергский процесс: история подготовки / Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / Гинзбург Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М. и др.; Под ред.: Ледях И. А., Лукашук И. И.; Пер.: Никифоров А. С. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 11–43.
166. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / Гинзбург Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М. и др.; Под ред.: Ледях И. А., Лукашук И. И.; Пер.: Никифоров А. С. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – 263 с.
167. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1987. – 688 с.
168. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1988. – 672 с.
169. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 3. – М.: Юрид. лит., 1989. – 656 с.
170. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 4. – М.: Юрид. лит., 1990. – 672 с.
171. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 5. – М.: Юрид. лит., 1991. – 672 с.
172. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 6. Об индивидуальной ответственности главных нацистских военных преступников. – М.: Юрид. лит., 1996. – 528 с.
173. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 7. – М.: Юрид. лит., 1997. – 736 с.
174. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 8. – М.: Юрид. лит., 1999. – 792 с.
175. Нюрнбергский процесс: уроки истории: материалы междунар. науч. конф., Москва, 20-21 ноября 2006 г. / под ред. Н. С. Лебедевой, В. В. Ищенко; сост. Ю. М. Коришунов. – Москва: ИВИ, 2007. – 266 с.
176. Обращение к миролюбивой общественности участников международной научной конференции «Уроки Нюрнберга» (Москва, 11–13 ноября 1986 г.) // Советское государство и право. – 1987. – № 3. – С. 136–137.

177. *Очиров С. В.* Нюрнбергский процесс как первый в истории международный военный трибунал // Правовая политика государства на современном этапе развития российского общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (29 апреля 2008 г., г. Астрахань) / Отв. ред.: Ушаков Н. М. Астрахань: Изд. Дом «Астраханский университет», 2008. – С. 18–22.
178. *Павлищев К.* Нюрнберг: справедливое возмездие и суровое предупреждение // Хозяйство и право. – 1986. – № 10. – С. 69–72.
179. *Пастухова Л. В., Шумиленко А. П.* Взаємозв'язок процесів формулювання основних принципів Міжнародного воєнного трибуналу та розробки проекту Конвенції щодо злочинів геноциду // Розбудова демократичного суспільства після Нюрнберзького трибуналу: Зб. статей учасників міжн. конф. (м. Одеса, 22-23 жовтня 2010 р.) / Національний університет «Одеська юридична академія», Південний регіональний центр НАПрН України, Центр міжн. права і правосуддя. О.: Фенікс, 2010. – С. 144–150.
180. *Пех Н.* Об актуальности Нюрнбергского процесса // Советское государство и право. – 1986. – № 10. – С. 105–107.
181. *Пионтковский А. А.* Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе. Стенограмма доклада, прочитанного на научной сессии Московского юридического института 10 мая 1946 г. – М., 1948. – 27 с.
182. *Пионтковский А. А.* Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе главных военных преступников // Научная сессия МГЮИ. Тезисы докладов. – М., 1946. – С. 16–17.
183. *Поздняков В. П.* Нюрнбергский процесс: историко-правовой контекст // Седьмые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 16 декабря 2011 года): сборник статей: в 7 кн. Кн. 2: Проблемы международного, конституционного и муниципального права / Отв. ред.: Виноградов В. А., Стародубцев Г. С. М.: РПА Минюста России, 2012. – С. 68–72.
184. *Поздняков В. П.* Нюрнбергский процесс: философско-методологические аспекты // Восьмые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 14 декабря 2012 года): сборник статей: в 7 кн. Кн. 2: Проблемы международного, конституционного и муниципального права / Отв. ред.: Виноградов В. А., Стародубцев Г. С. М.: РПА Минюста России, 2013. – С. 65–69.
185. *Полторак А. И.* Гитлеровские генералы перед Нюрнбергским судом // Международная жизнь. – 1975. – № 8. – С. 96–102.
186. *Полторак А. И.* Исторический опыт Нюрнберга и современность // Советское государство и право. – 1975. – № 5. – С. 77–85.
187. *Полторак А. И.* Нюрнберг и современность // Новый мир. – 1976. – № 10. – С. 235–253.
188. *Полторак А. И.* Нюрнберг: гроссадмиралы // Звезда. – 1968. – № 11. – С. 171–192.
189. *Полторак А. И.* Нюрнберг: гроссадмиралы // Звезда. – 1968. – № 12. – С. 160–181.
190. *Полторак А. И.* Нюрнбергский процесс и вопрос об ответственности за агрессию // Советское государство и право. – 1965. – № 6. – С. 58–66.
191. *Полторак А. И.* Нюрнбергский процесс и его уроки // Новая и новейшая история. – 1965. – № 3. – С. 3–18.

192. *Полторак А. И.* Нюрнбергский процесс и развитие международного права / Проблемы государства и права. Кн. 11 / Отв. ред.: Лунев А. Е.; Редкол.: Богуславский М. М., Вайль И. М., Дорохова Г. А., Лазарев Б. М., Лазарев М. И., Пятаков А. В., Рассохин В. П., Славин М. М., Сперанская Л. В., Старовойтов Н. Г., Страшун Б. А., Халфина Р. О., Щиглик А. И. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1975. – С. 101–115.
193. *Полторак А. И.* Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы. М.: Наука, 1966. – 351 с.
194. *Полторак А. И.* Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы: автореф. дис. ... доктора юридических наук / А. И. Полторак. – М., 1965. – 38 с.
195. *Полторак А. И.* Нюрнбергский эпилог / Под ред.: Беркова А. А., Ежова В. Д. – 3-е изд. – М.: Юрид. лит., 1983. – 416 с.
196. *Полторак А. И.* Обвиняется гитлеровский Генштаб: По материалам Нюрнбергского процесса // Нева. – 1970. – № 5. – С. 161–171.
197. *Полторак А. И.* От Мюнхена до Нюрнберга. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Изд-во ИМО, 1961. – 375 с.
198. *Полторак А. И., Лебедева Н. С.* 25-летие Нюрнбергского процесса // Вопросы истории. – 1971. – № 9. – С. 85–106.
199. *Полторак А. И., Полякова З. А.* Нюрнбергский приговор и современность // Вестник АН СССР. – 1972. – № 2. – С. 69–71.
200. *Полянский Н. Н.* Международный военный трибунал / Под ред.: Рычков Н. М. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 48 с.
201. *Поморски С.* Сговор и преступные организации / Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / Гинзбургс Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М. и др.; Под ред.: Ледях И. А., Лукашук И. И.; Пер.: Никифоров А. С. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 184–218.
202. *Прокофьев Н. В.* Международно-правовое наследие Нюрнберга. Современные вызовы и угрозы // Международное право – International Law. – 2006. – № 3 (27). – С. 102–121.
203. *Прокофьев Н. В., Сухарев А. Я., Хлестов О. Н.* Уроки Нюрнберга (к 60-летию Нюрнбергского процесса) // Международное право – International Law. – 2006. – № 2 (26). – С. 283–292.
204. *Пустогаров В.* Уроки Нюрнберга и современность // Международная жизнь. – 1986. – № 7. – С. 64–73.
205. *Пустогаров В. В.* Нюрнбергский процесс и идеологическая борьба / Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред.: Пустогаров В. В. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 108–136.
206. *Пустогаров В. В.* Нюрнбергский процесс и развитие международного права // Советский ежегодник международного права, 1986. – 1987. – С. 135–144.
207. *Пишибильский П.* Между виселицей и амнистией. Процессы против военных преступников в зеркале Нюрнберга / Пер. с нем. – М.: Юрид. лит., 1985. – 216 с.
208. *Рагинский М.* Перед судом народов (К 30-летию Нюрнбергского процесса) // Советская юстиция. – 1976. – № 19. – С. 28–30.
209. *Рагинский М.* Уроки Нюрнберга и современность // Социалистическая законность. – 1985. – № 7. – С. 29–32.

210. *Рагинский М.* Уроки Нюрнберга. К 35-летию окончания судебного процесса над главными нацистскими военными преступниками // Социалистическая законность. – 1981. – № 10. – С. 23–26.
211. *Рагинский М.* Уроки Нюрнбергского процесса и борьба за мир // Советская юстиция. – 1988. – № 9. – С. 18–20.
212. *Рагинский М. Ю.* Воспоминания участника Нюрнбергского процесса // Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред.: *Пустогаров В. В.* М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 58–73.
213. *Рагинский М. Ю.* Доказательства на Нюрнбергском процессе // Ученые записки ВИЮН. – 1957. – Вып. 2 (6). – С. 176–227.
214. *Рагинский М. Ю.* Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. – М.: Политиздат, 1986. – 207 с.
215. *Рагинский М. Ю.* Основные процессуальные вопросы организации и деятельности международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио: автореф. дис. ... кандидата юридических наук / М. Ю. Рагинский. – Москва, 1950. – 16 с.
216. *Рагинский М. Ю.* Суд народов в Нюрнберге // США. Экономика, политика, идеология. – 1985. – № 12. – С. 38–49.
217. *Рамазанова Д. С.* Защита немецкой стороны на Нюрнбергском процессе // Девятые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 13-14 декабря 2013 года): сборник статей: в 7 кн. Кн. 2: Проблемы международного, конституционного и муниципального права / Отв. ред.: *Виноградов В. А., Куркин Б. А.* М.: РПА Минюста России, 2014. – С. 69–72.
218. *Раяла А.* 25 лет Нюрнбергского процесса. Уголовная ответственность за агрессию // Советское право. – 1971. – № 5. – С. 299–305.
219. *Решетов Ю. А.* Нюрнбергский процесс и международное уголовное право / Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред.: *Пустогаров В. В.* М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 150–162.
220. *Решетов Ю. А.* Нюрнбергский процесс и предупреждение военных преступлений / Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: *Гришаев П. И., Кригер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.*; Отв. за вып.: *Ананиан Л. Л.* – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 55–67.
221. *Решетов Ю. А., Цоллер Э.* Международно-правовая уголовная ответственность физических лиц за международные преступления / Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / *Гинзбургс Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М.* и др.; Под ред.: *Ледях И. А., Лукашук И. И.*; Пер.: *Никифоров А. С. М.*: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 96–116.
222. *Решетов Ю. А., Чистяков Н. Ф.* Военные преступления / Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / *Гинзбургс Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М.* и др.; Под ред.: *Ледях И. А., Лукашук И. И.*; Пер.: *Никифоров А. С. М.*: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 145–159.
223. *Ромашев Ю. С.* Нюрнбергский Трибунал как отправная точка в формировании стандартов в области международного уголовного правосудия // Публичное и частное право. – 2011. – № IV (XII). – С. 20–27.

224. *Ромашкин П. С.* О кодификации принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала // Советское государство и право. – 1966. – № 11. – С. 45–53.
225. *Руденко Р. А.* Судебные речи и выступления / Под ред.: Рекунков А. ; Сост. и коммент.: Павлищев К. С., Ширяев И. Н. – М.: Юрид. лит., 1987. – 368 с.
226. *Савинский Л. И.* Нюрнберг: уроки и предостережения // Советское государство и право. – 1966. – № 10. – С. 166–168.
227. *Сагитдинова З. И.* Роль Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси в регламентации неприменения сроков давности // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сборник материалов межведомственных научно-практических конференций (17 ноября 2011 г., Москва) / Под общ. ред.: Капинус О. С. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. – С. 69–75.
228. *Садчиков Ю. И.* Нацистская идеология на скамье подсудимых в Нюрнберге / Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: Гришаев П. И., Кригер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.; Отв. за вып.: Ананиан Л. Л. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 114–126.
229. *Саенко И. А.* Перемещенные ценности как предмет рассмотрения на Нюрнбергском процессе // Международная правовая помощь: актуальные вопросы в сфере международного сотрудничества: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред.: Сергун П. П. М., Саратов: РПА Минюста России, 2011. – С. 80–85.
230. *Саймонс В. Б.* Основания юрисдикции Международного Военного Трибунала в Нюрнберге / Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. Перевод с английского / Гинзбург Д., Кларк Р. С., Кудрявцев В. Н., Ларин А. М. и др.; Под ред.: Ледях И. А., Лукашук И. И.; Пер.: Никифоров А. С. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 43–64.
231. *Самойлов Б.* Нюрнбергский процесс // Ученые записки ВИЮН. – 1947. – Вып. 5. – С. 103–123.
232. *Сафиуллина И. П.* Нюрнбергские принципы и их влияние на формирование международных уголовных судов в современных условиях: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Сафиуллина Ирина Петровна. Казань, 2003. 206 с.
233. *Слободанюк И. А.* Влияние Нюрнбергского процесса на развитие концепции международной военной безопасности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 57–62.
234. *Смирнов Л. Н.* Нюрнбергский процесс // Советское государство и право. – 1966. – № 2. – С. 3–11.
235. *Соколов А. Н.* Некоторые малоизвестные аспекты работы Международного военного трибунала в Нюрнберге по осуждению юристов Третьего Рейха // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2007. – № 1 (13). – С. 14–16.
236. СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: Сб. документов / Науч. редактор и составитель *Н. С. Лебедева*. – М.: МФД, 2012. – 624 с.

237. Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. Приговор пятого американского военного трибунала, вынесенный в Нюрнберге 28 октября 1948 г.: перевод с немецкого / пер.: Качалова Г. В., вступ. ст.: Тартаковский Б. Г., под ред.: Карев Д. С. – М.: Прогресс, 1964. – 360 с.
238. Сухарев А. Нюрнбергский процесс на весах истории // Власть судебная. – 2006. – № 2 (14). – С. 113–115.
239. Сухарев А. Я. Нюрнберг глазами фронтовика: прошлое и настоящее // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 4–8.
240. Сухарев А. Я. Нюрнбергский процесс и актуальные проблемы укрепления международного правопорядка // Прокурорская и следственная практика. – 2001. – № 3–4. – С. 9–15.
241. Сухарев А. Я. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Журнал российского права. – 2007. – № 1. – С. 87–94.
242. Сухарев А. Я. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Прокурорская и следственная практика. – 2006. – № 1–2. – С. 63–69.
243. Сухарев А. Я. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Прокурорская и следственная практика. – 2006. – № 3–4. – С. 21–33.
244. Талалаев А. Н. Голландский юрист о принципах Нюрнбергского процесса // Советское государство и право. – 1955. – № 3. – С. 148–150.
245. Таланкина С. К. Уроки Нюрнберга // Советское государство и право. – 1987. – № 3. – С. 134–136.
246. Тамаев Р. Роль Нюрнбергского процесса в предупреждении преступлений международного характера // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 113–117.
247. Тер-Акопов А. А. Нюрнбергские принципы уголовной ответственности и их реализация в советском законодательстве // Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: Гришаев П. И., Кригер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.; Отв. за вып.: Ананиан Л. Л. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – С. 127–140.
248. Трикоз Е. Н. 60-летняя годовщина завершения Нюрнбергского судебного процесса (по материалам Международной конференции «Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности», г. Москва, 9–10 ноября 2006 г.) // Журнал российского права. – 2007. – № 1. – С. 141–151.
249. Трикоз Е. Н. Международная уголовная ответственность физических лиц: «Нюрнбергская модель» // Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности: Сб. мат-лов Международной конференции (г. Москва, 9–10 ноября 2006 г.). М., 2007. – С. 269–277.
250. Трикоз Е. Н. Формирование «Нюрнбергской модели» международных преступлений // Международное право – International Law. – 2006. – № 3. – С. 23–48.
251. Тулаев Р. Ю. Роль советской дипломатии в подготовке и осуществлении Нюрнбергского процесса // Девятые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 13–14 декабря 2013 года): сборник статей: в 7 кн. Кн. 2: Проблемы международного, конституционного и муниципального права / Отв. ред.: Виноградов В. А., Куркин Б. А. М.: РПА Минюста России, 2014. – С. 75–78.

252. *Тункин Г. И.* Нюрнбергские принципы и современное международное право // Советский ежегодник международного права, 1979. – 1980. – С. 97–107.
253. Уроки Нюрнберга и актуальные проблемы международного права: Материалы «круглого стола» 18 ноября 2010 г. – М.: Издание Государственной Думы, 2011. – 120 с.
254. Уроки Нюрнберга и проблемы международной законности / Редкол.: *Л. И. Швецова и др.* – М., 2007. – 350 с.
255. Уроки Нюрнберга напоминают о необходимости международного сотрудничества (Материалы международной конференции) // Журнал российского права. – 2001. – № 12. – С. 156.
256. Уроки Нюрнберга. Материалы к Международной конференции, Москва 11 ноября – 13 ноября 1986 г. Доклады советских участников конференции. Вып. 1 / Редкол.: *Гришаев П. И., Кригер Г. Л., Разумович Н. Н., Чиркин В. Е.*; Отв. за вып.: *Ананиан Л. Л.* – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. – 211 с.
257. *Федоров А. В.* Значение Нюрнбергского процесса для развития современного права // Международное право – International Law. – 2010. – № 3 (43). – С. 33–35.
258. *Ференц Б.* Воспоминания прокурора: от Нюрнберга до Рима // Российский ежегодник международного права 2009. – 2010, специальный выпуск. – С. 100–119.
259. *Хитрова О. В.* Нюрнбергский процесс как модель состязательного судопроизводства // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сборник материалов межведомственных научно-практических конференций (17 ноября 2011 г., Москва) / Под общ. ред.: *Капинус О. С.* М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. – С. 116–125.
260. *Чебышев С. Н.* Отрицание нюрнбергских принципов в международно-правовой доктрине ФРГ // Вопросы осуществления прав и обязанностей в развитии социалистическом обществе / Науч. ред.: *Лазарев В. В.* Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. – С. 143–147.
261. *Шевченко С.* Уроки суда народов (Обзор конференции «Нюрнбергский процесс – история и современность», Москва, октябрь 2001 г.) // Законность. – 2001. – № 12. – С. 45.
262. *Шинкарецкая Г. Г.* Разгром фашизма и перспективы международного правосудия // Государство и право. – 2005. – № 8. – С. 50–56.
263. *Шперри Ф.* Воспоминания и размышления Бенджамина Ференца – обвинителя США в Нюрнбергском процессе // Российский ежегодник международного права 2009. – 2010, специальный выпуск. – С. 98–100.
264. *Щедрин К. С.* Значение Нюрнбергского процесса для практики квалификации и расследования военных преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 45–50.
265. *Щербак С. И.* Новации в международном уголовном процессе, внесенные Международным военным трибуналом в Нюрнберге // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 55–57.
266. *Щербак С. И.* Нюрнбергский процесс: новый подход к исследованию доказательств в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальный закон: состояние и направления совершенствования: Материалы межведомственной на-

учно-практической конференции 1 декабря 2011 года / Редкол.: Абрамочкин В. В., Валуева О. В., Кокорева Л. В., Миронова А. В., Пилякин М. И., Ростовцев А. В., Селедникова О. Н. Руза: Моск. обл. филиал Моск. ун-та МВД России, 2012. – С. 236–240.

267. *Яртых И. С.* Нюрнбергский процесс. Защитительные речи адвокатов. Т. 1. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 424 с.
268. *Яртых И. С.* Нюрнбергский процесс. Защитительные речи адвокатов. Т. 2. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 456 с.

Andriy P. Shumilenko. Larisa V. Pastukhova. The nuremberg process and its influence upon the development of international law: selected bibliography (part i) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 273 – 292.

Bibliography contains the titles of monographs, scientific articles, collections of documents and collections of material dedicated to the analysis of the Nuremberg Process and embraces the following questions: prehistory of the Nuremberg Process, the Nuremberg Principles, International Military Tribunals, international criminal responsibility of individuals, the influence of the Nuremberg Process upon the development of the international criminal law, international humanitarian law and international human rights law, war crimes, crimes against humanity and genocide.

Key words: Nuremberg process, Nuremberg tribunal, international law, international criminal law, Nuremberg principles, war crimes, crimes against humanity, genocide.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 343.982.332

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ: КОНФЕРЕНЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Михайлов М. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В обзоре выступлений ученых, практиков и депутатов Государственной Думы на конференции, в которой принял участие и автор, изложены ключевые моменты их отношения к таким проблемам совершенствования системы дактилоскопической регистрации, как расширение круга дактилоскопируемых, создание единой базы данных, всеобщей дактилоскопической регистрации.

Мнения специалистов из разных областей юриспруденции, государственного управления, информационных технологий и медицины, стаж исследования данной темы которых, насчитывает десятки лет, разделились. Одни являются сторонниками дактилоскопической регистрации всего населения страны и находящихся на ее территории иностранцев. Другие предлагают постепенно расширять круг лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации: от представителей опасных профессий, до владельцев источников повышенной опасности: оружия, автомобилей, летательных аппаратов и судов, третьи - являются сторонниками предоставления льгот и послаблений для лиц, изъявивших пройти добровольную процедуру дактилоскопической регистрации.

Прилагается резолюция, принятая участниками конференции.

Ключевые слова: всеобщая дактилоскопическая регистрация, добровольная дактилоскопическая регистрация, биометрическая информация, биометрический паспорт.

В Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации 8 октября 2015 года состоялась Международная научно-практическая конференция «Совершенствование системы дактилоскопической регистрации».

Для выступления на пленарном заседании были заявлены более пятидесяти участников: депутатов Государственной Думы, ученых и практиков из различных министерств и ведомств.

Во вступительном слове заместитель председателя Комитета ГД по безопасности и противодействию коррупции депутат Луговой А.К., который стал одним из инициаторов проведения этого форума, поприветствовал участников конференции и объяснил ее актуальность необходимостью совершенствования всей системы дактилоскопической регистрации страны. За 17 лет своего существования Федеральный Закон «О государственной дактилоскопической регистрации в РФ» претерпел 34 изменения, однако до сих пор не налажен механизм оперативного сбора и обобщения дактилоскопической информации, не обеспечено должное взаимодействие между органами государственной власти в этой сфере. Дактилоскопическая информация недостаточно эффективно используется для оперативного розыска преступников и установления личности неопознанных трупов. По данным Главного

информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России в настоящее время базы данных содержат около 34 млн дактокарт, но, например, лишь одна треть непознанных трупов идентифицируется с помощью данных дактилоскопического учета, это гораздо раза ниже, чем в развитых странах Запада. А.К.Луговой отметил, что сравнение нашей правовой практики с европейской приводит к парадоксальным выводам. Сегодня кандидат для получения шенгенской визы, обязан представить все десять отпечатков своих пальцев, которые будут храниться в европейских базах не менее пяти лет, а ведь это вызывает справедливые опасения в манипуляциях с ними. Обладатель же российского заграничного биометрического паспорта оставляет два отпечатка, которые хранятся лишь на чипе паспорта и нигде более. К тому же есть возможность получения заграничного паспорта на вымышленную фамилию. Таким образом, в зарубежных базах данных хранится информация о наших гражданах, какой нет у нас.

Депутат обратил внимание на законы Киргизии от 14.07.2014 года и от 23.04.14 г о дактилоскопической регистрации в этой стране и использовании дактилоскопической регистрации избирателей, отметив их эффективность. Выступающий подчеркнул, что конференция не ставит целью в ходе своей работы осветить и обсудить все аспекты проблемы, но три проблемных блока можно выделить как приоритетные. Это:

- целесообразность законодательного расширения круга лиц, подлежащих дактилоскопической регистрации в нашей стране;
- оценка правовых и организационных и финансовых возможностей введения всеобщей дактилоскопической регистрации;
- целесообразность создания единой базы данных дактилоскопической информации.

А.К.Луговой выразил надежду, что работа конференции позволит выработать общую позицию по отношению к этим проблемам.

С приветственным словом и пожеланиями успехов к участникам конференции обратились: Горюнов Д. Е. - депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета ГД по безопасности и противодействию коррупции; Худяков Р. И. депутат Государственной Думы член Комитета ГД по международным делам; Золочевский В. С. депутат Государственной Думы член Комитета ГД по делам общественных объединений и религиозных организаций; Галочкин Д. Е. - член комитета по общественному контролю Общественной палаты Российской Федерации.

Модератор конференции профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России д.ю.н. Сидоренко Э. Л. подчеркнула, что мероприятие формата международной научно-практической конференции проходит в стенах Государственной Думы впервые и отметила, что настоящая конференция характеризуется еще и повышенным интересом к ней практиков. В зале конференции находятся представители МВД, Следственного Комитета, Федеральных служб безопасности, миграционной, исполнения наказаний, по контролю за оборотом наркотиков, а также Минобороны, МЧС, Минздрава, Минтранса, Минсвязи и даже Центробанка Российской Федерации.

Пленарное заседание конференции было открыто докладом «О некоторых принципах построения системы всеобщей дактилоскопической регистрации» профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России д.ю.н., к.м.н., профессор Самищенко С. С.

В своем выступлении докладчик отметил, что занимается проблемами дактилоскопии с 1979 года, но такая конференция в нашей стране проводится впервые. Выступающий заявил, что относит себя к той категории специалистов, которые мечтают о всеобщей дактилоскопической регистрации населения страны и даже земного шара. Технически это уже возможно, но существуют психологические и социальные барьеры. Из принципов такой регистрации следует выделить необходимость регистрации всего населения страны и иммигрантов, а также эффективность более ранней регистрации. Теоретически уже в ЗАГСе можно получать от ребенка один отпечаток пальца, но целесообразнее дактилоскопическую регистрацию проводить в 14-тилетнем возрасте при выдаче общегражданского паспорта. С.С. Самищенко отметил, что ежегодные потребности в дактилоскопической идентификации также подтверждают необходимость всеобщей регистрации. Так в 2013 году в России личность неопознанных трупов устанавливалась более 73, 6 тыс. раз, розыск скрывшихся преступников 133 тыс. раз, лиц без вести пропавших- 102 тыс. раз. Сравнение следов рук с мест нераскрытых преступлений производилось более 700 тыс.раз. Система дактилоскопической регистрации и не должна быть чисто полицейской, а предусматривать и гражданскую ее эксплуатацию, в частности при совершении лицом каких-либо действий связанных с гражданско-правовым оборотом и при взаимоотношениях с государством. Конечно, дактилоскопическая информация нуждается в защите, как и другие персональные данные. Отпечаток пальца является своеобразным биомаркером, который в сочетании с личным номером мог бы снять все проблемы идентификации личности. Желателен и дополнительный биомаркер в виде анализа ДНК. При обращении в государственные структуры и к базам данных пользователь мог бы набрать свой личный номер для запроса, прикосновением пальца идентифицировать себя и пользоваться услугами и всей необходимой информацией. Таким же образом банки могут проверять своих потенциальных клиентов или участников крупных сделок. В гражданской среде такие проверки целесообразно сделать платными, чтобы всю систему вывести на самоокупаемость. Докладчик отметил, что базы данных должны находиться вне системы МВД, что не исключает использования данных в противодействия преступности. Такие гражданские системы уже имеются в зарубежных странах. По поводу упреков в возможности фальсификации доказательств, например на месте происшествия, то уже сейчас и без этих баз данных есть опасность такой фальсификации. Профессор Самищенко С.С. предложил поощрять добровольную дактилоскопическую регистрацию упрощением порядка обслуживания в госорганах лиц, чья дактилоскопическая информация имеется в базах данных и сокращает период их идентификации и проверки. Добровольная регистрация должна стимулироваться широкой пропагандистской работой. Как ученый криминалист, выступающий отметил еще одну интересную, на его взгляд, сторону масштабного сбора дактилоскопической информации широких слоев населения. Речь идет о научном анализе пальцевых узоров больших групп людей. Математически количество различных комбинаций узоров на десяти пальцах может составить около 1млн.400 тыс комбинаций, однако фактически все изу-

ченные на сегодня дактокарты содержат только около 32 тыс. комбинаций, причем 90% лиц охватываются лишь одной тысячей комбинаций. Этот феномен наука еще не может объяснить, но определенные тенденции прослеживаются. Самищенко С.С. лично дактилоскопировавший серийного убийца Чикотило и затем изучавший его пальцевые узоры утверждает, что его комбинацию нельзя отнести к обычным. Лица, склонные к употреблению наркотиков имеют преобладание дуговых и завитковых узоров на левой руке, у детей с девиантным поведением количество дуговых узоров выше среднестатистического. Даже у выкидышей отмечено среднестатистическое преобладание дуговых типов узоров. Все эти дерматоглифические феномены требуют пристального изучения, которое возможно при накоплении больших массивов дактилоскопической информации.

В своем выступлении «Дактилоскопия и общественный прогресс» д.ю.н., профессор Волынский А. Ф. профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России признался, что также является убежденным сторонником всеобщей дактилоскопической регистрации граждан. Он опроверг мнение о том, что системы регистрации граждан не являются инструментом ущемления чьих-то прав. Мы не можем допустить, что миллионы мигрантов в нашей стране находятся практически бесконтрольно. Нельзя мириться и с заявлениям о большом количестве без вести пропавших граждан и обнаружении неопознанных трупов. Примерно 85 тыс. в год из них так и остаются неопознанными. А.Ф.Волынский отметил, что еще в 1992 году в одном из интервью он высказывался за претворение в жизнь идеи всеобщей дактилоскопической регистрации и даже согласился на просьбу журналиста опубликовать свой отпечаток пальца в журнале. Готов он сделать это и сейчас. По его мнению, за всю историю дактилоскопии ему не известно ни одного случая фальсификации самого отпечатка пальца за исключением случаев, когда подбрасывается улика с отпечатком пальца. Он напомнил историю дактилоскопии и попытку законодательного введения дактилоскопической регистрации в 1911 году в Аргентине. Уже через шесть месяцев криминалитетом было инициировано протестное выступление населения, и этот закон был отменен. Показателен пример из английской практики 1948 года, когда для расследования убийства с изнасилованием малолетней руководитель полиции обратился через мэра, к населению с предложением проведения дактилоскопирования всего взрослого мужского населения города Блэкборн. В результате этой работы виновный был установлен. Выступающий отметил, что разделяет основные положения проекта резолюции, но в ней нужно отразить положения дактилоскопирования иностранцев и предусмотреть добровольную регистрацию. Была упомянута зарубежная практика получения с согласия родителей у новорожденных отпечатка ступни ноги для использования в идентификации. Дактилоскопирование населения при получении паспорта следует производить, начиная с мужского населения страны, поскольку именно мужчины составляют ее незаконопослушную (примерно 80% - 85%) часть.

Главный научный сотрудник НИИ ФСИН России Колотушкин С.М., д.ю.н., профессор представил доклад «Обязательная биометрическая регистрация в России: проблемы и пути решения». В начале выступления им было отмечено, что обсуждаемая тема не нова и каждый раз при ее обсуждении возникают возражения о нарушении прав человека, о полицейском государстве и т.п.

В то же время в ходе проведенных им опросов было установлено, что:

- 39% респондентов выступили за обязательную дактилоскопическую регистрацию;
- примерно 28% не возражали против ее проведения;
- 17% высказались категорически против, связывая ее с нарушением прав человека;
- 21% не определились по этому поводу.

С.М. Колотушкин считает, что вопрос всеобщей регистрации носит не только криминалистический характер, но и политический, социальный, технический и экономический. Если говорить о механизме реализации этого замысла, то следует учитывать, что по разным источникам в базах данных уже сегодня находится дактилоскопическая информация о 37-49 млн человек и о 9 млн следов с мест нераскрытых преступлений. Если отбросить стариков и младенцев, то подлежащих регистрации остается около 40 млн. человек. Наиболее эффективными методами регистрации следует считать не только дактилоскопию, но и фотографию, и генотипоскопию. Дактилоскопия имеет минимум погрешности, фотография не сложна технически, геномная же регистрация пока еще дорогостоящая.

При хорошо поставленной работе по дактилоскопической регистрации, она пройдет быстрее, чем планируется. Мы уже потратили массу средств и времени на автоматизированные дактилоскопические информационные системы, но эти системы не работают в полную силу. У нас уже закуплено и работает оборудование и программное обеспечение, обучены квалифицированные кадры, поэтому имеющийся потенциал позволит потратить на процедуру смешанной дактилоскопической, фотографической и геномной регистрации – десять минут. Для учета лиц, прошедших процедуру, выступающий предложил внести изменения в «Положение о паспортной системе» и ставить отметку о прохождении такой регистрации в паспорте гражданина Российской Федерации. Коллеги проф. С.М. Колотушкина из Белоруссии сообщили ему, что в их стране дактилоскопическая регистрация всего населения была проведена за два месяца. Гражданин страны, не имевший отметки в паспорте, не мог купить билет на поезд и самолет, получить зарплату и пенсию, что стало сильным стимулирующим фактором. Согласно расчетов, объема в 77 млн дактокарт можно добиться за два года работы. Многие вещи уже созданы и условия созрели, нужна только воля государства.

В своем выступлении «Личностная информация в паспортах граждан» профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО Подшибякин А. С. д.ю.н., профессор обратил внимание присутствующих на то, что трудности дактилоскопической регистрации это лишь часть общей проблемы идентификации личности, существующей сегодня. Расширение круга дактилоскопируемых в целях противодействия терроризму не должно противоречить праву граждан на честь, достоинство и неприкосновенность личности. Выступающий обратил внимание на то, что несмотря на Закон о защите персональных данных в нашей жизни повсеместно требуется копия паспорта и «добровольное» согласие на пользование нашими личными сведениями. От нашей частной жизни уже ничего не осталось - заключил докладчик. Необходимо перестать обманывать себя. За рубежом гораздо проще относятся к этим вещам. Там даже и не спрашивают согласия, например, на фотосъемку лица. Все это напрямую следует связывать с проблемами обеспечения безопасности. В своем выступлении докладчик затронул проблемы геномной иден-

тификации, отождествление по фонограммам русской устной речи, отметив при этом, что такие процедуры проводятся очень долго из-за недостатка специалистов. В заключении был сделан вывод о том, что Закон о всеобщей регистрации назрел, но в нем необходимо предусмотреть различные методы идентификации личности, а так же изменения в паспортной системе.

В реплике на выступление докладчика Галяшина Е. И. заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз МГЮА им. О.Е. Кутафина д. ю. н., д. фил. н., академик РАЕН заявила, что не может не обратить внимание на проблемы фоноучетов, которые являются сферой ее научных интересов. Действительно еще в 2007 году разработано программное обеспечение для идентификации личности по русской речи, и они могут использоваться как дополнительные методы биометрической регистрации, но сегодня более актуальной представляется идентификация не только по русской речи. Назрела острая необходимость разработки методик идентификации речи на этнических языках, которыми пользуются мигранты.

Гриненко А. В., д. ю. н., профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО в своем докладе «Использование дактилоскопии в процессе доказывания по уголовным делам» обратил внимание на саму процедуру получения у человека дактилоскопической информации. Типографская краска в дежурной части полиции не вызывает одобрения у дактилоскопируемых. Нужно создать приличные условия для бескрасковой процедуры, организовать социальную рекламу. Небезупречно и само название закона, в котором даже не отражена возможность добровольной регистрации. Требование обязательной регистрации всех лиц, состоящих на учете в психоневрологическом диспансере, представляется негуманным, поскольку степень расстройств бывает разной. А процедура дактилоскопической регистрации несовершеннолетних правонарушителей может причинить им психологическую травму, вред от которой не соразмерим с пользой, которую дает такая регистрация. Необходимы дополнительные исследования и криминологические и уголовно-правовые и исследования на предмет соответствия Пекинским правилам¹.

После перерыва слово было предоставлено Дадабаеву В. К., к. ю. н., доценту кафедры судебной медицины с курсом правоведения Тверской государственной медицинской академии, который в своем докладе «Возможности отождествления неопознанной личности рентгенологическим методом компьютерной томографии» сравнил дактилоскопический метод с распространяющимся в криминалистике методом компьютерной томографии в целях идентификации. Любая идентификация будет более эффективной при комплексном использовании различных методов. Идентификация с помощью компьютерной томографии должна быть востребована при установлении личности неопознанных трупов. Особенно при работе на месте массовой гибели людей, в ходе террористических актов и катастроф. Любые прижизненные изменения от травм до косметических операций, возможно выявить при использовании этого метода.

¹ Имеются в виду Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних принятые резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 года.

– Получив слово для доклада «Этические проблемы дактилоскопической регистрации» заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского к.ю.н., доцент Михайлов М. А., отметил, что при обсуждении данной проблемы необходимо учитывать не только положительный, но и отрицательный зарубежный и исторический опыт, чтобы учиться на чужих ошибках. В связи с этим представляется полезной попытка изучения содержания и хода обсуждения украинских законопроектов «О дактилоскопии». В Киеве еще в 1990-2000 гг поднимался вопрос о всеобщей дактилоскопической регистрации. Интересно сравнить ход обсуждения аналогичных законопроектов в Государственной думе и Верховной Раде. Если в первом случае лишь представители партии «Яблоко» высказались против, упомянув о возможном нарушении прав человека, что впрочем, не повлияло на результаты голосования в первом чтении (239 против шести), то на Украине похожий законопроект был отвергнут сразу же. Самыми экзотическими были возражения одного из депутатов, что «Законопроект – это новый итог происков дьявола: теперь не только хотят всех закодировать сатанинскими числами, но и пометить отпечатки пальцев или, по-научному, провести дактилоскопию народа Украины. Безбожным атеистам не понять человека верующего, неверующему все едино. Наверное, за это и свалилось столько бед на нашу грешную землю». Но на самом деле православная церковь нейтрально относится к биометрической регистрации, считая это не более чем техническим нововведением, напоминая, что в XXVIII веке обыкновенные паспорта смущали старообрядцев, но эти смущения были ложными.

Что касается украинского законопроекта, то была еще и первая его версия, которая при небольшом объеме в 17 статье предусматривала всеобщее дактилоскопирование населения страницы и всех иностранцев, пребывающих на ее территории более одного месяца. При этом регистрация предусматривалась с младенческого возраста с возложением ее проведения на ЗАГСы, дошкольные учреждения и школы. Из новаций следует отметить предложения по дактилоскопической проверке кандидатов в депутаты и доноров органов человека. Этот законопроект также был отвергнут.

Согласно собственным опросам, проведенным кафедрой, 65% респондентов не возражают против всеобщей дактилоскопической регистрации. Противники такой меры обращаются к следующим аргументам:

- опасения об утечке информации из баз данных, и ее употребление в преступных целях;
- использование дактилоскопической информации для тотального контроля;
- фальсификация дактилоскопической информации, которая сделает всю эту работу неэффективной;
- религиозные предубеждения.

Следует признать что некоторые опасения не беспочвенны. На кафедре проводился эксперимент, в ходе которого, один из студентов изготовил из доступных материалов пластиковую матрицу с пальцевым узором с помощью которой удалось обойти дактилоскопический датчик на электронной флэшке. У сторонника биометрических паспортов немецкого министра В. Шойбле после пресс-конференции был похищен стакан с его следами пальцев, которые разместили в Интернете. Современная фототехника позволяет зафиксировать пальцевые узоры человека на рас-

стоянии нескольких метров, поэтому ораторы должны быть осторожны. Что касается добровольной дактилоскопической регистрации, то мы удивились ее масштабам, когда проводили круглый стол с Омском еще в 2008 году. Подозреваем, что в данном случае имеет место «добровольно-принудительная» регистрация. Ведь например, за прошедший год в Крыму желание пройти такую регистрацию выразили лишь два человека. По поводу всеобщей дактилоскопической регистрации было выражено мнение, что научно-технический прогресс не остановить, и такая работа рано или поздно будет проведена, но форсировать этот процесс не следует. Необходимо поощрять добровольную регистрацию, создавая различные преференции для добровольцев. Следует дополнить круг лиц для обязательной регистрации владельцами источников повышенной опасности: гражданского, охотничьего, травматического, газового и некоторых видов пневматического оружия, летательных аппаратов, судов и автотранспортных средств, получателями крупных кредитов, людьми, страхующими свою жизнь, или заключающими крупные сделки. Интересен пример Индии и Бангладеш, которые внедряют дактилоскопическую регистрацию лиц, покупающих sim-карты для телефонов. Следует освобождаться от стереотипов использования дактилоскопирования для идентификации преступников, шире внедрять различные дактилоскопические устройства в нашу жизнь.

Кручинина Н. В. профессор, д.ю.н., профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) в своем выступлении «Проверка достоверности информации о личности преступника средствами дактилоскопии» отметила, что прежде чем говорить о всеобщей дактилоскопической регистрации населения необходимо проверить как исполняется действующий Закон «О государственной дактилоскопической регистрации». По ее данным дактилоскопирование подозреваемых обвиняемых и подсудимых не производится в случае избрания меры пресечения подписки о невыезде и вынесении приговора не связанного с лишением свободы.

Парфенов Ю. В., начальник отдела стратегических государственных проектов Департамента проектов по информатизации Министерства связи и массовых коммуникаций РФ в докладе «Значимые факторы при создании системы дактилоскопической регистрации» поделился опытом использования информационных и биометрических технологий. По его мнению, повсеместное внедрение электронных удостоверений личности, содержащих в том числе и биометрическую информацию, поможет решить ряд задач в том числе:

- оперативной идентификации личности
- облегчения доступа граждан к получению госуслуг;
- исключения мошенничеств при совершении юридически значимых действий;
- увеличения количества граждан, вовлеченных в электронное взаимодействие;
- надежной защиты документов, удостоверяющих личность от подделки.

Стимулировать получение таких удостоверений и сдачу гражданами биометрических данных поможет система преференций, которую необходимо разработать.

Кубанцев С. П. к.ю.н. наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела зарубежного публичного права Института законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве РФ в докладе «Особенности правового регулирования дактилоскопической регистрации в США» рассказал об истории формирования базы дактилоскопической информации в США.

В 1991 г в этой стране была создана единая дактилоскопическая база данных, и всего через восемь лет она стала единой на базе информационных технологий. Сегодня любой запрос полицейского по отпечаткам пальцев выполняется за два часа.

Все лица старше 14 лет, приезжающие в США сроком более чем на месяц подлежат дактилоскопической регистрации, в противном случае этот повод для депортации. Обязательная регистрация – это не только лица совершившие преступления или работники правоохранительных органов, но и, например, лица получившие допуск к работе в атомной отрасли. Если допуск к такой работе получает юридическое лицо, то оно должно представить биометрические данные всех своих сотрудников.

В США бурно развивается система генотипоскопической регистрации, уже накоплены данные о 10 млн человек. Это позволяет отыскивать не только самого подозреваемого, но и его родственников, которые потом используются для розыска подозреваемого. Возник даже термин «семейный поиск». Что касается дополнения отечественного Закона о дактилоскопической регистрации, то он поможет улучшить ситуацию в идентификацией личности.

Заместитель начальника ГИАЦ МВД России Бушуев А.В. привел статистику состояния дактилоскопической регистрации в России и рассказал о ее проблемах. На сегодняшний день в Главном информационно-аналитическом центре МВД содержится дактилоскопическая информация о 100 млн объектов, включая информацию, получаемую из других стран СНГ с 1992 года. Это дактокарты лиц и следы с мест преступлений. Объекты федерального уровня насчитывают 54 млн единиц. Ежедневные поступления дактилоскопической информации в ГИАЦ измеряются десятками тысяч. Ежегодно с помощью дактилоскопии выявляется около 250 тысяч искажений данных, устанавливается личность 8000 неопознанных трупов, выявляется по следам рук более 175 тысяч совпадений. С применением дактилоскопического метода ежегодно раскрывается около 3 тыс. убийств, столько же разбоев, примерно 6 тыс. грабежей и около 65 тыс. краж. С 2009 г количество категорий лиц, подлежащих регистрации расширено с 14 до 22. Статистика показывает, что увеличение количества этих категорий значительно влияет на рост идентификаций при расследовании преступлений и розыске преступников, а также на установление личности неопознанных трупов. Так, к примеру, при изменении закона в 2012-2013 гг. такой рост составил почти 50% с 520 тыс до 760 тыс. В МВД считают целесообразным дальнейшее расширение категорий дактилоскопируемых. Помимо уже сегодня озвученных, было бы актуальным дактилоскопировать работников предприятий транспортной инфраструктуры, а также лиц, в отношении которых применена административная мера, запрещающая посещение спортивных массовых мероприятий (футбольных хулиганов). Массив лиц, прошедших процедуру добровольной дактилоскопической регистрации составляет по стране более 2 млн чел. Большую значимость стал приобретать миграционный массив, который сравнялся с оперативно-справочным массивом.

Что касается технических вопросов, то мощностей комплекса МВД уже сейчас не хватает, и их нужно увеличить в два раза. Докладчик выделил наиболее значимые проблемы на сегодняшний день:

- расширение круга дактилоскопируемых лиц;
- централизация дактилоскопических учетов;
- интеграция систем дактилоскопической регистрации с другими биометрическими системами;
- создание защищенных государственных каналов связи;
- приобретение и эксплуатация станций (стационарных, мобильных, ручных) для бескраскового сканирования, обработки и использования дактилоскопических данных.

Начальник отдела работы с биометрическими данными Федеральной миграционной службы России, полковник внутренней службы Хламов В.В., представляя на конференции практиков, рассказал о проблемах дактилоскопической регистрации беженцев. На сегодняшний день обязательная дактилоскопическая регистрация производится в случаях получения разрешения на временное проживание, обращения с ходатайством на получение убежища или признания беженцем, а также в отношении лиц, незаконно находящихся в РФ и подлежащих депортации. Количество дактилоскопируемых постоянно растет. Если в 2013 году эта цифра составляла 3,3 млн. человек, в 2014 уже 4,28 млн., а за 8 месяцев текущего года – 2,14 млн. чел. 93% дактилоскопируемых составляют иностранцы. Услуги по добровольной дактилоскопической регистрации граждан также возлагаются на ФМС. Дактилоскопирование производится бескрасковым методом. В ходе эксплуатации автоматизированной дактилоскопической системы ФМС России на сегодняшний день установлено 2090 случаев совпадения проверяемых лиц по отпечаткам пальцев и различий по установочным данным, а также 838 случаев совпадения по установочным данным при различиях по отпечаткам пальцев. Это позволяет бороться с очень распространенным способом проникновения на территорию Российской Федерации лиц, которым въезд закрыт, путем изменения установочных данных. Система позволяет проводить проверку в режиме реального времени, что позволяет ограничиваться 1-1,5 мин. проверки.

По поводу расширения категорий обязательного дактилоскопирования, выступающий отметил, что необходимо дополнить их лицами, обращающимися с ходатайством о получении вида на жительство в Российской Федерации. Проблемой является и требование дактилоскопирования детей буквально с рождения. Технические и этически это очень трудно и вызывает нарекания со стороны этнических диаспор. Необходимо или поднять возраст, например, с 12 лет или как в США, получать отпечаток пятки младенца. По поводу создания единой дактилоскопической системы также не все так просто. Конечно, она нужна, но возможно ли совместить эти системы уже сейчас. Дело в том, что ФМС помимо отпечатков пальцев получает еще и фотоснимки лиц и теряет при слиянии эту важную составляющую недопустимо. Сегодня мы взаимодействуем и с МВД и со Следственным комитетом и имеем возможным использовать наши базы. Необходимо развивать добровольное дактилоскопирование, а общую базу необходимо разделить на две системы – криминальную и гражданскую.

Карабанова Е. Н., кандидат юридических наук, заведующая отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового ха-

рактера НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в докладе «Ответственность за нарушение законодательства в области персональных данных: пути совершенствования» отметила значимость принятия Советом Европы «Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» и ее ратификации Российской Федерацией. Поскольку дактилоскопическая информация относится к персональным данным, то за нарушения, допущенные при обращении с ней, наступают юридическая ответственность. В Законе «О государственной дактилоскопической регистрации в РФ» за действия, связанные с нарушениями хранения и незаконным использованием такой информации, предусмотрена как административная так и уголовная ответственность.

В 2013 году положения закона были приведены в соответствие с Конвенцией, что расширило круг наказуемых правонарушений. Докладчик обратил внимание на положительный опыт Республики Казахстан, законодательство которого прямо предусматривает уголовно-правовую защиту персональных данных.

Иванова Е. В., к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой криминалистики и уголовного процесса Государственного социально-гуманитарного университета свой доклад «Проблемы дактилоскопической регистрации лиц, признанных недееспособными» начала с заявления о том, что общество еще не готово к всеобщей дактилоскопической, а оптимистичные выступления предыдущих докладчиков на этот счет, можно объяснить тем, что они являются либо бывшими, либо действующими сотрудниками правоохранительных органов. В то же время регистрация служит не только для раскрытия преступлений, но имеет еще и гражданский аспект. В выступлении было отмечено, что сегодня около 3% населения страны страдает психическими расстройствами, а по данным ВОЗ психические отклонения наблюдаются у четверти населения Земли. В особых случаях эти заболевания сопровождаются потерей памяти, расстройством речи, навязчивыми идеями. Больной человек не может идентифицировать себя. Согласно действующему закону опекун вправе обратиться с просьбой дактилоскопировать лицо, признанное недееспособным. Однако, в данном случае целесообразнее провести обязательное дактилоскопирование. Не ясен вопрос и с дактилоскопированием лиц, имеющих серьезные психические отклонения, но не относящихся к категории недееспособных. Тем более, что большая часть лиц, совершивших тяжкие преступления, имеет серьезные изменения в психике.

«Международное сотрудничество в области дактилоскопической регистрации и идентификации» заявленная тема доклада Хазиева Ш. Н., к.ю.н., доцента, старшего научного сотрудника Института государства и права РАН «Международное сотрудничество в области дактилоскопической регистрации и идентификации». Но, как заявил докладчик, ему хотелось бы сказать об истоках негативного отношения к всеобщей дактилоскопической регистрации, которое отмечается уже около ста лет. Все началось с того, что с помощью дактилоскопии разоблачались революционеры, нарушавшие закон и поэтому Советская власть негативно к отнеслась к идее всеобщего дактилоскопирования. Даже в недалеком прошлом к попыткам массового получения отпечатков пальцев ради раскрытия преступления относились отрицательно. Выступающему известен лишь один случай такого дактилоскопирования целого населенного пункта в целях раскрытия жестокого убийства и оправдания двух невиновных. Для проведения этой процедуры пришлось получить разрешение в ЦК КПСС.

По поводу религиозных предубеждений докладчик отметил, что само по себе дактилоскопирование не вызывает возражений у церкви, но присваивание человеку номера, как это предлагает С.С. Самищенко, вызовет резкое неприятие верующих. Что касается защиты персональных данных, то ей подлежат не только данные отдельных лиц, но и массивы информации в целом.

Итоги форума подвел депутат Государственной Думы Луговой А.К., который отметил, что конференция позволила погрузиться в интересную и проблемную тему и вызвала большое внимание средств массовой информации, которые в некоторых случаях даже не совсем корректно преподнесли сам факт ее проведения, утверждая, что уже завтра будет принят закон о всеобщей дактилоскопической регистрации. На конференции обозначились проблемы дактилоскопической регистрации, которые нужно решать, постепенно расширяя круг дактилоскопируемых, сводя все информацию в единую систему и обеспечивая защиту полученных данных. Выступающий выразил мнение, что эта встреча не последняя, потому что необходимо не только обменяться мнениями, но и устроить дискуссию между сторонниками различных точек зрения на эту проблему.

РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ»

Заслушав и обсудив доклады пленарного заседания по проблемам правового регулирования сбора, хранения и использования дактилоскопической информации и признавая актуальную тематику современных научных исследований, ориентированных на совершенствование системы дактилоскопической регистрации, участники международной научно-практической конференции пришли к следующим выводам:

1. Важнейшие задачи обеспечения безопасности личности, общества и государства на современном этапе не могут быть решены без внедрения новых и расширения существующих методик выявления и идентификации не только и не столько правонарушителей, сколько лиц, находящихся в социально опасном состоянии либо являющихся потенциальными жертвами преступлений, аварий и техногенных катастроф. С этих позиций оправданным представляется пересмотр целей дактилоскопической регистрации с признанием приоритета за обеспечением безопасности правоуполномоченных граждан;

2. Первоочередными задачами развития дактилоскопии в России признаются: разработка концепции правовой защищенности личности через расширение дактилоскопического контроля; укрепление взаимодействия между государственными органами, занимающимися сбором, хранением и использованием дактилоскопической информации; разработка эффективных методик обеспечения оперативного использования дактилоскопических данных;

3. В системном научном анализе нуждается проблема согласованности конституционных прав граждан на безопасность и тайну частной жизни. Расширение круга лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации, в целях обеспе-

чения контртеррористической безопасности не должно умалять права граждан на честь, достоинство и неприкосновенность частной жизни.

4. В связи с необходимостью защиты общественной безопасности от глобальных криминальных угроз первоочередным видится обеспечение баланса международного и национального правового регулирования в сфере сбора, хранения и использования дактилоскопической информации. Это задача должна быть решена на основе приведения российской модели дактилоскопической регистрации в соответствие с международными стандартами. В частности, своевременным является установление согласованности между требованиями оформления загранпаспортов граждан РФ, которые содержат электронный носитель информации, и визовыми правилами шенгенской зоны.

5. Расширение межгосударственного сотрудничества в сфере сбора, хранения и использования дактилоскопической информации предъявляет высокие требования к качеству нормативного регулирования дактилоскопической регистрации. Обеспечению единства и непротиворечивости правового пространства в этой сфере может служить изменение Федерального закона №128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации».

Участниками конференции было рекомендовано:

1) при разработке изменений в Федеральный закон № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» расширить круг лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации, и включить в него следующие группы граждан: лиц, профессиональная деятельность которых связана с обеспечением транспортной безопасности; лиц, получающих права на управление транспортным средством; лиц, получающих лицензию на оружие; лиц, претендующих на получение паспорта, удостоверяющего личность гражданина РФ за пределами РФ; лиц, состоящих на учете в психоневрологических или наркологических диспансерах; несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних;

2) проработать вопрос о создании единой базы данных дактилоскопической информации (централизованной АДИС) и прописать его основные полномочия;

3) разработать меры, направленные на улучшение взаимодействия между правоохранительными органами в части сбора, обобщения, хранения и использования дактилоскопической информации;

4) рекомендовать Государственной Думе Федерального Собрания РФ и Общественной палате РФ провести оценку правовых, организационных и финансовых возможностей введения в обозримой перспективе всеобщей дактилоскопической регистрации;

5) рекомендовать Общественной палате РФ провести общественные слушания по проблемам расширения круга лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации;

6) рекомендовать Государственной Думе Федерального Собрания РФ подготовить проект федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», а Общественной палате РФ - провести «нулевые чтения» настоящего законопроекта.

Mikhailov M. Improving the system of dactyloscopic registration: The Conference at the State Duma // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – № 1. – P. 293 – 306.

The enhancement of fingerprint registration system: the conference at the State Duma. At the review of scientists, practitioners, deputies of State Duma speeches which had been told on conference where the author took part also, key moments about their relationship to such problems of the enhancement of fingerprint registration system as: extension the circle of persons who must be fingerprinted, the creation of unified database, total fingerprinting registration had been set out.

Specialists who have experience more than ten years at many spheres of jurisprudence, public administration, IT and medicine were divided in their opinions about this issue. One group of specialists prefers to fingerprint the whole population of country and its foreign visitors. Another group of specialists suggests the idea to expand the circle of persons who must be fingerprinted obligatory. They propose to include at this group people who have dangerous occupations, and people who are owners of sources of increased danger such as: gun, automobile, aircraft and ship. The third group of specialists suggests to make benefits and indulgences for persons, who decided to pass fingerprint registration procedure voluntarily. The resolution, which was adapted by participants is applied.

Key words: fingerprint registration, volunteering fingerprint registration, biometric information, biometric passport.

Аблязова Ф. М.	студентка 2 курса магистратуры юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Адельсеитова А.Б.	к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Алимов З. А.	ассистент к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Ануфриева Е. А.	к.ю.н., доц., заведующая к-ры теории и истории государства и права НОУ ВПО «Новосибирский гуманитарный институт»
Бахриева З. Р.	к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бугаев В. А.	к.ю.н., доц. заведующий к-ры уголовного права и криминологии, юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Буткевич О. В.	к.ю.н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Ван Цзюйюй	Китайский политико-юридический университет, г. Пекин
Велигодский Д. В	к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Волошин И. А.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Волошин А. И.	к.э.н., доц. к-ры экономической теории института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гармаев Ю. П.	д.ю.н., проф. к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гарчева Л. П.	д.и.н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Герасименко В. А.	доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Губанова Е. В.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гурина Л. В.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Сведения об авторах

Енилеева А. Э.	<i>старший преподаватель к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Лесь Г. Г.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Змерзлый Б. В.	<i>д.и.н., д.ю.н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Карая А. В.	<i>ассистент к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Кащенко С. Г.	<i>д.и.н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Клименко Е. П.	<i>ассистент к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Коваль А. В.	<i>аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Лю Тяньлай	<i>Китайский политико-юридический университет, г. Пекин</i>
Мидловец М. В.	<i>ассистент к-ры уголовного права и криминологии Юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Михайлов М. А.	<i>к.ю.н., доц., заведующий к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Некрасова Е. В.	<i>к.ю.н., доцент кафедры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Островский А. А.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Пастухова Л. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры теории и истории права и государства Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал)</i>
Пархоменко Л. В.	<i>к.ю.н, доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Поддубняк А. А.	<i>к.ю.н., старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Подкорытова Л. Н.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.</i>

	<i>И. Вернадского»</i>
Попова Е. И.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»</i>
Прохоров Д. А.	<i>старший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского</i>
Ротань В. Г.	<i>д.ю.н., проф., заведующий к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Смирнова Е. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Сонин О. Е.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Сорокин Р. А.	<i>к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права Юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Сычёва А. В.	<i>аспирант к-ры уголовного права и криминологии, юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Таран П. Е.	<i>к.фил.н., к.ю.н., доц., заведующий к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии уголовного права и криминологии, юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Чеботарева Г. В.	<i>д.ю.н., проф., к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Чернецкий О. К.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Черткова Ю. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Шармоянц А. Н.	<i>к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Шумиленко А. П.	<i>к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>

СОДЕРЖАНИЕ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ
УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ
ПРАВО**

Адельсеитова А. Б.	К вопросу о правовом институте беженцев: сравнительно – правовые аспекты законодательства России и Украины.....	3
Гурина Л. В.	Развитие норм статуса служащих советского торгового флота в 1921 – 1928 гг.....	13
Енилеева А. Э.	Деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алекси	26
Змерзлый Б. В.	Становление национально-религиозного самоуправления в Таврической губернии в конце XVIII – начале XIX в.....	34
Карая А. В.	Правовое регулирование земельных отношений в период становления Таврической республики.....	40
Кащенко С. Г., Таран П. Е.	Суд и судопроизводство в Древнееврейском государстве.....	45
Коваль А. В.	Организация управления портами в 1917 – 1923 гг. в Черноморско-Азовском регионе.....	54
Лесь Г. Г.	Положение о санитарной охране морских границ СССР от 10 марта 1925 г. и его развитие в Черноморском регионе.....	69
Прохоров Д. А.	Правовые основы организации конфессионального самоуправления караимов в конце XVIII – первой половине XIX вв.....	76
Поддубняк А. А.	Правоведение: актуальность преподавания в образовательных учреждениях высшего профессионального образования неюридического профиля.....	89
Островский А. А.	Правовые основы создания и деятельности арестантских рот гражданского ведомства в Российской империи.....	94
Смирнова Е. В.	Конституционно-правовой статус Республики Крым в составе Российской Федерации: историко-правовой анализ.....	102
Сорокин Р. А.	Финансово-экономическая политика крымского краевого правительства под председательством Соломона Крыма.....	109
Шармоянц А. Н.	Становление Республики Крым, как субъекта нормотворческой	

деятельности, в советский период.....	114
ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО	
<i>Алимов З. А.</i>	
Исследование правового режима земель в доктрине земельного права России и стран пост социалистического пространства.....	123
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
<i>Бугаев В. А., Аблязова Ф. М.</i>	
Социальная природа и генезис уголовной ответственности за незаконное предпринимательство.....	130
<i>Ван Цзюй</i>	
Применение условного осуждения по Уголовному Кодексу Китая.....	134
<i>Волошин И. А., Волошин А. И.</i>	
Общественные работы как вид наказания.....	138
<i>Гарчева Л. П.</i>	
Правовая основа противодействия коррупции в Российской Федерации....	144
<i>Герасименко В. А.</i>	
Правовое противодействие рейдерству в Российской Федерации.....	151
<i>Губанова Е. В.</i>	
Проблема актуализации торговли людьми в условиях глобализации.....	157
<i>Лю Тяньлай</i>	
Альтернативные смертной казни меры наказания, применяемые в России и Китае (сравнительно-правовое исследование).....	162
<i>Мидловец М.В.</i>	
Система мер по профилактике и предупреждению дорожно-транспортных преступлений.....	167
<i>Пархоменко Л. В.</i>	
Актуальные вопросы освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью.....	174
<i>Сычёва А. В.</i>	
Социальная мотивация преступного поведения.....	179
<i>Чеботарева Г. В., Подкорытова Л. Н.</i>	
Объект преступления: общий обзор проблемы.....	185
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
<i>Ануфриева Е. А.</i>	
Типичные следственные ошибки, допускаемые при подготовке к назначению фоноскопической экспертизы по делам о коррупционных преступлениях.....	192
<i>Велигодский Д. В.</i>	

Становление антикоррупционного законодательства Республики Крым в правовой системе Российской Федерации.....	198
Гармаев Ю. П. Криминалистическое обеспечение противодействия противоправному невозвращению долгов.....	203
Попова Е. И. Некоторые проблемы заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.....	211
Чернецкий О. К. Оценка результатов следственного эксперимента.....	216
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	
Ротань В. Г. Регулятивное значение принципов гражданского права.....	221
Бахриева З. Р. Прекращение обязательств (обязательственного правоотношения).....	229
Буткевич О. В. Особенности специального правового режима предпринимательской деятельности в свободной экономической зоне на территории республики Крым и города Севастополя.....	237
Некрасова Е. В. Способы защиты семейных прав: условия применения и особенности использования.....	246
Сонин О. Е. Отдельные вопросы возмещения вреда здоровью работников.....	250
Черткова Ю. В. Проблемы судебного правотворчества в истории и современность.....	255
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	
Клименко Е. П. Международное сотрудничество в области борьбы с холерой (1851-1894 гг.).....	262
Шумиленко А. П., Пастухова Л. В. Нюрнбергский процесс и его влияние на развитие международного права: избранная библиография (часть I).....	272
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Михайлов М. А. Совершенствование системы дактилоскопической регистрации: конференция в Государственной Думе.....	292

